№ 121.

Russ. 127 mrx/6

N 644

B 149/15

Дубл: — A 8/41–46 — I./269.

642

1439

Db.W.

Дубл.

A I 8/18

*

Т. 9-6

12

~~142/64~~

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

VI.

<36607942520014

<36607942520014

Bayer. Staatsbibliothek

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

Bayerische Staatsbibliothek

Сочиненіе

Николая Полеваго.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,

при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

1833.

S. n. 5176

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 22 дня 1833 года.

Профессоръ, Цензоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

Bayerische Staatsbibliothek München

ИСТОРІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА VI.

Отъ образованія политической самобытности *Русскаго Государства*, или отъ кончины Великаго Князя Іоанна III-го, до прекращенія династіи древнихъ Русскихъ Князей, или восшествія на престолъ Русскій Бориса Годунова (съ 1505-го по 1598 годъ): *Періодъ первый* государственной самобытности Россіи.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава I. Обозрѣніе второй половины Монгольскаго владычества надъ Русью и окончанія онаго. Русь послѣ Іоанна III-го. — *Василій*, сынъ его, *Великій Князь Руси*, и *двадцати-осьмилѣтнее его государствованіе*; онъ не унижаетъ Руси противъ Польши, и пріобрѣтаетъ Смоленскъ. Дѣла съ *Крымомъ* и *Казанью*: смѣлый преемникъ Менгли-Гирея, Махметъ Ханъ, и смутныя событія Казанскія, не производятъ перемѣны въ отношеніяхъ Москвы къ остаткамъ Монгольскаго владычества въ Руси, Крымскимъ и Казанскимъ Татарамъ. — Василій уничтожаетъ послѣдніе слѣды *Удѣловъ* и *Вольныхъ городовъ*. — Отношенія Руси къ Европѣ.

Глава II. *Іоаннъ*, малолѣтный *наслѣдникъ Василія*; Дворская Аристократія. Елена Глинская, мать Іоанна, *Правительница*. Главныя партіи при Дворѣ: Глинскіе, Оболенскій - Телепневъ-Овчина (любимецъ Елены), Шуйскіе. Раздоры ихъ; гибель Глинскихъ; торжество Оболенскаго. Смерть Елены. Паденіе Оболенскаго. Свирѣпое владычество Шуйскихъ. Нерадѣніе о юномъ Царѣ. Пылкія страсти его и дурное воспитаніе. Новая партія при Дворѣ: Адашевъ, Сильвестръ, Захарьины. Власть ихъ надъ умомъ Царя. Паденіе Шуйскихъ. *Іоаннъ Царь Россійскій*. Супружество Іоанна съ Анастасіею Захарьиною. Новый порядокъ дѣлъ. — *Дѣла внѣшнія*. Война и миръ

съ Польшею. Набѣги и сношенія Крымскихъ Татаръ. Отношенія къ Казани. — Отношенія къ Европѣ.—Дѣла внутреннія.

Глава III. Блестящее управленіе партіи Адашева и Захарьиныхъ. Внутреннее устройство Государства; покореніе Казани и Астрахани; покорность Сибири; униженіе Крыма. Рѣшительное появленіе *Казаковъ* въ Русской Исторіи. — Дерзость Дворскихъ партій при опасной болѣзни Царя. Партія Адашева колеблется. Война съ Швеціею и Ливонскими Рыцарями.—Смерть Анастасіи. Развратная Дворская Аристократія увлекаетъ Царя въ пороки. Паденіе партіи Адашева. — Внѣшнія и внутреннія дѣла и отношенія.

Глава IV. Судьба Ливоніи; конецъ Ливонскихъ Рыцарей. Война и миръ съ Польшею. Дѣла съ Швеціею. Постепенный переходъ Іоанна къ свирѣпому тиранству. Новая партія при Дворѣ, второй супруги Царской. *Опричники.* Гибель враговъ новаго Дворскаго устройства. Высшая степень свирѣпости Іоанновой. Гибель его развратниковъ. Смерть Царицы Маріи. Дѣла внѣшнія и внутреннія.

Глава V. Нравственная гибель Царя Іоанна. Слѣдствія сего во внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ: смѣшеніе робости и отчаянія, свирѣпства и раскаянія. Несчастныя обстоятельства войны съ Швеціею, дѣлъ съ Крымомъ, войны съ Польшею: *Магнусъ, Девлетъ-Гирей, Стефанъ Баторій.* Сношенія съ Европою. Покореніе Сибири. Внутреннія дѣла:

Дворская крамола; странныя свадьбы Царскія; убіеніе Царевича Іоанна. Іоаннъ ненавидитъ міръ и людей. Государственное устроеніе. — Смерть Царя Іоанна.

Глава VI. *Θеодоръ*, сынъ и *наслѣдникъ Іоанна, Царь Россіи*. Любимецъ его Борисъ Годуновъ. Дворская крамола. Умъ, честолюбіе и сила Годунова. Онъ превозмогаетъ и побѣждаетъ своихъ враговъ. Годуновъ правитъ Россіею. Дѣла съ Польшею, Швеціею, Крымомъ; сношенія съ Европою. *Убіеніе Димитрія Царевича*. Патріаршество въ Россіи. Годуновъ только не Царь. Смерть Θеодора. — Годунова избираютъ въ Цари.

Василій Іоанновичъ, сынъ его Іоаннъ *Грозный*, внукъ Θеодоръ — Елена Глинская, и дядя ея Михаилъ — Оболенскій-Телепневъ-Овчина. — Братья Шуйскіе — Адашевъ и Сильвестръ — Анастасія Царица — Митрополитъ Филиппъ — Князь Воротынскій — Малюта Скуратовъ — Ермакъ Тимоθеевичъ — Борисъ Годуновъ — замѣчательные представители сего періода.

ИСТОРІЯ
РУССКАГО НАРОДА.

ГЛАВА I.

Минулъ *третій* періодъ жизни Русскаго народа; прошелъ вѣкъ рабства Русской земли, исчезли *Монголы*, съ своею дикою, ужасною властію. На восточномъ краю Европы новое, самобытное *государство Русское*.

Хотите-ли понять всю великость перехода, свершеннаго Русскимъ народомъ со времени кончины Іоанна I-го до кончины Іоанна III-го, въ теченіе *ста шестидесяти четырехъ* лѣтъ? Поставьте рядомъ изображенія Русской земли *въ* 1341-*мъ* и 1505-*мъ году*.

Небольшое государство, столицею коего *Москва*, ничтожный городокъ, съ дѣтинцемъ, окруженнымъ деревянными стѣнами: здѣсь мѣстопребываніе *Великаго Князя Московскаго*. Ему повинуются, кромѣ окрестностей Мо-

сквы, области къ югу до береговъ Оки, къ западу до Можайска. Съ названіемъ *Великаго*, сей Князь обладаетъ Переяславскою и Владимірскою областями; ему покорствуютъ Князья областей Суздальскихъ, Ярославскихъ, Ростовскихъ; его слушается Новгородъ и Псковъ, боятся и уважаютъ Князья Твери и Рязани. Но что̀ власть его? Едва-ли не мечта ничтожная! Онъ вымолилъ эту власть у гордаго своего владыки, Ордынскаго Хана, полу-кочеваго властителя обширнаго Приволжья и Придонскихъ и Черноморскихъ земель; онъ купилъ ее низкою крамолою, хитрымъ униженіемъ и вѣроломною гибелью соперниковъ; онъ поддерживаетъ бытіе своего государства притѣсненіями Новгородской вольности и самобытности другихъ Князей. И за всѣмъ тѣмъ—какъ ненадеженъ жребій его! Явись въ Твери, или въ Суздали, человѣкъ смѣлый, крѣпко владѣющій мечемъ, умѣющій перехитрить его, и гдѣ тогда будетъ *Великое Княжество Московское?* Одно-ли это: малѣйшая прихоть Ордынскаго Деспота двинетъ толпу хищниковъ, и на мѣстѣ Москвы будетъ пепелище, и Князь Московскій погибнетъ подъ ножемъ Ордынскаго убійцы. Орда щадитъ его; но онъ покупаетъ ея милость безпрерывными поѣздками въ Сарай, гдѣ платитъ дань тяжкую, отдаетъ кровь и слезы своихъ подданныхъ, бьетъ челомъ Хану, рабски привѣтствуя вельможъ и посланниковъ

Орды въ Москвѣ. Орда щадитъ Москву, и другіе Русскіе Князья не смѣютъ возстать. Къ счастію Москвы, ихъ раздѣляетъ взаимная ненависть и крамола; торговый духъ Новгорода заставляетъ сей вольный городъ думать только о самосохраненіи. Но западный сосѣдъ Москвы, Литва, могущественная, превышающая Великое княжество Московское силою, образованностью? Уже рука Гедимина поставила Литву въ рядъ государствъ самобытныхъ; уже Литва обхватила все, что прежде называлось на Днѣпрѣ и за Днѣпромъ Русью; она преобразовала нравы, обычаи тамошнихъ Руссовъ; она, чуждая имъ вѣрою и политическою системою, отвсюду стремится преобладать странами, нѣкогда составлявшими коренныя Русскія области. Полоцкъ, Волынь, Галичъ, Кіевъ и Черниговъ уже принадлежатъ ей...скоро будутъ принадлежать Смоленскъ и страны по Деснѣ, Сейму, Окѣ, Угрѣ. Можетъ-ли уцѣлѣть отъ нея Псковъ, и самый Новгородъ! И тогда, что̀ будетъ съ Москвою?

Трепещите за Москву: это *будущая Россія.* Этотъ обладатель Москвы, рабъ Ордынскій, есть родоначальникъ будущихъ властителей государства, предназначеннаго рѣшать судьбу Европы и Азіи, внести новую стихію въ Человѣчество.... Онъ умираетъ. Слабыя дѣти его должны принять бразды его власти, и спо-

ришь за нихъ въ Ордѣ съ другими Русскими Князьями....

И вотъ *Русская земля послѣ кончины Іоанна І-го.*

Прошло полтора столѣтія. Пусть событія отъ временъ Калиты будутъ для насъ смутнымъ сномъ; они пролетѣли. Что было слѣдствіемъ ихъ?

Москва столица *Великаго Князя Всея Руси*, которому принадлежитъ обширное пространство земель, объемлющее Сѣверо-Востокъ Европы, отъ Уральскаго хребта до Ледовитаго моря, береговъ Балтійскихъ, земель Ливоніи. Къ югу ему подвластны обширныя земли Рязани, Чернигова, Калуги, Тулы; къ востоку и сѣверу все, что прежде составляло Княжества Суздаля, Ярославля, Ростова, Мурома, Владиміра, Твери, вольный Новгородъ и Псковъ —всѣмъ этимъ обладаетъ Москва. Государь Москвы уже не рабствуетъ передъ Азійскими варварами: онъ покорилъ, уничтожилъ ихъ; онъ повелѣваетъ ими; остатки ихъ, или повинуются ему, или дорожатъ его союзомъ и ищутъ въ немъ покровительства. А *Литва*? Она могущественна, она соединилась съ Польшею; но Москва уже не страшится ея. Еще недавно, въ продолжительной войнѣ, Москва отняла у Литвы и утвердила за собою то, чѣмъ овладѣла Литва въ бѣдственныя для Русскихъ земель

времена. Москва простираетъ далѣе свои замыслы: она требуетъ у Литвы и Польши Кіева и Смоленска, и, не боясь уже силы Монгольской, готова на борьбу съ Литвою и Польшею, борьбу кровавую, вѣковую, долженствующую рѣшиться уничтоженіемъ одного изъ двухъ непримиримыхъ соперниковъ. Они мѣшаютъ одинъ другому вдвинуться въ міръ Европейскій. Москва еще не вступала въ сей міръ; едва только знаетъ его; но *уже знаетъ!* Государь Русскій, супругъ Княжны, послѣдней отрасли Греческихъ Императоровъ, видитъ при Дворѣ своемъ посольства Италіи, Германіи, Даніи, Швеціи; онъ, укрѣпитель самобытности Русскаго государства, повелитель многочисленнаго войска и обширныхъ земель, чувствуетъ необходимость умственныхъ пособій, и требуетъ ихъ у Европы, съ изумленіемъ слышащей о новомъ царствѣ на Сѣверѣ. Еще Русь не вѣдаетъ того, что̀ составляетъ душу Европейской политики, Европейскаго образованія; но Русь пережила уже третій періодъ жизни. Для нея настаетъ періодъ государственной самобытности, политическаго образованія. Для сего будутъ отнынѣ ея войны; въ этомъ заключится ея внутренняя дѣятельность. Новый періодъ уже насталъ. Долго-ли онъ продлится? *Два столѣтія.* Но послѣ сихъ двухъ столѣтій, Русь вполнѣ явится въ изумленный міръ Европы; мечемъ укажетъ

въ ней свое мѣсто; духомъ своимъ представитъ новое явленіе въ Исторіи Человѣчества.

И вотъ *Русская земля послѣ кончины Іоанна III-го.* Сообразите Русь Калиты съ симъ изображеніемъ, и изумляйтесь!

Мы перешли постепенно всѣ событія Исторіи Русскаго народа отъ 1341-го до 1505 года. Не будемъ спрашивать: какъ совершилось чудное преобразованіе Княжества Іоанна I-го въ Государство Іоанна III-го? Мы видѣли событія съ половины XIV-го до начала XVI-го вѣка. Разсмотримъ здѣсь сущность событій *второй половины Монгольскаго владычества надъ Русью*, картину, изумляющую тайными судьбами, по коимъ Провидѣніе ведетъ народы къ предназначенной имъ цѣли въ дѣлѣ Человѣчества.

Неуже-ли преобразованіе Руси совершалось усиленными дѣйствіями непрерывнаго ряда людей-геніевъ? Нѣтъ! — Неуже-ли у соперниковъ Москвы, удѣльныхъ Русскихъ Княжествъ, Орды, Литвы, не было людей сильныхъ, которые превышали-бы духомъ и умомъ своимъ властителей Москвы? Нѣтъ! они были.

Здѣсь подтвержденіе мысли, которую постоянно стараемся мы доказать въ Исторіи Русскаго народа, той мысли, что только непрерывнымъ преслѣдованіемъ главной идеи въ жизни народа, Исторія его дѣлается понятна и ясна. Безъ того, Исторія будетъ безсвязнымъ

лепетомъ вѣковъ, но не повѣстью о судьбахъ Провидѣнія таинственнаго (1).

Мы старались уже показать основную идею, какая заключается *въ Монгольскомъ періодѣ* Русской Исторіи, и подтвердили ее разсмотрѣніемъ *первой половины* сего періода (2). Посмотримъ теперь: какъ соединяется *вторая половина* съ тѣмъ, что началъ буйствомъ Андрей Ярославичъ, продолжилъ дерзостію Георгій Даніиловичъ, укрѣпилъ хитростію Іоаннъ Калита?

Что́ собственно сдѣлалъ Калита? Онъ утвердилъ идею преобладанія Москвы надъ другими Русскими областями; передалъ своему роду прочное владѣніе титуломъ и властію Великокняжества; указалъ потомкамъ вѣрныя средства продолжить начинанія Даніила, Георгія, и свои собственныя.

Москву окружали соперничествовавшія съ нею *Великія Княжества* Твери, Рязани и Суздаля, и Удѣльныя княжества Ростова, Ярославля, Галича. Мысль: надѣлять удѣлами сыновей, разъединяла собственную силу Москвы. Наконецъ, съ Востока тяготила ее Орда *Монгольская*; съ Запада грозила ей *Литовская* сила.

Умирая, Калита оставилъ сыну своему сред-

(1) Слич. начало II, III, IV и V-й книгъ, И. Р. Н.
(2) Начало I-й главы, V-й книги Ист. Р. Н.

ства занять его мѣсто, и удержать всѣ существовавшія при немъ отношенія Москвы (3). Что-же сдѣлалъ сынъ его, *Симеонъ?* Онъ продолжилъ на *тринадцать лѣтъ* политическую систему своего отца: рабствовалъ Монголамъ, хитрилъ съ Литвою, стѣснялъ Новгородъ и Удѣльныхъ Князей. Такимъ образомъ, послѣ 40-лѣтняго времени рабства, до Андрея Александровича, и 50-лѣтъ гибельныхъ крамолъ до Калиты, 25-ть лѣтъ продолжилась постоянная система преобладанія Москвы.

Послѣ смерти Узбека, Орда была терзаема междоусобіями, при Чанибегѣ, Бердибекѣ, Урусѣ, Хидырѣ. Литвою обладалъ сильный Олгердъ; но его занимало укрѣпленіе самобытности Литовской.

Москва подвергалась страшной опасности, когда скончался Симеонъ. Слабый братъ его, Іоаннъ, и малолѣтный племянникъ, Димитрій, утратили было, не только преимущества Москвы, но даже и самое званіе Великихъ Князей (4). Но здѣсь является великій *Алексій Митрополитъ*. Какъ смѣло и глубоко измѣрилъ сей Святитель существенныя силы Москвы и полити-

(3) Ист. Р. Н. т. *V*, стр. 25.

(4) Разумѣемъ здѣсь кратковременный переходъ Великокняжества къ Суздальскимъ Князьямъ, послѣ 1359 г.

ческія отношенія событій! Его политикою, *Великое Княжество* снова за Москвою. Но система Калиты и Симеона для нея уже недостаточна. Не одно униженіе, не одна крамола, но умъ, сила Религіи, воинская дѣятельность укрѣпляютъ, величатъ ее. Литва и Орда опомнились. Онѣ стремятся на Москву.

Характеръ Алексія высокъ; характеры *Димитрія* и *Владиміра* прекрасны. Соединеніе ихъ трехъ непобѣдимо. Посмотрите, какъ Москва быстро, смѣло вырываетъ Великое Княжество изъ рукъ слабаго Димитрія Суздальскаго; какъ она усыпляетъ Мамая покорностью, и дерзко унижаетъ Тверь, противится Олгерду! Бытіе спасено. Настоящее ручается за побѣду въ будущемъ. Настала пора обнажить мечъ защиты противъ Ордынцевъ.—Но точно-ли настала она? Великъ Богъ; Религія предводитъ; ратники ищутъ не побѣды, но спасенія отчизны, и — Куликовская битва отгрянула побѣдною пѣснію. Но того, кто благословилъ на борьбу, *Алексія* уже нѣтъ, и побѣда Куликовская является безплодною, рановременною, ибо она не сразила Орды, показала только ей опасность усиленія Москвы, и Тохтамышъ мститъ Москвѣ, и всѣ оставляютъ Димитрія! Ужасы, какихъ со временъ Калиты не испытывала Русь, испытываетъ она теперь. Духъ Димитрія упалъ; онъ унижается, рабствуетъ! Гдѣ-же плоды

трудовъ дѣда, дяди его, Святителя Алексія, событій, приготовлявшихся цѣлымъ столѣтіемъ? Что̀ если Тохтамышъ вполнѣ узнаетъ ослѣпленіе, губившее его предшественниковъ, и укрѣпитъ Ордынскую силу? Если и въ Литвѣ явится новый Олгердъ; если и среди Русскихъ Князей возстанутъ противники сильные? Все это исполнилось: Тохтамышъ скрѣпилъ своею рукою распадавшуюся Орду; въ Литвѣ явился Витовтъ, Государь сильный, хитрый, завоеватель ненасытный; въ Твери княжитъ мужественный Михаилъ, въ Рязани предпріимчивый Олегъ. Москвѣ погибнуть!

А Провидѣніе? « Провидѣніе, удивляющее насъ въ слабости человѣческой, умудряющее слѣпца, поведетъ и слабыхъ, и безсильныхъ къ величію, чести и благу подвластныхъ имъ; предъ ними падутъ люди, далеко превышавшіе ихъ умомъ и крѣпостію души (5) »

Кромѣ того, что никакія силы человѣческія не могли уже возвратить Монголамъ времени прошедшаго, Тохтамышъ, въ безумномъ ослѣпленіи, вступаетъ въ борьбу съ рѣшителемъ судьбы полу-міра, Тимуромъ, и — презрѣннымъ изгнанникомъ бѣжитъ предъ лицомъ его. Тимуръ идетъ на Волгу изъ средины Азіи — спасти

(5) Ист. Р. Н. т. IV, стр. 11.

Русь. Михаилъ Тверской, врагъ Москвѣ непримиримый, но великодушный: онъ не зоветъ на нее поганыхъ (6). Олегъ Рязанскій мирится съ Москвою, и враждуетъ противъ Литвы. Димитрій умираетъ, памятный, не только первою побѣдою надъ Монголами, но и тѣмъ, что онъ первый оставилъ мѣлкую крамолу противъ Новгородцевъ, и смѣло показалъ этому вольному городу его безсиліе. Димитрію, первому съ начала Руси, уступилъ право старшинства братъ его, великодушный Князь Владиміръ: другое важное отношеніе! Отнынѣ Великое Княжество будетъ безспорно въ *одномъ* родѣ. Слѣдствія сего дѣла безчисленны: отнынѣ одна политика будетъ одушевлять Князей Московскихъ; прекратятся переходы Бояръ; дружины и подвластные будутъ усердствовать повелителямъ, ибо не станутъ ожидать милости властителей изъ другаго рода.

Но въ Ордѣ является *Эдигей*, человѣкъ смѣлый и сильный. Витовтъ тѣснитъ Русь отвсюду; уже онъ обладаетъ тѣми землями, коими никогда не обладали прежде его Литовцы. Почти со стѣнъ Московскихъ видны рубежи Литвы; Смоленскъ палъ передъ Витовтомъ, а на престолѣ Московскомъ юный Государь, не от-

(6) Ист. Р. Н. т. V стр. 89 и 91.

личенный блестящими качествами Димитрія Но, доблестнымъ Князьямъ теперь и не время: Димитрій рязвязалъ Русскую душу; ей опять надобно засыпить себя, скрыть мечъ побѣды, задушить клики воинскіе: надобенъ новый Калита—и *Василій Димитріевичъ*, *Василій Васильевичъ* были истинные потомки Калиты! Надобно-же было имъ обоимъ долголѣтствовать: ихъ княженіе продолжается *семьдесятъ три года* (7), не ознаменованное ни побѣдами, ни славою, смутное, тяжкое. Но послѣ нихъ Русь уже безопасна, Москва крѣпка, всѣ задачи ея государственнаго бытія приготовлены къ рѣшенію.

Чудною сшибкою страстей и отношеній политическихъ, Тимуръ былъ истребителемъ Золотой Орды, и только взглянулъ на Русскую землю. Остатки Орды, соединенные съ Заяицкими Ордами Эдигея, сдѣлались опять страшны; но о силу ихъ разбилось могущество Витовта, и это столкновеніе съ Литвою, въ тоже время, обезсилило снова Орду. Василій Димитріевичъ былъ необходимостью для Руси въ сіи времена. Какъ хитро умѣлъ онъ ладить съ Литвою, держать подъ рукою Новгородъ и Князей, безжалостно губить ближайшую род-

(7) Съ 1389-го по 1462 годъ.

пю свою, Суздальскихъ Князей, пользовашься покорностью Ордѣ, великодушіемъ Тверскаго Князя, бѣдствіемъ Смоленскаго, ненавистью къ Литвѣ Рязанскаго, и опушать Удѣлы неразрываемою сѣтью, утверждая Великое Княжество своему сыну! Но послѣднее усиліе Удѣловъ, этого вѣковаго обычая Русскаго, долженствовало быть страшно омыто кровію, означено гибелью. Василій—*темный*, не только потому, что былъ слѣпецъ, но и по душѣ, и по дѣламъ своимъ Темный, началъ борьбу съ Удѣлами, борьбу послѣднюю, неслыханную! Его враги—двоюродные его братья; поприще битвы—самая Москва; оружіе — сила, крамола, злодѣйство. Вырѣзываютъ глаза, отравляютъ, губятъ, смѣняются, мелькаютъ на престолѣ быстро, мгновенно (8)...

(8) Никогда борьба *Удѣльныхъ* Князей съ *Великимъ* не являлась столь быстрою, отчаянною, свирѣпою, какъ съ начала княженія Темнаго до смерти Шемяки. Это была какъ будто послѣдняя, рѣшительная, страшная минута борьбы жизни со смертію! Сколько переворотовъ и событій, самыхъ противоположныхъ: Юрій противится, мирится, идетъ на судъ въ Орду, побѣждаетъ Темнаго, и вдругъ уступаетъ ему; дѣти Юрія изгоняютъ Темнаго Юрій; умираетъ; на тронѣ; Шемяка снова уступаетъ Темному Великокняженіе; Косой сражается, побѣжденъ, ослѣпленъ; Шемяка опять враждуетъ, мирится; низвергаетъ Темнаго,

Тогда умеръ Эдигей; Орда распалась рѣшительно; умеръ Витовтъ — Литвою обладаютъ слабые наслѣдники Литовскаго героя. Москва безопасна извнѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Юрій болѣе Василія имѣлъ правъ на великокняжество; что Василій Косой былъ мужественнѣе его; что Шемяка превосходилъ его нравственными качествами. Но государственный умъ Темнаго не оспоримъ. Не любимъ его, какъ человѣка, и желаемъ ему успѣховъ, какъ посланнику Провидѣнія.

И вся Русь, будто нарочно, сосредоточивала свое вниманіе на сей *послѣдней* борьбѣ Удѣльной системы съ системою Единовластія. Литва, Орда бездѣйствуютъ. Съ смертію Шемяки умерли Удѣлы; кровію родныхъ Темный смылъ слѣды ихъ съ Русской земли. Онъ *единовластитель*; онъ уничтожаетъ Удѣлы, послѣ Шемяки, единымъ словомъ. *Вольный Новгородъ* предвидитъ свою участь, и трепещетъ (9).

ослѣпляетъ его; бѣжитъ отъ него, мирится, снова враждуетъ, и страшно погибаетъ. И все это въ теченіе 28 лѣтъ! Темный три раза властвуетъ и изгоняется; два Князя ослѣплены, одинъ отравленъ..

(9) *Можайскъ*, *Боровскъ* пали отъ одного слова; *Рязань* уничижилась безъ войны; *Тверь* трепетала; *Новгородцы*, въ отчаяніи, рѣшались даже убить измѣнически Темнаго, видя неминуемую свою погибель. А что дѣлалъ потомъ Іоаннъ?

Но не уму Василія, упюмленному жизнію и мрачному, надлежала честь *начала новой жизни*. Былъ необходимъ человѣкъ великій, который соединилъ-бы въ себѣ качества опца и дѣда съ доблестью прадѣда. Явился *Іоаннъ*, достойный имени Великаго, хотя и отказало ему въ этомъ неблагодарное потомство, такъ-же какъ не понимали его современники....

Іоаннъ былъ геній-создатель, человѣкъ, какихъ посылаетъ Провидѣніе, когда возвеличиваетъ страну или народъ. Сорока трехъ-лѣтнее правленіе его изумляетъ обширностью, вѣрностью системы, и тѣмъ, что̀ успѣлъ сдѣлать Іоаннъ.

Кто вздумалъ-бы, отдѣльно, во всей подробности, изобразить жизнь Іоанна, тотъ началъ-бы *временемъ Удѣловъ*, кончилъ *временемъ совершеннаго Единовластія*; началъ описаніемъ жизни *Русскаго народа*, кончилъ изложеніемъ жизни *Россійскаго государства*. Для государственной самобытности, для полной жизни Русской земли, наблюдаемой отдѣльно отъ Европы— Іоаннъ сдѣлалъ все. Почій въ мірѣ, человѣкъ великій! Твой подвигъ конченъ! Жизни, которую далъ ты Русской землѣ, достанетъ до твоего великаго потомка, на два столѣтія необходимаго періода, какой должна еще пережить твоя Россія до періода Европейскаго. Человѣку положенъ предѣлъ. Іоаннъ выполнилъ все, что въ

его время, въ его народѣ, могъ сдѣлать человѣкъ необыкновенный (10)!

Новый, опять *необходимый* періодъ Исторіи Русской долженствовалъ произойдти, какъ прежде, изъ самой сущности дѣлъ (11). Насталъ новый возрастъ для Русской земли: Іоаннъ довершилъ періодъ *самобытности Народа Русскаго*, и началъ періодъ *самобытности* Государства Россійскаго. Въ семъ новомъ періодѣ, что-же долженствуетъ совершаться извнѣ и внутри?

Для поясненія перваго должно обозрѣть положеніе Іоаннова государства, среди окружающихъ его земель и народовъ. Для поясненія другаго, разсмотрѣть внутренній духъ и сущность его.

Геніяльный умъ Іоанна умѣлъ не только уничтожить Удѣлы, покорить вольный Новгородъ, отнять области у Литвы, разрушить Орду, возобладать отдаленною Югріею — нѣтъ! Онъ

(10) Будемъ говорить о внутреннемъ государственномъ управленіи Іоанна III-го въ IX-й книгѣ Истор. Р. Н.—Собственно, вся жизнь Руси, внѣшняя и внутренняя, отъ 1505 года до Петра Великаго, была только развитіемъ одной идеи, какую далъ Русской землѣ Іоаннъ III-й. Послѣдующее повѣствованіе наше оправдаетъ сію мысль.

(11) Какъ и періодъ Удѣловъ; см. Ист. Р. Н. т. III, 9 и слѣд.—Сообраз. еще т. IV, стр. 8 и слѣд.

умѣлъ еще положить на всѣ пріобрѣтенія свои типъ прочности, на всѣ отношенія съ сосѣдями характеръ превышающей силы. Средствами ко всему этому наиболѣе служила Іоанну его глубокая политика. Пріобрѣтая что-либо, онъ лишалъ свое пріобрѣтеніе прежней его силы и самобытности. Для сего, онъ или истреблялъ главныхъ представителей, или переводилъ ихъ къ своей особѣ и умножалъ ими свою Аристократію Дворскую, отдавая имъ всѣ выгоды богатства и знатности, съ условіемъ, чтобы они рѣшительно отказались отъ воли (12). Сколько онъ побѣждалъ самъ, еще болѣе побѣждалъ враждою другихъ: Крымъ поставилъ онъ врагомъ Орды, Ногаевъ врагами Астрахани и Польши; дружилъ однимъ для гибели другихъ. Собственно говоря, онъ — разсматриваемъ его, какъ государственнаго человѣка — не зналъ ни дружбы, ни милости безъ разсчета. Ненависти другихъ онъ не боялся, ибо возбуждалъ ее только въ слабыхъ; самъ ненавидѣлъ только сильныхъ, или непримиримыхъ. Посему-то, за себя и противъ себя, онъ возбуждалъ ненависть народную и рели-

(12) Переселеніе Іоанномъ Новгородцевъ въ Низовые города. Князья Шуйскіе изъ Новгорода и мѣлкіе Тверскіе Князья переведены были, напротивъ, ко Двору Іоанна. Вспомните слова Іоанна о *недобрыхъ* людяхъ въ тѣхъ земляхъ, которыя отнялъ онъ у Литвы.

гіозную, и дѣйствовалъ черезъ нее вѣрно, всегда выигрывая еще болѣе, нежели черезъ дружбу и покорность.

Можно понять, что такое страшное политическое оружіе было опасно. Іоаннъ могъ и умѣлъ имъ дѣйствовать; но преемники его долженствовали быть подобны Іоанну, или средства его политики могли обратиться на гибель ихъ самихъ. Первое было невозможно: Іоанны рѣдкое явленіе въ мірѣ. И такъ—второе было необходимо.

Князья Русскіе Удѣльные, Бояре ихъ, знатные люди изъ городовъ, Князья пріобрѣтенныхъ отъ Литвы областей, составили сильную Аристократію, окружившую Государя Московскаго. Она еще болѣе умножилась Греками и иноземцами, явившимся послѣ Софіи, при ознакомленіи съ Западомъ, и особенно знаменитыми бѣглецами Литовскими. Отъ сего явилось новое состояніе дѣлъ: сія, дотолѣ не бывалая Аристократія покорствовала своему Государю; но имѣла средства властвовать надъ нимъ самимъ заслугою, хитростью, крамолою. Она составила Дворскія партіи; была въ тайномъ заговорѣ, такъ сказать, и при первомъ случаѣ могла представить собою ужасное позорище необузданныхъ страстей. Будучи Государемъ, каждый Государь притомъ и человѣкъ, семьянинъ; Іоаннъ имѣлъ свои слабости, своихъ любимцевъ. Всѣмъ этимъ пользо-

валась Аристократія его. Она создала свои ненарушимые законы, установила свои обряды, свои правила чести и почета, и ими опутала волю своего повелителя (13).

Таковы были два неизбѣжныя зла, происшедшія изъ событій при Іоаннѣ. Третье слѣдовало за ними, и было также неизбѣжно.

Уничтожая самобытность частей, Іоаннъ долженъ былъ лишать ихъ политической воли, и лишать совершенно и безвозвратно, даже переводя, переселяя цѣлыя тысячи семействъ изъ одного мѣста въ другое. Покоренному оставалось повиновеніе совершенное: оно и было; но за то не было внутренняго сознанія въ благѣ сей покорности. Слѣдственно, подданные Іоанна повиновались не ему, но *имени* его, не властителю, но побѣдителю своему. Между Народомъ и Государемъ не было такимъ образомъ ни союза, ни посредника. Присоедините къ тому уничтоженіе мѣстныхъ правъ, уставовъ и учрежденій, которыя Іоаннъ замѣнилъ своими, но только самыми общими уставами, сосредоточивая все въ единой своей волѣ. Прибавьте на-

(13) Гибельное *Мѣстничество* началось со временъ Іоанна, съ *Разрядами*. Вспомнимъ несчастную ссору Софіи и Елены. При Василіи и Іоаннѣ Грозномъ вполнѣ раскрылось то, что удерживала желѣзная воля Іоанна III-го.

конецъ образованіе мѣлкой Аристократіи воинской, которая собственно не входила въ разрядъ мирныхъ гражданъ, и бывъ устремляема одною высшею волею Іоанна, повиновалась ему безпрекословно, но за то не соображала ни правъ того, кто повелѣваетъ, ни пользъ собратій своихъ и отечества, ни даже собственныхъ своихъ.

Такое состояніе государства, при умѣ Іоанна, при его геніи, могло быть прочно, сильно, величественно; но не твердо, слабо, гибельно безъ Іоанна, при всѣхъ другихъ обстоятельствахъ.

И новое государство сіе, такимъ образомъ составленное, было окружено съ одной стороны остаткомъ Монголовъ въ Казани, гнѣздомъ хищниковъ, удерживаемыхъ только крѣпостію руки Іоанна, но ненавидѣвшихъ Русь; съ другой Польшею, которой вѣра, языкъ, нравы, и наконецъ вѣковая вражда, внушали противъ Рускихъ ненависть непримиримую, зависть, желаніе вредить, опасеніе собственной погибели. На югѣ лежала Крымская Орда. Она не была природнымъ врагомъ Руси, но опасность отъ нея была та, что Крымская Орда создала себѣ какое-то особенное, полудикое, полу–кочевое бытіе. Это была, собственно говоря, многолюдная шайка разбойниковъ, жаждавшая добычи и наслажденій вольной жизни. Ей было все равно — Польша или Русь; она равно готова была ус-

стремиться на Москву и Краковъ, и тѣмъ составила со временъ Іоанна страшное средство для всякаго, кто умѣлъ имъ пользоваться. Польша противопоставила однакожъ Крыму сильную защиту, отъ чего Крымскіе Монголы могли вредить болѣе Россіи, нежели Польшѣ. Сію важную защиту пріобрѣла Польша отъ такой-же, какъ Крымская, но только Христіанской Орды. Русь не имѣла сей выгоды.

Христіанскою Ордою называемъ мы новый народъ, непримѣтно составлявшійся, со временъ, можетъ быть, самого Батыя, и сдѣлавшійся извѣстнымъ во времена Іоанна, подъ именемъ *Казаковъ*.

Составленіе Казаковъ произошло отъ непреоборимаго желанія независимости, врожденнаго человѣку, и еще болѣе отъ неволи спасать себя въ неизбѣжной гибели, и жажды мщенія поганымъ; наконецъ, отъ удалости и *охотничества*, свойственнаго Русскому духу (14). Этотъ неукротимый

(14) Донынѣ въ войскѣ нашемъ сохраняется обыкновеніе: вызывать на опасное дѣло тѣхъ, кто захочетъ идти по волѣ. Сіи избранные называются *охотниками*. И не только на войнѣ, но и во всякомъ случаѣ, гдѣ надобна особенная отвага, смѣлость, безстрашіе— только кликните: *охотники* явятся! У Донскихъ Казаковъ, *отправляться въ походъ*, долго выражалось словами: *ѣхать на охотничій поискъ* (Сѣв. Архивъ, т. VIII, стр. 94).

духъ водилъ Новогородскую вольницу въ Финляндію и на Сѣверъ (15); Псковитянъ въ набѣги на Рыцарей; Олеговичей въ наѣзды на Половцевъ; Даніила въ битвы съ Литовцами; *Ушкуйниковъ* Новгородскихъ, Вятскихъ и Устюжскихъ на промыселъ по Волгѣ и Камѣ (16). Лишенные крова и пристанища, Русскіе удалые бобыли во времяна Монголовъ собирались толпами на предѣлахъ Руси, и ходили рѣзать, грабить поганыхъ, гоняться всюду за ихъ отрядами. Шайки сіи постепенно умножались, заводили себѣ притоны и жилища внѣ областей Русскихъ, въ Муромскихъ, Мещерскихъ, Рязанскихъ лѣсахъ, и по берегамъ Волги. Какая разница была въ житьѣ сихъ удалыхъ сыновъ неукротимой воли и житьѣ горожанъ Русскихъ, гнетомыхъ, униженныхъ, беззащитныхъ! *День мой, вѣкъ мой* — говорилъ Ушкуйникъ и Казакъ, упиваясь грабленымъ медомъ

(15) Обыкновенное выраженіе Новгородскихъ Лѣтописей: «*Ходили молодцы* на Ямь, Чудь, Корелу,» и проч.

(16) Такъ Русскіе Князья ходили «испити шеломомъ Донской воды;» Даніилъ сражался «ово Угорскаго Короля ради, ово-же славы хотя». Сообр. прим. 208, IV-го тома.—Объ *Ушкуйничествѣ* мы говорили въ III-й главѣ IV тома. Имена *Анцыфора, Прокопа,* славились, какъ имена героевъ, какъ славилось потомъ имя *Ермака*. Таковы были *Миняевы, Дашковичи, Подковы, Наливайки* Казацкіе!

и пивомъ, роскошествуя на некупленномъ добрѣ, не повинуясь никому кромѣ меча! Привычка къ битвѣ, безстрашіе противъ смерти, приволье жизни, мало по малу образовали такимъ образомъ *Казачество* и *Ушкуйничество*, на предѣлахъ всѣхъ восточныхъ и южныхъ областей Русскихъ. Такова была вся *Вятка* до покоренія Іоанномъ (17). Мы видѣли *Казаковъ Ря-*

(17) Кажется, нѣтъ уже сомнѣнія, что имя *Казаковъ*, есть *Азіятское* названіе *легкаго коннаго воина?* Тутъ не нужно прибѣгать къ *Касогамъ* и *Касахіи* Константина Багрянороднаго, ни къ *косѣ*, ни къ *козѣ*, ни къ *козявкѣ*, отъ чего выводили имя Казаковъ Карамзины, Гербиніи, Пясецкіе, Зиморовичи (см. *Ист. Малороссіи*, Д. Н. Бантыша-Каменскаго, 2-е изд. М. 1830 г. т. 1, прим. 73). Въ Азіи донынѣ цѣлая Орда Турецкая называется *Казаками* (Киргизъ-*Кайсаки*). Татары и Рускіе принимали въ XV-мъ вѣкѣ имя Казака въ смыслѣ *бездомовнаго*, *странствующаго удальца-воина*. Такъ разумѣлъ его Іоаннъ III-й въ отвѣтѣ Зенебеку въ 1477 году. Но то, чѣмъ порицали Казаковъ непріятели, составляло славу ихъ, и имя *Казаковъ* осталось именемъ собственнымъ цѣлаго народа Казацкаго, ибо они гордились имъ. Азіятскій типъ могъ быть приданъ Казакамъ и отъ смѣси съ ними *Черныхъ Клобуковъ*, *Торковъ*, *Берендеевъ*, часть коихъ была крещена, но соблюдала свои полукочевые нравы и обычаи. Нѣкоторое число сихъ народцевъ, избѣгшее отъ меча Монголовъ, и не хотѣвшее соединиться съ ними, сдѣлалось *Казаками*. Не опро-

занскихъ еще въ 1444 году (18); увидимъ еще *Казаковъ Городецкихъ* на Волгѣ. Но всего удобнѣе было образоваться Казачеству на берегахъ Днѣпра и Дона. Обширныя степи давали тамъ всѣ средства Казакамъ строить повсюду свои *курени* (19),

вергаемъ здѣсь разныхъ нелѣпыхъ мнѣній о происхожденіи Казаковъ, ни странныхъ мнѣній Карамзина. Объ этомъ, мы имѣли уже случай говорить подробно (Моск. Телегр. 1830 г., т. XXXV, стр. 75, и слѣд).

(18) При нападеніи на Царевича Мустафу, хотѣвшаго зазимовать въ Рязани (см. Ист. Р. Н. т. V, глава V-я).

(19) *Курѣнь*, т. е. легкій, лѣтній домъ, шалашъ, гдѣ *курится* огонь, для приготовленія пищи кочующему пастуху, или сторожевому человѣку. Потомъ называли куренями легкіе Казацкіе домы, сдѣланные изъ плетней, обмазанныхъ глиною, съ очагомъ, или черною *курною* печью. См. изображеніе первобытной жизни Донскихъ Казаковъ въ статьяхъ, какія помѣстилъ В. И. Сухоруковъ въ *Русской Старинѣ* (СПб. 1825 г.). Сей почтенный литтераторъ, урожденецъ береговъ Дона, занимался съ отмѣннымъ вниманіемъ Исторіею своего роднаго края. Надѣемся, что онъ подаритъ насъ когда нибудь полною *Исторіею Казаковъ*, и желаемъ чтобы это не замедлилось. Знанія и прекрасныя дарованія Г-на Сухорукаго, ручаются за успѣхъ книги, которой рѣшительно недостаетъ въ нашей Литтературѣ. Г-нъ Сухоруковъ помѣстилъ уже нѣсколько превосходныхъ историческихъ отрывковъ о Казакахъ, въ разныхъ годахъ *Сѣвернаго Архива*. Обстоятельства препятствовали ему донынѣ приняться за

кормить коней подножнымъ кормомъ, и вольно ѣздить, куда душа захотѣла. Общества ихъ безпрерывно умножались. Принимали въ нихъ всякаго, кто приходилъ. Начальствовалъ ими тотъ, кто былъ удалѣе всѣхъ. Казаки Днѣпровскіе выбрали наконецъ себѣ постоянное мѣсто за *порогами* Днѣпра, на островахъ и по берегамъ сей рѣки (20). Казаки Донскіе засѣли по Дону, близъ впаденія Сѣвернаго Донца, и далѣе къ югу. Здѣсь они были извѣстны подъ именемъ *Азовскихъ*. Никто не почиталъ ихъ своими подданными; никого не считали они своимъ Государемъ; они равно дрались съ Татарами, Рускими, Поляками; равно грабили посла Русскаго, гостя Греческаго, Мурзу Татарскаго. Преслѣдовать ихъ было невозможно: могли сжечь ихъ курени, шалаши; но люди разбѣгались по

(20) О порогахъ, см. Ист. Р. Н. т. I, пр. 86. Между порогами находятся острова, изъ коихъ главные: *Лоханскій, Таволжанскій* и *Хортица*. Верстахъ въ трехъ выше Хортицы было мѣсто удобнѣйшаго перехода Татаръ за Днѣпръ. Бопланъ предполагалъ тутъ заложить крѣпость. На семъ островѣ два раза *Запорожскіе Казаки* строили свою *сѣчь*, или городокъ. — Самый древній изъ извѣстныхъ намъ Донскихъ городковъ назывался: *Раздоры*. Онъ находился близъ устья Сѣвернаго Донца, на острову рѣки Дона, верстахъ въ 70-ти отъ Черкаска (*Сѣв. Архивъ*, статья Г-на Сухорукаго, т. VIII, 90).

степямъ, собирались вновъ, строили курени снова; добыча ихъ была зарыта въ землю. Постепенно потомъ начали Казаки заводиться семьями, увозить плѣнницъ, основывать цѣлыя селенія. Такое устройство у Донскихъ Казаковъ явилось позднѣе; у Днѣпровскихъ Казаковъ гораздо ранѣе: первые были слишкомъ близки къ Татарамъ; другіе имѣли удобство опираться на Польшу, которая скоро замѣтила всю пользу Казаковъ. Мы увидимъ, что въ началѣ XVI-го столѣтія у нихъ явятся удалые начальники, и устроятъ изъ нихъ многочисленныя, сильныя ополченія. Почти нѣтъ сомнѣнія, что Богданъ Черкасскій, воевода, который сжегъ Очаковъ въ 1493 г., былъ однимъ изъ начальниковъ Казацкихъ (21). Въ концѣ XV-го и

(21) Казаки восточные (Донскіе) назывались *Ордынскими, Азовскими,* западные (Днѣпровскіе) *Запорожскими, Малороссійскими, Литовскими.* Отъ сего смѣшивались изслѣдователи, находили Казаковъ тамъ, гдѣ ихъ не было, и терялись въ пустыхъ догадкахъ. Днѣпровскіе Казаки назывались иногда *Черкесами,* или *Черкасами.* Это названіе происходило, вѣроятно, отъ города *Черкасы.* Городъ сей находился за Днѣпромъ, ниже Канева, ибо заселенія Казаковъ, когда Польша стала принимать и покровительствовать ихъ, были первоначально по правую сторону Днѣпра. Недалеко отъ *Черкасовъ,* древнѣйшаго главнаго становища казацкаго, основанъ былъ потомъ Казаками *Чигиринъ,*

началѣ XVI-го вѣка имя Казаковъ было ужасомъ каждаго, проѣзжавшаго по южнымъ степямъ. Не довольствуясь наѣздами, Донскіе и Днѣпровскіе Казаки строили небольшія лодки, выплывали на нихъ въ Азовское и Черное море, и дѣлались приморскими ушкуйниками. Ру-

бывшій главнымъ ихъ городомъ. Имя: *Черкасы*, могло произойдти отъ Татарскихъ словъ: *черъ*, дорога, *кезмекъ*, отрѣзать, перерѣзать (по изъясненію Клапрота, который говоритъ, что отъ сего произошло Татарское названіе Горскаго народа *Адиге*, называемаго отъ насъ и отъ Татаръ *Черкесами*). Но сіе названіе города Казацкаго заставило думать многихъ, будто Казаки были *переселенцы съ Кавказа*, и именно *Черкесы Горскіе* (см. Щекатова, Геогр. Словарь, т. *VII*, стр. 85, Ист. Малор. Б. К., т. I, стр. 109). Начало Казацкаго Днѣпровскаго города *Черкасъ* можно отнести къ послѣднимъ 20-ти годамъ XV-го вѣка, и *Богданъ, воевода Черкаскій*, могъ быть такой-же вождь Казаковъ, какимъ былъ потомъ Дашковичъ. Разсмотрите походъ его къ Очакову: это настоящій Казацкій набѣгъ, повторенный Дашковичемъ въ 1516 году! — На Дону, впослѣдствіи, также построенъ былъ выходцами съ Днѣпра, Казаками, присоединившимися къ Донскимъ, городъ *Черкасскъ*, или *Черкаской*. Это имя казалось для нихъ драгоцѣнно, какъ имя Москвы Рускому, котораго называли *Московитомъ* и *Москалемъ*. Такъ называли и Казака *Черкасомъ* отъ имени города (см. Изслѣдованія Г-на Сухорукаго, *Сѣв. Архивъ*. т. VIII, 95).

скіе жаловались на нихъ Крымскому Хану, ибо часто Казаки соединялись съ его толпами; Ханъ жаловался Польшѣ, ибо отъ Казаковъ не было покоя въ самомъ Крыму; Польша говорила, что Казаки не ея подданные, и дѣлаютъ, что хотятъ.

Дѣйствія Аристократіи, новыя отношенія подданныхъ къ Государю, борьба Руси съ Польшею, вмѣшательство Крыма, противоборство Казанскихъ Татаръ, отношенія Ногаевъ и другихъ Татаръ къ Крыму, Казани и Руси, дальнѣйшее образованіе новаго народа Казацкаго на степяхъ между Русью, Польшею и Крымомъ: таковы суть главные предметы, на которые должно обратиться наше вниманіе въ слѣдующемъ періодѣ Исторіи Русскаго народа. Въ этомъ заключается сущность дѣлъ слѣдующаго періода. Кругъ дѣйствій постепенно станетъ распространяться: онъ обхватитъ наконецъ Турцію и Швецію, распространитъ мѣсто дѣйствія до отдаленныхъ странъ Сибири, уничтожитъ Казань, образуетъ политическое бытіе Казаковъ, превратитъ вражду Польши съ Русью въ *государственную* борьбу, выведетъ страсти Русской Аристократіи на позорище ужасающихъ событій, смѣшавъ въ нихъ борьбу Ѳеократіи съ Аристократіею, и Западнаго образованія съ Восточнымъ. Любопытно, поучительно наблюдать всѣ такія измѣненія въ судьбѣ вели-

каго народа; еще поучительнѣе, любопытнѣе, если мы сами суть слѣдствія сихъ событій и измѣненій.

Но по кончинѣ Іоанна, при не развитыхъ еще началахъ изложеннаго нами государственнаго образованія, отъ дѣлъ его происшедшаго, государственное бытіе Руси не было ни такъ обширно, ни такъ многообъемлюще. Внутренняя Аристократія не сознала еще силъ своихъ; Казаки были страшною, но полу-кочевою, необразованною толпою. Внѣшнее дѣйствіе Руси не распространялось далѣе Польши, Крыма и Казани. Правда, соперникъ прежняго Новгорода и Пскова, Ливонскій орденъ Рыцарей самобытно прилегалъ къ границамъ Русскимъ, и въ немъ могъ явиться не одинъ Плеттенбергъ, но дѣйствіе его не было важно. Швеція могла спорить о предѣлахъ Финляндіи, но она сражалась еще за собственное бытіе съ Датчанами, и политическое дѣйствіе ея на Русь было ничтожно. Турція, владѣя Крымомъ, предоставляла ему почти самобытную волю, и, обращаясь на Западъ, не становилась еще сама противъ Руси и подлѣ Руси, отдѣленная отъ нея Польшею, Молдавіею и южными Казацкими степями (22).

(22) Не надобно забывать предѣловъ древней заселенности Руссовъ въ южной Руссіи (см. Ист. Р. Н.

А остальная Европа? Она все еще была чужда Руси: посылала ей художниковъ и ремесленниковъ, пословъ и грамашы, предложенія дружбы и подарки, но еще долго послѣ шого знала Русь шолько по Герберштеинову описанію (23). И могла-ли Западная Европа воображашь шогда, чшо *Московія* будешъ нѣкогда однимъ изъ первыхъ дѣйсшвовашелей міра Европейскаго? Какъ Венеціяне союза Персидскаго Шаха, шакъ искали союза съ Русью Императоръ, Венгрія, Данія, Ганза; какъ въ отдаленный Кишай посылалъ миссіонеровъ и пословъ своихъ Папа, и какъ нѣкогда въ Орду Монгольскаго Хана ѣздили художники, шакъ ѣхали въ Московію Европейскіе миссіонеры, художники и ремесленники, съ надеждою наживы, но и съ опасеніемъ: положишь голову свою въ дикой чужбинѣ, никогда не видашь болѣе своей милой ро-

ш. II, 40), и смѣшивашь позднѣйшее съ древнимъ. Димитрій, сражаясь на Непрядвѣ, говорилъ, чшо сражается *внѣ Русской земли*. По необишаемой степи между Днѣпромъ и Дономъ, гдѣ скишались буйные Татары и Казаки, странствовали въ XV-мъ вѣкѣ съ опасностію жизни, какъ въ Сирійской пусшынѣ между Бедуинами.

(23) См. Несторъ, Шлецера (Русскій перев. ш. I. сшран. рк).

дины. Самый Герберштеинъ писалъ, что Русь находится подлѣ страны, гдѣ на полгода люди замерзаютъ и потомъ опять оттаяваютъ; подлѣ другой страны, гдѣ живутъ люди съ головами собачьими, и третьей, гдѣ у жителей глаза и ротъ на груди, а тѣло обросло шерстью звѣриною (24). Рыцари Ливонскіе приглашали еще въ Крестовый походъ на Руссовъ-*язычниковъ* (25). Что-же могла думать, и чѣмъ почитала Русь Европа отдаленная и простонародная? Приставъ къ сѣвернымъ предѣламъ Руси, въ половинѣ XVI-го вѣка, Англичане думали, что открыли новый міръ. Въ самомъ дѣлѣ: *міръ*, и *новый*; но только заключавшій уже въ бытіи своемъ всѣ основныя стихіи, изъ коихъ произошла отдѣльная отъ Европы, до самаго XVIII-го вѣка, жизнь Руси, которую мы узнаемъ въ историческихъ событіяхъ, слѣдующихъ послѣ Іоанна.

Вступивъ на престолъ великаго своего родителя, Василій, казалось, предположилъ неуклонно слѣдовать политикѣ его въ дѣлахъ внѣшнихъ

(24) См. Rer. Moscovit. стр. 60. Герберштеинъ прибавляетъ, правда—«говорятъ,» предлагая сіи странные разсказы; однакожь онъ не считалъ ихъ *нелѣпостью совершенною*, хотя и былъ одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени?

(25) Въ 1447 году.

и внутреннихъ. Онъ хотѣлъ повиновенія Казани, мира и союза съ Крымомъ, и не боялся непріязни съ Польшею, даже войны, для удержанія великихъ пріобрѣтеній отцовскихъ. Несчастному племяннику своему, Димитрію, онъ опредѣлилъ вѣчную темницу до смерти, не насильственной, но принужденной. Братья Василія повиновались ему. Въ совѣтѣ его сидѣли опытные слуги отца его. Василій отправилъ пословъ къ Менгли-Гирею, требуя подтвержденія мира и дружбы и извѣщая о кончинѣ родителя; отправилъ извѣстіе о томъ и къ Королю Польскому.

Надобно было усмирить Казань. Лѣтомъ 1506 года пошла на Казань *судовая* и *конная* рать. Ею предводилъ Димитрій, второй братъ Василія, и съ нимъ многіе воеводы. Замѣчательно, что ни одного опытнаго Іоаннова полководца не было при этомъ войскѣ (26). Іюня 9-го привезли Василію извѣстіе о неудачѣ похода. Руские приплыли подъ Казань безъ препятствій, но едва выступили на берегъ, какъ были смяты Татарскою конницею и бѣжали на суда свои. Великій Князь отправилъ, въ пособіе посланному,

(26) Костр. Лѣт. II, 205, Тип. Лѣт. стр. 346. Не хотѣлъ-ли Василій показать этимъ, что не почитаетъ ихъ необходимостью для государства?

новое войско, уже съ опытнымъ вождемъ, Василіемъ Холмскимъ. Но Холмскій встрѣтилъ Рускихъ совершенно бѣгущихъ отъ Казани. Сождавъ конницу, Димитрій напалъ на Казанцевъ, безпечно торжествовавшихъ свою первую удачу на Арскомъ лугу. Тогда было время ярмарки Казанской; купцы разставили за городомъ шатры, расклали товары. Всѣ думали, что Рускіе не посмѣютъ напасть, и изумленные ихъ неожиданнымъ нападеніемъ, бѣжали въ городъ, оставивъ Димитрію и воинамъ его богатую добычу. Нашедъ на мѣстѣ ярмарки множество драгоцѣнныхъ товаровъ, Рускіе не думали усильно облечь Казань, пировали, дѣлили добычу. Іюня 25-го, Магметъ-Аминь ударилъ на нихъ рано утромъ, засталъ непріятелей своихъ еще спящихъ, и произвелъ страшное кровопролитіе. Князья Курбскій и Палецкій были убиты; Воевода Шеинъ попался въ плѣнъ. Казанцы преслѣдовали бѣгущихъ до самой Волги. Димитрій спѣшилъ отплыть. Конница его отступала берегомъ, и за Сурою была настигнута Казанцами, но отбилась. Захваченная добыча, пушки, множество народа были потеряны (27).

(27) Выше упомян. лѣтописи, и Герберштеинъ, R. м. стр. 68.

Василій оказалъ совершенное хладнокровіе, узнавъ всѣ обстоятельства похода; онъ даже разгнѣвался на одного Нѣмца, который, спасая пушки, не берегъ себя. «Люди знающіе мнѣ дороже пушекъ» — говорилъ онъ (28). Не унывая отъ неудачи, Василій велѣлъ готовиться Даніилу Щенѣ въ новый походъ на Казань. Но зимою Магметъ-Аминь прислалъ въ Москву просить прощенія. Радуясь случаю помириться не унизивъ себя, Василій, «приговоря съ братьею и съ бояры, для Христіанскихъ душъ, кои въ бусурманскія руки попали, проступку Царю Казанскому отдалъ» (29). Казань подтвердила снова свою зависимость Москвѣ; возвратила плѣнныхъ, захваченныхъ купцовъ и добычу. Василій оставилъ въ покоѣ Магметъ-Аминя. Его заняли Крымъ и Польша.

Въ Крыму, престарѣлый Менгли-Гирей медлилъ утвердить съ Василіемъ прежнюю дружбу, какую постоянно держалъ къ Іоанну. Волею старика владѣли тогда приближенные люди, искавшіе собственной пользы и добычи, и готовые для сего сдѣлаться врагами Рускихъ. Особенно Махметъ-Гирей, старшій сынъ Хана, не думалъ о дружбѣ съ Василіемъ. Крымцы сдѣла-

(28) Герберштеинъ.

(29) Строевск. Лѣт. II, 279.

ли неудачный набѣгъ на Польшу, и почти въ тоже время ворвались въ Русь и напали на Бѣлевъ и Одоевъ. Менгли-Гирей увѣрялъ, что своевольное нападеніе грабителей было учинено безъ его позволенія, но медлилъ, затруднялся подтвержденіемъ союза, требовалъ отпуска Абдулъ-Летифа въ Крымъ. Василій терпѣлъ все, зная пользу Крымцевъ въ войнѣ противъ Польши (30).

Въ Польшѣ произошло между тѣмъ много новаго. Тщетно желавъ прочнаго мира съ Русью, Король Александръ скончался, въ Августѣ 1506-го года. Государство Польское находилось въ замѣшательствѣ, истощенное войною и безразсудными царствованіями двухъ сыновъ Ягеллы. Голоса дѣлились при выборѣ новаго Короля; Русь угрожала, Крымъ тоже; западные сосѣди неблагопріятствовали (31). Все это внушило Василію странную мысль: предложить себя въ

(30) Изъ Крыма, съ самаго начала, прислана была къ Василію грамата, писанная не по формѣ (Стр. II, 277). Потомъ учинено было въ 1507 г. Крымцами легкое нападеніе (Кар. т. VII, пр. 37). Они испытывали новаго властителя Руси.

(31) Александръ въ послѣднее время былъ безпрерывно боленъ, и наконецъ совершенно разбитъ параличемъ. Это умножило безпорядки въ Польшѣ.

Короли Польскіе. Онъ сообщилъ объ этомъ вдовѣ Александра, сестрѣ своей, и Польскимъ вельможамъ, обѣщая имъ всѣ выгоды и полную терпимость вѣръ. Но предложеніе было столь неумѣстно, столь и поздно (32). Младшій братъ Александра, Сигизмундъ, Князь мужественный и крѣпкій духомъ и тѣломъ, избранъ былъ въ Октябрѣ 1506 г. въ Великіе Князья Литовскіе, а въ Декабрѣ въ Короли Польскіе. Василій не возобновлялъ переговоровъ, какіе шли передъ кончиною Александра, хотѣлъ показать новому Королю свою рѣшительность, и, выставляя обиды Литовцевъ, послалъ войско грабить Литовскія области (въ Сентябрѣ 1507 г.). Сигизмундъ жаловался на вѣроломство, прислалъ Пословъ въ Москву, требовалъ мира; но не унижался, соглашаясь на миръ *только съ возвращеніемъ Польшѣ Литовскихъ городовъ, завоеванныхъ Іоанномъ* (33). Василій не хотѣлъ объ этомъ слышать, и хотя былъ обезпокоенъ въ это время бѣгствомъ изъ Руси двухъ знаменитыхъ измѣнниковъ Литовскихъ и нерѣшительностью Менгли-Гирея, но готовился воевать.

(32) Дѣла Польскія въ Государств. Архивѣ (Кар. т. VII, пр. 20). Странныя мысли Карамзина по сему случаю, см. *Ист. Г. Р.* т. VII, 13 и 14.

(33) Кар. т. VII., пр. 21, 22, 23.

Два знаменитые бѣглеца изъ Руси въ Литву были: *Князь Константинъ Острожскій* и *Воевода Евстафій Дашковичъ* — одинъ, приневоленный Іоанномъ присягнуть на подданство Руси; другой, думавшій найдти бо́льшія выгоды въ Руси и добровольно давшій Русскому Государю присягу. Василій избавилъ Острожскаго отъ тюрьмы и отъ опалы, въ какой онъ находился, и только связалъ его записью, клятвою, ручательствомъ Митрополита (34); но Острожскій спѣшилъ воспользоваться первымъ мгновеніемъ свободы для возвращенія въ отчизну, и, вѣрный своему Государю, явился къ Сигизмунду, горя желаніемъ отмстить за позорный плѣнъ свой (35). Буйный Дашковичъ ушелъ въ Украинскія степи. Тамъ удалыя толпы Казаковъ избрали его своимъ

(34) Запись Острожскаго, въ *Собр. Госуд. грам.* т. I, № 146. О несчастной участи сего славнаго мужа послѣ Ведрошской битвы, мы уже говорили.

(35) Поступокъ этотъ возбудилъ жестокое негодованіе Карамзина. Онъ называетъ Острожскаго «*обманщикомъ Государя и Митрополита, нарушителемъ клятвы, устава чести и совѣсти, измѣнникомъ,*» утверждая, что Острожскій «*остыдилъ себя дѣломъ презрительнымъ;*» что «*никакія побужденія не извиняютъ вѣроломства,*» и проч. (т. VII, 15).

предводителемъ. Дашковичъ составилъ изъ нихъ грозные полки, и сдѣлался опаснымъ сосѣдомъ Руси и Крыма (36).

Но Василія утѣшила измѣна людей, болѣе Острожскаго значительныхъ для Польши. Это были *Князья Глинскіе*, трое братьевъ, владѣвшіе Глинскомъ, Мозыремъ, Туровомъ, и богатыми, обширными помѣстьями. Въ числѣ Литовскихъ вельможъ, братья Глинскіе были первыми. Старшій, *Михаилъ*, гордый, властолюбивый, отличался храбростію и умомъ. Долго путешествовавъ по Европѣ, онъ служилъ нѣсколько времени въ войскѣ Императорскомъ, и сдѣлался потомъ любимцемъ Короля Александра. Онъ хотѣлъ власти, независимости, мечталъ объ отдѣльномъ Кіевскомъ княжествѣ, искалъ руки Анастасіи, вдовы Симеона Олельковича, Князя Кіевскаго, притѣснялъ, презиралъ другихъ Литовскихъ вельможъ, и своевольствовалъ безнаказанно (37). Особенно прославила его побѣда

(36) Неизвѣстно впрочемъ, когда именно Дашковичъ ушелъ изъ Руси. Въ 1515 году, онъ начальствовалъ уже самовластно Казаками за-Днѣпровскими, и грабилъ Русь, вмѣстѣ съ Крымцами.

(37) Герберштеинъ, стр. 78; Бѣльскій, Kronika Polska, стр. 508, и слѣд. — *Олельковичи*, потомки Владиміра Олгердовича, отъ сына его Олелька, владѣли Кіевомъ, какъ вассалы Польскаго Короля. — Имя

надъ Крымцами, одержанная передъ самою кончиною Александра. Все трепетало тогда передъ набѣжавшими на Литву хищными толпами. Глинскій поспѣшно собралъ небольшое войско, встрѣтилъ Крымцевъ подъ Клецкомъ, разбилъ ихъ на голову, прогналъ, и отнялъ у нихъ добычу (38). При своей силѣ, вліяніи на Литву и властолюбіи, Глинскій казался Сигизмунду опаснымъ. Лаская Острожскаго, слушая враговъ Глинскаго, Сигизмундъ не внималъ его жалобамъ. Глинскій съ досадою уѣхалъ въ Туровъ, окружилъ себя войскомъ, и нагло требовалъ удовлетворенія, ссылаясь между тѣмъ съ Москвою, Крымомъ и Молдавіею. Всѣ враги Польши обрадовались, узнавъ замыслы Глинскаго. Василій обѣщалъ ему Княжество независимое; Менгли-Гирей хотѣлъ завоевать для него Кіевъ. Желаніе мести довело наконецъ Глинскаго до явной измѣны отечеству. Не получая удовле-

Глинскихъ произошло отъ города Глинска, которымъ они владѣли, вмѣстѣ съ Туровомъ, Мозыремъ, и другими городами. Родъ Глинскихъ происходилъ отъ знаменитаго Мурзы Татарскаго, выѣхавшаго въ Литву при Витовтѣ.

(38) Въ 1506 году. Александръ былъ тогда при послѣднемъ издыханіи. Онъ поднялъ руки къ небу, и благословилъ имя бодраго охранителя отчизны. Глинскій сдѣлался послѣ того необузданно самовластенъ.

творительныхъ отвѣтовъ Короля Сигизмунда, онъ присягнулъ Москвѣ и началъ непріятельскія дѣйствія, обѣщая Василію взбунтовать всю Литву. Прежде всего, Глинскій захватилъ и перерѣзалъ враговъ своихъ, разграбилъ ихъ помѣстья (39). Русскія войска шли къ нему на помощь. Глинскій повелъ ихъ раззорять отчизну. Съ другой стороны, воеводы Русскіе спѣшили къ Оршѣ. Тутъ присталъ къ нимъ Глинскій, но съ немногими и съ безсильною яростію, видя, что только по неволѣ передавались ему нѣкоторые Литовскіе вельможи; всѣ другіе презирали измѣнника, и ждали спасенія отъ юнаго, бодраго Короля (40).

Сигизмундъ дѣятельно соединилъ полки свои, и быстро подошелъ къ Оршѣ. Руские отступили, раззоряли окрестности, и бросились спасать свои предѣлы, ибо Сигизмундъ, оставивъ Руских грабить окрестности Орши, пошелъ въ Смоленскъ, и оттуда послалъ отряды взять

(39) Главными врагами Глинскаго были Маршалъ Янъ Забрезинскій и Гетманъ Станиславъ Кишка. Скрытно пробравшись въ помѣстья перваго, Глинскій убилъ его, разграбилъ имѣніе, и голову убитаго врага несли передъ нимъ нѣсколько верстъ, когда Глинскій возвращался, совершивъ свою безчеловѣчную месть.

(40) Костр. Лѣт. II, 214, и слѣд.

Торопецъ, Бѣлой, Дорогобужъ. Торопецъ сдался и присягнулъ Сигизмунду. Бѣлый и Дорогобужъ защищались; ихъ сожгли. Изъ Москвы двинулся Холмскій, съ новымъ войскомъ. Рускіе отбили Торопецъ. Съ обѣихъ сторонъ были неважныя удачи, ничтожные проигрыши. Доказавъ Василію твердость свою, Сигизмундъ снова просилъ мира. Василій увидѣлъ, какъ мало помогла ему измѣна Глинскаго. Вмѣсто сильной помощи, онъ долженъ былъ послать отряды для охраненія собственныхъ помѣстьевъ Глинскаго (41). Менгли-Гирей дрался въ это время съ Астраханскими и Ногайскими Татарами, хвасталъ Василію побѣдою надъ ними, но причинялъ тѣмъ одинъ досаду Москвѣ, ибо Ногаи, которымъ льстилъ Василій дружбою, обѣщали ему идти на Литву и были отвлечены Менгли-Гиреемъ отъ исполненія обѣщаній (42). Все это сдѣлало Василія наклоннымъ

(41) Тамъ-же, стр. 220.

(42) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 38 и 48. Менгли-Гирей писалъ, что войска у него противъ Ногаевъ было 250 тысячь человѣкъ. «Слава Богу! рати нашей рука надъ нашимъ недругомъ высока учинилась. Мурзъ пограбили, улусы и куны, кони и верблюды, овцы и животину, ничего не оставивъ, взявъ привели.»

къ миру, и миръ съ Польшею заключенъ былъ въ Москвѣ—*вѣчный*. Довольный тѣмъ, что Василій навсегда отказывается отъ Смоленска и Кіева, Сигизмундъ утвердилъ за Русью все, что было завоевано при Іоаннѣ III-мъ, все, чѣмъ владѣли Князья Шемякины, Стародубскіе, Трубецкіе, Одоевскіе, Воротынскіе, Перемышльскіе, Новосильскіе, Бѣлевскіе и Масальскіе. Глинскіе лишились своихъ владѣній въ Литвѣ, и прежде столь сильные и гордые, въ отчаяніи должны были просить милости Василія, являясь въ Москвѣ жалкими измѣнниками. Василій принялъ однакожь Глинскихъ съ большою честію, сберегая въ нихъ орудіе для будущаго. Онъ наградилъ ихъ подарками, и помѣстьями въ Руси. Михаилъ хладнокровно переносилъ заслуженное униженіе и несчастіе, но сообщники и братья Михаила плакали, оставляя отчизну (43).

(43) Архива Гос. Дѣла Польскія, N° 5 (Ист. Г. Р. VII, прим. 39). Михаилъ хотѣлъ было убѣжать въ степи Казацкія, но одумался, и отправился въ Русь. Василій отдалъ ему во владѣніе Боровскъ и Малоярославецъ; а братьямъ его, Василью Слѣпому и Ивану Мамаю, Мядынь. Кромѣ того, всѣмъ имъ даны были села подъ Москвою, и много платьевъ, коней, доспѣховъ. Съ Глинскими выѣхалъ въ Русь Панъ Андрей Дрожжа, и многіе другіе знатные Литовцы.

Утвердивъ миръ съ Польшею, Василій успѣлъ наконецъ возобновить дружбу съ Крымомъ. Онъ исполнилъ всѣ требованія прихотливаго старика Менгли-Гирея: сперва вывелъ изъ заключенія Абдулъ-Летифа, и хотя не позволилъ ему ѣхать въ Крымъ, видѣться тамъ съ матерью, но далъ городъ въ удѣлъ (44). Менгли-Гирей просилъ подарковъ, просилъ помощи на Астрахань, дани съ Одоева; Посла Русскаго оскорбляли въ Крыму, и Ханъ не удовлетворялъ его за обиду. Василій отговорился отъ подарковъ, терпѣлъ мѣлкія притязанія, и даже уступилъ многое въ обрядахъ: по требованію Хана, онъ самъ присягнулъ въ вѣрности договоровъ, клалъ руки на Пословъ Крымскихъ; присягнулъ даже при договорѣ съ Абдулъ-Летифомъ: никогда не дѣлалъ этого его гордый родитель (45)! Желая всегда имѣть

(44) Абдулъ-Летифу обѣщали Каширу, но дали Юрьевъ (см. грамоты и записи его у Щербатова, *Ист. Росс.* т. IV, ч. III, стр. 295 и слѣд.).

(45) Грамоты Крымскія помѣщены у Щербатова, т. IV, ч. III, стр. 284, и слѣд.— Дань съ Одоева была долго потомъ причиною споровъ. Менгли-Гирей просилъ себѣ въ подарокъ особенно «кречета бѣлаго, который лебеди ловитъ, да сѣраго кречета дикомыти, да высокаго кречета, да бѣлаго ястреба.» Онъ требовалъ «*на обыкновенныя поминки*

въ запасѣ людей опасныхъ Казани, Василій обрадовался намѣренію одного изъ братьевъ Алегамовыхъ, Кайдакула. Наскучивъ жить въ ссылкѣ, Кайдакулъ объявилъ, что желаетъ принять Христіанскую вѣру. Не смотря на зимній холодъ, Кайдакула крестили въ Декабрѣ 1505 г. на Москвѣ рѣкѣ, назвали Петромъ; черезъ мѣсяцъ Василій отдалъ за него сестру свою Евдокію (46). Изъявляя большую дружбу

пять кречетовъ, три сорока добрыхъ соболей, да шесть великихъ зубовъ рыбьихъ, да горла черныхъ лисицъ, авосежъ горлъ не будетъ, то 40 черныхъ лисицъ, да еще 5 одинцовъ добрыхъ соболей... Да, пансырь, который былъ-бы легокъ, а стрѣла-бы его не брала....» Чару серебряную, съ черпальцомъ, подаренную Іоанномъ, взялъ у меня Султанскій сынъ — писалъ Ханъ— пришли мнѣ новую. — «И азъ-бы за все изъ нея пилъ, и тебя, брата моего, поминалъ.» Жена Ханская, братъ, дѣти: Махметъ, Ахматъ, Фети, Бурнашъ, Мубарекъ, Махмутъ, Саипъ, Сайдетъ, Али — всѣ требовали себѣ особенныхъ даровъ. — Посла Заболоцкаго (въ 1506 г.) почти грабили въ Крыму, а Посла Морозова (1509 г.) едва не убили, и даже отнимали у него дары, когда онъ несъ ихъ къ Хану; Ханъ извинялся, ругалъ и прогналъ потомъ отъ себя обидчиковъ Морозова, но они не унимались (*Ист. Г. Р.* т. VII, стр. 24, и слѣд., прим. 42 и слѣд.).

(46) Стр. Лѣт. II, 275. — Запись, данную Кайдакуломъ, см. *Собр. Гос. граматъ*, т. I, N° 145. — Евдо-

къ новому зятю, Василій однакожъ торжественно встрѣтилъ Ханьшу Нурсалтанъ въ Москвѣ, когда она пріѣхала наконецъ сама для свиданія съ Абдулъ-Летифомъ, и потомъ отправилась изъ Москвы въ Казань. Магметъ-Аминь снова подтвердилъ свои клятвы Василію, даже чистосердечно высказалъ, кто подговаривалъ его противъ Руси. По возвращеніи изъ Казани, Нурсалтанъ прожила въ Москвѣ полгода, и отправилась въ Крымъ, увѣренная во взаимной дружбѣ между Русью, Крымомъ и Казанью (47).

Еще въ 1506 г. пріѣзжалъ въ Москву, съ дружескими грамотами, Посолъ Императорскій Гартингеръ, и просилъ Василія помириться съ Ливоніею. По обряду, заведенному при Іоаннѣ, Новгородскій Намѣстникъ договаривался съ Рыцарями, послѣ ихъ предварительнаго посольства въ Москву, и въ 1509 г. заключилъ миръ

кія сконч. въ 1513 г. Супругъ ея былъ во всю жизнь свою однимъ изъ любимцевъ Василія; онъ умеръ въ 1523 г., и погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ.

(47) Строевск. II, 289; Костр. II, 236. — Главную вину Магмедъ-Аминь слагалъ на любимую жену свою, красавицу, ненавидѣвшую Рускихъ. «*Она безпрестанно висѣла у меня на шеѣ, и молила воевать Русь*,» говорилъ онъ (Истор. Г. Р. т. VI, 336).

на 14-ть лѣтъ, размѣнявъ плѣнныхъ. Рыцари отказались отъ помощи Полякамъ. Храбрый Плеттенбергъ хотѣлъ спокойствія. Императоръ ходатайствовалъ и за Ганзу, убѣждая Василія отдать товары, отнятые Іоанномъ у Ганзейскихъ купцовъ, и возобновить торговлю съ ними. Василій отвѣчалъ, что товары были отняты у Ганзейцевъ за вину, но отъ торговли съ ними онъ не прочь. Поддерживая дружбу съ Императоромъ, и слыша, что Венгерскій Король боленъ, а Императоръ, послѣ смерти Короля думаетъ овладѣть Венгріею, Василій писалъ въ 1508 г. черезъ Глинскаго, предлагая Императору союзъ противъ Польши (48). Отвѣта не было. Съ Ганзейцами заключили наконецъ договоръ въ 1514 г., и торговля ихъ въ Новгородѣ возобновилась. Но она была и осталась ничтожною. Ганза разрушалась въ основаніи; торговцы ея не надѣялись притомъ на договоръ съ Государемъ, который сегодня могъ нарушить слово, данное вчера, не давалъ въ томъ никому отчета, и не могъ быть принужденъ къ исполненію (49).

(48) Дѣла Цесарскія (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 49 и 100).

(49) Договоръ съ Ганзою, см. Ист. Г. Р. т. VII, прим. 103.—Онъ заключенъ былъ отъ имени семидесяти союзныхъ городовъ Ганзейскихъ.

Такъ, не съ безславіемъ, но и безъ славы отцовской, началось правленіе Василія, *подражаніе Іоаннову*, и это начало было совершенное изображеніе всего *двадцати-восьми-лѣтняго* царствованія Василія.

Въ 1509 г. смерть освободила его отъ человѣка и въ темницѣ опаснаго: Февраля 14-го умеръ въ тѣсномъ заключеніи несчастный внукъ Іоанновъ Димитрій, вѣнчанный властитель Руси. Василій приказалъ похоронить Димитрія великолѣпно, подлѣ гроба отца его, въ Архангельскомъ соборѣ (50). Самовластіе Василія оскорбляло брата Симеона. Открылось, что Симеонъ хочетъ бѣжать въ Литву. Василій призвалъ его, и указалъ ему на темницу. Симеонъ испугался, раскаявался. Другіе братья и Митрополитъ молили за него. Василій простилъ виновнаго; всю бѣду сложили на его Бояръ, и отняли ихъ у Симеона, давъ ему другихъ. Не имѣя дѣтей, Василій не позволялъ братьямъ

(50) См. т. V, прим. 537. Карамзинъ говоритъ о духовной Димитрія, но это ошибка: духовная, помѣщенная въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 147, писана *братомъ Василія*, Димитріемъ Углицкимъ, ум. 1521 г. (см. прим. слѣд.).

своимъ жениться. Симеонъ умеръ одинокимъ въ 1518 году. Димитрій, ознаменовавшій себя неудачнымъ походомъ на Казань, въ 1506 году, умеръ, также не женатымъ, въ 1521 году, проживъ нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи и неизвѣстности. Василій взялъ себѣ безспорно удѣлы обоихъ. Димитрій, въ духовной своей, распорядился только движимымъ имѣніемъ, вкладами въ церкви и монастыри, и просилъ брата помянуть его душу и сдѣлать нѣкоторыя милости разнымъ людямъ (51). Горшая участь ожидала двухъ остальныхъ сыновъ Іоанна III-го! Преслѣдованіямъ подозрительнаго Василія подвергся также сынъ знаменитаго Князя Даніила, Князь Василій Холмскій, супругъ Василіевой сестры Θеодосіи. Его сослали на Бѣлоозеро въ 1508 г., и онъ умеръ тамъ въ темницѣ. Вины его не было объявлено. Съ 1513 года, Великій Князь владѣлъ уже Волоколамскимъ удѣ-

(51) Дух. Димитрія, *Собр. Г. Г.* т. I, № 147. О Симеонѣ, *Стр. Лѣт.* II, 290. Впрочемъ, Василій искренно простилъ своего брата, всегда бралъ его съ собою на охоту, бралъ его и подъ Смоленскъ, и плакалъ на его гробѣ (Стр. Лѣт. т. II, стр. 296, 308, 310). Великолѣпное описаніе смерти и похоронъ Димитрія, *Тип. Лѣт.* стр. 368.

ломъ своего двоюроднаго брата Θеодора Борисовича (52).

Какъ будто дополняя подражаніе дѣламъ отцовскимъ, послѣ мира съ Польшею и Ливоніею, Василій рѣшилъ участь послѣдняго вольнаго города, *Пскова*. Ему недовольно было смиренія и повиновенія Псковитянъ — хотѣлось полной власти. Еще вѣчевой колоколъ напоминалъ Псковитянамъ о старинѣ: надобно было изгладить всѣ слѣды ея. Случай скоро представился.

(52) О Холмскомъ, *Львов. Лѣт.* т. III, стр. 304. О дѣтяхъ Бориса Васильевича, см. выше, т. *V*, прим. 481. Θеодоръ Борисовичъ сконч. въ 1513 г., и положенъ въ Іосифовскомъ Волоколамскомъ монастырѣ. Его духовная въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 151. Издатели грамат несправедливо отнесли ее къ 1523 году. Причиною сему, вѣроятно, было то, что Θеодоръ упоминаетъ: «Пишу сію грамату душевную, идучи на дѣло своего Государя, В. К. В. И. всея Руси, къ Казани.» Но это должно разумѣть о походѣ 1506 года, гдѣ точно былъ Θеодоръ (см. *Разрядн. книги*). Изъ духовной видимъ, что Θеодоръ оставлялъ Княгиню свою беременною. Опредѣляя приданое, если родится дочь, и удѣлъ, если сынъ, Θеодоръ заключаетъ: «А не будетъ у моей Княгини отрода, ино моя вотчина передъ Богомъ и передъ моимъ Государемъ, В. К.»—Такъ и сдѣлалось послѣ 1513 года.

Вѣдая волю Великаго Князя, Намѣстники его не щадили Псковитянъ, тѣснили, обижали ихъ; суда и управы не было. Пьяный, ненавистный Князь Ярославъ былъ замѣненъ Княземъ Рѣпнею-Оболенскимъ, столь-же нелюбимымъ жителями и корыстолюбивымъ. Псковитяне думали, что Василій уважитъ голосъ всей Псковской области, и возопіяли на него. Въ Сентябрѣ 1509 г. Василій неожиданно пріѣхалъ въ Новгородъ. Съ нимъ были: братъ его Андрей, зять Царевичъ Петръ, Абдулъ-Летифъ, Бояре, чиновники, духовенство и дружина воинская. Послы Псковскіе явились къ Василію; благодарили, что онъ сохраняетъ ихъ *старину*, но просили управы на Намѣстника. Василій обѣщалъ разобрать дѣло, и послалъ во Псковъ Князя Шуйскаго, и хитраго Дьяка Долматова. Посланные извѣстили его, что среди взаимныхъ обвиненій, не въ силахъ сыскать правды. Василій отвѣчалъ на новую просьбу Псковскую, что безъ суда смѣнить Намѣстника не можетъ, и велѣлъ пріѣхать въ Новгородъ всѣмъ Псковскимъ Посадникамъ, купеческимъ старостамъ, и обиженнымъ его Намѣстникомъ Псковитянамъ. «Если они не явятся на очную ставку,» велѣлъ сказать онъ, «то *вся Псковская земля будетъ виновата!*» — «И въ ту пору Псковичамъ сердце уныло,» говоритъ Псковскій Лѣтописецъ. — «Великій Князь обласкалъ

насъ, принялъ дары, а сердечныя мысли его никто-же вѣдалъ, что̀ онъ думалъ на свою отчину, на градъ Псковъ.» Эта *сердечная мысль* скоро обнаружилась. Не смѣя ослушаться, всѣ Псковскіе Посадники, купеческіе старосты и обиженные Псковитяне пріѣхали въ Новгородъ, Января 6-го; имъ велѣно было явиться къ Василію. Они ждали суда. Къ нимъ вышли Бояре, и объявили, что всѣ пріѣхавшіе Псковитяне «пойманы Богомъ и Великимъ Государемъ, какъ виновные противъ него.» Ихъ разсадили подъ стражу. Мимоѣзжій Псковскій купчина, бросивъ товаръ свой, прискакалъ объявить объ этомъ во Псковѣ. Собралось вѣче, и—плакало, предчувствуя гибель вольности Псковской! Иные предлагали защищаться; другіе отвергали сію мысль, какъ безумную и отчаянную. Кончилось посольствомъ къ Василію. Псковъ совершенно предавался волѣ его. Василій велѣлъ призвать захваченныхъ Псковскихъ Посадниковъ и гражданъ. Имъ снова объявили, что они преступники и беззаконники, забыли милости Государей своихъ, не слушаются Намѣстниковъ, крамольничаютъ, и за то объявляется имъ *великая опала.* Обѣщая милость, Бояре, именемъ Государя, потребовали отъ Пскова уничтоженія вѣча, и покорности безусловной. «Тогда»—говорили они — «Государь пріѣдетъ къ вамъ гостемъ, помолиться Св. Троицѣ. Ина-

че онъ будетъ, при благословеніи Божіемъ, *дѣлать свое дѣло*, и кровь Христіанская, какая будетъ пролита, падетъ на ваши головы.» Бѣдные преступники поклонились, предали себя и Псковъ волѣ Бога и Государя, были приглашены къ его обѣду, а въ Псковъ поѣхалъ Долматовъ, сказать о волѣ Великаго Князя, и о томъ, что Посадники и избранные люди Псковскіе уже *покорились* сей волѣ.

Долматовъ сказалъ на вѣчѣ все, что было ему поручено; хладнокровно сѣлъ онъ на ступени вѣча, ожидая отвѣта. Многочисленная толпа народа окружала его, и только рыдала. Граждане обнимали другъ друга, какъ будто сбираясь на смерть; другіе плакали, упавъ ницъ лицомъ на землю. На другой день ударили въ вѣчевой колоколъ — въ *послѣдній разъ*. «Намъ казалось» —пишетъ Лѣтописецъ—«что мы слышимъ похоронный звонъ по милой нашей родинѣ.» Долматовъ опять явился на вѣчѣ. «Такъ написано у насъ въ старыхъ лѣтописцахъ»—говорили ему Псковитяне: «съ прадѣдами, и съ дѣдами, и съ отцомъ его Государевымъ крестное цѣлованіе съ Великими Князьями положено, чтобы намъ Псковитянамъ отъ Великаго Князя, Государя своего, какой будетъ на Московскомъ государствѣ, ни въ Литву, ни въ Нѣмцы не отходить. За то дозволяютъ намъ они, Государи, жить по

старинѣ, въ добровольѣ. Если-же мы, Псковичи, отойдемъ къ Литвѣ, или къ Нѣмцамъ, или особо станемъ жить безъ Государя, да будетъ на насъ гнѣвъ Божій, гладъ и огнь, потопъ и нашествіе поганыхъ. Но если и Государь не учнетъ то крестное цѣлованіе на себѣ держать, и старину нашу нарушитъ, тѣ-же бѣдствія да будутъ ему. По Богѣ, Государь воленъ въ своей отчинѣ и дѣдинѣ, градѣ Псковѣ, во всѣхъ насъ и въ вѣчевомъ колоколѣ нашемъ. Мы прежняго цѣлованія измѣнить не хотимъ; на Государя своего рукъ не поднимаемъ; въ городѣ запираться не станемъ; рады прибытію его всѣмъ сердцемъ. Молимъ только, да не погубитъ насъ до конца. Да благоволитъ онъ пріѣхать, побывать въ отчинѣ своей и помолиться Живоначальной Троицѣ.» —Всѣ граждане преклонились потомъ предъ Долматовымъ, и — вольность Псковская умерла на вѣки. Василій давалъ сроку на рѣшеніе до 16-го Января; но 13-го Января вѣчевой колоколъ уже сняли и повезли на Снѣтогорскій дворъ, близъ церкви Іоанна Богослова. Толпы народа шли за нимъ, и плакали *по своей старинѣ и по своей волѣ*. Января 15-го Долматовъ повезъ вѣчевой колоколъ въ Новгородъ. Приказано было очистить во Псковѣ домы для Государя, его свиты и воиновъ. Января 24-го Василій пріѣхалъ во Псковъ. За двѣ

версты отъ города встрѣтили его жители, и кланялись ему до земли. Василій спросилъ ихъ о здоровьѣ. «Будь только ты здоровъ, Государь!» отвѣчали ему. Благословляя его крестомъ у Спасской церкви, Коломенскій Епископъ, бывшій при Василіи, громко провозгласилъ: «Богъ тебя благословляетъ, Государь, взявшаго Псковъ безъ брани!» — «А мы издревле развѣ не его отчина были!» думали Псковитяне, но безмолвствовали, и только плакали. Января 27-го созвали знатнѣйшихъ Псковитянъ на дворъ Государя, перекликали ихъ, и объявили, что отъ нихъ было всегдашнее притѣсненіе землѣ Псковской. По волѣ Государя, они должны были переселиться въ Московскую землю. Всѣхъ ихъ немедленно задержали, привели ихъ женъ и дѣтей, и въ ту-же ночь *триста семействъ* Псковитянъ повезли въ Москву, позволивъ имъ взять съ собою что̀ успѣютъ изъ имѣнія. «За тѣмъ не будетъ болѣе Псковитянамъ *развода*,» объявилъ Василій; но ему не вѣрили, и многіе постригались въ монашество, желая хоть умереть на милой родинѣ.

Василій послалъ *здравствовать* Москву, и извѣстить, что Псковъ уже взятъ имъ. Онъ распорядился самовластно во всемъ; наложилъ новые сборы и подати, установилъ суды, роздалъ помѣстья высланныхъ изъ Пскова граж-

данъ Московскимъ Боярамъ, воздвигнулъ церковь во имя Св. Ксеніи (день покоренія Пскова), ввелъ во Псковъ Московское охранное войско, и разселивъ Псковитянъ въ Низовыхъ городахъ, вывелъ напротивъ оттуда и поселилъ въ Псковѣ равное число жителей.

« Суждено быть сему отъ Бога » — говорили современники.— « Возрастаетъ въ силѣ *шестое царство*, ибо писано въ 54-й главѣ Апокалипсиса: *быть шести царствамъ.* Се, прешло уже *пять*, и настало *Скиѳское*, или *Русское*, за тѣмъ будетъ *седьмое*, и явится Антихристъ. Говорилъ Господь: *молитеся, да не будетъ бѣгство ваше зимою!* Нынѣ настала зима для Пскова. Царству Русскому рости и злодѣйству въ мірѣ множиться, ибо грядетъ послѣдній часъ міра (См. далѣе, прим. 53).»

Намѣстники Великокняжескіе слѣдовали политикѣ своего Государя. Отъ ихъ притѣсненій скоро уничтожились всѣ слѣды древней вольности Пскова, торговля стѣснилась, голосъ независимости гражданъ умолкъ. «Дали они присягу, и получили уставную грамату о судѣ и правдѣ; но Псковичи бѣдные не вѣдали дотолѣ, какова *правда Московская*: она съ крестнымъ цѣлованіемъ улетѣла на небо, а кривда начала ходить по землѣ. И отъ того невзгодья, кто могъ, тотъ бѣжалъ, а другимъ ку-

да было скрыться? Земля не разступается; на небо не улетишь (53).»

Прошло около четырехъ лѣтъ послѣ заключенія вѣчнаго мира съ Сигизмундомъ. Съ обѣихъ сторонъ не думали держать его, и ссорились, не боясь войны. Человѣкъ, все потерявшій въ

(53) *Псковская Лѣтопись* г. 1510-й и особенно списокъ Псковск. Лѣтописи, означаемый у Карамзина именемъ *А. Ѳ. Малиновскаго* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. съ 54 до 78-го); *Костромск. Лѣт.* II, стр. 226, и слѣд.—Въ другихъ, *Строевск., Тип., Арханг.*, описаніе кратко. «Псковичи не по правдѣ били челомъ на Намѣстниковъ, держали ихъ нечестно, и Вел. Князь учинилъ, какъ было лѣпо его государству, и пріиде въ Москву съ великою побѣдою, безъ крови,» говорятъ лѣтописцы. — О пророчествѣ изъ Апокалипсиса, *Архивск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. VII, прим. 73, VIII, прим. 162). — Сѣтуя о гибели отчизны, Лѣт. Псковскій говоритъ въ заключеніе: «Такъ отъялась слава города Пскова, плѣненнаго не иновѣрными, но единовѣрными людьми! Кто не восплачетъ о семъ и не возрыдаетъ? Славный, великій въ градахъ Псковъ! скажи: почто сѣтуешь и плачешь? «Какъ мнѣ не сѣтовать, не скорбѣть, не плакать о своемъ запустѣніи!» отвѣчаетъ прекрасный Псковъ. «Прилетѣлъ на меня орелъ многокрыльный, съ львиными когтями; взялъ отъ меня три кедра Ливанскіе: красоту, богатство, чадъ, Богу попустившему за грѣхи; земля моя опустѣла, градъ раззорился, люди плѣнены, торжища раскопаны и нечистотою заметаны, отцы и братія разведены въ такія страны, гдѣ не бывали ни отцы,

послѣднюю войну, Михаилъ Глинскій возбуждалъ Василія, надѣясь все выиграть при новыхъ замѣшательствахъ. Сигизмундъ съ завистію смотрѣлъ на обширныя области, отторгнутыя Рускими. Онъ надѣялся всего болѣе на помощь Крыма, гдѣ Менгли-Гирей утратилъ волю и власть, совершенно довѣряясь дѣтямъ и вельможамъ своимъ. Польша платила ему ежегодную дань и пріобрѣла его дружбу. Открывались неудовольствія и въ завоеванныхъ Рускими областяхъ, гдѣ Василій безпрерывно стѣснялъ права властителей и Князей. Не ис-

ни дѣды, ни прадѣды, а матери и дочери на поруганіе отданы!» — Василій *навѣки* установилъ за покореніе Пскова держать *неугасимыя свѣчи* въ Псковск. Троицкомъ и Соф. Новгородскомъ соборахъ; въ 1518 г., вмѣсто вѣчеваго, прислалъ онъ новый колоколъ въ Троицк. Псковскій соборъ. Жестоко порицая правителей Московскихъ, жившихъ во Псковѣ, Лѣт. Псковскій съ досадою говоритъ, что они, раззоряя Псковъ, сами не пользовались, ибо доносили другъ на друга, и грабленное ими у подчиненныхъ никому впрокъ не шло, а только обогащало казну Вел. Князя. Вотъ простодушный разсказъ его: «1528 г. Марта 11-го, преставися Дьякъ Мисюрь; и нача Кн. Вел. животъ его сыскивати; и прислалъ на его мѣсто Влад. Племянникова; и найдоша въ его казнѣ книги, вкратцѣ писаны, кому онъ что далъ на Москвѣ, Боярамъ и Дьякамъ; и

числяемъ здѣсь подробностей мѣлочныхъ ссоръ и неудовольствій. Спорили о границахъ, о плѣнникахъ, о людяхъ, перебѣжавшихъ съ обѣихъ сторонъ. Василій жаловался и на стѣсненное житье Елены въ Литвѣ (54). Наконецъ въ Маѣ 1512 года неудовольствія возрасли до величайшей степени, и началась десятилѣтняя,

Вел. Кн. все то выискалъ на себя, а иное (показали) его племянники, и подьячей Ортюша Псковитинъ, любезный его, да на Москвѣ и на пыткѣ былъ; и бысть въ людяхъ мятежъ о его животахъ. И быша по Мисюри *Дьяки частые и мудрые, а земля пуста;* и нача казна Вел. Кн. множитися во Псковѣ, а сами ни одинъ не съѣхаша по здорову къ Москвѣ, другъ на друга воюя.... А велѣлъ Вел. Кн. въ судѣ сидѣти, да правды стеречи, а правда и крестное цѣлованіе возлетѣли на небо, а кривда нача ходити.... Псковичи бѣдные не вѣдали правды Московскія.... И разбѣгошася по чужимъ землямъ, пометавъ женъ и дѣтей; и кои иноземцы жили во Псковѣ, тѣ разыдошася въ свои земли; только одни Псковичи осташа: ано земля не разступится, и вверхъ не взлетишь.»

(54) Сигизмундъ договорился платить Крыму ежегодно по 15 т. золотыхъ (*Бѣльскій*, 506); однакожь Крымцы нападали въ 1507 и 1508 гг. на Литву. Сношенія съ Польшею, *Ист. Г. Р.* т. *VII*, прим. 80, 81. Елена имѣла тайныя пересылки съ братомъ, и это было причиною строгости, съ какою обходились съ нею въ Литвѣ.

упорная война. Прежде всего Крымскіе хищники напали на Бѣлевъ, Одоевъ, Рязань. Противъ нихъ выступили войски. Часть Татаръ ушла, не дожидаясь защитниковъ; другихъ преслѣдовали до самаго Дона. Василій послалъ упрекать Менгли-Гирея въ нарушеніи договоровъ и забвеніи дружбы. Ханъ отвѣтствовалъ, что набѣгъ сдѣланъ безъ его вѣдома. Василій не входилъ болѣе въ переговоры; хотѣлъ дѣйствовать, предупредить Сигизмунда, ибо зналъ, что Крымъ враждуетъ волею Польши (55). Говорили, что въ гнѣвѣ, онъ обѣщалъ воевать съ Польшею до тѣхъ поръ, пока *лошадь его будетъ ходить, а сабля рубить.* Отправивъ къ Сигизмунду складную грамату, онъ исчислялъ въ ней все, что давало причину къ новой войнѣ: утѣсненіе Елены, неисполненіе условій, подговоръ Татаръ на Москву. Объявляя притомъ войну, Василій написалъ имя Сигизмунда *безъ титула.* Сильное войско Русское выступило на Литву отвсюду. Самъ Василій выѣхалъ къ Смоленску 19-го Декабря 1512 г. — Впереди его шли съ войскомъ Князь Рѣпня, Конюшій Челяднинъ, Князья Бѣлевскій,

(55) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 86, 87, 89; Тип. Лѣт. стр. 355.

Микулинскій, Оболенскій, и воеводы: Бутурлинъ, Протасьевъ, Захарьинъ, Сабакинъ. Щука-Кутузовъ отряженъ былъ къ Бряславлю; туда-же отъ Лукъ должны были идти Князья: Одоевскій, Семенъ Курбскій, Данило Бахтеяръ и Елецкій. Изъ Новгорода пошли и стали у Холма: Князь Василій Шуйскій, Князь Тебешъ-Улановъ, Князь Буйносъ-Ростовскій, и воеводы Иванъ и Василій Морозовы. Главное войско, при которомъ былъ самъ Великій Князь, находилось подъ предводительствомъ Царевича Петра, Князя Даніила Щеки, Князя Михаила Глинскаго, двухъ Князей Масальскихъ, братьевъ Василія, и множества другихъ знатнѣйшихъ чиновниковъ (56).

Сигизмундъ, казалось, не страшился огромныхъ силъ Русскихъ. Крѣпкимъ Смоленскомъ начальствовалъ храбрый воевода его Сологубъ. Надѣясь, что Крымъ не замедлитъ помощью, Сигизмундъ защитилъ только Литву войскомъ, и прислалъ укорять Василія въ вѣроломствѣ. Вмѣсто отвѣта, Русское войско облегло Смо-

(56) Василій, «inn seynem Ausszuge sich personlich horen lassen, das her dyweile seyne Pferth gehen und seyne Sabell schneiden will, nicht abzihenn,» писалъ Плеттенбергъ къ Гермейстеру Прусскому. О граматѣ къ Сигизмунду, *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 92, 93). Объ именахъ Воеводъ, см. Разрядн. книги.

ленскъ, и раззорило все его окрестности. Ночью, напоивъ воиновъ крѣпкимъ медомъ, сдѣлали шумный, стремительный приступъ къ городу. Сологубъ отразилъ осаждавшихъ, и нападенія ихъ прекратились. Два мѣсяца послѣ того, войско Русское стояло безъ дѣйствія подъ Смоленскомъ, и отступило наконецъ, принужденное къ тому разлитіемъ водъ (57). Въ Январѣ 1513 г. скончалась въ Вильнѣ Королева Елена. Въ Москвѣ явно говорили, что она отравлена. Не смотря на то, что показывалъ видъ, будто вѣритъ сей клеветѣ, Василій не отвергъ мира, предложеннаго Сигизмундомъ, ждалъ Пословъ его, боялся только не хотятъ-ли его провести, выиграть у него время, и снова, говоря о мирѣ, привелъ въ движеніе войска свои (58). Въ Іюнѣ сдѣланы были распоряженія къ походу; самъ Василій выѣхалъ въ Боровскъ, но медлилъ. Только Князь Рѣпня подходилъ къ Смоленску и прогналъ Сологуба, выступившаго на встрѣчу Рускимъ. Въ концѣ Сентября, опять многочисленное войско, при личномъ присутствіи Василія, осадило Смоленскъ, и пока отряды Рус-

(57) Лѣт. Малиновск. (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 95).
(58) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 96, 97.

скіе раззоряли селенія въ Литвѣ, стояло шесть недѣль подъ городомъ, стрѣляло изъ пушекъ, ходило на приступы, и—отошло безъ успѣха; начались дожди, развели грязь осенью. Василій возвратился въ Москву (59).

Зимою, въ Февралѣ 1514 г., привезли къ нему отвѣтъ на письмо, писанное имъ къ Императору въ 1508 году (60). Императорскій Посолъ Шниценъ-Памеръ увѣрялъ, что Государь его готовъ воевать Польшу. Василій обрадовался. Заключили договоръ, и въ Нѣмецкомъ переводѣ назвали Великаго Князя *Императоромъ*. Послы Русскіе поѣхали въ Германію. Императоръ утвердилъ договоръ золотою печатью, честилъ Пословъ Василія, прислалъ отъ себя новыхъ Пословъ, которыхъ великолѣпно и роскошно встрѣчали и угощали повсюду, на пути и въ Москвѣ. Но Императоръ не начиналъ войны (61).

(59) Стр. Лѣт. II, 293; Тип. Лѣт. стр. 356, 357. «Велію скорбь изъ пушекъ и пищалей по многи дни сотвори; градъ-же имѣя твердость, стремнинами горъ и холмовъ высокихъ затворенъ, и стѣнами великими укрѣпленъ.»

(60) См. выше, прим. 48.

(61) Рускіе называли Посла Императорскаго *Сниценпомеръ* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 101, 102). Грамату

Двукратный, по два года безуспѣшный походъ къ Смоленску огорчалъ Василія. Глинскій взялся дополнить то, чего недоставало Рускимъ, въ искуствѣ, или мужествѣ. Онъ требовалъ только, чтобы въ награду отдали Смоленскъ ему, и объявили его Княземъ Смоленскимъ. Василій обѣщалъ. Глинскій исполнилъ свое слово. Жители Смоленска и безъ того были въ отчаяніи отъ двукратной осады. Видя въ третій разъ подходящія Русскія дружины, они пристали къ сторонѣ друзей Глинскаго, находившихся въ Смоленскѣ, изъ коихъ главнымъ былъ Епископъ Варсонофій. Въ концѣ Іюля Смоленскъ былъ осажденъ снова. Едва загремѣли пушки Русскія, въ городѣ сдѣлалось смятеніе. Жители взбѣгали на стѣны, просили

Максимиліана см. у Щербатова, *Ист. Рос.* т. IV, ч. 3, стр. 309. Петръ Великій приказалъ напечатать ее въ 1718 г. съ Нѣм. подлинникомъ, доказывая ею, что титулъ *Императора* Русскому Царю издревле признанъ былъ Римскимъ Дворомъ. Нѣмецкіе палеографы сомнѣвались въ подлинности граматы, находя непонятныя для себя фразы, и не понимая даже самаго имени города: Brundenaw, гдѣ утверждена была грамата. Карамзинъ справедливо доказывалъ, что непонятныя фразы суть голословный *переводъ съ Русскаго*, понятный съ Русскимъ подлинникомъ, а имя города, въ печатномъ, ошибка, вмѣсто: *Gmunden*, по-Русски названнаго: *Гунденъ*.

пощады; другіе умоляли Сологуба не противиться, и сдать городъ Рускимъ. Тщетно храбрый защитникъ Смоленска увѣрялъ, что скоро будетъ помощь отъ Сигизмунда; что Рускіе и на сей разъ отойдутъ со стыдомъ. Его не слушали. Со стѣнъ не прекращались вопли жителей, молившихъ о помилованіи. Пальба прекратилась. Епископъ Варсонофій явился на городскомъ мосту, и извѣстилъ о сдачѣ Смоленска. Августа 1-го Василій торжественно въѣхалъ въ покорившійся городъ, и къ изумленію измѣнника Глинскаго началъ самовластно распоряжаться, называя Смоленскъ своею *отчиною* и *дѣдиною*, древнимъ достояніемъ Руси, нынѣ возвращеннымъ отечеству волею Божіею, оружіемъ и побѣдою. Глинскій, рабски преданный дотолѣ, руководствовавшій политикою Василія, спутникъ во всѣхъ походахъ его, осмѣлился напомнить о данномъ словѣ; вмѣсто отвѣта, Василій смѣялся надъ безразсуднымъ честолюбіемъ измѣнника! Глинскій замолчалъ и продолжалъ усердствовать (62).

Завоевавъ Смоленскъ, войско немедленно отправилось далѣе, и начало раззорять окрест-

(62) Герберштейнъ, R. M. стр. 9; Бѣльскій, стр. 523; Стр. Лѣт. II, 296; Тип. стр. 358; Архангел. стр. 180.

ности Мстиславля. Кричевъ и Дубровна передались Рускимъ. Василій подтвердилъ Смольянамъ ихъ права и преимущества, пожаловалъ измѣнниковъ Смоленскихъ, одарилъ ихъ. Уважая храбрость Сологуба, онъ отпустилъ его къ Сигизмунду; прибавилъ къ титулу своему названіе: *Смоленскій*, и опредѣливъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ Князя Шуйскаго, поѣхалъ въ Москву, торжествовать. Въ Дорогобужѣ получилъ онъ вѣсть неожиданную (63).

Главное войско Русское, посланное на Литву, находилось подъ начальствомъ Челяднина. Однимъ изъ отрядовъ его начальствовалъ Глинскій. Пылая мщеніемъ за вѣроломство Василія, измѣнникъ предложилъ Королю Польскому свои услуги, если только Король проститъ ему прежнюю вину и возвратитъ прежнія помѣстья и милости. Взятіе Смоленска встревожило Сигизмунда. Крымцы не шли на помощь, а Рускіе немилосердо раззоряли Литву. Сигизмундъ зналъ, кому были обязаны Рускіе Смоленскомъ; обвинялъ Сологуба въ малодушіи, робости, безпечности, судилъ и казнилъ его, но милостиво принялъ предложеніе Глинскаго.

(63) Грамата Смоленску, *Собр. Г. Г.* т. I, N° 148; *Арханг. Лѣт.* стр. 183.

Измѣннику обѣщано было забвеніе всего. Глинскій хотѣлъ показать путь къ побѣдѣ войску Польскому, которое поспѣшно выступило тогда противъ Русскихъ, подъ предводительствомъ Князя Константина Острожскаго. Обнадеженный въ будущей судьбѣ, Глинскій оставилъ ввѣренный ему отрядъ и поѣхалъ къ Польскому полководцу. Но онъ не зналъ, что отвсюду стерегли его завистливые соглядатаи; письма его были уже перехвачены и пересланы къ Василію; знали даже, гдѣ и когда поѣдетъ Глинскій къ Полякамъ, и на дорогѣ схватили его, обезоружили его свиту, и представили всѣхъ бѣглецовъ въ Дорогобужъ къ раздраженному Василію, который жестоко началъ упрекать Глинскаго въ измѣнѣ. «Ты самъ измѣнилъ, безчеловѣчный!» вскричалъ Глинскій. «Я вѣкъ былъ-бы тебѣ вѣренъ, еслибы *ты* исполнилъ свое слово и отдалъ мнѣ Смоленскъ! Въ чемъ упрекаешь меня? Я хотѣлъ только удалиться отъ тебя, не предавая тебя, и не измѣняя. Вели скорѣе отвести меня на казнь. Лучше умереть, нежели видѣть, лицомъ къ лицу тирана ненавистнаго (64)!»

(64) Герберштейнъ, R. M. стр. 79; Бѣльскій, стр. 524; Арханг. Лѣт. стр. 183, 184; Тип. Лѣт. стр. 360, 361.

Но не казнь ожидала этого человѣка, столь замѣчательнаго, столь достопамятнаго въ Русской Исторіи. Его сковали и увезли въ Москву. Вскорѣ отправился туда и Василій, испуганный неожиданною перемѣною обстоятельствъ.

Князь Острожскій хитрилъ нѣсколько дней съ Русскими воеводами; вдругъ перешелъ черезъ Днѣпръ, и 8-го Сентября, близъ Орши, напалъ на Челяднина, который не ожидалъ его и ссорился съ своими товарищами. Острожскій на голову разбилъ все Русское войско, не смотря на превосходство силъ его. Челяднинъ, тридцать семь Князей и знатныхъ чиновниковъ, 1500 дворянъ и множество воиновъ отдались въ полонъ; множество было убитыхъ и утонувшихъ въ Днѣпрѣ. Потеря Рускихъ простиралась всего до 30,000 человѣкъ; пушки и обозы достались непріятелю. Радость о побѣдѣ была всеобщая въ Литвѣ и въ Польшѣ; Острожскаго уподобляли Александру Македонскому, и плохими стихами воспѣвали его побѣду. Онъ велѣлъ пѣть благодарственные молебны на Латинскомъ и Русскомъ языкѣ, и построилъ двѣ церкви (65). Смольяне ужаснулись.

(65) Герберштт. К. М. стр. 9; Письма Сигизмунда къ Магистру Ливонскому, и *Лѣт. Малиновскаго* (Ист.

Боясь наказанія за свое предательство, они прислали тайно звать Острожскаго, обѣщая сдать ему городъ. Острожскій бросился къ Смоленску; Русскіе отряды поспѣшно удалились передъ нимъ; но Острожскаго предупредилъ бдительный Намѣстникъ Смоленскій. Онъ провѣдалъ объ измѣнѣ; схватилъ Епископа Варсонофія и отослалъ въ Москву; другихъ измѣнниковъ повѣсили на городской стѣнѣ, надѣвъ на нихъ шубы, подарки Василія, и привѣсивъ къ нимъ даже серебряные ковши, какими наградилъ ихъ Василій за первую измѣну. Острожскій приступилъ однакожь къ Смоленску, осадилъ сей городъ, и былъ отбитъ. Все дѣло кончилось только отнятіемъ Литовскихъ областей, занятыхъ Рускими за Смоленскомъ (66).

Такимъ образомъ, побѣда Оршинская не имѣла важныхъ послѣдствій. Василій оградился остальнымъ войскомъ, и терпѣливо ждалъ непріятеля. Сигизмундъ надѣялся значительнаго пособія, извѣстивъ Крымскаго Хана о своей удачѣ. Въ самомъ дѣлѣ, Крымцы двинулись,

Г. Р. т. VII, прим. 120, 123, 125); Бѣльскій, стр. 525; Архангел. Лѣт. стр. 186.

(66) *Архангел. Лѣт.* стр. 187; *Малин. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 132); *Тип. Лѣт.* стр. 363.

думая, что застанутъ Василія врасплохъ. Кіевскій воевода Немировичъ, и Евстафій Дашковичъ съ удалыми своими *Казаками*, пристали къ толпамъ Татарскимъ. Все ринулось на южные города; но непріятелей вездѣ ожидали воеводы Русскіе. Боясь зимы, Татары удалились, не смотря на уговоры Дашковича. Онъ съ досадою видѣлъ, что все зло Руси отъ Крымцевъ кончилось грабежемъ Сѣверныхъ областей (67).

Твердость, или, лучше сказать, упрямая настойчивость, была добродѣтелью Василія. Ни за что не хотѣлъ онъ мириться; отложилъ только на время походы въ Литву, искалъ себѣ союзниковъ въ Нѣмецкихъ Рыцаряхъ, въ Императорѣ, а всего дѣятельнѣе старался лишить Сигизмунда помощи Крымцевъ. Менгли-Гирей умеръ весною 1515 года. Махметъ-Гирей, старшій сынъ его, буйный, жадный наѣздникъ и властитель честолюбивый, наслѣдовалъ отцу. Но братья не совсѣмъ слушались Махмета; каждый дѣйствовалъ по своему. «Чего думаетъ вашъ Государь?» говорилъ Посламъ Василія братъ Махмета, Ахматъ-Калга, жившій въ Очаковѣ. «Пусть онъ отдастъ мнѣ

(67) *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 135).

Кіевъ, и я помогу ему завоевать Литву. Не зачѣмъ посылать къ брату моему. Былъ отецъ нашъ Царь; а теперь время худое: и братъ мой Царь, и сынъ его Царь, и всѣ Князья наши Цари (68)!» Важное пособіе Польшѣ составилось уже между тѣмъ въ полудикихъ Казакахъ Дашковича. Сіи отважные наѣздники пріобрѣли себѣ еще храбраго предводителя въ Предславѣ Ланцкоронскомъ. Сигизмундъ особенно покровительствовалъ Казакамъ; посылалъ имъ оружіе, деньги; дарилъ мѣста для поселеній, и Дашковичъ крѣпко стоялъ за Польшу, бился съ Татарами, ненавидѣлъ Рускихъ, испытавъ ихъ скупую дружбу. Онъ безпрерывно уговаривалъ Татаръ идти на Василія, грозя мщеніемъ за вражду съ Польшею. Но Махметъ вѣсилъ дружбу на золото (69).

(68) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 145, 146).

(69) Ланцкоронскій былъ Старостою Каменецкимъ; потомъ начальствовалъ въ Хмѣльникѣ. Ученикъ храбраго Острожскаго, онъ долго путешествовалъ по Европѣ и Азіи, отличился побѣдою надъ Крымцами въ 1512 г., и присоединился потомъ къ Дашковичу, ища чести и опасностей военныхъ (*Ист. Малой Россіи*, Д. Н. Б. Каменскаго, т. I, стр. 113; Бѣльскій, стр. 519).

Получивъ подарки отъ Посла Василіева, онъ клялся быть ему союзникомъ; но получилъ подарки отъ Сигизмунда и прислалъ Посла въ Москву, угрожая войною, требуя нелѣпостей: отдачи Польшѣ Смоленска, Брянска, Путивля; дани Татарамъ съ Одоева; отпуска Абдулъ-Летифа въ Крымъ. Татары уже готовились къ набѣгу, даже нападали на Русь. Василій снова склонилъ Махмета на союзъ. Червонцы Польскіе опять разрушили дѣло, и сынъ Хана, Баядуръ, опустошилъ предѣлы Рязани и Мещеры; но лѣтомъ 1516 г. Татары напали наконецъ на Литву. Мстя за то, Дашковичъ и Ланцкоронскій прошли по степямъ южнымъ до самаго Аккермана, грабили, жгли, угоняли скотъ, плѣняли людей (70). Махметъ прислалъ

(70) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 138, 140, 141, 142, 143, 147). Въ Крымъ послано было для подарковъ: кречетъ, соболья шуба, и серебряныя чара, ковшъ и черпало; Сигизмундъ напротивъ того, отправилъ — 30 *т. золотыхъ!* Махметъ отвѣчалъ потомъ Королю, что нападеніе въ 1516 г. сдѣлано было безъ его воли, *Крымскими Казаками* (Ист. Мал. Россіи, т. I, стр. 113). Набѣгъ этотъ былъ ужасный (*Бѣльскій*, стр. 533). Впрочемъ, въ самомъ дѣлѣ, многіе Крымцы ходили въ набѣги, не спрашиваясь своего Хана (Ист. Г. Р. т. VII, стр. 77).

въ Москву, хвасталъ набѣгомъ и дружбою, просилъ даровъ. Главное: онъ условливался, что Василій будетъ ему помогать противъ непримиримыхъ враговъ его, Астраханцевъ и Ногаевъ. Астраханскій Царевичъ Шихалей жилъ тогда въ Руси, владѣя городкомъ Мещерскимъ. Слышно было, что Казанскій властитель смертельно боленъ. Боясь, чтобы Василій не назначилъ въ наслѣдники ему Шихалея, и тѣмъ не усилилъ Астрахани, Махметъ просилъ отдать Казань Абдулъ-Летифу. Объ этомъ просили Великаго Князя и сами Казанцы. Василій обѣщалъ все, обѣщалъ даже выгнать изъ Руси Шихалея; требовалъ только одного — войны съ Польшею. Махметъ согласился, заключилъ договоръ, и — лѣтомъ 1517 года, Татары вторгнулись въ Русь, прошли до самой Тулы! Причиною было то, что Василій забылъ послать въ Крымъ дары; Сигизмундъ былъ памятливѣе и щедрѣе. Къ счастію, Князья Одоевскій и Воротынскій разбили Крымцевъ; Князь Шемякинъ прогналъ ихъ изъ Путивля (71).

(71) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 150, 151; Стр. лѣт. т. II, 303; Тип. лѣт. стр. 365.

Русь и Польша дѣйствовали такимъ образомъ другъ противъ друга. Войны не было. Василій не выпускалъ изъ рукъ Смоленска; Сигизмундъ гордился Оршинскою битвою. Оба хотѣли мира. Но Василій не искалъ его; Король Польскій, напротивъ, просилъ Императора посредствовать въ мирѣ его съ Русью. Императоръ былъ уже тогда союзникомъ, а не врагомъ Польши. Сигизмундъ видѣлся съ нимъ въ Пресбургѣ, у брата своего, Короля Венгерскаго. Тамъ обручили сына Максимиліанова съ дочерью Венгерскаго Короля. Сигизмундъ обѣщалъ Императору помощь въ войнѣ противъ Турковъ, но за то требовалъ посредства между Польшею и Сѣверными варварами. Василій не изъявилъ ни малаго гнѣва, когда Императоръ, обѣщавъ прежде помогать ему, вдругъ сдѣлался другомъ Польши. Въ Апрѣлѣ 1517 г. пріѣхалъ въ Москву Посолъ Максимиліана: это былъ знаменитый *Баронъ Герберштеинъ*, дипломатъ опытный, умный, и памятный для насъ описаніемъ Руси, какое составилъ онъ, дважды посѣтивъ Москву (72). Герберштеинъ прого-

(72) Сочиненіе Герберштеина издано было въ первый разъ въ 1549 г., потомъ 1551 и 1556 гг., подъ титуломъ: *Rerum Moskoviticarum Commentarii* Sigism. Liberi Baronis in Herberstain, и проч. — Мы пользовались

ворилъ передъ Василіемъ длинную рѣчь, гдѣ истощилъ всѣ тонкости тогдашняго дипломатическаго краснорѣчія, уговаривая его мириться, доказывая пользу мира, вредъ войны (73). Василій изъявилъ согласіе. Послы Польскіе пріѣхали въ Москву въ Октябрѣ. Герберштеинъ дожидался ихъ; но переговоры остановились, ибо узнали о внезапномъ началѣ военныхъ дѣйствій. Безъ воли Василія (какъ онъ увѣрялъ), Псковскій Воевода нечаянно захватилъ и ограбилъ Рославль. Константинъ Острожскій бросился къ Опочкѣ и осадилъ сей городъ. Воевода Салтыковъ мужественно защищался въ этомъ ничтожномъ городкѣ цѣлыя двѣ недѣли. Русскія войска спѣшили помогать ему, и на пути разбили корпусъ Поляковъ. Князь Острожскій снялъ осаду Опочки; дѣйствія военныя прекратились, доставивъ особенную честь отъ Василія Ивану Ляцкому, разбившему Поля-

Франкфуртскимъ изданіемъ (1600 г.) сего классическаго творенія, о которомъ будемъ говорить впослѣдствіи. Подробности о самомъ Герберштеинѣ и о книгѣ его, см. въ сочиненіи Г-на Аделунга: *Sigmund Freiherr v. Herberstein* mit besonderer Rücksicht auf seine Reisen in Russland (Спб. 1818 г.).

(73) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 166.

ковъ (74). Тогда начались въ Москвѣ переговоры о мирѣ. Но Герберштеинъ напрасно истощалъ свое краснорѣчіе. Поляки требовали обратно всѣхъ завоеваній Іоанна; Рускіе Кіева, Витебска, Полоцка, даже удѣла Елены въ Литвѣ. Объ отдачѣ Смоленска Польшѣ и слышать не хотѣли. Переговорщики даже едва не поссорились, обвиняя другъ друга въ упрямствѣ. Василій не хотѣлъ также исполнить и особенной частной просьбы Императора: отпустить Михаила Глинскаго. Отвѣчали, что только принятіе православной вѣры спасло Глинскаго отъ казни, ибо онъ, происходя отъ православныхъ родителей, вѣроломно перешелъ въ Латинскую ересь, а теперь кается и проситъ принять его въ православіе снова. Однакожъ Василій ласково отпустилъ Посла Императорскаго, и отправилъ Дьяка своего Племянникова къ Императору, въ Ноябрѣ 1517 года (75).

(74) Арханг. Лѣт. стр. 188; Малин. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 168); Спр. Лѣт. II, 304.

(75) Записка, предварительно поданная Герберштеиномъ, у Щербатова, *Ист. Росс.* т. IV. ч. 3. стр. 341. Переговоры его, *Дѣла Цесарскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 165, 167, 170, 171). «Высоки ваши рѣчи»—говорилъ Герберштеинъ, слыша требованія Рускихъ — «ищите средины, или мое путешествіе оста-

Принятой со всѣми изъявленіями дружбы при дворѣ Императора, Дьякъ требовалъ помощи его на Сигизмунда, который, какъ видѣли Послы Императорскіе, обманываетъ Императора и Великаго Князя Русскаго, и не хочетъ мириться. Послы Императорскіе Да-Колло и Де-Конти пріѣхали въ Іюлѣ 1518 г. въ Москву, снова говорить о мирѣ (76). Они говорили много, великолѣпно; изображали необходимость всѣмъ Христіанскимъ Государямъ жить въ согласіи и соединенно напасть на грозныхъ Оттомановъ; стращали Василія опасностью

нется безполезнымъ.» — Но, не удивительно-ли, что ты, Сигизмундъ, совѣтуешь отдать вотчину, данную намъ Богомъ?—возражалъ Василій. Истощая средства убѣжденія, Герберштеинъ, по тогдашнему обыкновенію дипломатовъ, приводилъ въ примѣръ Царей Филиппа, Александра, Пирра. Описаніе посольства Племянникова, въ *Вивліоѳикѣ*, Новикова, т. IV, стр. 1 – 13.

(76) *Дѣла Цесарскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 172). Послу Василія позволили говорить рѣчь не скидая шапки; потомъ увеселяли его охотою; при имени Василія Императоръ снималъ шляпу, и проч. Пріемъ былъ въ Иншпрукѣ, въ Мартѣ 1518 г.—Путешествіе Де-Конти и Да-Колло описано въ книгѣ: Trattamento di pace tra il sereniss. Sigismondo Rè di Polonia e Gran Basilio, Prenc. di Moscovia (напечатанной, *съ позволенія св. Инквизиціи*, въ Падуѣ, 1603 г.).

отъ Турковъ, и не успѣли ни въ чемъ. Василій спокойно выслушалъ постороннія рѣчи; хотѣлъ уступки Смоленска, и только обѣщалъ не воевать съ Польшею въ слѣдующемъ году; но за то требовалъ онъ соединенія Императора съ нимъ противъ Польши, ибо Императоръ видитъ, что не онъ, а Сигизмундъ не хочетъ мира. Руские подозрительно смотрѣли на одного чиновника, находившагося при Императорскомъ посольствѣ, который своевольничалъ въ Москвѣ, и старался тайно переговорить съ Глинскимъ. И на сей разъ переговоры кончились ничѣмъ. Василій предложилъ было размѣнять плѣнныхъ, которыхъ въ Польшѣ и Руси содержали жестоко (77). Сигизмундъ не со-

(77) *Дѣла Цесарскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 174, 175, 176). Чиновникъ, на котораго жаловались Рускіе, былъ нѣкто *Криштонъ*: онъ прибилъ подьячаго, приставленнаго къ Посламъ, а слуга его высѣкъ *подключникова дѣтину*, и отшибъ у него палецъ; у другаго-же прислужника отнялъ корову, и проч. — Плѣнниковъ, самыхъ знатнѣйшихъ, содержали въ темницахъ, какъ злодѣевъ; другимъ едва давали дневное пропитаніе. Мы видѣли, при нападеніи Казанцевъ на Нижній, въ 1505 г., что триста Литовцевъ находилось тамъ въ заключеніи. Такъ много ихъ было разослано по многимъ городамъ. Въ 1531 г., во время пожара въ Новгородѣ успѣли вывести изъ двухъ темницъ

гласился. За *послѣднимъ* словомъ, Василій отправилъ къ Императору Дьяка Борисова. Максимиліану было тогда не до войны Руси съ Польшею. Его занималъ Соборъ Аугсбургскій, гдѣ Люперъ громко возвысилъ свой голосъ. Января 12-го Максимиліанъ умеръ, возвращаясь изъ Аугсбурга. Карлъ V-й наслѣдовалъ ему. Русь была забыта юнымъ Императоромъ (78).

сидѣвшихъ тамъ плѣнниковъ Литовскихъ, но въ третьей темницѣ сгорѣло ихъ 145 человѣкъ. Самъ Архіепископъ сжалился надъ бѣдственною участью погибшихъ, и пѣлъ паннихиду надъ рвомъ, въ который сбросали ихъ обгорѣлые останки (*Стр. Лѣт.* II, стр. 369). Сказавъ о заключеніи Князя Острожскаго, во время плѣна его въ Руси, замѣтимъ, что въ Литвѣ тоже дѣлали съ Русскими плѣнниками. Герберштеинъ (R. M. стр. 10) видѣлъ полководца Челяднина, и еще двухъ воеводъ Русскихъ, въ цѣпяхъ въ Виленской тюрьмѣ, и нашелъ ихъ въ такой нуждѣ, что они ради Бога просили у него въ займы нѣсколькихъ червонцевъ (см. еще далѣе, прим. 94). Какъ будто рѣдкихъ звѣрей, Сигизмундъ послалъ въ подарокъ Императору 14-ть Московскихъ дворянъ, взятыхъ въ Оршинской битвѣ!

(78) Въ Руси была извѣстна Реформація Лютерова, и, не смотря на ненависть къ Папамъ, Рускіе осуждали ее жестоко. Максимъ Грекъ написалъ особое разсужденіе: *на Лютеры*, вѣроятно, по желанію Василія.

За то и Василій не сдержалъ своего слова: онъ немедленно послалъ войско осаждать Полоцкъ (въ 1518 году). Рускихъ успѣли прогнать отъ Полоцка (79); но настоящая опасность Польши только еще приближалась: въ 1519-мъ году, Сигизмундъ узналъ всю мѣру хитрой политики и великой силы Русскаго властителя.

Ноября 9-го 1518 года, умеръ Абдулъ-Летифъ — бѣдное игралище воли Великихъ Князей Русскихъ, слѣпое орудіе выгодъ ихъ. Ханъ Крымскій, надѣявшійся, что Летифъ будетъ преемникомъ Магметъ-Аминя, снова началъ опасаться: не отдадутъ-ли Казани Шихалею, или кому либо изъ Ногаевъ. Василій воспользовался симъ случаемъ, и, съ условіемъ: воевать Польшу, согласился утвердить въ Казани брата Махметова, Саипъ-Гирея. Посолъ Крымскій, Мурза Аппакъ, пріѣхалъ въ Москву; Василій клялся, заключая договоръ, что исполнитъ всѣ требованія Махмета (80). Ханъ удо-

(79) Псковск. Лѣт. годъ 1518. — Голодъ и недостатокъ принудили отступить отъ Полоцка: *калпакъ* сухарей стоилъ въ Русскомъ таборѣ алтынъ, и болѣе.

(80) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 178, 179, 180). Въ доказательство дружбы, при пріемѣ

вольствовался увѣреніями. Страшнымъ, давно неслыханнымъ набѣгомъ полетѣли Крымцы по областямъ Сигизмунда.

Тогда-же новый, нежданный врагъ сталъ грозить Польшѣ отъ береговъ Балтійскаго моря. Мы упоминали, что Василій искалъ союза съ Нѣмецкимъ, или Тевтонскимъ Орденомъ. Сіе военно-духовное братство, произведеніе Кресговыхъ походовъ, болѣе 200 лѣтъ бывшее грозою Литвы и Польши, упало тогда, совершенно стѣсненное отвсюду. Албертъ Бранденбургскій, избранный въ Гермейстеры въ 1511 году, тщетно искалъ защиты противъ Польши у Императора, и рѣшился воспользоваться силою Рускихъ, желая выиграть утвержденіе своей независимости. Онъ говорилъ объ этомъ Посламъ Василія, возвращавшимся въ 1516 г. отъ Императора. Дѣло казалось столь важнымъ, что Шонбергъ, Посолъ Алберта, на первой недѣлѣ Великаго поста пріѣхавшій въ Москву, велъ переговоры съ Боярами и былъ принятъ Василіемъ въ тотъ самый день, когда онъ пріобщался: Албертъ требовалъ одного —

происходили большія учтивости: рѣчи говорили, съ обѣихъ сторонъ, снявъ шапки, Послы стояли на колѣняхъ, и проч.

денегъ. Василій согласился, съ тѣмъ, чтобы начать войну немедленно. Въ Мартѣ 1517 г. дворянинъ Загряжскій былъ у Гермейстера въ Кенигсбергѣ. Ливонскій Магистръ не совѣтовалъ Албертy вѣрить Рускимъ. Папа Леонъ X-й также не совѣтовалъ ему вступаться въ распрю сильныхъ, и лучше ждать всего отъ времени. Но Албертъ ничего не слушалъ. Василій льстилъ ему всячески: писалъ за него къ Королю Французскому; соглашался на дружбу съ Папою, и наконецъ послалъ даже значительное количество серебра. Албертъ унижался передъ Русскимъ властителемъ до того, что приказывалъ Посламъ своимъ кланяться ему въ землю. Дѣло было кончено. Получивъ деньги, Гермейстеръ набралъ войско, и напалъ на занятые Польшею Прусскіе города (81). Въ тоже

(81) *Дѣла Прусскія* (Ист. Г. Р. т. *VII*, прим. съ 157 до 161-го). О письмахъ Плеттенберга, тамъ-же (прим. 162, 189 и до 198). Шонбергу подарили въ Москвѣ бархатную шубу, 40 соболей и 2,000 бѣлокъ. Папа писалъ о Польшѣ, что «ея не надобно воевать оружіемъ, ибо *время ее воюетъ*.» Пророческія слова!— Плеттенбергъ говорилъ: «Я живу ближе моего товарища, Прусскаго Гермейстера, къ Рускимъ, и знаю ихъ обычай: обѣщаютъ много, а на дѣлѣ не увидишь ничего.» Василій послалъ къ Албертy серебра на 14-ть

время хищники Крымскіе жгли и грабили Волынь. Неоднократный побѣдитель Крымцевъ, Князь Острожскій спѣшилъ разбить ихъ, и — *во второй разъ* въ жизни испыталъ жестокое пораженіе; подъ Соколомъ, Баядуръ, предводитель Крымцевъ, жестоко разбилъ его, и безпрепятственно опустошилъ земли Литовскія и Польскія до самаго Кракова (82). Русскія дружины въ это время вступили тремя путями въ Литву: Шуйскій изъ Новгорода, Курбскій изъ Стародуба прошли до самой Вильны. Воевода Годуновъ и Князь Елецкій грабили окрестности Витебска и Полоцка. Царевичъ

червонныхъ, и Плеттенбергъ вскочилъ съ своего мѣста, сплеснулъ руками, закричалъ: *чудо!* когда услышалъ объ этомъ. Граматы и договоры съ Албертомъ, см. у Щербатова, т. IV, ч. 3, стр. 327—338. Грамата къ Французскому Королю, посланная черезъ Алберта — *первое* дипломатическое сношеніе Россіи съ Франціею, см. *Ист. Г. Р.* т. VII, прим. 193. Василій именуетъ въ ней Короля *Кароломъ*, *Королемъ Франџовскимъ*, хотя не только Карлъ VIII-й, но и Людовикъ XII-й уже не существовали, а Францискъ I-й царствовалъ съ 1515 года; Василіева-же грамата писана была въ Мартѣ 1519 г.

(82) Костр. Лѣт. II, стр. 263; Бѣльскій, стр. 542.

Θеодоръ, сынъ Алегама, раззорялъ Литву налетомъ, соединясь съ сыномъ Даніила Щени, Княземъ Михаиломъ (83).

Если-бы въ сей войнѣ принятъ былъ правильный планъ, если-бы Василій былъ одаренъ умомъ отца своего, Сигизмундъ могъ-бы погибнуть; по крайней мѣрѣ, Русь могла-бы пріобрѣсти тогда великія выгоды. Но Албертъ тщетно предлагалъ Рускимъ завоевать Самогицію, и войдти потомъ въ Мазовію, гдѣ онъ соединится съ ними и отниметъ у Сигизмунда всѣ средства защиты (84). Рускіе, по старой привычкѣ, ходили грабить Литву, довольствовались добычею и дѣйствовали на удачу. Василій, можетъ быть, ослѣпленный успѣхами, неосторожно оскорбилъ въ это время Махмета, и сдѣлалъ его изъ союзника врагомъ своимъ. Татары немедленно удалились изъ Польши. Сигизмундъ спѣшилъ предложить Василію перемиріе, польстивъ его уступкою Смоленска. Василій согласился, ввелъ опустошительныя толпы свои обратно въ Русскіе предѣлы, и въ Сен-

(83) Псковск. Лѣт. годъ 1519; Дѣла Прусскія (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 200, 201); Костр. Лѣт. II, 264.

(84) Дѣла Прусскія (Ист, Г. Р. т. VII, прим. 202).

тябрѣ заключилъ съ Польшею перемиріе на полгода (85).

Махметъ оскорбился наглымъ вѣроломствомъ Великаго Князя. Татары устремились на Польшу, исполняя свое обѣщаніе. Посолъ Махметовъ, Аппакъ, принявшій клятву Василія въ томъ, что Казань будетъ отдана Саипъ-Гирею, не оставлялъ еще Москвы, когда получено было извѣстіе о смерти Магметъ-Аминя. Къ изумленію Аппака, Василій немедленно отправилъ въ Казань врага Махметова, *Шихалея*, и воевода Дмитрій Бѣльскій возвелъ его на тронъ Казанскій. Аппакъ изъявилъ сомнѣніе въ дружбѣ Рускихъ, но уѣхалъ въ Крымъ довольный извиненіемъ Василія, что онъ возвелъ Шихалея въ избѣжаніе бо̀льшаго зла, ибо Казанцы хотѣли имѣть Царя изъ рода Ордынскаго. Махметъ утаилъ на время досаду, но пересталъ воевать съ Сигизмундомъ. Король немедленно предложилъ ему дружбу, союзъ, подарки. Махметъ готовилъ мщеніе Руси, и—успѣлъ исполнить его (86).

(85) Дѣла Польскія (Ист. Г. Р., т. VII, прим. 206).

(86) Магметъ-Аминь страдалъ нѣсколько лѣтъ ужасною болѣзнію: гнилъ за-живо, *кипѣлъ червями* (по выраженію *Казанск. Лѣт.*), раскаявался въ своемъ

Обольстивъ Василія миромъ, удаливъ отъ него Махмета, Сигизмундъ спѣшилъ наказать оставленнаго Рускими Гермейстера Нѣмецкаго. Албертъ не имѣлъ силы защищаться. Поляки заняли города Орденскіе. Бѣдный Гермейстеръ униженно просилъ пощады. Сигизмундъ согласился заключить съ нимъ миръ на четыре года. Албертъ всюду искалъ послѣ того пособія, и, видя необходимость, продалъ старцу Плеттенбергу всѣ права свои на Ливонію. Съ 1521 года, Плеттенбергъ объявилъ Орденъ Ливонскій самобытнымъ, послѣ 284-хъ-лѣтней зависимости отъ Нѣмецкаго (87). Здѣсь оканчивается Исторія славнаго Ордена Нѣмецкихъ Рыцарей. Тщетно Албертъ призналъ себя подвластнымъ Императору. Сигизмундъ объявилъ ему войну по истеченіи четырехъ-лѣтняго сро-

вѣроломствѣ противъ Рускихъ, и въ 1515 г. прислалъ въ Москву богатые подарки Василію, прося прощенія (300 богато-убранныхъ коней, *Царскій* доспѣхъ, шатеръ), когда Казанцы въ тоже время просили въ Цари Абдулъ-Летифа. *Шихалей* (испорченное имя, изъ имени: *Шеихъ-Али*) былъ праправнукъ Ахмата (*Родосл. книги*). Далѣе, *Крымскія дѣла* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 182).

(87) Дѣла Прусскія (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 207, 208); Кельхъ, стр. 165.

ка, и Албертъ, сдѣлавшійся въ то время ревностнымъ Лютераниномъ, сбросилъ орденскую мантію, призналъ зависимость свою отъ Польши, въ качествѣ *Герцога Прусскаго*, принялъ гербъ Польскій, и женился (въ 1526 г.) на дочери Датскаго Короля. Бѣдные остатки Рыцарей видѣли въ Албертѣ безбожнаго отступника, избрали себѣ другаго Гермейстера, но—это была уже тѣнь, безъ всякой существенности (88).

Около года прошло тихо. Нежданныя событія въ Казани доказали Василію, что не однимъ набѣгомъ могутъ быть опасны Крымскіе варвары, и что руководимые политикою Европейцевъ, они могутъ такъ-же хитро и скрытно обманывать, какъ и народы, называющіе себя просвѣщенными.

(88) Извѣстна важная роля, какую впослѣдствіи началъ играть въ дѣлахъ Имперіи и Реформаціи Албертъ Бранденбургскій, союзникъ и врагъ Карла V-го и Мавриція Саксонскаго (см. *Исторію Карла V-го* соч. Робертсона). Въ 1526 г. Папа (за это Кельхъ называетъ *Римъ* и *Папу* — die Gross - Babilonische Hure) выбралъ новаго *мнимаго* Гермейстера Тевтонскаго, Вальтера ф. Кронберга. Отъ него пошелъ рядъ Тевтонскихъ Гермейстеровъ, продолжавшійся до нашихъ временъ — пустой титулъ, къ которому причислялись разныя помѣстья Орденскія въ Германіи, Франціи, Италіи и другихъ земляхъ!

Шихалей принятъ былъ Казанцами по неволѣ, и остался рабомъ Великаго Князя Московскаго на тронѣ своемъ. Тѣмъ тяжеле было это рабство, что Казанцы отвыкли уже въ послѣдніе годы отъ безмолвнаго повиновенія Рускимъ. Толстый, некрасивый собою, Шихалей былъ ничтоженъ душей, при огромномъ тѣлѣ. Ни онъ, ни воевода Русскій Карповъ, ни Посолъ Русскій Василій Юрьевъ не знали, когда Крымскій Царевичъ Саипъ-Гирей прискакалъ подъ Казань, весною 1521 года. Жители встрѣтили и приняли его съ радостью. Рускихъ, бывшихъ въ Казани, ограбили, оставили въ плѣну. Шихалея и Карпова отпустили; они пробирались по степямъ Приволжскимъ, терпя голодъ и боясь смерти отъ хищныхъ Черемисовъ. Но Василій встрѣтилъ Шихалея, какъ Царя-изгнанника, изъявилъ ему всю дружбу, плакалъ, при всемъ народѣ обнимая его, и обѣщалъ отплатить врагамъ его. Но враги Василія и Шихалея бодрствовали (89).

Съ первою травою, Крымцы, въ силахъ многочисленныхъ, предводимые самимъ Махметомъ, соединясь съ Ногаями, помчались прямо къ

(89) Герберштеинъ, R. M. стр. 68; Ист. Гос. Росс. т. VII, прим. 217, 218; Казанск. Лѣт.

Москвѣ. Дашковичъ и Казаки его были съ ними. Саипъ шелъ въ то-же время изъ Казани. Василій вдругъ узналъ о набѣгѣ Казанцевъ, и о томъ, что Махметъ уже разбилъ на Окѣ высланныхъ противъ него воеводъ. Побѣдитель Сигизмунда оробѣлъ и бѣжалъ изъ Москвы въ Волоколамскъ, поспѣшно сзывая отвсюду войско. Въ Кремлѣ Московскомъ затворились защитники, Царевичъ Петръ, многіе Бояре. Страшная тѣснота, отъ жителей, сбѣжавшихся въ Кремль и оставившихъ посады въ добычу Татарамъ, угрожала голодомъ и болѣзнями. Недоставало ни пороху, ни средствъ, ни бодрости защищаться. Опустошая все на пути своемъ, Махметъ соединился съ Саипомъ близъ Коломны, не занимался взятіемъ городовъ, и явился прямо подъ Москвою. Отряды его были даже на Воробьевыхъ горахъ; самъ Махметъ стоялъ на берегахъ Лопасни. Рѣшились спастись униженіемъ, и послали къ Махмету, предлагая ему — платить дань, какую древле Русь платила Монголамъ! Махметъ потребовалъ въ этомъ грамоты клятвенной. Ее немедленно дали, прислали дары, припасы, меды въ станъ Татарскій, и легкомысленный варваръ горделиво отступилъ къ Рязани. Напрасно Дашковичъ, воинъ опытный, совѣтовалъ ему осадить Кремль, разослать войско для поисковъ, ибо повсюду встрѣтитъ онъ только ро-

бость и беззащитность. Махметъ ничего не слушалъ. Наконецъ, онъ вздумалъ было для опыта захватить Рязань, подъ которою закочевалъ на время своимъ обширнымъ таборомъ. Но въ Рязани начальствовалъ храбрый Хабаръ Симскій, спаситель Нижняго въ 1504 г. Онъ не допустилъ въ городъ Татаръ, увѣрявшихъ, что они идутъ только для размѣна плѣнныхъ. Ханъ прислалъ къ Хабару грамату, данную ему Боярами Московскими. Хабаръ оставилъ грамату у себя, и велѣлъ стрѣлять изъ пушекъ въ толпы Татарскія. Поздно увидѣлъ тогда ошибку свою Махметъ. Вѣроятно, Сигизмундъ обѣщалъ Крымцамъ воевать Русь въ тоже время, но не воевалъ. Астраханцы и враждебные Ногаи, пользуясь отсутствіемъ Махмета, пришли въ самый Крымъ и грабили безчеловѣчно. Съ досадою, Махметъ и Саипъ поворотили домой, жгли и губили по дорогѣ, увезли много добычи и плѣнниковъ. Послѣ ухода ихъ, нарочно посланные искали и находили множество дѣтей, разлученныхъ съ отцами и матерями, и брошенныхъ Татарами, которые брали съ собою только взрослыхъ (90).

(90) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 219, 220; *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 223); Спр. Лѣт. т.

Bayerische Staatsbibliothek München

Но тѣмъ для Руси ограничилась вся гибель успѣховъ Махмета, и они казались такъ маловажны, что спасеніе Москвы торжествовали, какъ чудесное событіе, ознаменовавъ день онаго на вѣки установленіемъ крестнаго хода въ Срѣтенскій

II, стр. 312; это повторено еще въ *Тип. Лѣт.* (стр. 375), *Костр.* (т. II, стр. 269), *Львова* (т. III, стр. 377). Любопытныя подробности см. у Герберштеина, (R. M. стр. 68). Онъ пишетъ между прочимъ, что Казанцы раззорили тогда Нижній Новгородъ и Владиміръ; что Послы Ливонскіе, бывшіе тогда въ Москвѣ, отъ страха бѣжали въ Тверь; что Василій нѣсколько дней укрывался гдѣ-то близъ Москвы, въ копнѣ сѣна (sub acervo foeni); что онъ особенно былъ благодаренъ Нѣмецкимъ пушкарямъ Никласу и Іордану, обѣщалъ имъ весьма многое, не далъ ничего, и проч.— Подвигъ Хабара Симскаго записанъ въ *Родословныя книги*, хотя Хабаръ произведенъ былъ въ Бояре не прежде 1524 г. (*Вивліоѳика* Новикова, т. XX, стр. 22), гораздо послѣ *Бѣльскихъ*, *Захарьиныхъ*, и другихъ сильныхъ царедворцевъ.— Станъ Махмета находился между рѣками *Лопаснею* и *Сѣверкою* (первая течетъ на ю. з. отъ Москвы, и впадаетъ въ Оку ниже Серпухова; вторая начинается недалеко отъ Подольска, на ю. в. отъ Москвы, и впадаетъ въ Москву рѣку выше Коломны). «Подъ Москвою повоеваша, и мон. Св. Николы на Угрѣшѣ, и В. К. любимое село *Островъ* сожгоша; а иные Татарове и въ *Воробьевѣ*, въ В. К. селѣ,

Bayerische Staatsbibliothek München

монастырь (91). Василій возвратился въ Москву, и объявилъ гнѣвъ свой воеводамъ, стоявшимъ на Окѣ и допустившимъ Татаръ до Москвы. Нѣкоторые изъ нихъ (Князь Владиміръ Курбскій, Шереметевъ, Замятнинъ) пали въ несчастной битвѣ, и спаслись отъ суда человѣческаго. Другихъ: Князей Ивана и Димитрія Бѣльскихъ, Князя Ивана Воротынскаго, Князя Оболенскаго-Лопату (выкупленнаго Хабаромъ изъ плѣна за 100 рублей), судили. Вся

были, и медъ на погребахъ В. К. пили, и многія села Князей и Бояръ около Москвы пожгоша,» и проч.

(91) Отдѣльное повѣствованіе о набѣгѣ Махмета, въ *Костр. Лѣт.* т. II, стр. 270 — 280, «отъ *иного* лѣтописца,» какъ сказано тамъ. Впрочемъ, это собственно *легенда*: говорится, что задолго до набѣга, блаженный *Василій Юродивый* молился предъ Успенскимъ соборомъ, и онъ, и другіе явно слышали въ запертой церкви шумъ, видѣли огонь; что слѣпая монахиня, въ *чудесномъ восхищеніи ума*, видѣла въ тоже время, какъ Чудотворцы Московскіе шли изъ Москвы, и были умолены Св. Сергіемъ воротиться въ Москву; что Махмету мечталось окрестъ Москвы множество Русскихъ полковъ, и проч. — «И того ради бываетъ *происхожденіе* съ честными кресты и со св. иконами къ Срѣтенію въ монастырь.»

вина пала на Воротынскаго. Ему объявили великую опалу. Запись въ вѣрности взята была въ 1522 г. съ Князя Василія Шуйскаго. Вѣроятно, и его винили въ оплошности. За тѣмъ, поспѣшно приготовили войско, ибо слышали, что Махметъ снова намѣренъ идти на Русь (92).

Оказавъ прежде непростительное малодушіе, Василій хотѣлъ показать примѣръ мужества, и самъ выѣхалъ противъ Крымцевъ въ обширный таборъ воинскій, расположенный близъ Коломны, лѣтомъ 1522 года. Сигизмундъ снова просилъ мира. Махметъ обратился не на Русь, но на Польшу. Онъ хотѣлъ истребить Казаковъ, мѣшавшихъ ему воевать Волынь, и въ сильномъ набѣгѣ своемъ погубилъ ихъ множество, захватилъ въ плѣнъ самого Дашковича, не шелъ на Русь, слыша, что его готовы встрѣтить, грозилъ Польшѣ, и рѣшился на-

(92) *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 230). Махметъ велѣлъ *кликать* на базарахъ Перекопи и Кафы, объявляя, чтобы «Князьямъ, и Мурзамъ, и Татарамъ быть всѣмъ готовымъ, и конямъ ихъ тучнымъ, и готовиться идти осенью на Русскую землю.» О судѣ воеводъ, Герберштеинъ, R. M. стр. 70. Запись Шуйскаго, въ *Собр. Г. Г.* т. I, N° 149.

конецъ завоевать и покорить враждебную Астрахань. Она всего болѣе отвлекла его въ 1521 г. изъ Руси. Усиленный Казанью, подвластною Саипу, Крымскій Ханъ мечталъ сдѣлаться грознымъ властителемъ, подобно предкамъ своимъ Чингисамъ. Грамату Бояръ Московскихъ на старинную дань, вѣроятно, самъ Махметъ считалъ только вынужденною отговоркою; онъ молчалъ о ней, и охотно вступилъ въ переговоры съ Василіемъ, который, готовясь къ отпору, предлагалъ Махмету миръ и союзъ, слыша о враждѣ Хана противъ Казаковъ и Польши. Василій не боялся предпріятій Махмета на Астрахань, даже радовался, видя враговъ Руси, истребляющихъ другъ друга. Русь и Крымъ помирились. Махметъ пошелъ къ берегамъ Каспійскаго моря, лѣтомъ 1523 года (93). Въ Декабрѣ 1522 г., послѣ

(93) Герберштеинъ пишетъ, что изъ табора на Окѣ, Василій горделиво говорилъ Махмету: «Что-же не идешь ты на честный бой? Или умѣешь только нападать разбойнически?» — а Махметъ отвѣчалъ ему: «Лучше тебя знаю мѣсто и время, гдѣ и когда сражаться, и пути въ твою Русь лучше тебя вѣдаю!» Имена воеводъ, бывшихъ съ Василіемъ, см. въ *Разрядныхъ книгахъ* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 231). О бѣдствіи Дашковича, говоритъ Миллеръ, *Cosaccica* (Ист. М. Р. Д. Н. Бантыша-Кам.

продолжительныхъ споровъ, заключенъ былъ наконецъ миръ съ Польшею. Сигизмундъ думалъ, что Василій смирился отъ Татарскаго урока; но Василій гордо отвергъ предложеніе вести переговоры въ Польшѣ, требовалъ присылки Пословъ въ Москву и упорно настоялъ на отдачу Смоленска. Сигизмундъ хотѣлъ за то, по крайней мѣрѣ, прочнаго мира. И въ этомъ было ему отказано. Заключили миръ, только на *пять лѣтъ*; границею положено было теченіе Днѣпра, ниже Смоленска, и по рѣкѣ Мерѣ, вверхъ до рѣки Иваки (94). Такимъ образомъ желаніе Василія исполнилось: *Смоленскъ*, отторгнутый Витовтомъ при его прадѣдѣ, сто двадцать лѣтъ бывшій оплотомъ Литвы противъ Руси, присоединился снова къ Русской землѣ. Ни перемѣны счастія, ни продолжительная война, не возвратили Польшѣ завоеваній Іоанна и сына его. Опустошенія Литвы и сговорчивость Короля Польскаго показывали крѣ-

т. I, стр. 116). О мирѣ съ Крымомъ, *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 260).

(94) *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 237, 238). Плѣнные остались безъ размѣна, и многіе положили голову на чужбинѣ. Такъ, напримѣръ, бывшій главный воевода Русскій, Челяднинъ, и Князь Булгаковъ-Голица, умерли въ Литвѣ.

ность и силу Руси. Ненадежность мира являла, что при первомъ удобствѣ, Польша снова увидитъ хоругви Русскія въ своихъ предѣлахъ, безъ надежды на успѣхъ въ битвахъ.

Но кто ручается за безпрерывное счастіе въ будущемъ? Василій, приближающійся къ старости, и бездѣтный, могъ опасаться пагубныхъ слѣдствій послѣ своей кончины. Онъ захотѣлъ распредѣлить основательно дѣла между Русью и Польшею, при посредствѣ знаменитаго Государя, и отправилъ къ Императору Карлу V-му грамату дружественную. Карлъ, въ то время побѣдитель Франциска I-го, могущественный Государь въ Европѣ и другихъ частяхъ свѣта, принялъ Посла Русскаго въ Мадритѣ и благосклонно выслушалъ напоминаніе о союзѣ Русской земли съ предмѣстникомъ его, Императоромъ Максиміаномъ. Рускіе предлагали ему посредство въ прочномъ мирѣ между Русью и Польшею, или готовы были въ союзѣ съ нимъ воевать Польшу, съ тѣмъ только, что Императоръ возьметъ себѣ за то Венгрію и Богемію, отдавъ Руси Кіевъ и другія Днѣпровскія области (95). Карлъ

(95) Въ 1522 г. ѣздилъ къ Цесарю подьячій Полушкинъ, и возвратился съ Посланникомъ Антоні-

лучше взялся миришь Польшу съ Русью, ибо нѣкогда было ему думать о войнѣ противъ Польши. Знаменитое Посольство отправилось въ 1526 г. Отъ Императора былъ назначенъ Посломъ Графъ Нугароль; отъ брата его Баронъ Герберштеинъ. Они заѣзжали въ Варшаву, и сначала уговаривали на миръ Сигизмунда; потомъ поѣхали въ Москву, и прожили здѣсь около 8-ми мѣсяцевъ. Король Польскій досадовалъ на посредничество Императора; но прислалъ однакожъ въ Москву Пословъ своихъ. Василій угощалъ знаменитыхъ гостей великолѣпно. Споры и требованія Польши и Руси были нескончаемы. Съ обѣихъ сторонъ хотѣли невозможнаго, не могли согласиться даже въ распредѣленіи границъ, какъ будто нарочно оставляя въ спорѣ о границахъ всегдашній предлогъ для войны. Утвердили только новый миръ на прежнемъ условіи, до 1533 года, и Герберштеинъ успѣлъ собрать множество свѣдѣній о Русской землѣ, которую знали хуже нежели Китай (96). Непріязнь съ Сигизмундомъ

емъ въ 1524 г. — Тогда послали въ Мадритъ Засѣкина (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 290).

(96) *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 292); Герберштеинъ, R. M. стр. 99, 100, 112, и другія.

продолжалась до самой кончины Василія. По крайней мѣрѣ, войны между ними болѣе не было. Нѣсколько лѣтъ прошло мирно (97). Въ сіи годы случилось много неожиданнаго въ Крыму, Казани, и при самомъ дворѣ Великокняжескомъ.

Изъявляя гнѣвъ свой противъ воеводъ, допустившихъ Махмета до Москвы, Василій имѣлъ, можетъ быть, тѣ-же причины къ негодованію на Князя Шемякина. Но, вѣрнѣе: онъ хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды Удѣльной системы. *Рязань* была присоединена къ Москвѣ, еще въ 1517 году. Іоаннъ, *послѣдній Князь Рязанскій*, и мать его Агриппина, уже давно томились—онъ въ темницѣ, она въ монастырѣ. На нихъ взвели небывалыя преступленія. При набѣгѣ Махмета на Москву, Іоаннъ успѣлъ бѣжать изъ темницы своей и погибъ безъ вѣсти. Агриппина умерла монахинею (98). Ос-

(97) *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 295). Въ 1532 г. миръ продолжили еще на годъ, и условились не содержать плѣнниковъ въ темницахъ и въ кандалахъ, подобно злодѣямъ и преступникамъ.

(98) Герберштеинъ, R. M. стр. 48; Арханг. Лѣт. стр. 190. — Допросъ слуги Рязанскаго Князя, послѣ пытки его въ Москвѣ, въ 1521 г, см. Ист. Г. Р. т. VII, прим. 248.

тавался *Шемякинъ*, потомокъ памятнаго Димитрія Юрьевича. Онъ вѣрно служилъ Василію, но былъ властителемъ сильнаго удѣла, не простымъ царедворцемъ и помѣщикомъ, какъ другіе Князья, Оболенскіе, Воротынскіе, Масальскіе. Шемякина особенно ненавидѣлъ Князь Стародубскій и безпрерывно клеветалъ на него. Откровенно оправдавшись однажды, Шемякинъ былъ потребованъ снова въ 1523 году; въ безопасности его ручался самъ Митрополитъ (99). Шемякинъ довѣрчиво пріѣхалъ въ Москву, и былъ осужденъ на вѣчное заточеніе. Послали взять его Княгиню, Бояръ; Княжество его присовокупили къ Великому; внукъ Шемяки погибъ въ своемъ безвѣстномъ заточеніи, и — *послѣдніе слѣды Удѣловъ* исчезли навсегда! Напрасно Троицкій Игуменъ Порфирій вопіялъ о несправедливости, о нарушеніи слова Митрополитова; его принудили оставить Троицкую обитель и сослали на Бѣлоозеро. Митрополитъ не обинуясь хвалился тѣмъ, что

(99) Опасная грамата Василія Шемякину, и подтвержденіе Митрополита Симеона, 1511 г., въ *Собр. Г. Г.* т. II, № 28, 29.—Въ 1517 г. Шемякинъ былъ оправданъ въ Москвѣ. Василій придалъ тогда къ удѣлу его Путивль.

избавилъ своимъ вѣроломствомъ Русскую землю отъ *запазушнаго врага* (100).

Въ Москвѣ свѣдали, почти въ одно время, объ успѣхахъ Махмета, и погибели его. Гордый Ханъ счастливо покорилъ Астрахань, и былъ потомъ измѣннически зарѣзанъ Ногайскимъ Княземъ Мамаемъ, союзникомъ своимъ, когда вмѣстѣ съ друзьями пировалъ побѣду. Сынъ его, храбрый Баядуръ, воины, наѣздники, были захвачены врасплохъ и перебиты. Малая часть войска Крымскаго бѣжала въ Крымъ. Ногаи гнались за своими врагами, и раззорили Крымскіе улусы. Дашковичъ, влекомый плѣнникомъ къ стѣнамъ Астрахани, бѣжалъ въ общемъ смятеніи, снова собралъ удальцовъ своихъ, и страшно свирѣпствовалъ въ Крыму вмѣстѣ съ Ногаями, сжегъ Азовъ, грабилъ Татарскія селенія, обогатился добычею (101). Мѣсто Махмета заступилъ сынъ

(100) Герберштеинъ, R. M. стр. 48; Ист. Г. Р. т. VII, прим. 251 до 258; *Сказанія Курбскаго*, изд. Н. Г. Устряловымъ (Спб. 1833), т. I, стр. 168. Впрочемъ, разсказы Герберштеина и Курбскаго исполнены большихъ невѣроятностей. Въ Архивѣ Государственномъ хранится переписка Шемякина съ Василіемъ (Ист. Г. Р. VII, прим. 252).

(101) Астраханцы просили помощи Василія — *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 260). Подробности у Герберштеина, R. M. стр. 75, 76.

его Казы-Гирей; но дядя юнаго Хана Сайдетъ-Гирей овладѣлъ Крымомъ, удавилъ Казы-Гирея, и предлагалъ дружбу Василію, прося его не воевать Казани, гдѣ безчеловѣчный Саипъ вѣроломно обагрился кровью Рускихъ. Узнавъ о взятіи Астрахани, не предчувствуя бѣдствія Махметова, Саипъ думалъ, что теперь настало время мщенія Москвѣ, и началъ его тѣмъ, что перерѣзалъ Русскихъ купцовъ, бывшихъ въ Казани, убилъ даже Посла Великокняжескаго, Юрьева. Послѣ погибели Махмета, столь неожиданной, Казани грозило мщеніе ужасное. Василій послалъ къ Сайдету подтвердить миръ; но велѣлъ сказать, что Саипъ злодѣй, а не Царь, рѣжетъ мирныхъ купцовъ и Пословъ, и за то съ нимъ мира не будетъ. Крымъ не въ состояніи былъ помогать Казани, и предалъ ее мщенію Русскаго Государя (102). Не смотря на новое усиленіе Казаковъ, которымъ Сигизмундъ отдавалъ цѣлые города для поселенія, видя въ нихъ лучшій оплотъ Волыни, Крымъ принужденъ былъ воевать Польшу, ибо Султанъ, начавъ тогда войну съ Венгріею, велѣлъ Крымцамъ раззорять владѣнія Сигизмун-

(102) *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 263).

да. Герой Острожскій ждалъ Крымцевъ, и отмстилъ имъ за пораженіе подъ Соколемъ. Онъ, Дашковичъ, Ланцкоронскій, и храбрый воевода Кіевскій, другъ и родственникъ Дашковича, Немировичъ, разгромили полчища Крымцевъ. Казаки бросились послѣ того къ Очакову; 1300 человѣкъ этихъ удальцовъ еще разъ опустошили его. Крымъ, растерзанный столькими бѣдствіями, утихъ на нѣсколько лѣтъ (103).

Но совсѣмъ не такъ удачно происходили дѣла Рускихъ подъ Казанью. Передовые Русскіе отряды, подъ начальствомъ Шихалея и Князей Василія Шуйскаго и Бориса Горбатаго, ходили въ 1523 г. и раззоряли Казанскую область. Желая утвердить власть свою въ сихъ областяхъ прочнѣе, Василій велѣлъ имъ заложить на устьѣ Суры, при впаденіи ея въ Волгу, новый городъ, названный *Васильевымъ*. Здѣсь могло быть надежное пристанище, оплотъ Рускихъ въ будущихъ походахъ на Казань (104). Но главная рать отложена была до другаго года. Кажется, Василій рѣшался было на дѣло важное:

(103) Бѣльскій, стр. 552; Ист. Мал. Россіи, I, 117.

(104) Нынѣшнее имя его: *Васильсурскъ*; онъ находится въ 146 верстахъ отъ Казани.

хотѣлъ самъ идти, и — можетъ быть — завоевать Казань совершенно. По крайней мѣрѣ, онъ приготовилъ даже свою духовную, и сдѣлалъ всѣ надлежащія завѣщанія, къ сожалѣнію, для насъ утраченныя (105).

Но Василій не пошелъ самъ, и ввѣрилъ многочисленную рать Шихалею, и полководцамъ, большею частію неопытнымъ, отличеннымъ только одною знатностью. Славный Хабаръ Симскій предводилъ конницею; но Иванъ Бѣльскій былъ главнымъ вождемъ, послѣ Шихалея, надъ пѣхотою, плывшею на судахъ. Все благопріятствовало успѣху; Саипъ не дерзнулъ даже дожидаться Рускихъ и бѣжалъ въ Крымъ. Казанцы, оставшись безъ него, избрали Царемъ племянника его, юношу Сафа-Гирея.

(105) До насъ дошла (*Собр. Г. Г. т. I, № 150*) только дополнительная *запись*, гдѣ Василій пишетъ, что онъ обѣщалъ, если возьметъ Смоленскъ, построить въ Москвѣ Дѣвичій монастырь, и въ немъ храмы: Пречистыя и Происхожденія Честнаго Креста, опредѣляя на строеніе 3,000 рублей, и вкладу село, или два, съ запашкою 3,000 четвертей земли; но что исполнить своего обѣщанія не успѣлъ, и потому съ клятвою заказываетъ исполнить его наслѣдникамъ, въ случаѣ своей смерти (обѣтъ сей исполнилъ онъ самъ, построивъ въ 1525 г. *Новодѣвичій* монастырь, про-

Шихалей и Бѣльскій пришли къ Казани, и гордо потребовали сдачи города. «Побѣдите и возьмите!» отвѣчали имъ. Вожди Русскіе рѣшились ждать тяжелыхъ орудій, которыя, вмѣстѣ съ припасами, везъ по Волгѣ Князь Палецкій, и конницы, ведомой по берегу Волги Хабаромъ. Прошло четыре недѣли. Воеводы бездѣйствовали, не пользовались даже замѣшательствомъ непріятеля, когда загорѣлась деревянная стѣна Казанская; не замѣчали и опустошенія окрестностей, нарочно оголоженныхъ непріятелемъ. Вдругъ получено было извѣстіе, что Хабаръ разбитъ на пути. Шихалей и Бѣльскій видѣли себя лишенными конницы и припасовъ, и не знали, что̀ дѣлать; хотѣли даже отступать и идти чрезъ Вятку, потопивъ суда, ибо опасались нападеній и недостатка. Но Хабаръ пришелъ благополучно, разбивъ дорогою Татаръ, Чувашъ и Черемисовъ, окру-

тивъ любимаго своего села Воробьевскаго). Любопытны слова Василія: «напередъ сего писалъ свою духовную грамату, да списокъ приписной къ дух. граматѣ, а подписалъ ту Д. Г. и списокъ Варлаамъ Митрополитъ.» Слѣдственно: всѣ распоряженія на случай смерти своей, Василій сдѣлалъ еще до 1522 года, ибо Варлаамъ отрекся отъ Митрополіи 17 Дек. 1521 года. Не набѣгъ-ли Махмета заставилъ въ то время Василія подумать о будущемъ?

жившихъ его, подъ предводительствомъ богатыря Аталыка. Пришелъ и Палецкій, хотя принужденъ былъ побросать въ воду тяжелыя пушки, при жестокомъ нападеніи Черемисовъ. Тогда окружили Казань, и—вдругъ помирились съ Сафа-Гиреемъ, почти безъ битвы. Войско Русское отступило; множество людей погибло на возвратномъ пути отъ недостатка и болѣзней. Василій разгнѣвался на воеводъ, особенно на Бѣльскаго. Подозрѣвали, что Казань купила у него пощаду золотомъ. Бѣльскій былъ нѣсколько времени подъ гнѣвомъ Государевымъ, но потомъ прощенъ, давъ запись въ вѣрности и доброжелательствѣ. Такія-же записи дали на себя братъ его, и Князь Воротынскій, остававшійся въ немилости съ самаго прихода Махметова на Москву. Василій оказался снисходителенъ и къ Сафа-Гирею, который присылалъ просить прощенія, обѣщаясь быть мирнымъ присяжникомъ Руси. Князь Пенковъ ѣздилъ въ Казань, и заключилъ съ нимъ договоры (106).

(106) *Казанскій Лѣт.*, и другіе; но подробности лучше у Герберштеина, R. M. стр. 71, и слѣд. Онъ пишетъ, что Русское войско простиралось до 180,000 человѣкъ, и пересказываетъ отвѣтъ Казанцевъ, отъ имени 13-ти-лѣтняго Сафа-Гирея, такъ: Si regnum

Отъ чего являлось такое расположеніе Василія къ миру и прощенію? Не отъ того-ли, что *женская прелесть* побѣдила его тогда — какъ говорили современники: онъ былъ счастливъ любовью и хотѣлъ только мира и тишины. Вотъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ событій, имѣвшее слѣдствіемъ важныя государственныя перемѣны, раскрывающее намъ въ Государѣ человѣка, и тѣмъ болѣе любопытное, что тайны Дворскія всего менѣе извѣстны намъ изъ преданій старины. Почти всегда, мы видимъ слѣдствія, не зная причинъ.

hoc meum habere cupis, age ferro decernamus utriq.; it cui fortuna dederit, habeat. Записи братьевъ Бѣльскихъ и Воротынскаго, *Собр. Г. г.* т. I, № 152, 153, 154. Ужасныя клятвы помѣщены въ сихъ записяхъ, вмѣстѣ съ ручательствомъ Духовныхъ, и все это подтверждено было присягою при гробѣ Петра Митрополита. — О покорности Сафа-Гирея, *Стр. Лѣт.* II, 314. Сказываютъ (*Каз. Лѣт.*), что съ тѣхъ поръ пошла на Руси пословица: «*Съ одной стороны Черемиса, а съ другой берегися.*» Тогда-же, Василій запретилъ ѣздить въ Казань на ярмарку, и отвелъ мѣсто для ежегоднаго сборища купцовъ Русскихъ и Татарскихъ на берегу Волги, верстъ около 100 далѣе Нижняго Новгорода, близъ озера *Желтыя воды*, не вдалекѣ отъ селенія *Лыскова* (существовавшаго въ 1412 г.), гдѣ Св. Макарій устроилъ нѣкогда обитель, раззоренную

Женатый еще въ юности (въ 1505 г., когда было ему только 26-ть лѣтъ), Василій не имѣлъ дѣтей. Соломонія, супруга его, отличалась добродѣтелью, сокрушалась, слыша о желаніи супруга и подданныхъ видѣть наслѣдника, давала благочестивые обѣты, ходила по святымъ обителямъ, молилась со слезами. Тщетно: Провидѣніе не благословляло ея супружества дѣтьми! Но, тоскуя о своемъ сиротствѣ, иногда со слезами смотря на птичекъ небесныхъ и говоря: «Я всѣхъ васъ бѣднѣе—у меня нѣтъ дѣтей» — Василій соблюдалъ однакожъ святость брака, хотя не любилъ супруги своей. Вдругъ увидѣлъ онъ красавицу, и для нея забылъ все, рѣшился растерзать сердце добродѣтельной женщины, съ которою жилъ 20-ть лѣтъ, даже — нарушить всѣ уставы церковные. Можетъ быть, еще не знали тогда царедворцы, на кого падетъ вы-

Татарами въ 1439 году, послѣ чего Св. Макарій перешелъ на Унжу, и тамъ въ новопостроенномъ мон. сконч. въ 1504 г., послѣ 83-хъ лѣтъ иночества. Но слобода близъ раззоренной обители его назвалась по имени его *Макарьевою*: это было началомъ знаменитой *Макарьевской ярмарки*. Обитель Макарія возобновили уже въ XVII-мъ вѣкѣ, а Екатерина переименовала слободу городомъ (см. о переводѣ ярмарки изъ Казани, Герберштейна, R. M. стр. 73).

боръ новой Великой Княгини; каждый думалъ приблизиться къ трону родствомъ, и общій голосъ Двора потакалъ страстямъ Государя. Митрополитъ тогдашній, Даніилъ, не былъ совершенно чуждъ міра; онъ и Бояре отвѣчали Василію единогласно, когда онъ требовалъ совѣта ихъ, что «безплодную смоковницу должно исторгать изъ вертограда,» и что Василій, по всѣмъ правиламъ церковнымъ, и ради счастія отечества, не только можетъ, но *долженъ* развестись съ Соломоніею и вступить во второй бракъ (107).

Но среди голоса льстецовъ раздались и голоса людей прямодушныхъ. Таковъ былъ *Князь Симеонъ Курбскій*, завоеватель Югріи, мужъ строгаго, суроваго нрава, отличенный правотою и просвѣщеніемъ. Онъ смѣло заговорилъ противъ Василія и льстецовъ его. Къ нему присоединилъ голосъ свой *инокъ Вассіанъ*: это былъ тотъ знаменитый *Бояринъ Василій Ивановичъ Патрикѣевъ*, сообщникъ Елены и Димитрія, котораго принудили принять монашество, вмѣстѣ съ отцомъ его, въ 1499 году. Василій, немедленно по вступленіи на престолъ, какъ будто въ очищеніе совѣсти, при-

(107) Псковск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 276).

звалъ Вассіана въ Москву, поселилъ его въ Симоновѣ, уважалъ, совѣтовался съ нимъ, называлъ его *умягченіемъ души своей, веселіемъ бесѣды, наставникомъ любви*, и отпускалъ ему изъ дворца кушанья. Стоя на порогѣ гроба, Вассіанъ не хотѣлъ потакать слабостямъ Государя. Наконецъ заговорилъ еще одинъ любимецъ Василія — *инокъ Максимъ*. Онъ былъ нѣкогда вызванъ изъ Аѳонскихъ горъ, для разбора, перевода и исправленія церковныхъ книгъ, и около 20-ти лѣтъ жилъ въ Чудовомъ монастырѣ, выучился языку Русскому, занимался неутомимо, былъ любимъ и уважаемъ Василіемъ. Нерѣдко Максимъ говорилъ ему правду, стоялъ за невинныхъ, и возопилъ теперь о правотѣ Соломоніи. Все это произвело большія смятенія при Дворѣ. Крамольники и льстецы не хотѣли оставить начатаго дѣла; былъ труденъ первый шагъ: рѣшились погубить противниковъ. Вассіанъ издавна ссорился съ монахами: онъ укорялъ ихъ роскошью житья; противъ него писали оскорбительныя возраженія; его самого представляли сластолюбцемъ и плотоугодникомъ. «Посмотрите на проповѣдника иноческаго смиренія» — говорили противники Вассіана — «онъ не жалуетъ роскошной пищи монастырской — хлѣба ржанаго и капустныхъ или свекольныхъ щей, каши, съ мозглымъ молокомъ, или съ избойнымъ сокомъ, ни пива убогаго—

нѣтъ! онъ скроменъ и неприхотливъ: ѣстъ хлѣбы пшеничные, крупичатые, и брашны многія, *пестротныя* и *услаждаемыя*, которыя приносятъ ему съ трапезы Великаго Князя. Если сложить монастырскія выти, такъ онъ съѣдаетъ только противъ 2,000 иноковъ. И какъ съ его великимъ постничествомъ сравнять роскошь другихъ монаховъ! Они услаждаютъ голодъ свой великими ѣствами: овсянымъ невѣянымъ хлѣбомъ, или ржаною толченою мукою, и часто ѣдятъ хлѣбъ сухой, безъ соли. А питье ихъ? вода; а овощи ихъ? свекла да рѣпа, да калина, да рябина; а одежда ихъ? заплатки на заплаткахъ. Не худо воздержникъ нашъ помогаетъ алчбѣ своей и питіемъ: пьетъ нестяжатель сей романею, бастръ, мушкатель, ренское бѣлое вино.» — Еще сильнѣе воздвиглось гоненіе на мудраго Максима. Его обвинили въ ереси; сказали, что онъ хочетъ *испорушить* святость книгъ старинныхъ; открыли —это казалось еще страшнѣе—что онъ *осуждаетъ* дѣла Василія. — Начался судъ. Бояринъ Беклемишевъ-Берсень, впадшій въ немилость, Дьякъ Жареный и другіе, были обвинены вмѣстѣ съ Максимомъ. Въ самомъ дѣлѣ, у Максима нашли проповѣдь «*противъ мужей, оставляющихъ женъ своихъ безъ вины законныя.*» Въ допросахъ открылось множество уликъ о непристойныхъ рѣчахъ противъ Государя. Казнь

преступниковъ была ужасная: Беклемишеву отрубили голову, Ѳедору Жареному отрѣзали языкъ. Максима пощадили — только сослали въ Тверской монастырь, гдѣ не выпускали его изъ келліи, не дозволяли ему даже приходить въ церковь и пріобщаться святыхъ Таинъ. Опала постигла и другихъ противниковъ тайной мысли Василія: Князя Курбскаго удалили отъ Двора, онъ умеръ въ ссылкѣ (1527 г.). Вассіана предали въ руки враговъ: послали его въ Іосифовъ Волоколамскій монастырь. Все умолкло (108). Но Василій хотѣлъ еще соблюсти благовидность. Соломоніи предложили, именемъ его, самой отречься отъ супружества и раз-

(108) Герберштейнъ пишетъ (R. M. стр. 58), что Князь Симеонъ Курбскій былъ человѣкъ такой постной жизни, что только по воскресеньямъ, вторникамъ и субботамъ ѣдалъ рыбу, а мяса не ѣлъ вовсе. О Вассіанѣ, см. выше, т. V, прим. 503. О Максимѣ, *Сказанія Курбскаго*; отдѣльное *Сказаніе о Максимѣ инокѣ Святогорцѣ*, въ библ. Троицко-Сергіевской (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 339); тамъ-же находится и рукописное собраніе его сочиненій, всего числомъ 134 (Ист. Г. Р. т. VII, пр. 341). Но всего любопытнѣе — *Дѣло о Максимѣ Грекѣ*, хранящееся въ Государственномъ Архивѣ, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ матеріяловъ для Русской Исторіи XV-го вѣка, къ сожалѣнію, извѣстный намъ только по выпискамъ въ примѣчаніяхъ къ

рѣшить Василія. Къ досадѣ и изумленію всѣхъ, она не хотѣла объ этомъ слышать. Тогда забыли всѣ приличія и насильно увлекли Соломонію изъ дворца. Самъ Митрополитъ постригалъ ее въ Рождественскомъ монастырѣ. Соломонія противилась совершенію обряда, рвала на себѣ одежды, сбросила куколь иноческій, топтала его ногами, и громко вопила, что ее постригаютъ противъ воли. Шигона, бывшій

Ист. Гос. Россійскаго: это полное собраніе изслѣдованій, допросовъ и опредѣленій по дѣлу Максима. Споры Вассіана съ монахами находятся въ Посланіяхъ Вассіана, Максима Грека и Даніила Митрополита, а также въ книгѣ инока Зиновія на еретика Ѳеодосія Косаго: все это донынѣ сохраняется въ рукописяхъ.... Берсень говорилъ Максиму, въ тайныхъ бесѣдахъ съ нимъ, что его не отпустятъ обратно въ Грецію, потому, что онъ «свѣдалъ добрая и лихая,» что дѣлается въ Руси. Далѣе, Берсень осуждалъ безполезныя пересылки пословъ съ Турецкимъ Султаномъ; осуждалъ Митрополита (говоря, что «учительнаго слова отъ него нѣсть ни котораго, и не печалуется онъ ни о комъ; а прежніе святители печаловали Государямъ о всѣхъ людяхъ»); осуждалъ и Василія, что онъ «упрямъ, и *встрѣчи* (противорѣчія) противъ себя не любитъ, а кто молвитъ противо, и онъ на того опалится. А отецъ его встрѣчу любилъ, и тѣхъ жаловалъ, которые противъ его говаривали, и добръ былъ В. К. Иванъ, и ласковъ до людей; по-

въ немилости у Василія, и усердіемъ въ этомъ дѣлѣ снова заслужившій милость его, былъ такъ дерзокъ, что ругалъ Соломонію, даже, поднялъ на нее руку—ударилъ ее! «Какъ смѣешь ты?» восклицала несчастная. «Смѣю»—отвѣчалъ Шигона—«Государь отдалъ тебя въ волю нашу!»—Ее назвали *Софіею*, и увезли въ Суздальскій монастырь, гдѣ она пережила своего невѣрнаго мужа, и видѣла гибель своей сча-

шлетъ людей на которое дѣло, ино и Богъ съ ними; а нынѣшній Государь не потому, людей мало жалуетъ.... да заперщися самъ-третей, у постели всякія дѣла дѣлаетъ.... А нынѣ отвсюду намъ брани, ни съ кѣмъ намъ мира нѣтъ, за наше нестоянье.»—«Какъ понялъ ты слово: *нестоянье?*» спрашивали судьи Максима.—«Мнѣ-ся мнитъ по моей мысли, какъ-бы: *несовѣтіе и высокоумiе*,» отвѣчалъ онъ. Тщетно кланялся судіямъ своимъ Максимъ, даже соглашался на то, что погрѣшности его въ переводѣ книгъ «нѣчто излишнему винопитію, погрузившу его, написашесь.»—Его не слушали. Тяжкое заточеніе Максима продолжалось болѣе 12-ти лѣтъ; потомъ облегчили его участь, и наконецъ перевели его въ Троицкую обитель, гдѣ въ уединеніи провелъ онъ еще нѣсколько лѣтъ, и умеръ въ 1556 г., *тридцать три* года страдавши послѣ своего осужденія! Никто не смѣлъ напомнить объ немъ Царю Іоанну, хотя Максимъ усердно молилъ о прощеніи; притомъ врагъ его, Митроп. Даніилъ уже былъ низверженъ, и даже Пат-

стливой соперницы. Ужасное извѣстіе встревожило Василія потомъ: оказалось, что Соломонія была беременна, и въ монастырѣ родила. Не знаемъ послѣдствій (109).—Совѣсть не тревожила уже Василія. Онъ все позабылъ тогда, счастливый любовью. Едва прошло два мѣсяца послѣ удаленія Соломоніи, Василій потребовалъ разрѣшенія Духовныхъ на второй бракъ. По древнимъ уставамъ, мужъ долженъ былъ

ріархъ Александрійскій умолялъ о немъ Царя. Въ заключеніи своемъ, Максимъ написалъ, углемъ на стѣнахъ келліи, цѣлый *канонъ Св. Духу*; впослѣдствіи, отъ скуки списалъ онъ Псалтирь (списокъ этотъ хранится въ Новгор. Соф. Библіотекѣ), и наконецъ, когда дано было ему болѣе свободы, онъ опять сочинялъ и переводилъ книги, между прочимъ перевелъ Правила Соборовъ и Псалтирь. Митрополитъ Платонъ воздвигъ часовню надъ гробомъ Максима въ Троицкой Лаврѣ.—Вассіанъ умеръ вскорѣ послѣ ссылки своей, не перенеся тяжести и суровости заключенія.

(109) Герберштейнъ, R. M. стр. 18; Ист. Г. Р. т. VII, прим. 280.—Соломонія умерла въ 1542 году. Василій подарилъ ей на содержаніе село Вышеславское, близъ Суздаля. О рожденіи ею сына пишетъ Герберштейнъ (R. M. стр. 19), даже сказываетъ его имя: *Георгій*. Въ лѣтописяхъ говорится о Соломоніи кратко: «Постриже́ся въ черницы, болѣзни ради» (Стр. Лѣт. II, стр. 314)—«В. К. постриже свою В. К. Соломонію, по совѣту ея, тягости ради и болѣзни без-

постричься, если отпустилъ жену свою въ монахини. Въ этомъ охотно разрѣшили Великаго Князя. Тогда онъ объявилъ имя избранной имъ невѣсты.

Избранная счастливица была *Елена*, племянница знаменитаго измѣнника Литовскаго, *Михаила Глинскаго*, уже 12-ть лѣтъ сидѣвшаго въ темницѣ, послѣ побѣга своего въ Польшу. Братъ Михаила, Василій Глинскій умеръ въ сіе время, находясь при Дворѣ ничтожнымъ царедворцемъ, ни въ опалѣ, ни въ милости. Послѣ него оставались жена, и трое сиротъ: два сына, Михаилъ и Юрій, и дочь Елена, дѣвица рѣдкой красоты, гордая, честолюбивая, вольная въ обращеніи, превышавшая другихъ, и особливо Русскихъ дѣвицъ, своимъ Литовскимъ образованіемъ. Василій избралъ Елену, къ досадѣ и оскорбленію всѣхъ знатнѣйшихъ вельможъ. Они такъ явно изъявляли негодова-

дѣтства (*Костр. Лѣт.* II, 284). Тоже въ *Тип. Лѣт.* стр. 382; но далѣе слѣдуетъ льстивая выходка, будто-бы Василій не соглашался на разводъ, а Соломонія усердно умоляла его, и проч. (стр. 383). Только *Псковск. Лѣт.*, всегда питавшій свою непріязнь къ Василію, прибавляетъ къ своему извѣстію о постриженіи В. К. и о свадьбѣ Елены: «а все то за наше согрѣшеніе; *иже аще кто пуститъ жену свою, а оженится другою—прелюбы творитъ*»...

ніе за сей выборъ, что многимъ изъ нихъ объявили опалу. Въ томъ числѣ былъ Князь Ѳ. М. Мстиславскій, новый бѣглецъ изъ Литвы, не менѣе Глинскихъ знаменитый; кромѣ его Князь Горбатый, Князь Щенятевъ, герой Ляцкій, самый услужникъ Василія Шигона, и другіе (110).

Но свадьбу Василія праздновали великолѣпно, хотя народъ соблазнялся разводомъ его, и съ изумленіемъ видѣлъ племянницу бѣглеца и измѣнника Литовскаго возводимую на престолъ Русскій. Одни говорили, что сей бракъ не по закону Божію православному; другіе боялись, что чужеземные обычаи, и безъ того начавшіе внѣдряться въ Русь со времен Софіи, теперь еще болѣе усилятся и сдѣлаются опасны православію. Народъ соблазнялся и тѣмъ, что Василій, стараясь нравиться мо-

(110) Сказанія Курбскаго; Синод. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 310). *Мстиславскій* (дѣдъ того, который сдѣлался важнымъ лицомъ въ дѣлахъ Междоцарствія) былъ сынъ Князя Михаила Ижеславскаго (замѣтимъ: потерявшаго битву противъ Рускихъ въ 1501 г. близъ Мстиславля, присягнувшаго Василію, и потомъ измѣнившаго ему въ 1514 г.). Онъ выѣхалъ отъ отца своего въ Москву въ 1526 году (Тип. Лѣт. стр. 382). См. еще прим. 114.

лодой супругѣ, выбрилъ бороду. Царедворцы боялись знатныхъ чужеземныхъ родовъ: *Глинскіе*, *Мстиславскіе*, *Бѣльскіе*, превосходившіе Рускихъ образованіемъ, могли овладѣть Великимъ Княземъ. Партіи придворныхъ сдѣлались сильнѣе, скрытнѣе, непримиримѣе; таили злобу, но ждали только случая на погибель другъ друга (111).

По наружности все казалось спокойно. Василій былъ очарованъ Еленою, возвелъ даже въ знатные чины тайнаго любимца ея, моло-

(111) Въ *дѣлѣ Максима Грека*: «пришла сюда (въ Русь) мать Вел. Князя, Софья, съ Греки; ино земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ мирѣ, а съ нею пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Царѣградѣ. И язъ (Максимъ) молвилъ: «В. К. Софія, по отцѣ Царскій родъ, а по матери Вел. *Дуксуса Ферарійскаго*.» И Берсень молвилъ: «какова ни была, а къ нашему нестроенью пришла. Вѣдаешь, а и мы слыхали у разумныхъ людей: *которая земля переставливаетъ обычаи свои, и та земля недолго стоитъ*, а здѣсь у насъ старые обычаи В. К. перемѣнилъ,» и проч.—Максимъ Грекъ писалъ особенное *Посланіе о еже не брити брады*; но Василій брился, къ великому соблазну своихъ современниковъ (Герберштейнъ, R. M. стр. 96). — Свирѣпость партій дворскихъ узнаемъ вскорѣ. — Описаніе свадьбы Василія съ Еленою, см. въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XIII, стр. 5 – 19.

даго Князя *Ивана Θеодоровича Оболенскаго-*Телепнева-Овчину, и не могъ скрывать восторга, когда черезъ четыре года послѣ брака, послѣ многихъ путешествій на богомолья и усердныхъ обѣтовъ — 1530 г. Августа 25-го, Елена родила перваго сына: это былъ *Іоаннъ*— столь памятный въ Исторіи нашей! Не смѣли изъявлять сомнѣній въ семъ дѣлѣ (112); но сплели множество сказокъ о новорожденномъ младенцѣ. Говорили, что черезъ незаконный бракъ родился будущій тиранъ — «злое чадо, отъ коего царство наполнится ужаса и печали, кровь польется рѣкою, падутъ главы вельможъ, запылаютъ грады»; сказывали, что какой-то юродивый предвѣщалъ Еленѣ: «будешь матерью; родится у тебя сынъ

(112) О тайной связи Оболенскаго-Овчины говорили еще въ бытность Герберштейна въ Москвѣ (В. М. стр. 80). Но по кончинѣ Василія это сдѣлалось наглымъ народнымъ соблазномъ. Любимецъ Елены, отличавшійся умомъ и храбростью, родился отъ 6-го сына Ивана Оболенскаго-Стриги, *Князя Θедора Оболенскаго-Телепня*, происходившаго отъ Князя Василія (внука Константина Юрьевича Оболенскаго, убитаго при нашествіи Олгерда на Москву, въ 1368 году, см. Ист. Р. Н. т. V, прим. 82). Впрочемъ онъ былъ женатъ, и имѣлъ сына, *Θеодора*, погибшаго при Царѣ Іоаннѣ. Родъ Оболенскихъ былъ издревле однимъ

Тить, широкій умъ»; что въ Новгородѣ въ часъ рожденія Іоаннова гремѣлъ громъ, тряслась земля, и вылили колоколъ, который загремѣлъ, будто страшная труба. Между тѣмъ Василій, въ радости сердца, повезъ младенца въ Троицкую обитель. Тамъ крестили его Игуменъ Іоасафъ, дряхлый старецъ Іосифовскаго монастыря Вассіанъ, и Св. Даніилъ Переяславскій. Послѣ крещенія, младенца положили въ раку Св. Сергія, и державный родитель усердно молилъ Чудотворца: быть Іоанну спасеніемъ и покровомъ. Бѣднымъ раздавали щедрую милостыню; преступниковъ прощали, заключеннымъ давали свободу; на мощи Петра Митрополита и Алексія Митрополита заказаны были драгоцѣнныя раки. Василій простилъ всѣхъ находившихся у него въ немилости: Щенятева, Горбатаго, Морозова, Ляцкаго; Шигона сдѣлался съ того времени даже

изъ сильнѣйшихъ и многочисленныхъ при Дворѣ Русскомъ. О богомольяхъ Елены, *Ист. Г. Р.* т. VII, прим. 308. Въ 1529 г. Василій, съ супругою, ѣздилъ въ Кирилловскій, Каменскій, Глушицкій, Прилуцкій монастыри, и въ Корниліеву Спасскую пустыню, «и милостыню велію давалъ, и потѣшеніе по монастырямъ, и во градѣ (Вологдѣ) попамъ, а велѣлъ молиться о чадородіи, чтобъ далъ Богъ отродъ у него былъ.»

любимцемъ его (113). Простили и Ѳ. И. Мстиславскаго, который былъ уличенъ въ намѣреніи бѣжать въ Литву (114). Тяжкій преступникъ государственный, *Михаилъ Глинскій* находился уже тогда при Дворѣ въ большой почести, какъ дядя Государыни. Одно слово Елены болѣе дѣйствовало, нежели просьбы и старанія Императора. Немедленно послѣ свадьбы Василія, освободили Михаила изъ темницы. За вѣр-

(113) Грамата старца Паисія въ Син. Библіотекѣ; Степ. книга Латухина; Синод. Лѣт. (*Ист. Г. Р.* т. VII, прим. 277, 308, 311, 312); Спр. Лѣт. т. II, стр. 368. Паисій пишетъ, что о тиранствѣ Іоанна предвѣщалъ Марко, Патріархъ Іерусалимскій.

(114) Мстиславскій, прощенный за дерзкія слова о бракѣ Василія съ Еленою, женился въ 1529 г. на Анастасіи, дочери Петра Ибрагимовича, слѣд. родной племянницѣ Василія, ибо Петръ женатъ былъ на Евдокіи, дочери Іоанна III-го (см. выше, прим. 46). Въ *Собр. г. г.* т. I, N° 157, запись, данная Мстиславскимъ въ то время, въ вѣрности, и въ отреченіи отъ отца, который не хотѣлъ измѣнить Польшѣ и не ѣхалъ въ Русь. Другая запись его въ 1531 г., говоритъ о нарушеніи имъ обѣщаній (Собр. г. г. т. I, N° 159). Есть еще запись (N° 162) Мих. Алекс. Плещеева (1532 г.), и поручительство въ 2000 рубляхъ многихъ Бояръ по Князьяхъ Иванѣ и Андреѣ Михайловичахъ Шуйскихъ, въ 1528 году (N° 156); сіи Князья хотѣли бѣжать въ Литву.

ность его охотно поручилось потомъ множество царедворцевъ, обѣщая заплатить 5000 рублей, если Глинскій убѣжитъ въ Литву. Михаилъ и братья Елены были возведены въ знатные чины. Нянею къ Іоанну избрана была Боярыня Челяднина, родственница любимца Василіева, и — *сестра любимца Елены*, Князя Оболенскаго-Овчины (115).—Въ 1532 г. родился Василію другой сынъ, Юрій. Тогда позволилъ онъ жениться младшему брату своему Андрею. Андрей женился на Княжнѣ Хованской, въ Февралѣ 1533 года (116). До конца жизни Василіевой, Елена умѣла удержать любовь своего супруга и совершенно владѣть имъ. Разлучаясь на самое малое время, Василій переписывался съ нею, умолялъ ее «не держать его безъ вѣсти о ея здоровьѣ, какъ ее Богъ милуетъ,» тре-

(115) На записи по Михаилѣ Глинскомъ (Собр. Г. г. т. I, № 155) подписалось 46-ть человѣкъ, а самую запись брали съ нихъ Д. Ѳ. Бѣльскій, В. В. Шуйскій, Б. И. Горбатой. Это было въ Февралѣ 1527 года. Но еще прежде Глинскій былъ возведенъ въ Бояре. И. Ѳ. Оболенскій-Овчина пожалованъ въ Бояре въ 1532 г.

(116) Стр. Лѣт. II, 316. Описаніе свадьбы Андрея, см. въ *Вивліоѳикѣ*, Новикова, т. XIII, стр. 19—29.— «Билъ челомъ В. К. братъ его Князь А. И., чтобъ Князь Великій освободилъ жениться; а полюбилъ онъ дѣвку Андрееву Хованскаго,» и проч.

бовалъ подробностей о дѣтяхъ (117). — Съ братьями, Юріемъ и Андреемъ были заключены новые договоры, по которымъ они отказывались отъ Великокняжества, въ пользу дѣтей Василія, признавая Государемъ и наслѣдникомъ малолѣтнаго племянника, Іоанна (118).

Оканчиваемъ изложеніе послѣднихъ событій княженія Василіева. Они состояли изъ сношеній съ Польшею, о коихъ мы уже говорили выше; кромѣ того изъ отношеній Руси къ Татарамъ Крыма и Казани.

(117) Письма Василія, въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. III, стр. 99 (они хранятся въ Госуд. Архивѣ). Вотъ для примѣра слога: «Поболяетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и ты-бъ ко мнѣ и о томъ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливала-ли тобя полголовы, и ухо, и сторона; и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ; о всемъ о томъ ко мнѣ отпиши подлинно.... Да писала еси ко мнѣ, что Юрій сынъ попысался, а въ тѣ поры его парили въ корытѣ проскурнякомъ, а спускъ крѣпокъ, чернъ; ино и то дѣлаешь гораздо, что ко мнѣ о Юрьи сынѣ отписываешь подлинно. . . А зубу моему таково-жъ, какъ есми писалъ къ тебѣ,» и проч. — На оборотѣ писемъ надписи: «*Женѣ моей Оленѣ*.»

(118) Собр. Г. г. т. I, № 160, 161, договоръ съ Юріемъ.

Сайдетъ-Гирей не могъ умирить своихъ подданныхъ, не смотря на покровительство Турціи. Сынъ Махмета Исламъ, и Саипъ, бывшій Царь Казанскій, бунтовали, сражались съ Сайдетомъ; то, изгнанные, они просили помощи Рускихъ, то враждовали противъ Руси, успѣвая побѣдить Сайдета. Такъ въ 1527 г. Исламъ явился съ сильнымъ войскомъ въ Рязанскихъ предѣлахъ, когда Послы Сайдетовы договаривались о мирѣ въ Москвѣ. Разгнѣванный Василій велѣлъ утопить въ Окѣ Пословъ Крымскихъ, послалъ войско отражать хищниковъ; ихъ прогнали. Сайдетъ прислалъ извиняться, что Царевичъ Исламъ воевалъ безъ его воли, и ничего не поминалъ объ утопленныхъ Послахъ своихъ (119).

(119) *Крымскія дѣла*, и *Архивск. Лѣт.* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 299 — 301); *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 314, 361; *Тип. Лѣт.* стр. 384; *Костр. Лѣт.* II, 286. Подробности событій въ Крыму: въ 1524 г. Сайдетъ заключилъ Саипа въ темницу и хотѣлъ умертвить Ислама; Исламъ возсталъ противъ дяди, но помирился, получилъ званіе *Калги*, принужденъ былъ послѣ того бѣжать, и грабилъ караваны Армянъ и Рускихъ на Молочныхъ Водахъ. Съ Сайдетомъ заключили союзъ, и Василій звалъ къ себѣ Ислама (1525 г.). Исламъ успѣлъ изгнать дядю изъ Крыма, вскорѣ потерялъ власть, бѣжалъ къ Ногаямъ и помирился съ

Послѣ договора съ юнымъ Сафа-Гиреемъ Казанскимъ, Василій напрасно ждалъ исполненія сего договора, т. е. привычной, безусловной покорности Казанцевъ. Смѣлый Сафа-Гирей крѣпко держалъ въ рукахъ приверженцевъ Русскаго Князя, призывалъ къ себѣ на помощь Ногаевъ и Крымцевъ, укрѣплялъ Казань, не дѣлалъ набѣговъ, но и не изъявлялъ покорности. Напрасно напоминали ему объ этомъ. Видно было, что Сафа-Гирей ждетъ только случая къ

дядею. Тогда (1527 г.) онъ нападалъ на Русь, былъ опять изгнанъ по возвращеніи, а Сайдетъ, умертвивъ Князя Бахтіяра, княжившаго въ Старомъ Крымѣ, выслалъ Саипа въ Царьградъ, и грозно требовалъ отъ Василія (1530 г.) 1000 алтынъ дани съ Одоева, ограбилъ Русскаго Посла Злобина, и нападалъ на Бѣлевъ и Тулу, особливо подстрекаемый Сафа-Гиреемъ, выгнаннымъ въ то время изъ Казани. Василій (1531 г.) выслалъ сильное охранительное войско: Шихалея и Ахдовлета въ Путивль, съ *Городецкими Казаками*; Бѣльскихъ и Воронцова въ Каширу, Коломну, Серпуховъ, на Угру и въ Калугу (Стр. Лѣт. II, 316). Сайдетъ смирился, напалъ на Литву, и въ 1532 г. сверженъ былъ Исламомъ, который дружески просилъ у Василія названія *сына*. По волѣ Султана, онъ принужденъ былъ передать власть Саипу, приславшему сначала къ Василію съ увѣреніями въ дружбѣ, потомъ съ требованіемъ даровъ. *Городецкими* Казаками называли вольныхъ людей, жившихъ около Касимова (*Ме-*

явной войнѣ, Василій рѣшился приняться за оружіе, и многочисленное войско Русское выступило изъ Москвы. Князь Иванъ Бѣльскій предводилъ всѣми дружинами; конницею Михаилъ Глинскій; передовымъ полкомъ Оболенскій-Овчина. Они дошли до самой Казани. Сафа-Гирей съ боя уступалъ имъ каждый шагъ. *Охотники* Князя Оболенскаго-Овчины, ночью, успѣли подкрасться къ Казани, зажечь деревянную стѣну, и пользуясь тревогою напали на укрѣпленія. Но безпорядокъ въ начальствѣ мѣшалъ успѣху. Пока Рускіе ломились въ Казань, Черемисы напали на ихъ обозъ, взяли пушки, убили Князей Оболенскаго-Лопату, Дорогобужскаго, и другихъ воеводъ. Ихъ прогнали, и снова усильно наступили на городъ. Богатырь Апалыхъ

щерскаго городка, отъ чего происходило также названіе *Мещерскихъ Казаковъ*), и далѣе около Волги (отсюда названіе *Волжскихъ Казаковъ*). При набѣгѣ 1527 г. дрались съ Татарами черезъ Оку Мстиславскій, Шуйскій, Оболенскій-Лопата; самъ Василій стоялъ за 20-ть верстъ отъ Оки. Но на случай опасности, Москву приготовили къ оборонѣ. Послѣ того были слухи о чудесахъ, погнавшихъ Ислама отъ береговъ Оки; разсказы о какомъ-то Мурзѣ Алаѣ, который зажегъ церковь и окаменѣлъ на мѣстѣ отъ ужаса, такъ, что безъ сопротивленія былъ взятъ Рускими въ полонъ, и проч.

былъ убитъ въ отчаянной схваткѣ; Сафа-Гирей бѣжалъ изъ Казани и укрылся въ Арскомъ городкѣ. Къ удивленію всѣхъ, случилось тоже, что было уже въ 1524-мъ году. Бѣльскій согласился мириться, принялъ покорность Казанцевъ и повелъ войска обратно. На сей разъ Казанцы дѣйствовали искренно. Послы ихъ пріѣхали въ Москву. Тщетно Сафа-Гирей не хотѣлъ утверждать условій. Казанцы просили дать имъ опять Шихалея, взбунтовались, не стали слушаться своего Хана. Сафа-Гирей принужденъ былъ оставить Казань, и укрылся въ Крыму. Шихалей ѣхалъ занять его мѣсто, и былъ уже въ Нижнемъ, когда Казанцы, не взлюбившіе его, стали просить Василія дать имъ лучше младшаго брата Шихалеева, Еналея. Василій исполнилъ желаніе Казанцевъ, отправилъ Еналея и позволилъ ему жениться на дочери Ногайскаго Хана Юссуфа. Через три года (1533 г.) Шихалей лишенъ былъ Василіемъ удѣла своего въ Руси и сосланъ на Бѣлоозеро: открылось, что почитая себя обиженнымъ, Шихалей тайно крамольничалъ и сносился съ Казанью и Ногаями (120).

(120) Казанск. Лѣт.; Разрядныя книги; Ист. Г. Р. т. VII, прим. 302, 306; Спр. Лѣт. II, 315. У Глинскаго съ Бѣльскимъ вышли споры о мѣстахъ, «которому ѣха-

Сафа-Гирей злобился, и думалъ только о мести. Онъ возбуждалъ Сайдета и братьевъ идти на Русь. Ханъ, по его наущенію, началъ требовать подарковъ, дани съ Одоева, посылалъ хищниковъ грабить Русь, такъ, что Василій принужденъ былъ въ 1531 г. отрядить войско для защиты городовъ. Въ Крыму продолжались между тѣмъ несогласія. Сайдетъ былъ низверженъ Исламомъ, и замѣненъ Саипомъ, по волѣ Султана, въ 1532 г. Тогда Сафа-Гирей успѣлъ въ своихъ предпріятіяхъ: сильное войско Крымцевъ поспѣшно пробѣжало до самой Рязани: здѣсь Руские храбро сражались съ нимъ; Василій безпокоился, боялся, чтобы Татары не

ти въ городъ напередъ; и по грѣхомъ въ тѣ поры туча пришла грозна, и дождь былъ необыченъ великъ, и который былъ снарядъ, пищали полуторныя, семипядныя, сороковыя и затинныя, привезены на тѣлегахъ обозныхъ къ городу, и изъ нихъ было стрѣляти по городу, и посошные и стрѣльцы тѣ пищали въ тотъ дождь пометали, и Казанцы, вышедъ изъ города, поймали тотъ весь снарядъ»... По другимъ извѣстіямъ, «промежь большими воеводами пришла брань, и обоза города гуляя (особенное подвижное укрѣпленіе) не сомкнуша, и пришла Черемиса, и городъ гуляй взяли, пищалей затинныхъ 70,» и проч. — Въ *Казанск. Лѣт.* говорится о гнѣвѣ Василія на Бѣльскаго, будтобы посаженнаго въ темницу, по возвращеніи въ Мо-

прорвались до Москвы, и приготовлялся къ защитѣ столицы. Князь Дмитрій Палецкій разбилъ часть Татаръ подъ Зарайскомъ. Храбрый Оболенскій-Овчина поразилъ ихъ на берегахъ Осетра и безстрашно напалъ на самого Сафа-Гирея. Татары были отбиты и ушли. Руские не успѣли только отнять у нихъ захваченныхъ ими плѣнниковъ, не могли также спасти отъ раззоренія множества селеній. «Ты меня не вини» — писалъ послѣ того Саипъ къ Василію. «Люди мои не хотѣли меня слушаться: я ихъ послалъ на Литву, а они напали на твою Русь. Впрочемъ, самъ виноватъ: присылай больше даровъ и будешь спокоенъ. Мнѣ всѣ говорятъ: дружба Московская даетъ намъ въ годъ по соболю, а война по тысячѣ золотыхъ.» — Исламъ, какъ искренній другъ Руских, извѣстивши Василія о набѣгѣ, тѣмъ не менѣе участвовалъ въ немъ, но увѣрялъ и послѣ того въ дружбѣ. Сафа-Гирей не скрывалъ своей непримиримой

скву. О богатырѣ Апалыкѣ: «наѣзжалъ на сто воиновъ, удалыхъ бойцовъ; кого ударялъ въ голову, растинаше на двое до сѣдла; стрѣляше далѣе версты въ примѣту; бѣ исполинъ тѣломъ; очи велики и кровавы, аки буйволовы.» Онъ жестоко сражался съ Рускими въ 1524 году. Извѣстіемъ о ссылкѣ Шихалея заключается *Типографскій Лѣтописецъ*.

злобы. «Ты презрѣлъ мою дружбу» — писалъ онъ къ Василію — «смотри-же теперь на раззореніе земли твоей, и знай, что мщеніе мое еще не кончилось! Гдѣ только найду я врага тебѣ, буду ему другомъ на твою погибель» (121).

Василій достигъ 54-го года отъ рожденія, но былъ еще здоровъ, любилъ путешествовать по обителямъ, тѣшиться охотою (122), и въ Сентябрѣ 1533 года спокойно праздновалъ въ Троицкой обители день Чудотворца Сергія. Съ нимъ были: Елена, сынъ Іоаннъ, братъ Юрій, любимцы: Шигона, Князь Иванъ Кубенскій, Князь Иванъ Шуйскій, Князь Дмитрій Бѣльскій, и другіе. Вдругъ Василій почувствовалъ боль въ ногѣ: явился небольшой вередъ. Василій не уважалъ своей болѣзни, скрывалъ ее, ѣздилъ на охоту, но вскорѣ боль усилилась;

(121) См. выше, прим. 119; *Дѣла Крымскія* (Ист. Г. Р. т. *VII*, прим. 319); Спр. Лѣт. II, 317.

(122) Не рѣдко уѣзжалъ Василій на цѣлое лѣто въ села свои: Островъ, Воробьевское, на Воронцово поле, или въ города Можайскъ, Волоколамскъ; богомолья его бывали часты и продолжительны: въ 1511 г. онъ три мѣсяца ѣздилъ, молился, и тѣшился охотою въ Переяславлѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, Ростовѣ; въ 1527 г. ѣздилъ въ Тихвинъ; въ 1529 г. на Бѣлоозеро и въ Вологду.

онъ потерялъ позывъ на пищу, слегъ въ постелю, послалъ привезти изъ Москвы духовную грамату отца своего и свои прежнія духовныя граматы; призвалъ Глинскаго. Иноземные лекаря лечили болѣзнь его, но оказывали сомнѣніе, и въ концѣ Ноября, посѣтивъ нѣсколько обителей, Василій возвратился въ Москву уже совершенно отчаянный; на ногѣ у него сдѣлалась рана, гнила и была неисцѣльна. Изъ дворца, находившагося на Воробьевыхъ горахъ, Василія везли въ Кремль въ саняхъ, по мосту, нарочно для того устроенному. Василій видѣлъ приближеніе смерти, но былъ спокоенъ, распоряжалъ дѣлами, заказывалъ постричь его передъ смертію, и писалъ духовную свою, въ присутствіи приближенныхъ людей: Василія Шуйскаго, Михаила Захарьина, Михаила Воронцова, Казначея Головина, Шигоны, Ивана Шуйскаго, Михаила Тучкова, Михаила Глинскаго. Пріобщась Святыхъ Таинъ, онъ бесѣдовалъ съ братьями, Митрополитомъ, Боярами; потомъ отдѣльно говорилъ съ Глинскими, Шуйскими и Бѣльскими. «Братъ Николай»—сказалъ онъ врачу своему Нѣмцу, Николаю Люеву — «помнишь-ли мое къ тебѣ великое жалованье и можешь-ли исцѣлить меня?»— «Государь!—отвѣчалъ врачъ—«я раздробилъ-бы для тебя тѣло мое; но, кромѣ Бога, уже никто тебѣ не пособитъ!»—Василій постепенно из-

немогалъ, терялъ память, благословилъ дѣтей, простился съ Еленою и думалъ только о душѣ. Вокругъ одра его начался странный споръ: Бояре не позволяли постригать его; Митрополитъ Даніилъ упорствовалъ. Великій Князь былъ уже при послѣднемъ издыханіи, и Митрополитъ, почти насильно, наскоро совершилъ обрядъ постриженія, назвалъ Василія Варлаамомъ, и — замѣчательный сынъ Іоанна III-го скончался, Декабря 3-го 1533 года. Народъ слышалъ о его болѣзни, видѣлъ предвѣщаніе великой государственной перемѣны въ небесныхъ знаменіяхъ (123), и уже оплакивалъ Василія, когда вѣсть о кончинѣ его разнеслась по Москвѣ. Скорбь была всеобщая. Среди плача и рыданія, Митрополитъ ввелъ братьевъ Василія въ одну изъ комнатъ дворца, и заставилъ ихъ немедленно присягнуть *Великому Князю Іоанну Васильевичу и матери его Великой Княгинѣ Еленѣ.* Потомъ всѣ Бояре и сановники присягнули имъ безпрекословно. Елена услышала о кончинѣ супруга и лишилась чувствъ.

(123) При описаніи затмѣнія солнца, Августа 20-го, и жаркаго лѣта, *Стр. Лѣт.* (II, 318) прибавляетъ: «Люди-же поразсудивъ, и глаголаху въ собѣ, яко *быти во царствѣ премѣненію нѣкоему.*»

Обморокъ ея продолжался около двухъ часовъ. На другой день вырыли могилу въ Архангельскомъ соборѣ, подлѣ гроба Іоинна III-го, и великолѣпно похоронили Василія. Народъ плакалъ и рыдалъ, какъ будто предчувствуя страшную будущность свою—и имѣлъ причины страшиться будущаго, какъ увидимъ далѣе (124)...

Василій царствовалъ двадцать восемь лѣтъ. Довольно-ли похвалы, если скажемъ, что судя по внѣшности, онъ *не уронилъ чести Русской земли*, даже послѣ великаго своего родителя? Мы видѣли *дѣла* Василія. Не одаренный ни мудростью, ни мужествомъ, ни твердостью души отцовской, онъ выдержалъ продолжительную войну противъ Короля Сигизмунда; совершенно кончилъ Исторію *Удѣловъ* и *вольныхъ городовъ* въ Русской землѣ, и, не смотря на частыя неудачи, удерживалъ и успѣлъ удержать успѣхи Крыма и Казани, при отважномъ Махметъ-Гиреѣ и смѣломъ Сафа-Гиреѣ. Василій умножилъ великолѣпіе дворское, любилъ пышность, и не смотря на небольшой ростъ и незначительное лицо, казался величественнымъ

(124) Подробное описаніе кончины Василія въ *Стр. Лѣт.* т. II, стр. 319 — 335; тутъ много любопытныхъ подробностей.

властителемъ среди блеска придворнаго и стана воинскаго (125). Онъ украсилъ Кремль и Москву многими зданіями и церквами; укрѣпилъ многіе города стѣнами каменными; ободрялъ и любилъ переселявшихся въ Русь иноземцевъ, художниковъ и торговцевъ (126). Народъ могъ по-

(125) Портретъ Василія находимъ у Герберштейна, съ надписью:

> Russorum Rex et Dominus sum, jure paterni
> Sanguinis: imperii titulos à nemine, quavis
> Mercatus prece, vel precio: nec legibus ullis
> Subditus alterius, sed Christo credulus uni,
> Emendicatos aliis aspernor honores.

Замѣтимъ еще, что въ Архангельскомъ соборѣ, надъ гробомъ Василія находится, вѣроятно, современное изображеніе его, во весь ростъ, которое незамѣтно для многихъ потому, что Василій изображенъ въ видѣ святаго, съ вѣнчикомъ вокругъ головы, и потому сей портретъ не отличается отъ другихъ образовъ. Въ надписи онъ названъ *святымъ*. Эта замѣчательная древность стоитъ изслѣдованія Археографовъ.

(126) Въ 1508 г. построенъ былъ новый каменный Кремль въ Нижнемъ Новгородѣ, въ 1520 г. въ Тулѣ, въ 1525 г. въ Коломнѣ, въ 1531 г. въ Зарайскѣ. Кромѣ Новодѣвичьяго мон., Василій выстроилъ еще бывшій каменный соборъ Св. Николая Гостунскаго, докончилъ Архангельскій соборъ и Ивановскую колокольню.

скорбѣть о Василіи, ибо, предоставляя *тайныя дѣла* Государей своихъ *суду Божію*, онъ помнитъ только добро ихъ. Жертвы Василія умирали безъ соучастія сердецъ народныхъ, въ уе-

Въ 1508 г. по повелѣнію его золотомъ расписали Благовѣщенскій соборъ; въ 1514 г. поновили и украсили образъ Владимірской Богоматери, и Василій заложилъ въ Москвѣ вдругъ десять церквей (*Введенія* на посадѣ за Торгомъ; *Св. Владиміра* въ Садахъ; *Благовѣщенія* на Воронцовѣ; *Рождества Богородицы* въ Кремлѣ; *Св. Леонтія* и *Св. Петра* за Неглинною; *Благовѣщенія* на Ваганьковѣ; *Св. Алексія* въ Дѣвичьемъ мон. что за Чертольемъ; *Усѣкновенія Іоанна Крестителя*, подъ Боромъ; *Введенія*, на Срѣтенкѣ. Всѣ сіи церкви строилъ Алевизъ Фрязинъ); въ 1515 г. росписали Успенскій соборъ, такъ великолѣпно, что всѣ присутствовавшіе въ немъ на литургіи, послѣ обновленія, «мняшеся, яко на небеси стояти;» въ 1518 г. торжественно приносили для поновленія въ Москву иконы изъ Владиміра; въ 1532 г. построили великолѣпную церковь въ селѣ Коломенскомъ, и проч.—Рвы кругомъ Кремля выкладены были кирпичемъ въ 1508 г.—Василій особенно любилъ иноземные обычаи (см. прим. 111), даже брилъ себѣ бороду, какъ мы видѣли; ни одной жестокой казни не было совершено въ его время надъ иностранцами, а напротивъ, находимъ много примѣровъ его благосклонности къ Нѣмцамъ. Тутъ много дѣйствовало вліяніе Литовскихъ бѣглецовъ, усилившихся при Дворѣ, особенно послѣ супружества Василія съ Еленою.

диненныхъ монастыряхъ и мрачныхъ темницахъ (127). Оршинская битва, набѣгъ Махмета на Москву, неудачи подъ Казанью, все было закрыто однимъ: *завоеваніемъ Смоленска* (128).

(127) Не говоря уже о казняхъ и опалахъ по поводу свадьбы Василія съ Еленою — сыновья несчастнаго дяди его Андрея изнывали въ темницѣ во все его царствованіе; первая супруга томилась въ монастырѣ, а участь сына ея (если только онъ существовалъ) конечно была гибельна; племянникъ Василія Димитрій умеръ въ тяжкомъ заточеніи; вспомнимъ также о судьбѣ Рязанскаго Князя и его матери; о судьбѣ Шемякина; о судьбѣ Князя Холмскаго... Михаилъ Глинскій могъ умереть въ кандалахъ безъ ходатайства Елены; несчастные Русскіе плѣнники гибли въ Литвѣ, Литовскіе въ Руси, и никто не думалъ объ нихъ....

(128) Именно — *завоеваніе Смоленска* сохраняло въ народѣ память Василія, какъ *взятіе Казани* сохраняло потомъ имя Іоанна Грознаго, а прежде *Куликовская битва* Димитрія Донскаго. — Вотъ обозрѣніе нѣкоторыхъ частныхъ, по разнымъ отношеніямъ замѣчательныхъ событій во времена Василія: въ 1506 г. моръ во Псковѣ, *безымянный*; въ 1507 г. моръ *железою*, а въ 1508 г. жестокій пожаръ въ Новгородѣ; въ 1512 г. всеобщій голодъ, и смертное повѣтріе въ Новгородѣ *кашлемъ*; въ 1513 г. выгорѣлъ Изборскъ; въ 1518 г. цѣлое лѣто шли проливные дожди (въ Москвѣ и повсюду учреждены были моленія); въ 1521 г. моръ во

Мы уже говорили отчасти о сношеніяхъ Василія съ иноземными державами, какія были вслѣдствіе дѣлъ между Русью и Польшею. Кромѣ того, подобно Іоанну III-му, Василій пересылался грамашами и Послами съ Ливонскимъ Орденомъ, Даніею, Швеціею, Папою, Молдавіею, Турціею; но сіи сношенія не представляють никакой исторической важности.

Псковѣ (изъ Москвы съ нарочнымъ посылали тогда во Псковъ Святую воду); въ 1523 г., послѣ Троицына дня, шелъ снѣгъ въ Новгородѣ; въ 1524 г. нашли при перестройкѣ Пятницкой церкви въ Новгородѣ кладъ (сребра *древнихъ рублей Новгородскихъ, литыхъ* 170, а *полтинъ* 44); въ 1529 г. въ той-же церкви, во время обѣдни, началъ опускаться полъ, люди бросились вонъ, и 84 человѣка было задавлено въ тѣснотѣ и смятеніи; въ 1525 г. Волховъ шелъ обратно въ Ильмень, девять дней, и всюду была засуха, лѣса горѣли, рѣки изсыхали; все это повторилось въ Новгородѣ въ 1531 г., и сильные пожары при ужасныхъ засухахъ опустошили Кострому и Нижній Новгородъ (гдѣ сгорѣло 145 человѣкъ); въ Москвѣ въ томъ-же году загорѣлся порохъ, на заводѣ, гдѣ его дѣлали, и 200 рабочихъ погибло (на Успенскомъ врагѣ, на Алевизовомъ дворѣ); въ 1532 г. во Псковѣ былъ моръ, а въ 1533 г. пожаръ сильный; во всей Руси была тогда цѣлое лѣто неслыханная *сухмень*.—Не исчисляемъ чудесъ и знаменій, какъ-то: явленія кометъ въ 1531, 1532 и 1533 гг., свѣчей, загоравшихся въ церквахъ

Старецъ Плеттенбергъ съ почестью правилъ Ливонскими Рыцарями. Не вмѣшиваясь въ тщетныя предпріятія Алберта Бранденбургска-

(напримѣръ: въ 1533 г. въ Хутынскомъ мон., послѣ чего прислали эту свѣчу въ Москву, и она горѣла, не умаляясь, 9-ть недѣль), сокрытія гробницъ Новгородскихъ Чудотворцевъ передъ взятіемъ Пскова, и появленія ихъ вновь послѣ того. Въ 1519 г. торжественно *открыты* были мощи Св. Алексія Митрополита, хотя *обрѣтеніе* ихъ послѣдовало еще въ 1439 году; въ 1521 г. Руские обрадованы были обрѣтеніемъ мощей Св. Макарія Калязинскаго. Въ 1509 г. жестокое гоненіе воздвиглось на Новгор. Архіеп. Серапіона, за споръ его о власти надъ Іосифовскимъ Волоколамскимъ монастыремъ. Серапіона смѣнили; но Митроп. Симонъ, умирая въ 1511 г., молилъ его о прощеніи, а въ 1516 г. примирился съ нимъ и Великій Князь, при его кончинѣ. Лѣтописецъ увѣряетъ также, что всѣхъ, кто гналъ сего добродѣтельнаго пастыря, постигло Божіе наказаніе («а кто ни постоялъ, В. А. Челяднинъ, и Владыка Рост. Вассіанъ, и братъ его Іосифъ, и Владыка Суздальск., всѣ того лѣта умерли (1516 г.), а И. В. Челяднинъ *въ Литвѣ голову положилъ*, а Рязанскій Тарасій и владычество оставилъ, его ради, и того-же лѣта и Пермскій Протасій умре»). Новгородъ 17-ть лѣтъ былъ безъ Владыки, послѣ Серапіона, и съ восторгомъ встрѣтилъ въ 1526 г. Архіеп. Макарія, прославившагося благочестіемъ, ревностію, и впослѣдствіи бывшаго Митрополитомъ Всероссійскимъ (см. далѣе).

го, и заключивъ съ Русью, въ 1509 г., мирный договоръ, въ 1521 году онъ возобновилъ его еще на десять лѣтъ (129).

(129) Мы говорили (прим. 48, 49), что Гартингеръ, недопущенный Іоанномъ въ Москву, въ 1505 г. (см. т. V, прим. 458), принятъ былъ въ 1506 г., съ грамотою на имя *Іоанна*, увѣряя, будто это имя написано ошибкою; что онъ ходатайствовалъ притомъ за Ливонскихъ Рыцарей, и вслѣдствіе сего заключенъ былъ миръ въ 1509 г. 25 Марта, на 14-ть лѣтъ, въ Новгородѣ, отъ имени Плеттенберга, Архіеп. Рижскаго, Епископовъ Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго и Ревельскаго. Съ Русской стороны былъ Даніилъ Щеня съ товарищами. Размѣняли плѣнныхъ; Рыцари отреклись отъ Польши, и обязались уважать православныя церкви въ своихъ земляхъ. Потомъ, въ 1509 г., Императоръ просилъ возвратить Ганзейцамъ товары и имѣнія, захваченныя Іоанномъ въ 1495 г., и позволить имъ по прежнему торговлю въ Новгородѣ. Соглашаясь на послѣднее, Василій не отдалъ ничего изъ взятаго Іоанномъ, и говорилъ, что Ганзейцы были тогда виноваты и справедливо наказаны. Въ 1514 г. торговый договоръ съ Ганзою возобновился. Въ договорѣ 1521 г., границею между Ливоніею и Русью снова утвержденъ путь отъ Чудскаго озера *стержнемъ* рѣки Наровы, поперегъ острова, что ниже Ругодева и Иванъ-Города (*Дѣла Цесарскія и Лифляндскія*, Ист. Г. Р. т. VII, прим. 49 и 242).

Съ Швецiею возобновили договоръ въ 1510 году, на 60 лѣтъ. Не смотря на то, Василiй охотно заключилъ договоръ съ тираномъ Швецiи Христiерномъ; обѣщалъ даже помогать ему, по договору 1517 года, и далъ права Датчанамъ на свободную торговлю. Въ 1522 году совершилось великое событiе Шведской Исторiи: *Густавъ Ваза* утвердилъ независимость Швецiи, и твердо поставилъ отчизну свою въ рядъ самобытныхъ державъ Европейскихъ. Онъ хотѣлъ дружбы и союза Руси. Въ 1524 г. подтвердили съ нимъ 60-ти лѣтнiй миръ, и Василiй доказалъ искреннее желанiе мира съ Швецiею, приказавъ потомъ задержать славнаго Адмирала Датскаго Норби, который не хотѣлъ уступить Густаву, былъ побѣжденъ, и бѣжалъ въ Новгородъ (130).

(130) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 152, 153, 154, 296, 297. Подтвержденiе договора съ Швецiею (1510 г.) въ 1513 г. отъ имени Стенъ-Стура, правителя Шведской земли, и отъ имени Архiеп. Упсальскаго, хранится въ Госуд. Архивѣ (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 154). Въ 1513 г. былъ въ Москвѣ Посолъ Датскаго Короля Iоанна, для соглашенiя Рускихъ на Соборъ, гдѣ полагали разсуждать о соединенiи Церквей. Договоръ съ Данiею, 1517 г., помѣщенъ въ *Историч. Магазинѣ* Бишинга, т. III, стр. 178. Въ Госуд. Архивѣ сохранились только выписки изъ него, о торговлѣ, и о дачѣ мѣстъ для

Молдавія держалась еще нѣсколько времени послѣ Стефана. Воевода Петръ платилъ дань Султану, но сохранялъ тѣнь независимости, не смотря на притѣсненія Польши и грабежи Крымцевъ. Онъ сносился съ Василіемъ, просилъ его помощи, умолялъ его спасти христіанъ единовѣрныхъ. Василій только изъявилъ ему дружбу. Послы Петра Воеводы были въ Москвѣ въ 1528, 1530, 1533 годахъ. Въ 1537 г. Исторія Молдавіи, какъ отдѣльной земли, кончилась совершенно. Турки покорили ее. Послѣднее Молдавское посольство являлось въ Руси въ 1535 г., въ *послѣдній* разъ молило о спасеніи, и въ послѣдній разъ увѣрили тогда Молдаванъ, что Русь не отказывается защищать православныхъ единовѣрцевъ. Такъ говорили; на дѣлѣ, Русь не только не заботилась о Молдавіи, но еще дѣятельно искала дружбы Сул-

житья Датчанамъ въ Новгородѣ и Иванъ-Городѣ. Подтвержденіе договора съ Густавомъ Вазою было въ Новгородѣ. На ономъ, между прочимъ, старшій Посолъ Шведскій, *за неумѣніемъ грамотѣ*, велѣлъ подписаться вмѣсто себя своему священнику (Ad hanc cedulam electi Regis Svecie Gostafui ego orator Chanatus Erici mandavi Capellano meo Iohanni Erasmo pro me apponere manum, *quia ego scribere nescio*). О Норби пишетъ Герберштейнъ, R. M. стр. 33. Густавъ Ваза просилъ о заточеніи его, чрезъ Посла своего Флемминга.

тановъ Турецкихъ (131). Крымъ былъ подвластенъ Турціи, хотя Ханы своевольствовали и хитро измѣняли повелѣнія Султана, изъявляя ему внѣшнюю покорность. Узнавъ о восшествіи на тронъ Турецкій Селима, Василій отправилъ къ нему Посла, поздравить его, и напомнить о старой дружбѣ между ихъ отцами (1512 г.). Султанъ прислалъ своего Посла, ренегата Камала, который едва было не погибъ въ степяхъ южныхъ, пѣшкомъ пришелъ къ предѣламъ Рязанскимъ, но былъ встрѣченъ, одаренъ, принятъ великолѣпно, вручилъ Султанскую грамату, и не вошелъ ни въ какіе переговоры, отвѣчая, что ему ничего не велѣно дѣлать, кромѣ врученія граматы и изъявленія привѣтствій. Камала удержали въ Москвѣ, пока Василій находился въ походѣ подъ Смоленскъ (132). По возвращеніи его въ Москву,

(131) *Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 314, и т. VIII, стр. 18, прим. 19). Въ 1537 г. Солиманъ опустошилъ Молдавію, забралъ всѣ сокровища Господарей, и только изъ милости оставилъ право избирать ихъ впредь самимъ Молдаванамъ, но съ его подтвержденіемъ (см. Ист. Р. Н. т. V, прим. 519).

(132) *Дѣла Турецкія* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 105, 106, 107). Посломъ Василія, въ 1512 г., былъ М. И. Алексѣевъ, и съ нимъ пріѣхалъ въ Москву, въ 1514 г.,

Камалъ отправился въ Царьградъ съ Русскимъ Посланникомъ, и съ грамапами къ Султану, въ коихъ склоняли его на дружбу и просили запретить Крымцамъ враждовать противъ Руси; просили еще унять безпокойныхъ, буйныхъ *Казаковъ Азовскихъ*. Но Посланникъ не успѣлъ ни въ чемъ; договорился только о свободной торговлѣ. Султанъ обѣщалъ прислать въ Москву Посла особеннаго. Этого Посла тщетно ждали около 4-хъ лѣтъ, и Василій снова отправилъ Посла своего къ Султану (1519 г.). Кромѣ прежнихъ требованій, велѣно было еще узнать лично въ Царьградѣ Крымскаго Царевича Геммета, которому, какъ слышно было, Султанъ хочетъ отдать ханство Крымское. Султанъ отвѣчалъ дружелюбно, но опять не рѣшилъ ничего, и Гемметъ не сдѣлался Ханомъ Крымскимъ. Въ 1521 г. на Турецкій тронъ возсѣлъ грозный, побѣдительный Солиманъ. Воюя

Камалъ. Этотъ *первый Посолъ Султанскій въ Русь* былъ нѣкогда Княземъ Мангупскимъ, и именовался Ѳеодоритъ. Отъ него хотѣли, по крайней мѣрѣ, узнать: «Кто другъ, кто врагъ Султану?»— «То дѣло великое; намъ то какъ умѣть сказать, кто нашему Государю другъ, кто недругъ» — отвѣчалъ Посолъ, слишкомъ скромный.

въ Европѣ и Азіи, онъ радовался, что видитъ въ Русскомъ Государѣ врага Польши; принялъ ласково Посла Василіева, присланнаго къ нему съ поздравленіемъ, и запретилъ Махмету тревожить Русскую землю. «Чѣмъ-же мнѣ жить?» отвѣчалъ Махметъ, не послушался Султана, и учинилъ жестокій набѣгъ на Русь, описанный выше. Возвратясь изъ Коломенскаго стана своего въ 1522 г., Василій засталъ въ Москвѣ Посла Солиманова, Князя Скиндера, но съ досадою свѣдалъ, что Скиндеру поручено говорить только о дружбѣ и торговлѣ. Еще разъ отправился въ Царьградъ Русскій Посолъ, Морозовъ (1523 г.). Ему велѣли говорить о присылкѣ въ Москву Посла достойнаго, а не какого нибудь корыстолюбиваго, пьянаго Грека; ибо Великимъ Государямъ непристойно ссылаться черезъ людей, подобныхъ Скиндеру. Морозовъ проѣхалъ въ Анаполію, гдѣ видѣлъ Солимана среди его воиновъ, терпѣлъ разныя неудовольствія отъ придворныхъ Султана, и возвратился съ однѣми дружескими рѣчьми. Скиндеръ еще три раза пріѣзжалъ въ Русь, и даже умеръ въ Москвѣ, въ 1530 г. Каждый разъ онъ назывался Посломъ и привозилъ грамоты; ибо ему удобно было торговать въ Руси подъ именемъ Посла Турецкаго. Султанъ не переставалъ называть Русскаго Го-

сударя другомъ; Василій отвѣчалъ ему тѣмъже (133).

Мы видѣли, что Папа Левъ X-й вмѣшивался въ дѣла Нѣмецкаго Ордена. Въ тоже время онъ думалъ о мѣрахъ къ соединенію Церквей, и обращенію Рускихъ въ истинное, какъ говорилъ онъ, православіе. Василій сердился на Льва, за то, что въ Римѣ служили благодар-

(133) Съ Камаломъ посланъ былъ Коробовъ (въ Мартѣ 1515 г.). Султанъ подтвердилъ свободу торговли, въ Августѣ 1516 г.—Въ 1519 г. ѣздилъ въ Царьградъ Голохвастовъ. Путь его былъ по Дону до Азова, моремъ въ Кафу, въ Царьградъ, и оттуда сухимъ путемъ до Демотики, близъ *Ядрина* (Адріанополя), гдѣ онъ видѣлъ Султана; потомъ ѣхалъ онъ черезъ Сербію, по Дунаю до Киліи, и сухимъ путемъ въ Перекопъ, гдѣ видѣлъ Хана Махмета. Въ 1521 г. ѣздилъ Посломъ Русскимъ Третьякъ Губинъ. О запрещеніи Татарамъ нападать на Русь писалъ въ Москву *норовникъ* Азовскій Дездаръ Бурганъ-Ага Наставленіе, данное Морозову (въ 1523 г.), объясненія о Скиндерѣ, и отчетъ Морозова, весьма любопытны. Скиндеръ (вѣроятно, *Искендеръ*) былъ ренегатъ, прежній Князь Мангупскій. Онъ нагло обманывалъ, торгуя въ Москвѣ, пьянствовалъ, и подрался съ Послами Астраханскими.— Въ 1530 г. пріѣзжалъ въ Москву съ письмомъ Султана Турокъ Ахматъ, для покупки соболей и кречетовъ. (*Дѣла Турецкія*, Ист. Г. Р. т. VII, прим. 136, 185, 186, 209, 210, 211, 233, 234, 235, 236, 298).

ственные молебны, получивъ извѣстіе объ Оршинской побѣдѣ Острожскаго. Но онъ не отрекался отъ дружбы съ Папою. Вскорѣ потомъ явился въ Москву какой-то Капитанъ Павелъ, Генуэзецъ, съ письмами отъ Папы и Магистра Алберта, и съ проектомъ: возобновить древній Индійскій путь торговый, черезъ Среднюю Азію, Каспійское море и Волгу. Генуя искала средствъ, коими могла-бы отбить хоть часть Индійской торговли, лишившись ея послѣ путешествій Португальскихъ мимо Мыса Доброй Надежды. Павла не устрашали ни отдаленность, ни варварскіе народы и опасности. Но Василій отговорился отъ предложенія смѣлаго Генуэзца. Павелъ пріѣхалъ въ Москву послѣ того, въ 1525 г., въ званіи Папскаго Посла. Онъ хотѣлъ уговаривать Русскаго Государя на соединеніе съ Европейскими властителями противъ Турковъ. За это Папа обѣщалъ назвать Василія *Королемъ*. Василій не оскорбился, и послалъ въ Римъ, съ дружескими увѣреніями, гонца своего Дмитрія Герасимова. Тамъ видѣлъ Василіева Посланника славный Историкъ своего времени Павелъ Іовій, и выспросилъ у него множество подробностей о Русской землѣ (134). Дмитрій возвратился въ

(134) Сочиненіе Павла Іовія De Legatione Basilii M. P. Moscoviae ad Clementem VII, P. M. L., помѣщено въ

1526 г., и съ нимъ пріѣхалъ Посланникъ Папы, Іоаннъ Епископъ Скаренскій, которому поручено было уговаривать Василія на миръ съ Польшею. Ведя потомъ переговоры съ Герберштеиномъ, Василій увѣрялъ, что всего болѣе желаетъ мира потому, что тѣмъ можетъ доказать свою дружбу къ Папѣ, желавшему спокойствія Польшѣ (135).

Съ Ногайскими и Астраханскими владѣльцами Руские сносились безпрестанно; съ Греческими Патріархами были у нихъ также частыя пересылки. Первыхъ, то ласкали, то стращали, стараясь вооружать ихъ противъ Крыма и Казани; другимъ посылали милостыню, скорбя о несчастной участи ихъ подъ игомъ невѣрныхъ. Любопытное Посольство явилось въ Москвѣ въ 1532 году: родоначальникъ Великихъ Моголовъ, Ханъ Бабуръ прислалъ своего

Rer. Moscov. Comm. (стр. 119 — 230) и замѣчательно по многому для Географіи и Этнографіи Русской XVI-го вѣка. Отвѣтное письмо, посланное къ Льву X-му съ Капитаномъ Павломъ, получилъ уже Папа Адріанъ. О замыслахъ Льва X-го къ соединенію Церквей, см. въ *Дѣлахъ Прусскихъ* (Ист. Г. Р. т. VII, прим. 189, 190).

(135) Ист. Г. Р. т. VII, прим. 288, 289.

чиновника, желая вступить въ дружескія и торговыя сношенія съ Русью. Думали, что на это нѣтъ никакихъ средствъ и способовъ, и отпустили Посла Бабурова только съ учтивыми изъявленіями готовности на дружбу (136).

(136) Около 1523 г., когда Махметъ сбирался на Астрахань, тамошній Ханъ Гуссеинъ просилъ защиты Василія; въ 1532 г. Ханъ Касимъ заключилъ съ Василіемъ дружескій договоръ. Послѣ погибели его отъ *Черкесовъ* (Казаковъ?), договоръ возобновленъ съ Абдулъ-Рахманомъ въ 1534 г. — О приходахъ *старцевъ* изъ Аѳонской и Синайской горы, Іерусалима и Царяграда, нѣсколько разъ упоминается въ Лѣтописяхъ (какъ-то: въ 1506, 1517 и 1518 г., когда пріѣзжалъ въ Москву какой-то Григорій, *Митрополитъ града Жихна Царяградскія области*).—О Бабурѣ, *Ист. Г. Р.* т. VII, прим. 317. Онъ названъ въ Русскихъ Лѣтописяхъ *Падшею* (*Падишахомъ*, или *Пашею*, какъ думалъ Карамзинъ). Происходя отъ Персидскихъ Тимуридовъ, Бабуръ владѣлъ до 1501 г. въ Ферганѣ; потомъ, изгнанный Узбеками, въ Газнѣ, и наконецъ въ Индіи. Посланникъ Бабура уже не засталъ его въ живыхъ по своемъ возвращеніи: Бабуръ умеръ въ 1531 г.

ГЛАВА II.

Василій оставилъ двухъ сыновей. Старшему, *Іоанну*, было три года; младшему, *Георгію*, немного болѣе года. Іоанну передалъ онъ *Великое Княжество*. За нѣсколько дней до смерти, уже предчувствуя близкую кончину, Василій говорилъ братьямъ своимъ Юрію и Андрею Іоанновичамъ, Митрополиту и ближнимъ Боярамъ: « Приказываю своего сына, Великаго Князя Ивана, Богу, Пречистой Богородицѣ, Святымъ Чудотворцамъ, и тебѣ отцу своему, Даніилу Митрополиту. Даю ему все Государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой, Государь Князь Великій, Иванъ Васильевичъ, всея Руси. А вы, мои братья, Князь Юрій и Князь Андрей, стойте крѣпко на своемъ словѣ, на чемъ присяга и записи между нами; о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ сына моего и своихъ стойте обще, да будетъ рука православныхъ христіанъ высока надъ бусурманствомъ. А вы, Бояре и Боярскіе дѣти и Княжата, какъ служили мнѣ, такъ служите и сыну моему; на недруговъ будьте за одинъ, христіанство берегите, и будьте прямы и

неподвижны.» Отпустивъ отъ себя братьевъ и Митрополита, оставшись съ своими приближенными: Князьями Бѣльскими, Шуйскими, Горбатымъ, Глинскимъ, Василій говорилъ имъ: «Отъ Владиміра Кіевскаго ведется наше государство: мы вамъ Государи *прирожденные*, а вы наши *извѣчные* Бояре. Постойте-же крѣпко, чтобы сынъ мой учинился на государствѣ Государемъ, была-бы въ землѣ правда, и въ васъ-бы *розни* никакой не было.»

Но трехъ-лѣтній Іоаннъ не могъ самъ управлять Государствомъ. Кому-же *приказывалъ* Государство Василій? Не знаемъ, ибо Духовная Василія не дошла до насъ (137). За день до кончины, четыре часа бесѣдовалъ Василій съ Княземъ Шуйскимъ, Воронцовыми, Михаиломъ Захарьинымъ, Тучковымъ, Глинскимъ, Шигоною, Головинымъ, Дьяками Путинымъ и Мишуринымъ; говорилъ съ ними о сынѣ своемъ, «устроеніи земскомъ, *какъ быть и какъ править*

(137) Впрочемъ, она еще сохранялась во времена Іоанна Грознаго, ибо онъ говоритъ въ своей Духовной (около 1572 г.) о нѣкоторыхъ распоряженіяхъ сообразно Духовной Василія, именно объ удѣлѣ Юрія: «а что отецъ мой, Кн. Вел. Вас. Иван. всея Россіи, *написалъ въ своей душевной граматѣ* брату моему,» и проч.

послѣ него Государство, и о своей Великой Княгинѣ Еленѣ, *какъ ей безъ него быть,* и *какъ къ ней Боярамъ ходить*, и о всемъ имъ приказалъ, *какъ безъ него царству строиться.*» И такъ онъ оставлялъ послѣ себя Государство Еленѣ? Нѣтъ! Когда принесли дѣтей прощаться съ Василіемъ, и Елена, со слезами, спрашивала у него: «На кого ты меня оставляешь? Кому дѣтей приказываешь?» Василій твердо отвѣчалъ: «Государствомъ и Великимъ Княженіемъ благословляю сына Ивана, а *тебѣ написалъ въ духовной своей грамотѣ, какъ писывали отцы и прародители прежнимъ Великимъ Княгинямъ.*»—Слѣдовательно: *не Еленѣ* повелѣвалъ онъ править Государствомъ, ибо никогда прежде, со временъ Ольги, не было примѣра, чтобы женщинѣ, и при томъ юной женѣ, приказывали Русскіе повелители свою землю. Въ Духовныхъ означались только *удѣлы вдовамъ Великихъ Князей.* Вѣроятно, избранный Совѣтъ и братья Василія должны были управлять послѣ него Государствомъ; но сильная крамола приверженцевъ Елены мгновенно ниспровергла всѣ распоряженія Великаго Князя. Мы видѣли, что едва закрылъ глаза Василій, Митрополитъ привелъ всѣхъ къ присягѣ. Братья Василія клялись: «служить Великому Князю Ивану Васильевичу всея Руси, *и его матери Великой Княгинѣ Еленѣ;* жить на своихъ удѣ-

лахъ, и стоять въ правдѣ, въ чемъ цѣловали крестъ брату своему Вел. Князю Василію Ивановичу и крѣпости ему дали; Государства подъ Вел. Княземъ Иваномъ не хотѣть; противъ недруговъ его и своихъ, Бусурманства и Латинства, стоять прямо, обще и за-одинъ.» Бояре, сановники и всѣ другіе клялись «Вел. Князю Ивану, *и его матери Вел. Княгинѣ Еленѣ*, хотѣть добра вправду (138).»

Такимъ образомъ, неожиданно, племянницѣ измѣнника Глинскаго, Литвянкѣ, юной вдовѣ, досталось правленіе Государствомъ, за которое погублено было столько людей доблестныхъ и близкихъ родственниковъ Великокняжескихъ! Вельможество Дворское, забравшее въ свои руки дѣла въ послѣдніе годы царствованія Василіева, окружило крамолою младенца и

(138) Всѣ подробности беремъ изъ описанія кончины Василія въ *Стр. Лѣт.*, о чемъ упоминали въ прим. 124. Только въ *Лѣт. Ль.* (т. IV, стр. 3 и слѣд.) говорится, въ весьма плодовитомъ разсказѣ, что Василій заказалъ сыну вѣнчаться *Царемъ*, именно *вѣнцомъ Мономаха* (это говорится и въ *Степ. книгѣ* (ч. II, 215), и препоручилъ Государство Еленѣ, которую Лѣт. при семъ случаѣ осыпаетъ похвалами. И событія, и самый разсказъ доказываютъ несправедливость повѣствованія.

мать его, женщину еще въ цвѣтѣ лѣтъ, подверженную страстямъ пылкимъ, неопытную и нелюбимую народомъ. Еще всѣ помнили, еще скорбѣли объ участи несчастной Соломоніи; ненавидѣли самый родъ Глинскихъ. Тѣмъ болѣе съ завистію взирали царедворцы на этихъ пришельцевъ, изъ тюрьмы и отъ опалы перешедшихъ къ милости и—трону.

Не оставалось сомнѣнія, что главнымъ лицомъ въ дѣлахъ Двора и Государства будетъ отнынѣ *Князь Иванъ Ѳедоровичъ Оболенскій-Телепневъ-Овчина*, имѣвшій знаменитый санъ *Боярина и Конюшаго*, любимецъ Елены, еще юный, одаренный необыкновенною храбростью и замѣчательнымъ умомъ (139). Съ нимъ въ дружбѣ и согласіи былъ человѣкъ Дворскій, *Митрополитъ Даніилъ*. Мамушка юнаго Іоанна, Агриппина Челяднина, была сестра Оболенскаго; онъ могъ по своей волѣ управлять мыслями Елены и воспитаніемъ малолѣтнаго Государя.

(139) Съ 1533 года Оболенскій является въ званіи *Конюшаго* (*Вивліоѳика* Новикова, т. XX, стр. 26). Вспомнимъ прежнія дѣла его: отважность подъ Казанью въ 1530 году; мужество на берегахъ Осетра въ 1533 году. Впрочемъ Оболенскій не былъ въ числѣ приближенныхъ совѣтниковъ Василія. Дальнѣйшія дѣла его увидимъ изъ послѣдствій.

Вѣрными его сообщниками были брашъ его Ѳеодоръ, двое другихъ Князей Оболенскихъ — *Никита Хромой*, храбрый воинъ, и *Иванъ Щетина*; кромѣ ихъ, Князья Борисъ и Михаилъ Горбашые.

Можно было полагашь, что дядя Елены, знаменитый *Михаилъ Львовичъ Глинскій*, шакже сдѣлаешся государсшвеннымъ дѣйсшвовашелемъ, по родству своему, лѣшамъ, опышносши, завѣшамъ Василія, даже по уваженію къ несчасшіямъ его жизни. Но никшо при Дворѣ не любилъ и не уважалъ Михаила Глинскаго. Ненависшное имя *Литовскаго измѣнника* и долговременное заключеніе его въ шемницѣ не были изглажены, ни милосшями, ни любовью Василія впослѣдсшвіи. Михаила Глинскаго шолько шерпѣли, ради родсшва его съ Еленою; имѣя званіе Боярина, онъ не обладалъ ни дружбою, ни довѣренносшью другихъ. Умирая, Василій видѣлъ въ немъ важную опору Государсшва и говорилъ Боярамъ своимъ: « Приказываю вамъ Михаила Львовича Глинскаго. Онъ человѣкъ къ намъ пріѣзжій; но не дерзайше думашь, что онъ пріѣзжій: держише его за здѣшняго урожденца — онъ мнѣ прямой слуга; будьше съ нимъ сообща, и дѣло земское и сына моего дѣло берегише и дѣлайше съ нимъ за-одно. А шы, Михайло! будь вѣренъ, не пощади живоша за Княгиню

мою и дѣтей моихъ; пролей за нихъ кровь свою, отдай за нихъ тѣло свое на раздробленіе.» Можетъ быть, Михаилъ, тяжко испытанный жизнію, въ самомъ дѣлѣ готовъ былъ на старости лѣтъ отдать жизнь свою за честь и пользу Русской земли, искренно хотѣлъ добра Еленѣ и дѣтямъ ея; но не ему, дѣду Государя, и въ бѣдствіяхъ гордому, можно было сносить презрѣніе другихъ вельможъ и власть Оболенскаго! Онъ стыдился притомъ тайной любви Елены, безтрепетно укорялъ ее въ слабости, страшась не столько смерти, сколько позора (140). Елена не терпѣла старца. Любимецъ ея обрекалъ его первою жертвою своему честолюбію. Братья Елены, *Князья Юрій* и *Михаилъ Глинскіе*, люди отличенные единственно родствомъ съ Правительницею, уничтожались передъ Оболенскимъ.

Но сильнѣйшую партію противъ него составляли *Князья Шуйскіе, Василій*, старшій Бояринъ въ Княжескомъ Совѣтѣ (141), братъ

(140) Герберштеинъ, R. M. стр. 80.

(141) По кончинѣ Василія, Бояре *по старшинству* были въ слѣдующемъ порядкѣ: *Кн. Василій Вас. Шуйскій,* Кн. Борисъ Горбатый, Князь Никита Оболенскій-Хромой, Иванъ Бутурлинъ, *Михайло Воронцовъ*, Кн. Иванъ Оболенскій-Щепина, *Князь Димит-*

его *Иванъ*, Князья *Иванъ* и *Андрей Михайловичи*. Къ нимъ присоединялись другіе знатнѣйшіе *Русскіе* роды: Кубенскіе, Палецкіе, Пронскіе, Басмановы, Скурлятевы, Скопины, Бутурлины, Темкины. Всѣ ненавидѣли Елену и Литовцевъ, втѣснившихся въ милость Государя, ненавидѣли и Оболенскаго. Не думая о благѣ отечества, грубые нравомъ, жестокосердые, гордые, Шуйскіе жаждали власти, ждали случая погубить враговъ и владѣть Государствомъ самовластно.

Еще отдѣльную партію Дворскую составляли *Князья Бѣльскіе* — любимецъ Василія *Иванъ Ѳедоровичъ*, и братья его *Симеонъ* и *Димитрій*. Одаренные способностями государственными,

рій Бѣльскій, Михаилъ Захарьинъ, *Кн. Иванъ Бѣльскій*, Кн. Иванъ Пеньковъ, Кн. Михаилъ Кубенскій, Кн. Ѳедоръ Одоевскій, Кн. Иванъ Барбашинъ, *Кн. Иванъ Вас. Шуйскій*, Кн. Василій Микулинскій, Иванъ Морозовъ, *Кн. Иванъ Ѳед. Оболенскій-Телепневъ Овчина*, Кн. Иванъ Катыревъ-Ростовскій, Василій Морозовъ, Кн. Романъ Одоевскій. Старшинство въ 1542 году было уже за Димитріемъ Бѣльскимъ, ибо въ 1536 г. умеръ Борисъ Горбатый, въ 1540 г. Никита Оболенскій, въ 1538 году Иванъ Бутурлинъ, въ 1539 году Михайло Воронцовъ, въ 1538 году Иванъ Оболенскій-Щетина. — Шуйскіе происходили отъ Василія Кирдяпы (см. т. V, стр. 188), въ слѣдующемъ порядкѣ: *Кирдяпа;* сынъ его *Юрій;* внучата *Василій*

они не были любимы ни Шуйскими, ни Оболенскимъ; но ихъ подкрѣпляли: Хабаровъ (сынъ славнаго Хабара-Симскаго), Булгакъ-Куракинъ, Воротынскій, и другіе мужи, знаменитые, желавшіе добра и чести отечеству.

Наконецъ, въ толпѣ царедворцевъ и сановниковъ, не приставашихъ къ симъ главнымъ партіямъ, скрывались *Захарьины*, *Нагіе*, *Адашевы*, таившіе свои замыслы, казавшіеся невнимательными къ проискамъ, но тайно помышлявшіе о своемъ возвышеніи.

Таковъ былъ составъ Дворскаго вельможества по кончинѣ Василія. Намъ необходимо уз-

и *Ѳеодоръ*. Отъ Василія Юрьевича *Иванъ*, отецъ *Ѳедора Скопина-Шуйскаго*, и *Михаилъ*, отецъ *Ивана и Андрея Михайловичей*. Отъ Ѳеодора Юрьевича *Василій*, отецъ *старшаго Боярина Василія Васильевича* и *Ивана Шуйскаго*, брата его. Василій Васильевичъ былъ вдовъ отъ перваго брака, и имѣлъ дочь *Марѳу*, выданную за *Ивана*, сына Димитрія Ѳедоровича *Бѣльскаго*. Кажется, что это родство, при тихости нрава, спасало Димитрія Бѣльскаго во все мятежное правленіе Бояръ. Онъ умеръ въ почетѣ въ 1550 г. (см. далѣе, прим. 156). О второмъ супружествѣ Василія Шуйскаго см. прим. 167. *Царь Василій Шуйскій* былъ внукъ Андрея Михайловича, а славный защитникъ Пскова противъ Баторія *Иванъ Петровичъ*, внукъ Ивана Васильевича Шуйскаго.

нать предварительно общій характеръ и части его, ибо отнынѣ ему надлежало править Государствомъ, ему, начавшемуся въ княженіе Іоанна, усиленному въ правленіе Василія. Изъ его общаго и частнаго характера поясняется несчастное воспитаніе Іоанна Грознаго: вельможи гордые, честолюбцы своекорыстные старались погубить — и погубили добрыя свойства души юнаго Государя, были причиною вѣковыхъ бѣдствій, потрясшихъ Русскую землю въ основаніи! Если кто нибудь изъ нихъ и думалъ о благѣ и чести отечества, о добрѣ своего Государя, дума его омрачалась отвратительнымъ своекорыстіемъ. Желая только поддержать себя погибелью враговъ и всякими средствами, крамольники терзали другъ друга, какъ лютые звѣри — и имъ-ли можно было послѣ того помышлять о пощадѣ народа! Государь сдѣлался игралищемъ ихъ неистовыхъ страстей; они гибли сами, но сколько-же позора и погибели пало чрезъ то на Русскую землю....

Едва тѣло Василія было предано землѣ, крамола начала дѣйствовать. Оболенскій приготовилъ вдругъ сильнѣйшіе удары: онъ хотѣлъ погубить того, кто казался столь близокъ къ Государынѣ, могъ безтрепетно обличать ее и Оболенскаго въ слабостяхъ—это былъ Михаилъ Глинскій. Надобно было еще уничтожить ум-

нѣйшихъ изъ числа вельможъ, могущихъ быть главою другимъ—*Бѣльскихъ*. Наконецъ, въ случаѣ явнаго возстанія, царедворцы могли передать престолъ дядямъ юнаго Государя, возобновивъ древнія права первородства: и ихъ обрекли на жертву. Уничтоживъ однимъ ударомъ первыхъ представителей Двора, Оболенскій мечталъ заслужить честь и ослѣпить народъ самовластнымъ правленіемъ.

Рѣшеніе было смѣло; исполненіе отважно, но удачно; Оболенскій хорошо зналъ силу свою. Едва Іоаннъ торжественно объявленъ былъ въ Успенскомъ соборѣ Государемъ (142), едва поскакали гонцы въ Польшу, Крымъ, къ Ногамъ, въ Казань, съ извѣстіями о вступленіи его на престолъ отцовскій, какъ старшій дядя Государя, Князь Юрій Іоанновичъ, былъ взятъ подъ стражу, черезъ недѣлю послѣ

(142) *Царственная книга* (любопытная компиляція, содержащая въ себѣ событія съ 1534 до 1553 г., сочиненіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, современное Іоанну, и напеч. въ СПб. 1769 г.), стр. 35, и *Пск. Лѣт.* — Митрополитъ благословилъ Іоанна крестомъ, и проговоривъ титулъ его, прибавилъ: «Добръ, здоровъ буди на Вел. Княженіи отца своего.» Пѣли многолѣтіе; Бояре и сановники поднесли Іоанну дары. — Челищевъ ѣздилъ въ Крымъ; Заболоцкій отправился въ Польшу (*Никоновская Лѣт.* т. VII, стр. 2).

смерти Василія. Тщетно вѣрные слуги и Бояре предвѣщали Юрію бѣдствіе, совѣтовали уѣхать въ свой удѣлъ, Дмитровъ. Юрій увидѣлъ справедливость опасеній ихъ въ темницѣ, недоступной никому, кромѣ палачей. Основались на доносѣ Бориса Горбатаго. Онъ увѣрялъ, будто Андрей Шуйскій подговариваетъ его возвести Юрія на престолъ. Не внимая ропоту народному, посадили въ темницу и Андрея Шуйскаго (143). Другой дядя Государя, Андрей Іоанновичъ, затрепеталъ, клялся въ вѣрности; ему позволили уѣхать въ удѣлъ свой, щадя его еще нѣсколько времени. Шуйскіе смирились, не казались опасными. Но тяжкая участь готовилась Бѣльскимъ; Симеонъ Бѣльскій не дождался ея: изъ лагеря подъ Коломною, онъ и храбрый воевода Ляцкій, съ сыномъ, бѣжали въ Польшу, забравъ имѣніе и слугъ своихъ. Иванъ Бѣльскій не думалъ бѣжать; его заключили въ тюрьму, вмѣстѣ съ Княземъ Воротынскимъ. Тогда дошла очередь до Михаила Львовича Глинскаго. Его, и М. С.

(143) Народъ изъявлялъ негодованіе при сихъ событіяхъ. Въ *Синод. Лѣт.* (Карамзинъ VIII, прим. 10): «Дьяволъ вложи имъ мысль сію, вѣдяще бо, аще не пойманъ будетъ Князь Юрій, не тако воля его (дьяволова) совершится въ грабленіи и въ убійствахъ.»

Воронцова, любимца Васильева, повергли въ темницу наряду съ другими (144).

Не опала, не удаленіе, но тѣсная тюрьма и изгнаніе въ нѣсколько мѣсяцевъ очистили дорогу честолюбцу, угоднику Елены. Все безмолвствовало, все казалось спокойно. Дѣла внутреннія и внѣшнія заняли Оболенскаго.

Мая 16-го 1534 г. народъ Московскій увидѣлъ торжественное заложеніе каменной стѣны Китая города, о чемъ помышлялъ еще Василій при жизни своей. Кремль былъ уже тѣсенъ съ умножавшимся народонаселеніемъ Москвы, когда нападеніе непріятельское заставляло жителей выбираться изъ посадовъ (145).

(144) Сигизмундъ ласково принялъ Русскихъ бѣглецовъ, подарилъ Бѣльскому село Жижморы и другія помѣстья, а Ляцкому Высокій дворъ и Жолудокъ, близъ Трокъ. О Глинскомъ: «Пойманъ бысть Августа 19-го, въ томъ, что *далъ Вел. Князю Василію зелье пити въ его болѣзни, и В. К. въ той болѣзни съ того зелья не стало*, и посаженъ бысть въ палатѣ, гдѣ и напередъ сего сидѣлъ» (*Никон. Лѣт.* VII, 3). *Бѣльскій* (Chronika) говоритъ о Михаилѣ (стр. 524): corke brata swego z wszeteczenstwa y okrucienstwa slowy karał, и проч.

(145) «Велѣлъ К. В. городъ Китай дѣлати, и торги всѣ ввести въ городъ, отъ Никольскихъ воротъ по Нэглинной, вверхъ къ Троицѣ, гдѣ ся Поля били (*Трои-*

Казань подтвердила свою покорность; но съ Крымцами началось непріязнью. Мая 8-го, толпы ихъ, набѣжавшія на Русь, были разбиты на рѣкѣ Пронѣ. Въ Іюнѣ получили изъ Крыма извѣстіе отъ мнимаго пріятеля Рускихъ Ислама, что онъ низвергъ съ трона Саипъ-Гирея, и хочетъ продолжать старую дружбу. Этого хотѣли и въ Москвѣ, зная, что Крымъ послужитъ важною помощью противъ Польши, съ которою не надѣялись поддержать мира. Посланникъ, отправленный въ Крымъ, донесъ, что Исламъ обманываетъ, ибо Саипъ еще владѣетъ частью Крыма. Этому не хотѣли вѣрить; послали въ Крымъ Князя Мезецкаго; да-

цы *въ поляхъ*, мѣста судныхъ поединковъ, называвшихся: *поле*), да по Ивановъ дворъ Челяднина, да по Коневой площадкѣ на Васильевскій лугъ, къ Кузьмѣ Демьяну на Острый конецъ, да вверхъ по Москвѣ рѣкѣ къ Свибловѣ стрѣльницѣ» (*Синод. Лѣт.*, Карамзинъ, VIII, прим. 64). Зодчимъ былъ при семъ случаѣ Итальянецъ Петрокъ Малый. Четыре башни, съ воротами въ каждой, названы были: *Срѣтенская* (нынѣ Никольская), *Троицкая* (Ильинская), *Всесвятская* (Варварская), *Козмодемьянская* на Великой улицѣ (этихъ воротъ и башни уже нѣтъ). *Великою* называлась улица мимо Кремля отъ Москвы рѣки на Тверскую. О *Курятныхъ*, или *Воскресенскихъ* воротахъ въ лѣтописяхъ не говорится.

рили Ислама, заключили съ нимъ договоръ; терпѣли всѣ его мѣлочныя требованія. Но Саипъ сердился, и соединясь съ Казаками Дашковича, грабилъ Сѣверскую область (146).

Польши опасались не безъ причины. Она отвыкла бояться Рускихъ въ двѣнадцать лѣтъ мирнаго времени. Думая, что при безпорядкахъ новаго правленія, легко возвратить прежнія потери, Сигизмундъ не хотѣлъ мира. Онъ горделиво принялъ извѣстіе о воцареніи Іоанна и желаніи Рускихъ продолжать дружбу. «Согласенъ,» отвѣчалъ онъ, «но пусть, уважая мою старость, Князь Русскій пришлетъ Пословъ ко мнѣ заключить договоръ.» Сигизмундъ возобновилъ давно забытое: потребовалъ от-

(149) Въ Казань ѣздилъ Князь Ѳ. И. Беззубцевъ въ Іюлѣ 1534 г. — На берегахъ Прони разбили Татаръ Князья Пунковъ и Гатевъ; Татары пришли тогда по дорогѣ отъ Азова. — Въ Крымъ ѣздилъ, послѣ Челищева, гонецъ Логиновъ; наконецъ Кн. Александръ Оболенскій-Стрига. Исламъ требовалъ между прочимъ новаго условія, чтобы «недруги Рускихъ были имъ друзьями, если они будутъ друзья Исламу;» въ Москвѣ не согласились на эту нелѣпость. Подробности и договоры съ Крымомъ, см. у Щербатова, *Ист. Росс.* т. V, ч. 1, стр. 499—524, *Дѣла Крымскія* (Карамз. VIII, прим. 32). Хищниками Саипа предводилъ Мурза Булгакъ.

нятыхъ у Литвы областей. Ему не захотѣли и отвѣчать, готовясь къ войнѣ (147).

Король самъ началъ дѣйствовать немедленно, оружіемъ и политикою; съ одной стороны готовилъ войско, съ другой повелъ переговоры съ Крымомъ, указывая Сафа-Гирею средства овладѣть снова Казанью, а Саипу и Исламу возобновить смѣлыя предпріятія Махмета противъ Москвы. Крымцы продали ему свою дружбу съ Рускими, и Сигизмундъ съ надеждою двинулъ войско: въ Сентябрѣ 1534 г. Кіевскій воевода, Андрей Немировичъ, вступилъ въ Сѣверскую область, а Князь Вишневецкій пошелъ къ Смоленску. Но, къ изумленію Сигизмунда, онъ увидѣлъ Русь готовою къ бою, вопреки внушеніямъ бѣглецовъ, Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго, увѣрявшихъ его, что Правительница и любимецъ ея не помышляютъ о государственныхъ дѣлахъ, и еще менѣе о воинскомъ устройствѣ, занятые дворскою крамолою.

Немировичъ напалъ на Стародубъ, зажегъ посады сего городка, хотѣлъ овладѣть крѣпостью, но былъ отбитъ; онъ сжегъ Радогощъ, гдѣ храбро защищался и погибъ Русскій

(147) *Дѣла Польскія* (Карамз. VIII, прим. 25).

воевода Лыковъ; наконецъ Поляки осадили Черниговъ; вылазка осажденныхъ, ночью, такъ испугала Польскаго воеводу, что онъ поспѣшно отступилъ, оставилъ всѣ военныя дѣйствія, и ушелъ въ Кіевъ. Столь-же неудачно Вишневецкій подходилъ къ Смоленску; онъ былъ прогнанъ воеводою Кн. Никитою Оболенскимъ. Литовскихъ плѣнниковъ привели въ Москву, съ отбитыми подъ Стародубомъ пушками. Народъ, испуганный неожиданною войною, ожилъ духомъ (148).

Еще изумительнѣе показалось Сигизмунду, когда Рускіе немедленно начали мстить ему за вѣроломное начало войны. Оболенскій собралъ Боярскую Думу, гдѣ Елена, въ присутствіи младенца Іоанна, объявила о непріязни Польскаго Короля. Митрополитъ благословилъ Государя воевать. Съ трехъ сторонъ: отъ Смоленска Михаилъ Горбатый, Никита Оболенскій, и самъ И. Ѳ. Оболенскій, предводя передовымъ полкомъ; отъ Пскова Борисъ Горбатый; отъ Стародуба Ѳедоръ Оболенскій, братъ И. Ѳ., и Князья Тростенскіе, вступили въ Литву. Число Русскихъ войскъ простиралось до 150 тысячъ человѣкъ, и ужасъ пожа-

(148) *Царств. книга*, 38 — 40; *Син. Лѣт.* и *Архив. Лѣт.* (Карамз, VIII; прим. 28).

ровъ и грабежей разлился по Литвѣ. Ни осеннія грязи, ни зимніе снѣга и морозы не остановили Рускихъ; только 15 верстъ не дошли отряды ихъ до Вильны, гдѣ находился самъ Сигизмундъ, не смѣя ничего предпринять противъ ожесточенныхъ непріятелей (149).

Онъ обрадовался, когда Рускіе ушли во свояси, и хотѣлъ дѣятельно начать войну слѣдующаго года. Слуги Симеона Бѣльскаго и Ляцкаго прибѣжали въ Москву, оставивъ господъ своихъ, и извѣстили о сборѣ Польскаго войска и намѣреніи Короля осаждать Смоленскъ. Оболенскій не медлилъ: изъ Москвы старшій Бояринъ Василій Шуйскій, и самъ Оболенскій, опять въ передовомъ полку, изъ Пскова Борисъ Горбатый и Михаилъ Воронцовъ, снова явились въ Литвѣ, сожгли Мстиславль, опустошили окрестности, и въ Іюнѣ 1535 года заложили крѣпость на Себежѣ, назвавъ ее

(149) *Царств. книга* 40; *Синод. Лѣт.* и *Дѣла Крымскія* (Карамз. VIII, прим. 30). При войскѣ были отряды Мордвы и *лыжниковъ* Рязанскихъ; они шли обратно черезъ Псковскую область и грабили жителей (*Пск. Лѣт.*). *Лыжниками* назывались воины, ходившіе при войскѣ на лыжахъ зимою. Такъ *лыжною* Пермію называли тѣ области, куда отправлялись въ походъ на лыжахъ. Вспомнимъ разбитіе Мустафы въ 1444 году (т. V, спр. 356).

Ивангородомъ, какъ будто Русь хотѣла провести границы свои далѣе внутрь Литвы. Сигизмундъ не препятствовалъ; но Немировичъ, Тарновскій, Острожскій, Симеонъ Бѣльскій, съ 40-ка тысячами войска, вступили въ область Сѣверскую. Дмитрій Бѣльскій и Князь Мстиславскій отправились на встрѣчу имъ. Русскихъ воеводъ поспѣшно воротили къ Коломнѣ, ибо узнали, что Крымскіе хищники не соблюли обѣщаннаго мира; Послы Исламовы находились еще въ Москвѣ, а Крымцы уже опустошали Рязанскую область. Отряды ихъ были не велики, и бѣжали, едва выступило на нихъ Русское войско (150).

Но отвлекая Бѣльскаго и Мстиславскаго, Татары помогли воеводамъ Сигизмунда. Немировичъ пришелъ подъ Гомель; воевода тамошній, Князь Оболенскій-Щепинъ испугался, бѣжалъ; Гомель сдался, а Немировичъ осадилъ Стародубъ. Его защищалъ храбрый Ѳеодоръ Оболенскій, не думалъ сдавать, бился неутомимо. Поляки взорвали часть стѣны (29 Августа 1535 г.) и только числомъ людей побѣди-

(150) *Дѣла Крымскія* (Карамз. VIII, прим. 33). *Себежъ*, нынѣ городъ Витебской губерніи, между озеръ Себежа и Ворона, 211 верстъ отъ Витебска.

ли воеводу, который не уступалъ, пока еще оставалась у него дружина, и наконецъ отдался въ плѣнъ, вмѣстѣ съ Княземъ Сицкимъ. Тринадцать тысячь жителей, и воеводы Колычевъ и Ромодановскій погибли отъ меча Поляковъ и пожара. Немировичъ бросился къ Почепу. Воевода Сукинъ сжегъ сей городъ, и Немировичъ овладѣлъ кучею пепла (151). И. Ѳ. Оболенскій принужденъ былъ въ это время воротиться къ Смоленску; присутствіе его бы-

(151) Спр. Лѣт. II, 389; Псков. Лѣт. г. 1535; Рост. и Син. Лѣт. (Карамзинъ, VIII, прим. 37). О взрывѣ стѣны Стародубской: «Имуще (Поляки) много невѣрныхъ, и два чародѣя, и много вражьими мечты великія *споны* творяху, и подкопашася ко граду съ полпоприща, посыпаша злое пушечное зеліе, зажгоша то зеліе, и потече огонь ко граду по устроенному мѣсту. А воеводамъ сего злаго замысла невѣдущимъ, и абіе услыша яко громъ великъ, и зеліе вырва часть градныя стѣны. И воеводы начаша другъ друга *гатити*, и всѣмъ гражанамъ помянуша слово Сорока Мученикъ: «братіе! яко аще не нынѣ умремъ, умремъ убо всяко, но постраждемъ нынѣ за православную вѣру!» и иноплеменницы ко граду яко вода наліяся, и бысть сѣча велика и кровопролитія много,» и проч.— Далѣе говорится, что при Себежѣ упомянутые чародѣи утонули въ озерѣ, «яко олово погрязоша, и снидоша по своимъ злымъ дѣламъ во дно адово.» — Сукина прозвали за оборону Почепа *Осадчикомъ*.

ло необходимо въ Москвѣ. Оставивъ въ Смоленскѣ сильное войско, а въ Себежскомъ Ивангородѣ храбрыхъ воеводъ, Князя Засѣкина и Тушина, Оболенскій спѣшилъ управлять мятежною Боярскою Думою. Онъ взялъ съ собою въ Москву и Василія Шуйскаго. Сигизмундъ думалъ лучше успѣть въ отсутствіе любимца Елены. Въ Февралѣ 1536 года, Немировичъ напалъ на Ивангородъ Себежскій. Засѣкинъ и Тушинъ бились крѣпко; выступили въ поле, заманили непріятеля на ледъ озера, который подломился отъ тяжести, и, въ замѣшательствѣ отъ удачной хитрости Рускихъ, Немировичъ былъ разбитъ совершенно; едва только могъ убѣжать самъ. Празднуя побѣду, Оболенскій велѣлъ заложить въ Ивангородѣ церковь на память славной защиты. Сигизмундъ надѣялся еще на пособіе Крыма и Казани, но тщетно, ибо умъ Оболенскаго былъ такъ-же дѣятеленъ въ совѣтѣ, какъ въ бою былъ силенъ мечъ его, и тверда воля при неудачахъ и—въ преступленіяхъ (152).

Дѣйствія Крымскихъ хищниковъ оказывались ничтожными. Прогнанные отъ Рязани въ 1535

(152) О Себежѣ: «Не мы ихъ побили, Богъ ихъ побилъ. . . а подъ стѣной биша ихъ, яко свиней» *Псковск. Лѣт.*

г., они напали на Бѣлевъ, въ Апрѣлѣ 1536 г., и были опять разбиты; зимою явились на берегахъ Быстрой Сосны, и бѣжали отъ войска, на нихъ посланнаго (153). Но Казань уже снова находилась въ рукахъ врага Рускихъ, Сафа-Гирея, и являлась гораздо опаснѣе Крыма, раздираемаго несогласіями Хановъ его Саипа и Ислама. Осенью 1535 года, Еналей, раздражившій Казанцевъ своимъ женолюбіемъ, былъ убитъ, по наущенію Царевны Ковгоршадъ (славившейся между Татарами своимъ умомъ, знаніями, даже волхвованіемъ) и недруга Еналеева, Мурзы Булата. Сафа-Гирей пріѣхалъ изъ Крыма, и былъ объявленъ Царемъ Казанскимъ. Онъ немедленно послалъ опустошать берега Волги (зимою 1536 г.), горделиво отвергнувъ предложеніе о мирѣ. Князья Гундоровъ и Замыцкій были посланы для защиты Приволжья, и бѣжали при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ. Казанцы опустошали Нижегородскую область, разбили отрядъ, вышедшій противъ нихъ изъ Балахны, и удалились отъ Лыскова, послѣ нерѣшительной битвы съ намѣстникомъ Нижегородскимъ и съ Княземъ Мстиславскимъ, посланнымъ на помощь. Воеводы Сабуровъ и Кар-

(153) Дѣла Крымскія, Синод. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 50, 51, 52).

повъ подкрѣпили Русское войско, и отмстили Казанцамъ подъ Коряковымъ, въ Январѣ 1537 года. Мурза Галдей, начальникъ Городецкихъ Казаковъ, рѣзалъ отряды Татарскіе на Волгѣ; но Сафа-Гирей не унимался. Онъ напалъ на Галицкіе и Костромскіе предѣлы, гдѣ убили въ сраженіи воеводу Князя Засѣкина, а другой воевода, Сабуровъ, бѣжалъ разбитый. Сафа-Гирей, «вынырнувъ, будто змѣй изъ хвороста» (по словамъ лѣтописи), перешелъ Волгу и сжегъ Муромскіе посады. Онъ удалился, узнавъ о приближеніи Русскаго войска. Оболенскій видѣлъ необходимость смирить врага сильнѣйшею войною, и велѣлъ готовиться въ большой походъ на Казань, уже не опасаясь Крыма, ведя съ нимъ хитрые переговоры, и не боясь Польши, увидѣвшей, что надежды на безпорядокъ правленія въ Москвѣ, и увѣренія въ этомъ Бѣльскаго и Ляцкаго, были тщетны (154).

(154) Каз. Лѣт., Ист. Г. Р. VIII, прим. 39, 47, 62. Объ Еналеѣ: «сталъ молодостью ѣздити по непригожимъ мѣстамъ, а въ Казани лихихъ людей много, люди съѣзжіе» (*Дѣла Крымскія*, Карамз. VIII, прим. 38). Руские называли Царевну Ковгоршадъ *Горшадною*, «сестра бѣ Магмеда-Аминя, грамотѣ Татарской научена бысть, и *волхвованію навыче*.»

Сигизмундъ смирился до того, что самъ просилъ мира. Онъ такъ былъ раздраженъ на измѣнниковъ Русскихъ, что Симеонъ Бѣльскій принужденъ былъ, спасая себя, бѣжать въ Турцію, а Ляцкій уже сидѣлъ въ темницѣ по повелѣнію Сигизмунда. Опустошеніе Сѣверской области не вознаграждало за опустошенія Русскихъ въ Литвѣ, и если Поляки удержали Гомель, этого не льзя было почесть выигрышемъ важнымъ. Укрѣпивъ Себежскій Ивангородъ, Оболенскій обновилъ Почепъ въ Октябрѣ 1535 г., Стародубъ весною 1536 года; въ тоже время на Литовской землѣ, въ Торопецкой области заложили городъ Велижъ, въ Ржевской области, городъ Заволочье; Русскіе воеводы Горенскій и Барбашевъ *обожгли* Любечъ, Витебскъ. Словомъ: когда еще Немировича разбили подъ Ивангородомъ, Оболенскій получилъ уже письма отъ брата своего, взятаго въ плѣнъ подъ Стародубомъ, и отъ Князя Юрія Радзивила, что Король Польскій желаетъ мириться. Оболенскій отвѣчалъ согласіемъ. Но время проходило въ нерѣшительности. Король прислалъ поздравить Іоанна съ восшествіемъ на родительскій престолъ; за то потребовалъ присылки Пословъ, для переговоровъ о мирѣ, въ Литву. Въ этомъ отказано, какъ въ дѣлѣ никогда не бываломъ. Въ Январѣ 1537 г. Полоцкій воевода Янъ Глѣбовичъ прибылъ въ Москву, заговорилъ

объ отдачѣ Новгорода и Смоленска; отъ него требовали Кіева. Жаркій и продолжительный споръ кончился заключеніемъ перемирія на 5-ть лѣтъ: до того времени положено Гомелю оставаться за Польшею, а Себежскому Ивангороду, Ржевскому Заволочью, съ нѣкоторыми мѣстечками, за Русью. Сигизмундъ не согласился размѣнять плѣнниковъ, хотя утвердилъ договоръ о мирѣ, послѣ войны, не принесшей пользы ни которой сторонѣ, но болѣе славной для Рускихъ, ибо не они начали воевать, и потомъ, не смотря на малолѣтство своего Государя, держались честно въ бояхъ, принудили непріятеля мириться (155).

Пока переговаривали съ Польшею и готовились на Казань, Оболенскій не оставлялъ и другихъ средствъ вредить непріятелямъ Русской земли. Вскорѣ по завладѣніи Казани Сафа-Гиреемъ, зная, что Шихалей имѣетъ друзей между Казанцами, онъ совѣтовалъ простить Шихалея и возвести его въ достоинство Казанскаго Царя. Декабря 12, 1535 г., Шихалея возвратили изъ ссылки въ Москву, и простили съ торжественнымъ обрядомъ. Онъ

(155) Пск. Лѣтопись; Ник. Лѣт. VII, Син. Лѣт. и дѣла Польскія (Карамз. VIII, прим. 49, 53, 55, 56).

привезенъ былъ во дворецъ при великолѣпномъ поѣздѣ; встрѣченъ у саней главными сановниками, Василіемъ Шуйскимъ и самимъ Оболенскимъ. Введенный въ палату, Шихалей кланялся до земли малолѣтному Іоанну, потомъ былъ у Елены, раскаявался въ измѣнѣ своей, вспоминалъ благодѣянія Василія, говоря, что Василій взялъ его, «какъ щенка негоднаго, вспоилъ, вскормилъ, сдѣлалъ Царемъ,» и въ награду видѣлъ отъ него одну неблагодарность. Малолѣтный Іоаннъ привѣтствовалъ жену Шихалея, сказавъ ей по-Татарски: *Табугъ-саламъ*; потомъ былъ обѣдъ во дворцѣ, и Шихалея одарили богато (156).

Но число сообщниковъ Шихалея въ Казани оказалось невелико, и опредѣленіе его въ Цари принуждены были отложить: надлежало прежде усмирить Сафа-Гирея, который гордился нерѣшительностію войны, своими набѣ-

(156) Ист. Г. Р. т. VIII, стр. 31, 32, прим. 40—45; Царств. книга. Елена разсуждала съ Боярами предварительно: «Пригоже-ли у нея быти Царю?» И Бояре утвердили, что «Государь младъ, а положеніе скипетра и державы на ней.» По причинѣ пріема жены Шихалея, при Еленѣ находилось множество боярскихъ женъ: Челяднина, Бѣльская (Марѳа Васильевна, урожд. Шуйская), Мстиславская, и проч. Слова Шихалея: «К. В. Василій вскормилъ меня, какъ щеня,» и проч.

тами на Волгу, и не хотѣлъ слышать о покорности Рускимъ.

Защищая предѣлы Руси отъ Крымцевъ, Оболенскій безпрерывно велъ между тѣмъ съ ними переговоры. Симеонъ Бѣльскій находился тогда въ Крыму, куда пріѣхалъ изъ Царьграда. Онъ писалъ къ Еленѣ, умоляя о прощеніи, а письма Ислама наполнялись увѣреніями въ дружбѣ его къ Рускимъ. Первому отвѣчали, что Елена все прощаетъ ему, и призываетъ его въ Москву на прежнія почести; но въ тоже время Ислама уговаривали выдать *бѣглаго холопа* Бѣльскаго, врага и клеветника Руси. Исламъ соглашался; Крымъ, раздѣленный между имъ и братомъ, не могъ угрожать Москвѣ большою опасностію. Къ досадѣ Оболенскаго, Исламъ вскорѣ погибъ при нападеніи Ногайцевъ на Крымъ; они разграбили Ханскіе улусы и захватили Бѣльскаго въ полонъ. Съ самаго начала правленія Елены, Рускіе были въ сношеніяхъ съ Ногаями, льстили ихъ полудикому честолюбію, дарили ихъ и вооружали противъ Крыма. Теперь, въ залогъ дружбы, потребовали отъ нихъ Бѣльскаго, даже посылали за него выкупъ, будто-бы отъ имени его родственниковъ. Хитрый измѣнникъ уговорилъ Ногаевъ не выдавать его на вѣрную казнь Рускимъ, и успѣлъ, такъ, что Ногайцы отослали Бѣльскаго къ Саипъ-Гирею, уже единовла-

стителю Крыма. Оболенскій вскорѣ увидѣлъ дѣйствіе совѣтовъ Бѣльскаго. Саипъ возгордился, сдѣлался неприступенъ, угрожалъ нападеніемъ, подговаривалъ Ногаевъ идти на Русь, ограбилъ Русскаго Посла, требовалъ даровъ, хотѣлъ, чтобы самъ Оболенскій, или Василій Шуйскій пріѣхали переговаривать съ нимъ. «Не троньте *моей Казани*, или двину мои полчища, и праха Русскаго не останется на землѣ,» писалъ Саипъ. — «Съ чего вздумалъ ты называть Казань *твоею?*» отвѣчали ему отъ имени Іоанна. «Или забылъ ты, что еще дѣдъ мой завоевалъ сей городъ, и ари Казанскіе донынѣ были его подданными? Соглашаюсь на миръ съ Сафа-Гиреемъ, но пусть признаетъ власть мою; посылаю къ тебѣ знатнаго сановника, но не могу послать Оболенскаго, или Шуйскаго: я младъ, и присутствіе ихъ при мнѣ и совѣты ихъ мнѣ необходимы (157).»

(157) Дѣла Крымск. (Карамзинъ VIII, прим. 57, 58, 59, 60, 61, 63); переписка съ Ногаями, въ *Прод. Вивліоѳики*, ч. VIII. Любопытно, какъ старались привлечь Бѣльскаго въ Москву, обольщая его ласками, говоря объ немъ Ногаямъ, какъ о другѣ и родственникѣ. Но тогда-же писали къ Хану Крымскому, увѣдомлявшему объ угрозахъ Симеона: «Онъ холопъ, позабывъ Бога и наше жалованье, и свою душу, неподобныя рѣчи говоритъ; да мы того холопа рѣчи ни

Поступая такимъ образомъ съ Польшею, Казанью и Крымомъ, Оболенскій поддерживалъ сношенія Рускихъ съ другими государствами, и чужеземцы не могли замѣтить никакой перемѣны въ правленіи Руси.

Послы Густава Вазы пріѣзжали въ Москву въ 1535 г., и заключили миръ на 60-тъ лѣтъ; но Густавъ заспорилъ, не утвердилъ договора, и прислалъ другихъ Пословъ въ 1537 г. Въ Новгородѣ переговаривали съ ними Князь Борисъ Горбатый и Михаилъ Воронцовъ. Швеція обязалась не помогать ни Литвѣ, ни Ли-

во что вмѣняемъ, а кто ся на насъ подвигнетъ, и похочетъ намъ недружбу дѣлати, и мы съ Божьею волею противъ своихъ недруговъ стояти и дѣла своего беречи можемъ,» и проч. — Письма Ногаевъ въ Москву писаны въ это время особенно фигурно. «Нашего отца время кончалося,» говорилъ Мурза Уланъ, «также и вашего отца время кончалося, занеже свѣтъ сей превратенъ есть, и ничто-же на семъ свѣтѣ вдолги не пробудетъ.... На твоей Украйнѣ было-жъ-ли то, что куряти ногу кто изломилъ? Есть-ли то? А ты велѣлъ еси у насъ кони отгонити.... Дружбѣ знаменіе: пословъ не задерживати; дружбу и недружбу знаемъ, а оприча того у насъ иного нѣтъ, что добра ищемъ, да лихое-бы слово межъ насъ не прошло,» и проч. Прося подарковъ самымъ безстыднымъ образомъ, Ханы и Мурзы писали, что желаютъ имѣть ихъ потому особенно, что казна Русскаго Князя *счастливая*.

вонскимъ рыцарямъ; съ обѣихъ сторонъ положили утвердить прежнія границы, возвратить перебѣжчиковъ и позволить свободную торговлю (158).

Плеттенбергъ скончался въ 1535 г., «славнѣйшій и счастливѣйшій изъ всѣхъ Лифляндскихъ Гермейстеровъ, не только храбрый воинъ, но умный правитель Лифляндіи, въ теченіе сорока лѣтъ.» Преемникъ его, Германнъ фонъ-Бриггеней, просилъ подтвердить миръ. Горбатый и Воронцовъ заключили договоръ вновь на 17-ть лѣтъ, считая съ 1-го Октября, 1534 года (159).

Оболенскій не рѣшался возобновить безполезныхъ пересылокъ съ Султаномъ, хотя Султанъ упрекалъ Іоанна въ забвеніи старой дружбы, прославъ въ Москву Грека Адріана за покупками. Но къ Императору, и брату его, Королю Венгерскому и Богемскому, отправили Посольство въ 1538 году (160).

Во все это время, Оболенскій также ревностно думалъ о дѣлахъ внутренняго управленія. Кромѣ охраненія предѣловъ отъ Польши

(158) Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 17.

(159) Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 18. Приведенныя слова о Плеттенбергѣ, *Кельхъ*, стр. 178.

(160) Ист. Г. Р. VIII, прим. 21, 24.

новыми крѣпостями, и новыхъ стѣнъ Московскаго Китая города, въ 1535 г. выстроили Мокшанскую крѣпость въ Мещерѣ, а въ 1536 г. крѣпости въ Буйгородѣ, Балахнѣ, на мѣстѣ бывшаго Пронска; мысль ограждать Русь отъ Казани и Крымцевъ сими постройками, была благоразумна. Кромѣ того, перестроили крѣпости въ Темниковѣ, Устюгѣ, Вологдѣ; тогда-же обновили Новгородскій Кремль (161).

Кто могъ-бы подумать, что правленіе Елены, по видимому, столь твердое и благоразумное, кипѣло между тѣмъ всѣми ужасами внутренней крамолы, тайной и явной, и поддерживалось только жестокимъ самовластіемъ и неумолимою строгостью любимца Елены!

Онъ употреблялъ въ дѣла единственно своихъ приверженцовъ: Михаилъ Воронцовъ, сдѣлав-

(161) Ист. Г. Р. VIII, прим. 66, и разныя лѣтописи, какъ-то: *Стр. Ник.* — Другія учрежденія во время правленія Елены: на выкупъ плѣнныхъ велѣно собирать деньги съ Духовенства, на ряду со всѣми; изданы указы о битьѣ монеты, учрежденъ вѣсъ ей, положены наказанія на поддѣлывателей. Замѣтимъ, что тогда-же перемѣненъ чеканъ монеты: вмѣсто всадника съ мечемъ въ рукѣ, велѣно изображать его съ копьемъ: «и оттолѣ прозвашася деньги *копейныя.*» Отъ этого многіе выводили названіе *копѣйки*, но оно было извѣстно прежде.

шійся въ то время ревностнымъ слугою Елены, Борисъ Горбатый, Князья Оболенскіе, предводили войсками и заключали договоры. Василій Шуйскій, взятый на Польскую войну для почета, былъ вороченъ въ Москву отъ Смоленска, какъ мы видѣли, когда самому Оболенскому не льзя было остаться при войскѣ. Шуйскому не хотѣли ничего довѣрять; онъ и другіе вельможи сидѣли на первыхъ мѣстахъ Боярской думы, но рѣшалъ все *одинъ*—Оболенскій. Въ рукахъ его сообщниковъ было воспитаніе Іоанна; онъ успѣвалъ еще и сопровождать Елену на богомолья, которыми хотѣла она доказывать народу свое благочестіе (162).

Малѣйшее попущеніе властолюбію другихъ вельможь производило безпорядки. Въ походѣ на Литву, лѣтомъ 1535 года, Горбатый и Воронцовъ перессорились съ Шуйскимъ, и тѣмъ повредили полному успѣху, дали средства Сигизмунду раззорить Сѣверскую область. Оболенскій строго наказывалъ небрежность, ослушаніе, пренебреженіе къ чести Правительства:

(162) Въ 1536 г. Елена ѣздила съ обоими сыновьями въ Троицкую обитель, въ Іюнѣ; въ 1537 г. дважды, въ Іюнѣ и Сентябрѣ; въ 1538 г., ѣздила въ Можайскъ; въ 1535 г. при переложеніи мощей Алексія Митрополита въ новую раку, Елена молилась въ церкви со слезами, и проч.

Пословъ Крымскаго Хана посадили въ темницу за нарушеніе мира (1535 г.); Казанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ подъ Коряковымъ, казнили въ Москвѣ, какъ непослушныхъ присяжниковъ Іоанна (1536 г.); Князь Щепинъ, за умышленное, или невольное оставленіе Гомеля, въ 1535 г., и воеводы Гундоровъ и Замыцкій, за трусость въ Лысковской битвѣ съ Сафа-Гиреемъ, были наказаны тюрьмою (163).

Здѣсь видимъ однакожь справедливость и умѣренность въ наказаніи. Но жестокость другихъ поступковъ показывала въ могущественномъ Оболенскомъ свирѣпаго вельможу, который ничего не щадитъ для собственной своей безопасности, и — судьба Михаила Глинскаго, и дядей Іоанна, несчастныхъ Юрія и Андрея Іоанновичей, лежитъ позоромъ на памяти любимца Елены...

Мы видѣли, что съ самаго вступленія Елены въ правленіе, Иванъ Бѣльскій, Андрей Шуйскій, Михаилъ Глинскій и дядя малолѣтнаго Іоанна, Князь Юрій, были обречены на жестокое заключеніе. Не прошло года, и Михаилъ Глинскій умеръ въ темницѣ. Знаменитаго вельможу, старца, роднаго дядю Елены, схоро-

(163) Синод. Лѣт. (Карамз. VIII, пр. 33, 35, 47).

нили безъ всякой чести на погостѣ одной изъ бѣдныхъ церквей Московскихъ. Народъ возропталъ, такъ, что успокоивая его, велѣно было вырыть гробъ Глинскаго и отвезти въ Троицко-Сергіевскую обитель. Съ ужасомъ говорили въ Москвѣ, что Глинскій преставился въ *нуждѣ темничной, отъ лихихъ людей*, и забыли объ его участи, когда, почти послѣ трехъ-лѣтней неволи, Юрій Іоанновичъ скончался въ темницѣ своей, 26 Августа 1536 года, *отъ голода*, какъ говорила общая молва (164). Юрія съ честію похоронили въ Архангельскомъ соборѣ, и немедленно потребовали въ Москву Андрея Іоанновича. Видя, что три года совершенной покорности не безопасятъ его, Андрей былъ въ ужасномъ замѣшательствѣ, не смѣлъ ѣхать, не смѣлъ отказаться, и наконецъ увѣдомилъ племянника, что за тяжкою болѣзнію ѣхать не можетъ. « Отъ

(164) Герберштеинъ, R. M. стр. 80; Царств. книга, стр. 38; Син. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 12 и 15). О Глинскомъ: «преставися въ нужѣ, пойманъ бысть по слову наносному отъ лихихъ людей, и положенъ бысть за Неглинною за ямскимъ дворомъ» (у церкви Св. Великомученика Никиты, по *Львовск. Лѣт.*). *Бѣльскій* говоритъ: она (Елена) zdrade iemu zadawszy, w wiezeniu go umorzyla (стр. 524). Объ Юріи: «преставися страдальческою смертію, гладною нужею.»

болѣзни и кручины въ бѣдѣ моей, я потерялъ умъ и мысли. Неужели велите меня, больнаго и безумнаго, волочить къ Москвѣ?» униженно писалъ Андрей. «Покажите милость; согрѣйте мнѣ сердце, холопу своему, вашимъ жалованьемъ!» Оболенскій ничему не внималъ. Андрея окружалъ знаменитый Дворъ, знатные люди, сильная дружина. Послали лекаря Ѳеофила узнать болѣзнь его, а Досиѳея, владыку Крушицкаго, сказать Андрею, что «никакого лиха ему не будетъ,» но за непослушаніе Митрополитъ и Церковь проклянутъ его, какъ злодѣя. Оболенскій выступилъ изъ Москвы по слѣдамъ посланныхъ къ Андрею, съ воинскими дружинами. Вскорѣ Ѳеофилъ донесъ, что Андрей только притворяется больнымъ, а владыка Досиѳей извѣщалъ, что Андрей не слушаетъ словъ его. Тогда обвинили несчастнаго Князя въ зломъ умыслѣ. Къ несчастію, онъ подтвердилъ сіе обвиненіе, въ отчаяніи согласясь на совѣтъ приближенныхъ своихъ, уговаривавшихъ его бѣжать изъ Старицы, гдѣ жилъ онъ дотолѣ, завладѣть Новгородомъ, и объявить себя Великимъ Княземъ, или, по крайней мѣрѣ, Правителемъ государства, по малолѣтству своего племянника. Разославъ грамоты по городамъ, съ укоризненными словами противъ Елены и бояръ-правителей, Андрей выступилъ къ Новгороду, медлилъ, и отъ

Зайцова повернулъ въ сторону, когда услышалъ, что Новгородъ успѣли защитить противъ него сильнымъ войскомъ. Оболенскій окружилъ Андрея и небольшую воинскую дружину его со всѣхъ сторонъ, при селеніи Тюхоляхъ. Андрей хотѣлъ сражаться; но Оболенскій рѣшилъ дѣло безъ кровопролитія, хитростью: онъ ручался за безопасность Князя, если только онъ покорится добровольно, и просилъ его не проливать крови христіанской напрасно. Несчастный сынъ Іоанна III-го повѣрилъ всему; людей его обезоружили, и его самого, съ женою, съ сыномъ Владиміромъ, и со всѣмъ Дворомъ, повезли въ Москву. При въѣздѣ въ посадъ Московскій, посланный отъ Елены возвѣстилъ притворный гнѣвъ ея и опалу Оболенскому, за то, что онъ договаривался съ измѣнникомъ Княземъ Старицкимъ безъ воли Государя. Оболенскій казался изумленнымъ; объявилъ Андрею, что теперь по неволѣ не можетъ онъ исполнить своихъ обѣщаній. Андрей отвезенъ былъ прямо въ темницу; жену и сына разлучили съ нимъ и посадили подъ стражу отдѣльно. Бояръ и сановниковъ Андрея, Князей Пронскихъ, Пенинскихъ, Палецкихъ, Хованскихъ, также родовыхъ бояръ его, Колычевыхъ, Валуевыхъ, допрашивали о мнимомъ заговорѣ противъ Великаго Князя, пытали ихъ, сѣкли кнутомъ, заключали въ темницы; нѣко-

торые изъ нихъ погибли въ мученіяхъ. Тридцать Дѣтей Боярскихъ было повѣшено въ разныхъ мѣстахъ, по дорогѣ отъ Москвы до Новгорода. Черезъ полгода объявили народу, что *измѣнникъ Князь Андрей умеръ волею Божіею*, въ заключеніи своемъ, въ палатѣ на дворцѣ у Рождества Іоанна Предтечи. Андрей былъ умерщвленъ 10-го Декабря 1537 года. Жена и сынъ его остались въ заключеніи (165).

Здѣсь былъ предѣлъ самовластію слабой Елены и ея жестокаго любимца. Въ Февралѣ 1538 года Елена возвратилась съ великолѣпнымъ Дворомъ своимъ съ богомолья въ Можайскъ, гдѣ находился чудотворный образъ Николая Чудотворца, и куда супругъ ея ѣздилъ ежегодно; а 3-го Апрѣля — жестокій ядъ прекратилъ дни Правительницы! Дотолѣ бодрый, Оболенскій оказалъ удивительное малодушіе:

(165) Синод. Лѣт. (Карамз. *VIII*, прим. 16); Царств. книга, стр. 67; Никон. Лѣт. *VII*, стр. 13; Стр. Лѣт. II, 397 (всѣ три обвиняютъ Андрея въ злыхъ умыслахъ, гордости, своеволіи). Въ *Собр. Г. г.* т. II, № 30, находятся объясненія Андрея; № 31, отвѣтъ ему; № 32, наставленіе Митрополита Досиѳею. «На Бояръ его (Андреевыхъ), Кн. Ѳед. Дмитр. Пронскаго, Кн. Ивана Андр. и Юрія Андр. Пронскихъ, Кн. Бор. Иван. Палецкаго, которые у него въ избѣ были и думу его вѣдали, да на Ивана Иванова Умнаго-Колыче-

въ отчаяніи обнималъ онъ малолѣтнаго Іоанна, плакалъ, неутѣшно рыдалъ надъ гробомъ Елены — и только! Въ испугѣ своемъ, онъ, конечно, думалъ, что теперь ничто не спасетъ его отъ злобы враговъ, и не дѣлалъ даже никакихъ усилій поддержать власть свою, противиться своимъ непріятелямъ. Робко ожидалъ бѣдный временщикъ совершенія судьбы. Апрѣля 9-го, по опредѣленію Боярской думы, власть и попечительство надъ Государемъ вручили Василію Васильевичу Шуйскому. Оболенскій находился въ комнатѣ Іоанна, вмѣстѣ съ мамушкою юнаго Великаго Князя, своею сестрою, когда явились воины, и именемъ Старшаго Боярина и Боярской думы вырвали его и сестру его изъ объятій Іоанна, нѣжно любившаго ихъ, горестно плакавшаго и умолявшаго не трогать мамушки и брата ея. Агриппину сослали въ Каргополь, и тамъ постригли въ монахини. Оболенскій, четыре года властвовавшій надъ Русью и Государемъ ея, безъ су-

ва, да на шурина Княжа, Кн. Ивана Андр. Хованскаго, опалу положили, велѣли ихъ пытати и казнити торговою казнью, да оковавши въ наугольную стрѣльницу посажати, и Князя Өедора въ той нужѣ не стало. А дѣти боярскіе, помѣщики Новгородскіе, 30-ть человѣкъ, бити кнутомъ на Москвѣ, да казнити смертною казнью,» и проч.

да обреченъ на ужасную смерть: его уморили голодомъ (166)....

Погибель Оболенскаго взволновала между тѣмъ всѣ партіи. Казалось, что Шуйскіе хотѣли присоединить къ себѣ Бѣльскихъ. Вмѣстѣ съ Андреемъ Михайловичемъ Шуйскимъ, освобожденъ былъ изъ заключенія и Иванъ Ѳедоровичъ Бѣльскій. Василій Шуйскій призвалъ его въ совѣтъ Бояръ, и раздѣлилъ съ нимъ власть свою. Они не могли ужиться.

Бѣльскихъ не терпѣли другіе Бояре, какъ Литовскихъ выходцевъ, превышавшихъ Русскіе роды своимъ образованіемъ и умомъ; хотѣли пользоваться ихъ участіемъ въ дѣлахъ; но Бѣльскіе невольно брали первенство, особливо передъ Шуйскими, жадными только корысти и власти, но неспособными ни къ государственному правленію, ни къ военному дѣлу. Бѣль-

(166) «Пойманъ Князь И. Ѳ. совѣтомъ Князя В. Шуйскаго, и брата его, и иныхъ, за то, что его Государь въ приближеньи держалъ,» и проч. (*Синод. Лѣт.*, Карамз. VIII, прим. 74) — «и посадили въ палатѣ за дворцомъ, у конюшни, и уморили его голодомъ и тягостію *желѣзною*; а сестру его Агриппину сослали въ Каргополь, и тамъ ее постригли въ черницы» (*Льв. Лѣт.* IV, 105).

скій соединился съ хитрымъ Митрополитомъ Даніиломъ, Дворецкимъ Михаиломъ Тучковымъ, и безъ согласія Шуйскаго успѣлъ испросить у Іоанна друзьямъ своимъ Князю Булгакову-Голицѣ Боярство, а сыну Хабара-Симскаго Окольничество. Это было началомъ открытой вражды. Шуйскіе обвинили Бѣльскаго въ лихоимствѣ и злыхъ умыслахъ; нагло захватили они, сѣкли и пытали знаменитаго Дьяка Ѳедора Мишурина; наконецъ отрубили голову несчастному Мишурину, и снова заключили въ тюрьму И. Ѳ. Бѣльскаго и многихъ друзей его. Василій Шуйскій думалъ укрѣпить власть свою супружествомъ съ дочерью Петра, Казанскаго Царевича, слѣдовательно близкою родственницею Государя. Въ *Іюнѣ* была свадьба. Но смерть, естественная — или насильственная, какъ думали многіе — положила предѣлъ замысламъ стараго честолюбца: въ Октябрѣ 1538 года, Василій былъ уже въ могилѣ (167).

(167) «Бысть вражда межъ Бояръ, Князя Василія, да Князя Ивана Вас. Шуйскихъ, съ Княземъ И. Ѳ. Бѣльскимъ, и въ той ихъ брани повелѣша Шуйскіе и иные Бояре убити Вел. Князя Дьяка Ѳед. Мишурина,» (*Ник. Лѣт.* VII, 19). Мишуринъ былъ совѣтникомъ и любимцемъ Василія, даже находился въ тайномъ совѣтѣ при его кончинѣ, вмѣстѣ съ Дьякомъ Путинымъ. При

Братъ его Иванъ немедленно завладѣлъ правленіемъ и волею восьмилѣтняго Государя. Бѣльскій оставался въ заключеніи; въ началѣ 1539 г. Шуйскій успѣлъ низложить другаго сильнаго непріятеля: Митрополитъ Даніилъ, любимецъ Василія и Елены, гонитель Максима Грека, семнадцать лѣтъ умѣвшій удержаться въ санѣ Первосвятителя Русскаго, былъ осуж-

Василіи, и потомъ при Іоаннѣ, Дьяки были важными лицами, по ихъ грамотности и законоискуству. Курбскій горько жаловался на это, и писалъ (*Сказ.* т. I, стр. 62): «Писари наши Русскіе, имъ-же Князь Вел. зѣло вѣритъ, и избираетъ ихъ не отъ шляхетскаго рода, ни отъ благородна, но паче отъ поповичевъ, или отъ простаго всенародства, и *то ненавидячи творитъ вельможъ своихъ.*» Подробнѣе всѣхъ говорится о событіяхъ въ *Льв. Лѣт.* (т. IV, 112): «Бяху вражды о корыстехъ и о племенехъ ихъ (т. е. о своей роднѣ); всякъ своимъ печется, а не государскимъ, ни земскимъ.... И многіе мятежи и нестроенія въ тѣ времена быша, грѣхъ ради нашихъ, Государю младу сущу, а Бояре на мзды уклонися безъ возбраненія, и много кровопролитія промежъ себя воздвигли, и въ неправдѣ судъ держаще, и вси не о Бозѣ стояху, Богу попускающу, а врагу дѣйствующу.» О женитьбѣ Ивана Шуйскаго, Карамзинъ говоритъ: «Будучи вдовцомъ, лѣтъ пятидесяти, или болѣе, женился на юной сестрѣ Іоанна, дочери Петра, Казанскаго Царевича» (т. VIII, 49).

денъ, *по суду Божескому и Великокняжескому изволенью*, и лишенъ своего знаменитаго сана; на мѣсто его избрали Игумена Троицко-Сергіевскаго *Іоасафа*. Даніила сослали въ ту самую обитель, гдѣ нѣкогда по его волѣ страдалъ и умеръ Вассіанъ Патрикіевъ. Въ свой чередъ, Даніилъ принужденъ былъ смиренно объявить, что «пребывъ на Московской Митрополіи довольно лѣтъ, съ нѣкотораго времени чувствуетъ себя немощнымъ къ такому дѣлу, чувствуетъ мысль свою погрѣшительною, разумѣніе недостаточно для Святительскихъ начинаній, отрекается Митрополіи и Архіерейскаго дѣйства отступаетъ, умоляя, да отпустятъ его, не зазрятъ его отступленія отъ Святительства, и упросятъ Госу-

Анастасія была уже вдовою послѣ перваго мужа Ѳ. М. Мстиславскаго, за котораго выдана была въ 1529 г., и имѣла отъ него сына Ивана (см. выше прим. 114). Мать ея, Евдокія, сконч. въ 1513 году, бывъ въ супружествѣ съ 1506 г. Слѣдовательно, Анастасіи было въ 1538 году лѣтъ 30-ть, по крайней мѣрѣ. Ѳ. М. Мстиславскій умеръ 30 Іюня 1537 г., а Анастасія 17-го Декабря 1540 г., сколько можно понять изъ перепутаннаго лѣтосчисленія *Львовск. Лѣт.*, т. IV, стр. 129, 136.

даря дозволить ему молчальное житіе. Умоляю всѣхъ о молитвѣ за меня, даю миръ всѣмъ и благословеніе тому, его-же изберетъ Богъ на мое мѣсто.»

Даніилъ не долго пережилъ свое паденіе, и вскорѣ скончался, удивляя примѣрною постническою жизнію и непритворнымъ раскаяніемъ о заблужденіяхъ прежней жизни (168). Иванъ Шуйскій торжествовалъ; все повиновалось ему; казна Великокняжеская удовлетворяла его жадное корыстолюбіе; надменно обходился онъ даже съ самимъ Государемъ. Лишенный ума хитраго и проницательнаго, Шуйскій не замѣчалъ тайныхъ происковъ. Крамола не умерла: только сдѣлалась скрытнѣе. Къ удивленію и досадѣ Шуйскаго, новый Митрополитъ и многіе царедворцы составили тайный заговоръ. Во множествѣ явились они во дворецъ, и единодушно жаловались юному Іоанну на своевольство старшаго Боярина, злыя дѣла его друзей и родственниковъ, худое управленіе Государствомъ; требовали освобожденія Бѣль-

(168) *Ник. Лѣт.* VII, 19, *Льв. Лѣт.* IV, 115. Даніилъ сконч. въ Февралѣ 1539 г., въ Іосифовскомъ Волоколамскомъ монастырѣ. О записи отреченія Даніилова, см. *Ист. Г. Р.* т. VIII, прим. 80.

скаго и успѣли во всемъ. Въ безсильной ярости, клянясь отмстить нанесенное ему оскорбленіе, Иванъ Шуйскій удалился отъ Двора, даже пересталъ ѣздить въ Боярскую думу. И. Ѳ. Бѣльскій былъ выведенъ изъ темницы, и занялъ первое мѣсто въ совѣтѣ Государя. Власть Ивана Шуйскаго продолжалась менѣе года (169).

Бѣльскій хотѣлъ показать всю противоположность кроткаго, благоразумнаго управленія съ безразсуднымъ, свирѣпымъ самоуправствомъ. Никому не мстилъ онъ, никто не былъ ни сосланъ, ни казненъ. Только смѣнили и удалили отъ должностей родственниковъ и друзей Шуйскаго. Напротивъ состраданіе оказано было женѣ и сыну несчастнаго Андрея Іоанновича: имъ возвратили свободу, удѣлъ ихъ и Московскіе дворы; Владиміръ Андреевичъ явился въ Кремлевскомъ дворцѣ, какъ ближайшій родственникъ Государя. Бѣльскій вспомнилъ и о несчастной жертвѣ политики Іоанна III-го, Князѣ Димитріи Андреевичѣ: страдальца велѣно было освободить отъ тюрьмы и оковъ; ему позволили умереть въ отдаленной обители,

(169) *Синод. Лѣт.* (Карамзинъ, VIII, прим. 90).

близъ гробницы брата. Всѣ согласились на просьбу Бѣльскаго, который ходатайствовалъ за близкаго ему преступника, брата Симеона, ручаясь въ его раскаяніи. Къ Симеону послали извѣстіе, что Государь прощаетъ его и позволяетъ ему возвратиться въ Москву (170).

Бѣльскій обратилъ вниманіе на государственныя дѣла. Въ послѣдніе два года они уже не поддерживали чести Русской земли. Правда, изъ Москвы ѣздилъ въ Царьградъ чиновникъ, съ письмами къ Султану и Патріарху Царя-

(170) *Синод. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 92); *Льв. Лѣт.* IV, 151. Владиміра освободили въ праздникъ Рождества, 1540 г. — Братъ матери Владиміровой, *Князь Иванъ Андреев. Хованскій* былъ въ числѣ опозоренныхъ Бояръ Андрея (*Ник. Лѣт.* VII, 18). Удѣлъ Владиміра составляли: Верея, Вышгородъ, Алексинъ, Любутскъ, Старица, Холмъ (см. выше, т. V, стр. 653). О Димитріи, см. т. V, стр. 586. О Симеонѣ Бѣльскомъ, *Льв. Лѣт.* IV, 141, «пожаловать-бы его простить, что онъ по грѣхамъ своею молодостью дерзнулъ отъѣхать.» Къ Симеону послали нарочнымъ Іова Кайсарова. Онъ былъ младшій сынъ Ѳеодора Бѣльскаго (см. т. V, прим. 504), *Дмитрій* старшій, *Иванъ* средній; мать ихъ была дочь Рязанскаго Князя, двоюродная сестра Василія Іоанновича, тетка Іоанна. Дядя ихъ Симеонъ былъ бездѣтенъ (см. т. V, стр. 448, 662).

градскому (въ концѣ 1538 г.); былъ посланъ другой въ Стокгольмъ, и возвратился съ ласковымъ привѣтствіемъ Шведскаго Короля (лѣтомъ 1539 г.); съ Ганзейскимъ Посломъ подтвердили договоръ торговый (въ Февралѣ, 1540 г.); заключили договоръ и съ Астраханскимъ Ханомъ Абдулъ-Рахманомъ, когда онъ побѣдилъ Ногаевъ и снова овладѣлъ Астраханью; ссылались съ Ногайскими владѣльцами, и Польша не безпокоила болѣе Русской земли; но Казань и Крымъ измѣнили свои поступки (171).

Смерть Елены и паденіе Оболенскаго остановили приготовленія къ походу на Казань, который предполагалъ Оболенскій, испытывая съ Сафа-Гиреемъ мирныя средства. Путь къ Казани былъ знакомъ смѣлому Оболенскому: на стѣнахъ Казанскихъ были еще слѣды пожара, зажженнаго руками его дружины въ 1530 году. Боярская дума не помышляла о наказаніи Сафа-Гирея, при своихъ внутреннихъ смятеніяхъ, и Казанцы безъ препятствій набѣгали на Приволжье, опустошали Кострому, Вятку, Пермь. Современники говорятъ, что для нихъ было тогда время тошнѣе Батыева: « Батый

(171) *Син. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 89).

только протекъ по Русскимъ областямъ съ огнемъ и мечемъ, а Сафа-Гирей постоянно жилъ и злодѣйствовалъ въ Руси, и никто не противился хищнику.» Въ 1538 г. отправили въ Казань Посла Яхонтова; Сафа-Гирей требовалъ Посла болѣе знатнаго, и не давалъ мира. «Слыгу, что вы дерзко готовитесь напасть на меня,» отвѣчалъ онъ, «и готовлю вамъ не покорность, но месть.» Также униженно и тщетно убѣждали на миръ Крымскаго Хана. Захвативъ Русскаго Посла на пути въ Молдавію, Ханъ называлъ свой поступокъ праведною отплатою за то, что также ловили нѣкогда Пословъ его на пути изъ Крыма въ Казань отецъ и мать Іоанновы. «Если хотите мстить мнѣ, я не боюсь: у меня на готовѣ сто тысячь воиновъ. Пусть каждый изъ нихъ убьетъ одного и уведетъ еще одного Рускаго; подумайте: легко-ли вамъ это будетъ? Знай, Русскій Князь, что и Москвою владѣешь ты по милости нашей, ибо прадѣдъ твой получилъ ее отъ предка моего Улу-Махмета, послѣ Суздальскаго своего плѣненія. Не думай, что въ Крыму царствуютъ прежніе Ханы; приготовляйся; иду на тебя и не скрываю своего намѣренія; хочу взять за себя всю твою землю, а захочешь ты меня предупредить походомъ—иди ко мнѣ; только найдешь-ли дорогу.» Никогда такъ дерзко не говаривали Крым-

цы, и Дума Боярская слушала шерпѣливо. Окольничій Злобинъ поѣхалъ уговаривашь Саипа (въ концѣ 1538 года), повезъ ему подарки, увѣрялъ его въ смиреніи Русскаго Государя. Ханъ слушалъ, гордился, и обѣщалъ прислашь своего Посла въ Москву, упрекая, чшо Рускіе, не смошря на его *приказъ*, не перестаюшъ шревожишь Казань. Злобинъ увѣрялъ напрошивъ, чшо не смошря на набѣги Сафа-Гирея, Бояре свяшо блюдушъ миръ, и до сихъ поръ «чернымъ волосомъ не двинулись, уважая заступленія великаго Крымскаго власшишеля.» Весною 1539 года пріѣхалъ въ Москву Сулемша, Посолъ Ханскій, и заключилъ миръ. Пока угощали его въ Москвѣ, Крымцы грабили Каширскую обласшь, и сынъ Саипа, Иминь, былъ съ ними. «Увѣренъ, чшо Ханъ не посылалъ своего сына; юноша своевольсшвуешъ,» ошвѣчалъ Сулемша на жалобу Бояръ о вѣроломсшвѣ Хана (172).

Ободренные шакимъ посшыднымъ бездѣйсшвіемъ, хищники замыслили наконецъ рѣшишельное нападеніе. Сафа-Гирей и Саипъ напоминали другъ другу дѣла Эдигея и Махмеша; не

(172) *Синод. Лѣт.*; *Архивск. Лѣт.*; *Дѣла Крымскія* (Карамзинъ, VIII, прим. 82, 83, 84, 86, 87); Курбскій, *Сказ.* ш. 1, 7, 8.

могли только согласиться во времени похода, ибо Крымцамъ удобнѣе было идти лѣтомъ, а Казанцамъ зимою. Не дожидаясь Крыма, зимою 1540 г., Сафа-Гирей ограбилъ Нижегородскую область. Еще лѣтомъ нападалъ онъ на Муромъ и Кострому; съ нимъ были Крымцы и Ногаи.

Но Москва оправилась отъ робости и бездѣйствія. Бѣльскій отрядилъ войско къ Костромѣ. Сразились недалеко отъ сего города; бились жестоко; четверо воеводъ: Князья Ѳ. Курбскій, Сисѣевъ, Тулуповъ и Засѣкинъ, были убиты, но товарищи ихъ разбили Казанцевъ. Другое войско, съ Шихалеемъ и Мстиславскимъ преслѣдовало бѣгущихъ. Зимою Шихалей и Дмитрій Бѣльскій спѣшили окружить Сафа-Гирея, пока онъ осаждалъ Муромъ. Казанцы увидѣли опасность и опрометью бѣжали во свояси. Между тѣмъ слухи о нападеніи Крымцевъ становились достовѣрнѣе; уже шайки Саиповы бродили повсюду въ степяхъ Украинскихъ. Бѣльскій хотѣлъ показать твердую рѣшительность (173).

Оставаясь самъ въ Москвѣ и первенствуя въ совѣтѣ, онъ хотѣлъ примирить всѣ личныя вражды и несогласія, уговаривая крѣпко стать

(173) *Син. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 97).

на дѣло отчизны и забыть вражду и крамолу. Казалось, что всѣ крамольники внимали его совѣтамъ. Сильное войско, собранное во Владимірѣ для защиты отъ Сафа-Гирея, поручено было начальству Ивана Шуйскаго. Онъ охотно согласился принять начальство. Другое, еще сильнѣйшее войско собралось въ Коломнѣ. Имъ предводилъ Дмитрій Бѣльскій; но враги Бѣльскихъ—Шуйскіе, Пронскіе, Кубенскіе, Палецкіе, были въ числѣ главныхъ вождей. Иванъ Бѣльскій думалъ умилить сердца воиновъ и воеводъ, показавъ имъ юнаго Государя. Іоаннъ явился въ станъ Коломенскій, осматривалъ войско; потомъ, по возвращеніи въ Москву, при стеченіи многочисленнаго народа, молился въ Успенскомъ соборѣ, громко произнося молитвы и со слезами восклицая: «Спаси, Владычица! насъ юныхъ, меня и брата, сиротъ, безъ отца и матери, безъ силы въ разумѣ, безъ крѣпости въ десницѣ!» Въ думѣ Боярской разсуждали въ присутствіи Іоанна: оставаться-ли ему, брату его Юрію и Владиміру Андреевичу въ Москвѣ, или удалиться на случай опасности? Народъ толпами стоялъ въ Кремлѣ и ждалъ рѣшенія Думы. Съ радостію услышали, что надѣясь на помощь Божію и сильныя ополченія во Владимірѣ и въ Коломнѣ, Государь не оставляетъ Москвы, и раздѣляетъ опасность вѣрныхъ своихъ поддан-

ныхъ. Всѣ готовы были умереть за него, и ревностно помогали очищать, укрѣплять посады, готовить запасы, оружіе. Услышавъ о раздорѣ воеводъ въ Коломенскомъ станѣ, Бѣльскій отправилъ къ нимъ отъ имени Іоанна трогательное увѣщаніе. Его читали въ собраніи всѣхъ военачальниковъ, и, забывъ свои несогласія, всѣ поклялись не щадить живота и не допускать торжества поганому Саипу и его невѣрнымъ полчищамъ.

Саипъ уже вышелъ изъ Крыма. Съ нимъ были Ногаи, Астраханцы, отряды Турковъ, съ пушками, и—къ горести Ивана Бѣльскаго, шелъ и братъ его Симеонъ, указывая Татарамъ путь къ Москвѣ, презирая прощеніемъ, присланнымъ къ нему по ходатайству брата, и желая только мести врагамъ, заставившимъ его столько лѣтъ скитаться въ чуждыхъ странахъ безпомощнымъ изгнанникомъ. Люди, видѣвшіе слѣды полчищъ Хана въ степяхъ, полагали, что число ихъ должно быть болѣе 100 тысячь человѣкъ.

Іюля 30-го, 1541 г., правый берегъ Оки покрылся многочисленными ордами Хана. Саипъ воображалъ Москву беззащитною; видя отряды Князей Турунтая-Пронскаго и Охлябина-Ярославскаго, не боялся ихъ, велѣлъ переправляться; Турки стрѣляли изъ пушекъ. Князья Микулинскій и Оболенскій-Серебряный явились

на помощь своимъ, и вскорѣ самъ Бѣльскій развернулъ все свое главное войско. «Измѣнникъ!» говорилъ тогда Саипъ Симеону — «ты обманулъ меня: это-ли беззащитная Москва? Я съ роду не видалъ столь многочисленнаго, прекраснаго воинства!» Стыдясь убѣжать немедленно, онъ началъ перестрѣлку, но къ вечеру прекратилъ ее, и Рускіе такъ ободрились, что удальцы кричали Татарамъ черезъ рѣку, вызывая ихъ на бой, укоряя трусостью.

Темная ночь облекла оба стана. Воеводы готовились къ бою, били въ бубны, стрѣляли изъ пушекъ, и съ радостію увидѣли по утру, что полчищъ Татарскихъ уже не было; ночью они предались бѣгу. Самъ Ханъ Саипъ первый подалъ примѣръ, и ускакалъ въ простой тѣлегѣ; за нимъ въ безпорядкѣ слѣдовало все войско его. Воеводы Русскіе перешли Оку, забрали обозы, оставленные Татарами, и нѣсколько пушекъ Турецкихъ, на которыя съ радостію смотрѣли въ Москвѣ, какъ на неслыханный дотолѣ сайгатъ, отбитый у безбожныхъ владѣтелей Цареградскихъ. Саипъ хотѣлъ въ обратномъ походѣ выместить злобу на какомъ нибудь городѣ. Августа 3-го онъ остановился у Пронска. Правнукъ Князя Остея, за сто тридцать три года измѣннически убитаго Тохтамышемъ въ Кремлѣ Московскомъ, Василій Жулебинъ смѣло отбилъ первыя напа-

денія. Ему предлагали сдаться. «Богъ ставитъ грады, и безъ его воли не возъмется градъ,» отвѣчалъ Жулебинъ. «Нападайте, но помните, что за вами идутъ воеводы Московскіе!» Саипъ приготовился къ приступу; громъ оружія Рускихъ слышенъ былъ отъ береговъ Оки. Князья Микулинскій и Серебряный-Оболенскій спѣшили къ Пронску, но уже не застали Саипа, шли за нимъ до самаго Дона, и *честно проводили его за Донъ*, подбирая усталыхъ, отставшихъ, пушки, обозы. Иминь, сынъ Саипа, хотѣлъ грабить около Одоева, и бѣжалъ разбитый.

Всѣ хвалили распоряженія умнаго Правителя, торжествовали побѣду; кубки, шубы, другія награды были разданы воеводамъ. Они смиренно отвѣчали на милостивый привѣтъ Государя: «Твоимъ счастіемъ и твоими ангельскими молитвами побѣдили мы враговъ твоихъ (174)!»

(174) Въ *Ник. Лѣт.* описаніе нашествія Саипова подробное, хотя слишкомъ цвѣтисто и многорѣчиво, т. VII, стр. 19 — 33; *Царств. книга*, стр. 79 — 96; *Синод. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 99, 103, 110). Объ Остеѣ, см. т. V, стр. 143 и слѣд.— Слова Хана: «Азъ столько людей многихъ и нарядныхъ, ни *кутарниковъ* (въ другихъ спискахъ, *кутазниковъ*), ни *арга-*

Враги Бѣльскаго со страхомъ видѣли, какъ укрѣпили его въ мнѣніи всѣхъ послѣднія события; они не хотѣли болѣе медлить. Что за нужда была имъ въ чести государственной, въ благосостояніи отчизны, если непріятель ихъ былъ причиною чести и благосостоянія! Что была имъ за надобность, если онъ не думалъ ихъ преслѣдовать, не платилъ имъ зломъ за зло, ненавистью за ненависть!

По распоряженію Бѣльскаго, Иванъ Шуйскій опять начальствовалъ войскомъ во Владимірѣ, готовясь весною идти на Казань, откуда приходили вѣсти о мятежахъ, неустройствахъ, неповиновеніи Сафа-Гирею, жалобахъ на свирѣпость его, на то, что онъ не прочитъ себѣ Казани и тайно переводитъ богатства и сокровища въ Крымъ. Мурза Булатъ снова предлагалъ послать въ Казань Шихалея, а Ковгор-

лачниковъ (т. е. конниковъ) не видалъ въ одномъ мѣстѣ.» — Руские, послѣ бѣгства Крымцевъ отъ Оки, «начаша вспоминати Темиръ-Аксака: такожь на Русь приходилъ со многими силами, желаемаго не получилъ.» — Читая посланіе Государя въ лагерѣ подъ Коломною, говорили: «Постраждемъ за Государя и за вѣру Христіанскую! А не что хотѣніе наше Богъ совершитъ, и мы не токмо здѣсь славы улучимъ, ано и въ дальныхъ странахъ. *А не безсмертны есмы—смертны*,» и проч.

шадъ предрекала гибель Казани черезъ десять лѣтъ (175). — Но не къ Казани, а къ Москвѣ стремились тайныя думы Ивана Шуйскаго; онъ искалъ сообщниковъ въ Москвѣ, Новгородѣ, гдѣ на сторонѣ его былъ Архіепископъ Макарій. Положили: немедленно низвергнуть и не щадить Бѣльскаго. Въ началѣ 1542 г., когда еще не прошло шести мѣсяцевъ послѣ торжества надъ Крымцами, триста избранныхъ воиновъ, съ Иваномъ Шереметевымъ, и сыномъ Шуйскаго Петромъ, дали присягу на жизнь и смерть, и тайно пріѣхали въ Москву. Бѣльскій ничего не зналъ, ничего не ожидалъ. Января 3-го, ночью ударили въ набатъ; всадники окружили дворецъ, домъ И. Ѳ. Бѣльскаго, жилище Митрополита. Шереметевъ, Шуйскіе, Кубенскіе, Палецкіе, Казначей Третьяковъ, предводили ими. И. Ѳ. Бѣльскаго взяли въ его домѣ, и немедленно отправили въ заточеніе на Бѣло-Озеро, въ тяжкихъ кандалахъ. Другъ его, Князь Петръ Щенятевъ спѣшилъ укрыться во дворцѣ. Бунтов-

(175) *Син. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 127); *Царств. книга*, стр. 104. Ковгоршадъ « сказываше посланникомъ Вел. Князя: « *Отнынѣ почти на десяти лѣтѣхъ Татарове Казанскіе не возмогутъ противиться Вел. Князю....* и видяху многа дивная знаменія....»

щики вломились въ слѣдъ за нимъ, вытащили Щенятева изъ опочивальни Государевой и отправили въ Ярославль. Еще одинъ искренній приверженецъ Бѣльскаго, Хабаровъ, былъ скованъ и отправленъ въ Тверь. Каменьями выбили бунтовщики окна въ келліяхъ Митрополита. Первосвятитель укрылся на Троицкомъ подворьѣ. Архимандритъ Троицкій едва могъ спасти бывшаго своего Настоятеля отъ мечей убійцъ, а Князь Дмитрій Палецкій проводилъ его во Дворецъ, гдѣ все было въ ужасной тревогѣ; Государь и братъ его плакали среди вельможъ, внезапно пробужденныхъ и трепещущихъ за свою жизнь. Бунтовщики требовали выдачи Митрополита, нагло взяли его и отправили въ Кирилловъ монастырь. Утромъ на другой день, Князь Иванъ Шуйскій пріѣхалъ въ Москву, поздравлялъ Іоанна съ освобожденіемъ отъ злыхъ измѣнниковъ, принялъ власть. И Государь, и другіе вельможи не смѣли противиться.

Шуйскій не походилъ на Бѣльскаго: онъ не вѣрилъ доброжелательству непріятелей, даже и въ темницѣ. Трое злодѣевъ—Петръ Зайцовъ, Дмитрій Клобуковъ, Иванъ Сергѣевъ, отправились въ Маѣ мѣсяцѣ на Бѣло-озеро, и безъ суда, безъ приговора, доблестный И. Ѳ. Бѣльскій былъ умерщвленъ. Братъ его Дмитрій, уцѣлѣвшій при всѣхъ прежнихъ перемѣнахъ,

уцѣлѣлъ и теперь, даже сохранилъ свое почетное мѣсто въ Думѣ. Митрополитъ Іоасафъ былъ перевезенъ изъ Кирилловскаго въ Троицкій монастырь, но объявленъ низверженнымъ. Призвали изъ Новгорода Архіепископа Макарія. Марта 19-го восемь Архіереевъ поставили его Митрополитомъ. Опять корыстолюбивые клевреты Шуйскаго опредѣлены были по областямъ (176).

(176) Царств. книга стр. 100; Ник. Лѣт. VII, 33.— Іоасафъ долго жилъ въ Троицкой Лаврѣ, и находился потомъ въ великомъ почтеніи: ему давали пересматривать *Стоглавъ*, вмѣстѣ съ товарищами его уединенія, также низверженными во время Боярскаго правленія, Архіепископомъ Ростовскимъ Алексіемъ, Чудовскимъ Арх. Кассіаномъ, Троицкимъ Игуменомъ Іоною (см. далѣе, прим. 212); онъ встрѣчалъ Іоанна въ Троицкой обители по возвращеніи, Царя изъ Казани въ 1552 году. Мощи Іоасафа, подъ спудомъ, почиваютъ въ Троицкой Лаврѣ, въ Серапіоновской палаткѣ, гдѣ, по преданію, являлась Св. Сергію Богоматерь. Тамъ почиваетъ *Серапіонъ*, Архіеп. Новгородскій, умершій въ схимѣ, въ заточеніи своемъ, въ 1516 году (см. выше, пр. 128); подлѣ него находится гробница великаго Архимандрита *Діонисія*, сотрудника Аврамія Палицына въ 1612 году. Недостатки Бѣльскаго были изглажены въ глазахъ современниковъ его достоинствами и несчастною кончиною. Нѣкогда его обвиняли въ измѣнѣ, взятіи съ Казанцевъ окупа, при походахъ 1524

Въ Мартѣ 1542 г. подтвердили въ Москвѣ перемиріе съ Польшею. Сигизмундъ присылалъ говорить о мирѣ, еще по приглашенію Бѣльскаго (1541 г.), соглашаясь отпустить плѣнныхъ, если ему отдадутъ Черниговъ. Василій Морозовъ и Ѳедоръ Воронцовъ ѣздили къ Королю въ Іюнѣ, и положили остаться при прежнемъ договорѣ. По случаю споровъ о предѣлахъ, посылали еще къ Сигизмунду чиновника Сукина, и въ тайныхъ переговорахъ велѣли ему

и 1530 гг.—По крайней мѣрѣ, ни онъ, ни братъ его не имѣли достоинствъ воеводы, такъ, что самое имя Бѣльскихъ считалось въ Русскомъ войскѣ несчастливымъ; но не смотря на то Курбскій называетъ его: «*зѣло храбрый стратигъ, иже не токмо былъ мужественъ*, но и въ разумѣ могъ, и въ Священныхъ Писаніяхъ въ нѣкоторыхъ искусенъ» (*Сказ.* т. I, стр. 6). Іоаннъ говоритъ въ письмѣ къ Курбскому: «Подвластнымъ нашимъ хотѣніе свое улучившимъ, еже царство безъ владѣтеля обрѣтоша, примѣсишася богатству и славѣ, и скакаша другъ на друга. И елико сотвориша! Колико бояръ и доброхотныхъ отца нашего и воеводъ избиша! И Князь Василій и Князь Иванъ Шуйскіе самовольствомъ у меня въ береженьи учинилися, и воцаришася, а тѣхъ всѣхъ, которые отцу нашему и матери главные измѣнники, изъ поиманія повыпускали, и къ себѣ ихъ примирили. И Князь В. Шуйскій на дядей нашихъ Княжъ Андреевѣ дворѣ, сонмищемъ Іудейскимъ, отца нашего и нашего Дьяка ближняго Ѳедора Мишурина

упомянуть о возможности родства между Русью и Польшею съ совершеннолѣтіемъ Іоанна. — Дума Боярская возобновила договоръ съ Астраханью, откуда выѣхалъ на службу Іоанну Царевичъ Эдигеръ. — Молдавскій Господарь умолялъ пособить въ уплатѣ тяжкой дани Султану; къ нему послали денегъ. — Съ Казанью говорили о мирѣ, но ничего не рѣшали. Въ Мартѣ 1542 г. дерзкій Иминь грабилъ Сѣверскую сторону; его прогнали за Донъ, и воеводы Князья Пронскій и Дѣевъ дрались съ нимъ на Куликовомъ полѣ. Въ Іюлѣ пріѣхалъ въ Москву, задержанный нѣсколько лѣтъ въ Крыму Посолъ Русскій, Князь Кашинъ. Саипъ взялъ съ него 500 рублей, почитая его сво-

изыскавъ, позоровавши, убили; и Князь И. Ѳ. Бѣльскаго, и иныхъ многихъ, въ разныя мѣста заточиша, и на царство вооружишася; и Даніила Митроп. сведши съ Митрополіи въ заточеніе послаша, и тако свое хотѣніе во всемъ улучиша, и сами убо царствовати начаша.» Далѣе: «Князь И. Шуйскій, присовокупя къ себѣ всѣхъ людей, и къ цѣлованію приведе, пришедъ ратію къ Москвѣ, и боярина нашего Князя И. Ѳ. Бѣльскаго, и иныхъ Бояръ и Дворянъ, переимали совѣтники его Кубенскій и иные до его пріѣзда, да сославъ на Бѣлоозеро и убили; да и Митроп. Іоасафа съ великимъ безчестіемъ съ Митрополіи согнаша» (*Сказ. Курбскаго*, т. II, 48—51).

имъ плѣнникомъ, но за то подтвердилъ миръ съ Москвою (177).

Вниманіе правителей обращено было не на дѣла внѣшнія, или внутреннія: они стерегли только власть свою надъ Государемъ, не допускали никого ни приблизиться къ нему, ни возвыситься надъ ними. Князь Иванъ Шуйскій умеръ спокойно, услаждаемый своимъ величіемъ (178). Иванъ и Андрей Михайловичи Шуйскіе и родственникъ ихъ Ѳедоръ Ивановичъ Шуйскій-Скопинъ явились дерзкими еще болѣе его. Въ Сентябрѣ 1543 г. позорнымъ образомъ доказали они свою безчеловѣчную наглость предъ лицомъ Государя, Митрополита, всего совѣта Боярскаго. Давно подозрѣвая, что

(177) *Дѣла Польскія* и *Крымскія* (Карамзинъ, т. VIII, прим. 122, 123, 124, 125); *Синод. Лѣт.* (Кар. VIII, прим. 128); *Никон. Лѣт.* VII, 39 и 37.

(178) Иванъ Шуйскій упоминается въ послѣдній разъ при возобновленіи перемирія съ Польшею въ 1542 году. Дмитрій Бѣльскій сидѣлъ тогда на *первомъ* мѣстѣ, какъ *старшій* Бояринъ (см. прим. 141); Иванъ Шуйскій на *второмъ* (*Ист. Г. Р.* т. VIII, прим. 130). Впрочемъ, время смерти Шуйскаго нигдѣ въ лѣтописяхъ не означено, а по спискамъ Бояръ находится подъ 1546 годомъ. Это невозможно: какъ могъ онъ уцѣлѣть при казни 1543 года? — Но объ немъ нѣтъ ни слова.

Өедоръ Воронцовъ снискалъ особенную милость Іоанна, Шуйскіе въ засѣданіи государственнаго совѣта завели съ нимъ шумъ, споръ, били его по щекамъ, и наконецъ поволокли изъ Дворца. Іоаннъ въ ужасѣ бѣжалъ, укрылся во внутреннихъ комнатахъ Дворца, и послалъ двухъ бояръ уговаривать Шуйскихъ. Крамольники ничему не внимали. Пинками гнали они Воронцова черезъ Кремлевскую площадь, гдѣ собрался народъ и со страхомъ ожидалъ новыхъ волненій. Іоаннъ умолялъ Митрополита идти къ Шуйскимъ, и, по крайней мѣрѣ, выпросить у нихъ пощаду жизни Воронцову. Первосвятитель отправился въ мятежный сонмъ Боярскій, уже опредѣлявшій смертную казнь. Даже и самого Первосвятителя и друга своего оскорбляли Шуйскіе и другіе мятежники, упрекая въ стачкѣ съ врагами ихъ. Борисъ Головинъ наступилъ ему на мантію и разодралъ ее. Но Шуйскіе усовѣстились наконецъ, и согласились не казнить Воронцова, но только сослать его въ Костромскія области (179).

(179) Царств. книга, стр 111; Ник. Лѣт. VII, 41; Льв. Лѣт. IV, 166.—Іоаннъ писалъ къ Курбскому: «Князь Андрей Шуйскій, съ единомысленники своими, пришедъ къ намъ въ столовую избу, неистовымъ обычаемъ и передъ нами Боярина нашего Сем. Өед. Во-

Здѣсь оканчивается первый періодъ жизни Іоанна. Онъ утаилъ скорбь свою; подтвердилъ приговоръ Шуйскихъ; но часъ отмщенія за смерть Елены, за погибель Оболенскаго и Бѣльскаго наступалъ, и вскорѣ долженъ былъ запечатлѣть кровью паденіе горделивыхъ, безсовѣстныхъ вельможъ!

ронцова восхитивше безчестно, и оборвавши, вынесли изъ нашей столовой избы, и хотѣли его убить. И мы послали къ нимъ Митроп. Макарія, да бояръ своихъ Ивана, да Василья Григорьевич. Морозовыхъ съ своимъ словомъ, чтобъ его не убили; и они едва нашего слова послушали; и сослали его на Кострому; а Митрополита въ то время безчестно затѣснили, и мантію на немъ со источники изодрали, и бояръ нашихъ такожъ безчестно толкали. Ино, то-ли ихъ къ намъ доброхотство, что бояръ нашихъ, угодныхъ намъ, сопротивяся намъ, велѣли ихъ переимати, и побили, и различными муками и гоненіи мучили? Такъ-ли они душу свою за Государей своихъ полагаютъ, что къ нашему Государству ратьми приходити, и передъ нами Іудейскимъ сонмищемъ бояръ имати, и съ нами, Государи, холопу ссылатися, или Государю у своего холопа упрашивати? То-ли къ намъ прямая ихъ служба?... Како могу изрещи, колики бѣды случившамися отъ нихъ, отъ преставленія матери нашея и до того лѣта! Шесть лѣтъ и полъ не престаша сія злая содѣвающе.... (*Скаг. Курбскаго*, т. II, 51, 52).

Около десяти лѣтъ протекло со времени кончины Василія. Что представляютъ сіи *десять лѣтъ* взорамъ наблюдателя?

Они были безславны и погибельны. Если честолюбіе Сигизмунда произвело войну съ Польшею, то набѣги Крымцевъ и безпрерывныя опустошенія Казанцевъ были причинены единственно мятежнымъ, нестройнымъ управленіемъ вельможъ, которые едва поклялись въ сохраненіи завѣтовъ умирающаго повелителя, какъ и передались честолюбивой матери юнаго Іоанна, предали въ жертву любимцу ея двухъ братьевъ прежняго Государя, дядю своей Государыни, и несчастныхъ своихъ товарищей. По крайней мѣрѣ, Оболенскій выкупалъ злодѣйство доблестью воинскою; но партія Шуйскихъ, лишенная достоинствъ правителей государства, чѣмъ могла выкупить *цареубійство* (смерть Елены), погубленіе Оболенскаго, нарушеніе правъ Духовенства сверженіемъ двухъ Митрополитовъ, буйство въ чертогахъ Государя, безчиніе въ совѣтахъ его, грабежъ подвластныхъ ему областей для своего обогащенія, и унизительную трусость въ дѣлахъ внѣшнихъ (180)?

(180) О буйствѣ и безчинствѣ Дворскихъ партій, управлявшихъ въ малолѣтство Іоанна, гово-

Здѣсь еще не главныя обвиненія на Оболенскихъ, Бѣльскихъ, Глинскихъ, на всѣхъ крамольныхъ вельможъ Іоанна. Воспитаніе юнаго Государя, его нравственное погубленіе, отвратительное пожертвованіе благомъ отчизны тому, чтобы въ Іоаннѣ создать орудіе для исполненія своихъ честолюбивыхъ предпріятій, игралище для своихъ мятежныхъ страстей — вотъ обвиненія, неизгладимыя ни чѣмъ, даже ни ужасною погибелью людей, посѣявшихъ сѣ-

рятъ дѣла. Курбскій и Іоаннъ, противорѣча одинъ другому, и нерѣдко даже клевеща во многомъ другъ на друга, оба согласны въ обвиненіяхъ на Бояръ-правителей. Лѣтописи того времени исполнены скорби и жалобъ на нихъ; увидимъ, что̀ говорилъ Іоаннъ, раскаяваясь потомъ въ грѣхахъ своей юности. О корыстолюбіи Шуйскихъ (а послѣ нихъ Глинскихъ) находимъ особенно множество свидѣтельствъ. *Псковск. Лѣт.* называетъ Андрея Шуйскаго, бывшаго Намѣстникомъ во Псковѣ, вмѣстѣ съ Княземъ Вас. Рѣпнинымъ, «*свирѣпыми, аки львы*,» а ихъ чиновниковъ «*лютыми, аки звѣри дивіи*,» говоря о лихоимствѣ и грабежахъ, отъ которыхъ народъ бѣжалъ изъ Пскова во всѣ стороны. Добродѣтельный владыка Ѳеодосій, заступившій мѣсто Макарія въ Новгородѣ писалъ къ Іоанну (*Вивліоѳика* Новикова, т. XIV, стр. 238): «Бога ради, Государь, потщися и промысли о своей отчинѣ, о великомъ Новгородѣ, что ся нынѣ въ немъ чинитъ: въ корчмахъ безпрестани души погибаютъ безъ покаянія

мяна разврата въ душѣ Іоанна, возлелѣявшихъ его буйныя страсти! Они погибли отъ ядовитаго испаренія пороковъ, возросшихъ изъ сѣмянъ, ими посѣянныхъ; но смерть ихъ могла-ли заплатить за безчисленное зло подданныхъ, за безславіе самого Іоанна, и за столѣтнія слѣдствія того, что началось слабостями Василія и свирѣпостью грознаго сына его?

и безъ причастія; въ домѣхъ и въ путѣхъ и на торжищахъ убійства и грабленія, во градѣ и на погостѣ, великія учинилися; проходу и проѣзду нѣтъ. Кромѣ тебя, Государя, того душевнаго вреда и треволненія внѣшняго уставити нѣкому. О сихъ тебѣ пишу, богоутвержденный Владыко! не яко уча и наказуя твое остроуміе и благородную премудрость: не бо лѣпо намъ забыти своея мѣры и на таковыя дерзати; но яко ученикъ учителю, и яко рабъ Государю воспоминаю тебѣ.» Далѣе Святитель сравниваетъ Государя съ кормчимъ а государство съ кораблемъ; уподобляетъ его солнцу, и заключаетъ: «подали мнѣ Священники и Старосты, и всѣ люди твоей Государевы отчины Новгорода жалобницы о своихъ о земскихъ дѣлахъ, и азъ тѣ жалобницы послалъ къ тебѣ, Государю,» и проч.—Наконецъ Іоаннъ говорилъ Курбскому въ письмѣ своемъ о Шуйскихъ (*Сказ. Курбскаго*, II, стр. 49, 50, 51): «Дворы, и села, и имѣнія дядь нашихъ восхитиша себѣ и водворишася въ нихъ. И казну матери нашея перенесли въ большую казну, неистово ногами пхающе и осны колюще, а иное-жъ себѣ розьяща...

Въ Августѣ 1543 года, Іоанну совершилось тринадцать лѣтъ. Онъ былъ благообразенъ, крѣпокъ тѣломъ, отличался умомъ, усердіемъ къ вѣрѣ, познаніемъ Священнаго Писанія, Исторіи отечественной и чужеземной, тѣлесною ловкостью въ занятіяхъ охотою (181). Вѣ-

Что-же убо о казнѣ родительскаго ми достоянія? Вся восхитиша лукавымъ умышленіемъ, будто дѣтямъ Боярскимъ жалованье, а все себѣ у нихъ поимаша во мздоиманіе, а ихъ не по дѣлу жалуючи, верстаючи не по достоинству; а казну дѣда и отца нашего безчисленную себѣ поимаша; и тако въ той казнѣ нашей исковавши себѣ сосуды златы и сребряны, и имена на нихъ своихъ родителей подписаша, будто ихъ родительское стяжаніе. А всѣмъ людямъ вѣдомо: при матери нашей и у Князя Ивана Шуйскаго шуба была мухояръ зеленъ на куницахъ, да и тѣ ветхи; и колибы то ихъ была старина, и чѣмъ было сосуды ковати, ино лучше-бы шуба перемѣнити, да во излишнемъ сосуды ковати. Что-жъ о казнѣ дядь нашихъ и глаголати? Вся себѣ восхитиша. Посемъ на грады и на села наскочиша, и тако горчайшимъ мученіемъ, многоразличными бѣды имѣнія ту живущихъ безъ милости пограбиша. Сосѣдствующимъ-же отъ нихъ напасти кто можетъ исчести?... Мзду безмѣрную отъ всякаго избирающе, и вся по мздѣ творяще и глаголюще.»...

(181) Въ Хронографѣ Кубасова находимъ изображеніе Іоанна, слѣдующее: «Очи имѣя сѣры, носъ (написано: *цсъ*, но это явная ошибка) протягновенъ, покляпъ, возрастомъ бяше великъ, сухо тѣло имѣя, плещи

римъ, что Оболенскій и Бѣльскій думали объ его воспитаніи; что они приблизили къ нему отрока Адашева, бывшаго потомъ его анге-

высоки, груди широки, мышцы толсты» (*Русскія достопамятности*, ч. I, стр. 172). Въ Подробной Лѣт., сочиненной, какъ полагаютъ, Ѳеофаномъ Прокоповичемъ (Ист. Г. Р. т. IX. прим. 135), сказано: «зѣло видный, высокаго и крѣпкаго корпуса, и всѣ члены его тѣла зѣло были изрядны; лицо нималаго въ себѣ свирѣпства не казало; очи имѣлъ не великія, но свѣтлыя и проницательныя, носъ немалый, выгнутый; взгляды всякой живости исполненные.» Англичане описывали его, до 1560 года, какъ Царя мудраго въ рѣчахъ и прекраснаго собою (см. у Гаклюйта, т. I, стр. 357). Въ выпискахъ Альбертранди (*Ист. Г. Р.* т. IX, прим. 2.) помѣщено повѣствованіе Итальянца, бывшаго въ Русской службѣ; онъ зналъ лично 27-ми лѣтняго Іоанна и называетъ его: bello di corpo et d'animo prestante et generoso, merita perle singolare sue virtù et per la benivolenza de i sudditi, и проч.—Подобно дѣду и отцу своему, Іоаннъ не былъ Государемъ воинственнымъ, но былъ весьма ловокъ на охотѣ и въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Необыкновенное знаніе Исторіи, Св. Писанія, и плоды чтенія весьма обширнаго, видимъ во всѣхъ рѣчахъ и письмахъ Іоанна; онъ даже любилъ хвастать своею ученостью, познаніемъ обрядовъ вѣры, истолкованіемъ ихъ. Его письма къ Курбскому, Духовная (*Ист. Г. Р.* т. X, примѣчаній стр. 152), посланіе въ Кириловъ монастырь (*Ист. Росс. Іерархіи*, т. IV, стр. 420 и слѣд.), вѣроятно, писаны имъ самимъ; слогъ ихъ плодовитый, но рѣзкій, умный и сильный.

ломъ хранишелемъ (182). До сихъ поръ Іоаннъ является намъ прогашельнымъ, достойнымъ участія сиротою на тронѣ. Онъ не понималъ дѣяній матери и любимца ея; но плакалъ, когда изъ его объятій вырвали вѣрную мамушку и браша ея, въ которомъ видѣлъ онъ отца; потомъ, когда отторгли отъ него И. Ѳ. Бѣльскаго, и съ мечами врывались въ чертоги его; когда наконецъ слезно просилъ онъ за Воронцова, и его не слушали, презирали его слезы. Но не шолько въ сихъ случаяхъ, державный отрокъ оскорблялся униженіемъ, переносимымъ отъ своихъ подвласшныхъ, когда въ тоже время

(182) *Алексій Адашевъ*, вѣроятно, воспитывался вмѣстѣ съ Іоанномъ, ибо онъ является непосредственно любимцемъ его послѣ 1547 года. Родъ Адашева былъ незнатенъ, ибо Іоаннъ говоритъ ему, вручая полномочіе: «Взялъ я тебя отъ нищихъ, и отъ самыхъ молодыхъ (т. е. не знатныхъ) людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и нынѣ взыскахъ тебя выше мѣры твоей» (см. прим. 212). Въ послѣдствіи Іоаннъ писалъ къ Курбскому: «Бывшу сему собакѣ Алексѣю, вашему начальнику, въ нашего царствія Дворѣ, не вѣмъ какимъ обычаемъ, изъ батожниковъ водворившуся; намъ-же, измѣны отъ вельможъ своихъ видѣвше, взявъ сего отъ гноища и учинихъ съ вельможами.» Отецъ Алексія, *Ѳеодоръ*, былъ возведенъ въ Бояре по дѣтямъ своимъ, Алексію и Даніилу. На свадьбѣ Юрія (1548 г.) жена Алексія, Настасья (изъ про-

сердце его ожесточалось злодѣяніями, вокругъ него происходившими, а душа пріучалась не уважать вѣковыхъ постановленій гражданскихъ и церковныхъ: гордые Шуйскіе обходились съ нимъ такъ надмѣнно, съ такимъ униженіемъ его великаго сана, что и черезъ двадцать лѣтъ Іоаннъ съ досадою воспоминалъ, какъ прихаживалъ къ нему Иванъ Шуйскій, небреж-

стаго рода Сатиныхъ) была въ поѣздѣ, и находилась при постелѣ невѣсты. Но на свадьбѣ Іоанна объ ней не упоминается; слѣдственно, Адашевъ женился *послѣ* 1547 *года*, ибо на свадьбѣ Іоанновой онъ былъ уже въ числѣ поѣзжанъ: «*спальникъ и мовникъ, и мылся въ банѣ съ Вел. Княземъ.*» Товарищами его были при семъ случаѣ другіе молодые люди: *И. Ѳ. Мстиславскій* (см. прим. 141), *Никита Романовъ*, братъ Анастасіи (отецъ Филарета), *Князь Юрій Шемякинъ* (Пронскій). Курбскій говоритъ (*Сказ. Курбск.* т. I, стр, 9): «юноша Алексѣй Адашевъ; Царевиж-ъ той Алексѣй въ то время зѣло любимъ былъ и согласенъ, и былъ онъ *общей вещи* (т. е. намѣреніямъ Захарьиныхъ и Сильвестра) зѣло полезенъ, и отчасти въ нѣкоторыхъ нравахъ ангеламъ подобенъ; и аще бы вся по ряду изъявилъ объ немъ, во истинну вѣрѣ неподобно было-бы предъ грубыми и мірскими человѣки.» Курбскій открываетъ тайну особеннаго милосердія и человѣколюбія Адашева: бывъ въ милости и среди почестей и великолѣпія Дворскаго, онъ содержалъ въ домѣ своемъ, скрытно отъ всѣхъ, десять нищихъ больныхъ (прокаженныхъ), самъ служилъ имъ и обмывалъ раны ихъ.

но садился на скамью, клалъ локти и ноги на постелю отца его, и горделиво смотрѣлъ на забавы Іоанна съ братомъ Юріемъ, какъ на забавы бѣдныхъ сиротъ, ввѣренныхъ его власти (183). Не только пренебрегать уваженіемъ къ Іоанну дерзали его сановники; они нарочно не радѣли о воспитаніи юнаго Царя. Окружая Іоанна съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ смутами, перевѣтами, они попускали ему забавляться чѣмъ было угодно, окружили его толпою безнравственныхъ ровесниковъ, будущихъ клевретовъ тиранства. Іоаннъ ѣздилъ съ своими товарищами по полямъ и лѣсамъ; билъ звѣрей;

(183) «Насъ убо, Государей своихъ (говоритъ Іоаннъ о себѣ и братѣ своемъ) *ни коего промышленія добротнаго не сподобиша*... Питати начаша, яко иностранныхъ, или яко убожайшую чадь. Яково-жъ пострадахъ во одѣяніи и во алканіи, во всемъ-бо семъ воли нѣсть (не было), но вся не по своей волѣ и не по времени юности. Едино вспомяну: намъ бо во юности дѣтства играюще, а Князь Иванъ Вас. Шуйскій сѣдитъ на лавкѣ, локтемъ опершися отца нашего о постелю, ногу положивъ, къ намъ-же не приклоняяся, нетокмо яко родительски, но еже властелински; якоже рабское-жъ, ниже начало обрѣтеся. И таковая гордыня кто можетъ понести? Како-жъ исчести таковыя бѣднѣ страданія многая, яже въ юности пострадахъ! Многажды поздо ядохъ не по своей волѣ,» и проч. (*Ск. Курбск.* II, стр. 49, 50).

отдыхалъ за роскошью трапезы; упивался виномъ, крѣпкимъ медомъ, и утопалъ въ сладострастіи, едва выходя изъ лѣтъ отроческихъ. Нерѣдко, въ буйномъ сонмищѣ сопутниковъ возвращаясь въ Москву, онъ скакалъ по городскимъ улицамъ, давилъ встрѣчныхъ, стегалъ ихъ хлыстомъ, и хохотъ товарищей ободрялъ пылкаго юношу. Самые старѣйшіе изъ вельможъ говорили со смѣхомъ: «Царь будетъ храбрый! Пусть его играетъ и забавляется!» Такъ они говорили и въ то время, когда въ дѣтствѣ, Іоаннъ тѣшился мученіемъ собакъ, птичекъ, терзалъ, душилъ ихъ, сбрасывалъ съ высокаго терема, рубилъ имъ головы: «Царь будетъ правосуденъ, и станетъ казнить враговъ и измѣнниковъ (184)!»

(184) «Егда-же началъ приходити въ возрастъ, аки лѣтъ въ 12-ть (и впредь что творилъ, умолчу иныя и иныя, обаче-же возвѣщу сіе), началъ первѣе безсловесныхъ крови проливати, съ стремнинъ высокихъ мечуще ихъ (крылецъ, альбо теремовъ), такожъ и иныя многія неподобныя дѣла творити, являюще хотящее быть немилосердое произволеніе въ себѣ; а пѣстуномъ ласкающимъ, попускающе сіе и хваляше, на свое горшее отрока учаще. Егда-же уже приходяще къ 15-ть лѣту, и вяще, тогда началъ человѣковъ уроняти. И собравше четы юныхъ около себя дѣтей, и сродныхъ оныхъ предреченныхъ сигклитовъ, по стогнамъ и по

Тринадцати лѣтъ Іоаннъ казался совершеннолѣтнимъ юношею. Уже, оставляя Шуйскихъ владычествовать и управлять Дворомъ и государствомъ, другія Дворскія партіи искали личныхъ милостей и выгодъ у самого Іоанна. Шуйскіе не боялись ни юноши-Государя, ни робкихъ любимцевъ его, Глинскихъ Юрія и Михаила, Адашевыхъ, Романовыхъ, видя, что они смиряются предъ ихъ властью.

Но любимцы перехитрили беспечныхъ временщиковъ. Они особенно воспользовались позволеніемъ на отъѣзды Іоанна изъ Москвы на богомолье и на охоту. Здѣсь, въ тайныхъ бесѣдахъ, успѣли внушить ему мысль о самовластіи, о постыдномъ рабствѣ его холопамъ Шуйскимъ. Отлучки Іоанна были часты и продолжительны.

торжищамъ началъ на конехъ съ ними ѣздити, и всенародныхъ человѣковъ, мужей и женъ, бити и грабити, скачуще и бѣгающе всюду неблагочинне. И во истинну дѣла разбойническія самыя творяше, и иныя злыя исполняше, ихъ-же не токмо глаголати излишно, но и срамно. Ласкателемъ-же все таковое на свою бѣду восхваляющимъ: «О храбръ,» глаголюще, «будетъ сей Царь и мужественнъ!» Егда-же пріиде къ 17-ть лѣту, тогда прегордые сигклитове начаша подущати его, и мстити имъ свои недружбы единъ противъ другаго.»... (*С. Курбскаго* т. I, стр. 5).

Приведемъ примѣры: Въ Маѣ 1542 г., вмѣстѣ съ братомъ Юріемъ и Владиміромъ Андреевичемъ, Іоаннъ ѣздилъ въ Троицко-Сергіеву обитель; съ 21-го Сентября по 16-е Октября, онъ опять ѣздилъ туда-же, и потомъ охотился въ Алешнѣ и Озерищахъ; съ 8-го по 20-е Декабря, онъ ѣздилъ молиться въ Боровскъ, Можайскъ, Волоколамскъ. Шуйскіе ничего не опасались, когда черезъ недѣлю послѣ ссылки Воронцова (въ Сент. 1543 г.), Іоаннъ, по обыкновенію, выѣхалъ изъ Москвы, съ многочисленнымъ дворомъ, и съ братомъ своимъ, и до 30-го Ноября ѣздилъ въ Троицкую обитель, Можайскъ, Волоколамскъ. Весело праздновали по возвращеніи его Святки; но 29-го Декабря, въ собраніи Боярской Думы, Іоаннъ внезапно явился грознымъ повелителемъ, указалъ на Шуйскихъ, назвалъ ихъ измѣнниками, лихоимцами. Вступилъ отрядъ псарей, любимыхъ спутниковъ Іоанна; схватили Андрея и его сообщниковъ, потащили ихъ изъ Думы, ругали, били дорогою, и такъ немилосердо, что Андрей Шуйскій умеръ отъ побоевъ, не дошедши до назначенной ему темницы; Князя Ѳеодора Скопина, Князя Юрія Темкина, Ѳому Головина разослали въ отдаленныя мѣста. Болѣе не было казней. Іоаннъ думалъ, что освободился отъ унизительной опеки; вельможи его испугались, полагая, что отнынѣ явится

15*

въ Іоаннѣ дѣдъ его, если не дѣлами, то неумолимымъ своевластіемъ, и—всѣ ошиблись (185).

Явилось двѣ власти. Іоаннъ, юный, вспыльчивый, неумѣренный въ гнѣвѣ и милости, началъ своевольствовать, но не управлять государствомъ. Совершенно предаваясь забавамъ, охотѣ, верховой ѣздѣ, пирамъ, онъ безъ суда казнилъ тѣхъ, на кого падалъ личный гнѣвъ его; но правителями государства сдѣлались Князья Глинскіе и хитрая мать ихъ, бабушка Государя, дотолѣ скрывавшая свое честолюбіе. Безотчетно довѣряя Глинскимъ участь государства, Іоаннъ слушался ихъ совѣтовъ, и не было пощады тому, кто не покорялся Глинскимъ. Легкомысліе юноши являлось во всѣхъ поступкахъ Іоанна.

Въ Мартѣ 1544 г. онъ, какъ прежде, поѣхалъ молиться въ Колязинскій монастырь, и истреблять волковъ и медвѣдей въ пустошахъ Заболотскихъ; возвратясь въ Москву разгнѣ-

(185) *Царств. книга; Ник. Лѣт.; Львова Лѣт.* — «И отъ тѣхъ мѣстъ начали Бояре страхъ отъ Государя имѣти.» — Іоаннъ писалъ къ Курбскому: » Сами яхомся царство свое строити, и начася строити царство наше мирно и немятежно по волѣ нашей (*Сказ. Кубрск.* II, 52).

вался на сообщника Шуйскихъ, Князя Ивана Кубенскаго, и приказалъ засадить его въ темницу въ Переяславлѣ. Черезъ полгода Кубенскій былъ прощенъ, когда Іоаннъ изъ Троицкой обители пріѣхалъ въ Переяславль, проѣздомъ на богомолье въ Ростовъ, Ярославль, Бѣлозерскъ, Вологду, гдѣ посѣщалъ онъ знаменитыя обители, травилъ звѣрей по лѣсамъ и пировалъ съ спутниками. Жестокой казни подвергся по возвращеніи Іоанновомъ въ Москву чиновникъ Бутурлинъ: ему отрѣзали языкъ; всю вину его составляли какія-то *невѣжливыя слова.* — Вскорѣ еще болѣе узнали суровый нравъ Іоанна, и, можетъ быть, тогда подумали царедворцы его, что̀ приготовили они въ будущемъ, даже для самихъ себя! Сентября 15-го 1545 года, Іоаннъ выѣхалъ въ Троицкую обитель, слушалъ тамъ всенощную, литургію, угостилъ иноковъ, раздалъ милостыню, поѣхалъ на охоту, и вдругъ, отправивъ брата Юрія дожидаться его въ Можайскѣ, самъ воротился въ Москву. Здѣсь опала возвѣщена была сыну ненавистнаго Ивана Шуйскаго Петру, предводившему нѣкогда отрядъ мятежниковъ на погибель И. Ѳ. Бѣльскаго, снова Князю Кубенскому, и другу его Князю Александру Горбатому, а вмѣстѣ съ ними Дмитрію Палецкому и брату любимца Іоаннова Ѳедору Воронцову (М. С. Воронцовъ уже скон-

чался въ то время). Спокойно отправился Іоаннъ послѣ сего въ Можайскъ, «устроивъ свое дѣло», по словамъ лѣтописца, и пробылъ тамъ до половины Ноября. Но сердце Іоанна еще не затвердѣло въ жестокости: уважая просьбу Митрополита, онъ простилъ всѣхъ опальныхъ бояръ и объявилъ имъ милость свою (186).

Въ это время, когда внутреннія дѣла шли по волѣ крамольныхъ партій Дворскихъ и по прихотямъ юнаго Государя, во внѣшнихъ дѣлахъ произошли разныя измѣненія.

Сигизмундъ, не оправдавшій прекрасныхъ надеждъ юности, чувствовалъ дряхлость свою. Онъ скончался въ 1548 году, но еще за четыре года до кончины передалъ управленіе Литвою сыну своему Сигизмунду Августу. Въ Мартѣ 1545 г. пріѣхалъ отъ новаго Правителя Литвы Посолъ, подтвердить мирныя сношенія съ Русью.

(186) *Ник. Лѣт.*; *Львова Лѣт.*; *Царств. Книга.* Наказаніе Бутурлина Карамзинъ называетъ «казнью, изобрѣтенною варварствомъ» (т. VIII, 80); но при Василіи также отрѣзали языкъ Дьяку Жареному за дерзкія слова о Государѣ (см. выше). Щербатовъ говоритъ о казни Бутурлина: «опасно подданному и въ самой справедливости дерзко противу Государя говорить,» и проч. (Т. V, ч. I, стр. 193).

Ничего не было упоминаемо о спорныхъ предметахъ прежнихъ переговоровъ (187).

Въ Апрѣлѣ того-же года, рѣшились устрашить Казань, безпрерывно тревожившую сѣверныя и приволжскія области Русскія. Князья Пунковъ, Палецкій, Иванъ Шереметевъ, съ легкими отрядами по Волгѣ на стругахъ, а Князь Серебряный изъ Вятки, пробрались до самой Казани, раззоряли ея окрестности, и возвратились получать Государское жалованье. Отмщая Рускимъ, Сафа-Гирей истребилъ отрядъ Пермяковъ, опоздавшій приходомъ подъ Казань, и, зная тайные умыслы своихъ вельможъ, казнилъ многихъ изъ нихъ; другіе бѣжали и часть ихъ явилась къ Іоанну, который былъ тогда во Владимірѣ (въ Январѣ 1546 г.). Бѣглецы увѣряли, что Казань не терпитъ Сафа-Гирея за его жестокость, готова выдать Рус-

(187) Въ характерѣ Сигизмунда можно-ли было предполагать что нибудь ничтожное, судя потому какъ смѣло началъ онъ борьбу съ Василіемъ (см. выше, стр. 44)? Характеръ Сигизмунда Августа былъ еще ничтожнѣе отцовскаго, хотя Польскіе Историки почитаютъ его время лучшимъ изъ періода *Цвѣтущей Польши* (Polska kwitnąca), полагая сей періодъ съ 1333-го до 1587 года, т. е. до Сигизмунда III-го. Но исторія Польская еще требуетъ критической и философской обработки.

кимъ своего Царя , если только пошлютъ войско и дадутъ имъ въ Цари Шихалея. Бѣглецамъ предложили прежде всего исполнить свое обѣщаніе на дѣлѣ , свергнуть Сафа-Гирея , и вскорѣ извѣстили Казанцы, что желаніе Іоанна исполнилось , что Сафа-Гирей изгнанъ и бѣжалъ , хотѣлъ силою ворваться въ Казань , съ толпою Астраханцевъ , но былъ отраженъ Казанцами. Въ Февралѣ послали привести Казанцевъ къ присягѣ Шихалею , и Апрѣля 6-го Шихалей былъ еще разъ отпущенъ въ Казань съ Князьями Дмитріемъ Бѣльскимъ и Дмитріемъ Палецкимъ. Они воротились въ Іюнѣ мѣсяцѣ и застали Іоанна въ лагерѣ подъ Коломною , донося ему, что Шихалей царствуетъ въ Казани, но власть его ненадежна , вельможи Казанскіе его не слушаютъ , народъ не любитъ, и Шихалей не смѣетъ ни повелѣвать , ни даже появляться въ народѣ (188).

(188) *Каз. Лѣт. ; Царств. книга ; Ник. Лѣт.* — Пишутъ , что воеводы Русскіе , въ походѣ 1545 года, сожгли, между прочимъ, подъ Казанью *Царскіе кабаки*. Щербатовъ входитъ по сему случаю въ изслѣдованія : «Не можно , чтобы Казанцы , бывъ Магометане , открытую продажу вина позволяли , и такъ думаю , что подъ симъ именемъ не должно-ли разумѣть что подобное кофейнымъ домамъ , или караванъ-серали , отъ ко-

Іоаннъ не внималъ донесенію, не думалъ подкрѣпить Шихалея, занятой новымъ для него зрѣлищемъ: разгульною жизнью въ воинскомъ таборѣ. Войско собралось въ Коломнѣ противъ Крымцевъ. Саипъ все еще помнилъ неудачный походъ 1541 года, и, разбитый въ 1542 г., сынъ его Иминь долго не смѣлъ являться съ своими наѣздниками. Только въ Декабрѣ 1544 г. снова набѣжалъ онъ на Бѣлевъ и Одоевъ; Рускіе воеводы: Щенятевъ, Курлятевъ, Воротынскій поссорились въ это время за мѣста, и допустили хищниковъ спокойно воротиться во свояси, съ добычею. Саипъ ожилъ. Узнали, что онъ собирается въ сильный походъ, прямо къ Москвѣ. Іоаннъ велѣлъ собраться табору воинскому, и въ началѣ Мая водою отправился въ Коломну, заѣзжалъ молиться на Угрѣшу, и потомъ пировалъ и гулялъ въ ожиданіи не-

ихъ себѣ доходъ Царь Казанскій получалъ.» И мы не знаемъ, по крайней мѣрѣ видимъ, что слово: *кабакъ*, принято Рускими отъ Татаръ. По всѣмъ вѣроятностямъ, употребленіе хлѣбнаго вина и табаку, перешло къ намъ съ Востока, ибо до сихъ поръ мы сохранили Татарскія названія: *рака* и *тютюнъ*.—*Первымъ* означаютъ донынѣ начальную перегонку вина изъ хлѣба; *второе*, у простолюдимовъ, означаетъ грубый курительный табакъ.

пріятеля, любуясь воинскимъ шумомъ лагеря, и гордясь ратнымъ духомъ своимъ. Случилось происшествіе, оскорбившее Іоанна: однажды онъ поѣхалъ изъ лагеря на охоту и увидѣлъ передъ собою цѣлый отрядъ воиновъ, загородившій ему дорогу; это были Новгородскіе пищальники; они жаловались на притѣсненія воеводъ. Іоаннъ велѣлъ прогнать ихъ; буйная свита Іоанна бросилась съ мечами, и Новгородцы начали защищаться, стрѣлять, убили нѣсколько человѣкъ. Іоаннъ, въ испугѣ, воротился въ таборъ, велѣлъ разыскивать дѣло; любимецъ его Василій Захаровъ донесъ ему, что всему виною были Князь Иванъ Кубенскій и Воронцовы Ѳедоръ Семеновичъ, Иванъ Петровичъ, Василій и Иванъ Михайловичи, злобствующіе за понесенную ими опалу и пренебрегающіе прощеніемъ Великаго Князя. Безъ суда, Іоаннъ приказалъ немедленно отрубить головы Кубенскому, и Ѳедору и Василію Воронцову; И. П. и И. М. Воронцовы сосланы были въ заточеніе на Бѣлоозеро. Въ первый разъ кровь людей, приготовлявшихъ душевную погибель Іоанна, по крайней мѣрѣ, неотвращавшихъ ее, пролилась на плахѣ! Первый шагъ былъ сдѣланъ, и со страхомъ увидѣли все, какъ ненадежны были любовь и милость юнаго властителя: за три года, онъ со слезами просилъ пощады брату

шого, кшо предавъ былъ имъ шеперь сѣкирѣ палача, за обвиненіе ничѣмъ не доказанное (189).

Ханъ Крымскій не шелъ; напрасно ждали его

(189) *Царств. Книга; Ник, Лѣт.* Таборъ въ Коломнѣ былъ съ начала Мая до Августа 1546 года. — Курбскій говоришъ, чшо со времени самовласшія Іоанна (1544 г.) были казнены, кромѣ упомянушыхъ нами: *Ѳедоръ Невѣжа*, богашый *землянинъ* (помѣщикъ, ziemianin); 15-ши лѣшній юноша, Князь *Михаилъ Трубецкой; Князь Иванъ Дорогобужскій*, и сынъ Ивана Ѳедор. Оболенскаго-Телепнева-Овчины *Ѳедоръ*, «Княжаша,» еще въ самомъ наусіи» (ш. е. чшо едва усъ пробивался у нихъ). Въ *Родословныхъ* дѣйсшвишельно упоминаюшся *Ѳедоръ* и *Василій Невѣжины*, изъ рода Вельяминовыхъ, и при имени *Василія* ошмѣчено: «Казнилъ его Царь и В. К. Иванъ Васильевичъ.» О *Михаилѣ Трубецкомъ* ошмѣчено шолько: *бездѣтенъ*. *Трубецкіе* происходили ошъ Михаила Олгердовича, владѣли Трубчевскомъ, и передались Іоанну III-му съ другими Русско-Липовскими Князьями. *Дорогобужскіе* происходили ошъ Іереміи Тверскаго (см, ш. *V*, спр. 82), и сдѣлались царедворцами Вел. Князей послѣ взяшія Твери. Убишый въ Казанскомъ походѣ *Князь Иванъ Дорогобужскій* былъ праправнукъ Іереміи; о сынѣ его *Иванѣ* ошмѣчено въ *Родословныхъ*: «Казнилъ его Царь И. В.» — Вѣроятно, *Оболенскій*, *Трубецкой* и *Дорогобужскій* были ровесники и шоварищи юносши Іоанна, вмѣсшѣ съ *Адашевыми*, *Басмановыми* и другими. Казнь ихъ шакъ мало произвела впечашлѣнія, чшо Лѣшописцы *даже и не упоминаютъ* объ ней! Но мы видимъ, чшо извѣсшіе Курбскаго справедливо.

до самой осени; войску велѣно было разойдтись, ибо никакихъ слуховъ не доходило о движеніи Крымцевъ. Іоаннъ воротился въ Москву. Здѣсь, скучая государственными дѣлами, онъ готовился въ потѣшное отдаленное путешествіе, выѣхалъ изъ Москвы Сентября 15-го и воротился уже въ половинѣ Декабря. Его сопровождали веселые его сопутники, лихая воинская дружина. Іоаннъ обскакалъ Можайскъ, Волоколамскъ, Ржевъ, Тверь, Новгородъ, Тихвинъ, Псковъ, молился въ обителяхъ, гулялъ и тѣшился охотою. Съ горестью видѣли обитатели самыхъ отдаленныхъ областей, что юный Князь не думаетъ о благѣ подвластныхъ ему, ловко мчится на бодрыхъ лошадяхъ, но не управляетъ своей отчины, а приближенные его только отягощаютъ подвластныхъ ему расходами и поборами на путешествіе ихъ повелителя (190).

Въ Москвѣ ожидала Іоанна вѣсть о событіяхъ въ Казани, издавна предвидѣнныхъ. Шихалей

(190) *Псковскій Лѣт.* Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 153): «быша В. К., да братъ его, Князь Георгій, въ Новгородѣ, и во Псковѣ Дек. 28-го; одну ночь ночевалъ, а на другую на Вороночи былъ, а третью въ Печорахъ, и паки во Псковѣ; и поѣде къ Москвѣ... а не управивъ своей отчины ничего, а все гонялъ на мскахъ, а христіанамъ много протори учинилъ,» и проч.

не царствовалъ и двухъ мѣсяцевъ. Бывъ рабомъ Казанскихъ вельможъ, онъ узналъ, что Сафа-Гирей идетъ къ Казани съ толпами Ногаевъ, и уже достигъ Камы; что въ Казани составленъ заговоръ и положено выдать его Сафа-Гирею. Не дожидаясь погибели, Шихалей бѣжалъ, перепоивъ до пьяна вельможъ своихъ на великолѣпномъ пирѣ, нарочно приготовленномъ. Сафа-Гирей явился въ Казань; перерѣзалъ сообщниковъ Шихалея и Руси; немногіе бѣжали въ Москву. Іоаннъ отправилъ встрѣтить Шихалея съ почестью, грозилъ воевать Казань, но послалъ только отрядъ съ Княземъ Горбатымъ, зимою, во время холодовъ и мятелей. Горбатый доходилъ до устья Свіяги, и воротился, приведя съ собою присяжниковъ изъ Черемисы, обѣщавшей отнынѣ повиноваться Рускому Государю (191).

Такъ шли дѣла. Со страхомъ думали о будущемъ люди, вѣрные благу отечества, добрые подданные Іоанна, скрывавшіеся въ толпѣ воинскихъ дружинъ его и царедворцевъ. «Еще Государь не совсѣмъ развращенъ: болѣе безразсуденъ, юнъ» — думали они — «вспыльчивъ, прихотливъ; но если при немъ находится развратный юноша Басмановъ, то при немъ-же и

(191) Каз. Лѣт. Царственн. книга.

добродѣтельный Адашевъ; онъ любитъ пиры, охоту, любитъ и молитву и воинскую доблесть. Надобно освободить его отъ опеки коварныхъ Глинскихъ; заставить его почувствовать величіе своего высокаго званія, женить его на добродѣтельной дѣвицѣ, и любовью, кротостью, мудростью совѣтовъ, воинскою честью, дѣйствіемъ вѣры, возвратить самому себѣ, отечеству и добродѣтели.»

Тогда составилась новая тайная партія при Дворѣ, и въ ней участвовали люди всѣхъ прежнихъ партій. Главою были знаменитые *Захарьины*, и съ ними вмѣстѣ: *Дмитрій Палецкій* (уже испытавшій опалу), братья *Адашевы* и отецъ ихъ, *Нагіе;* друзья И. Ѳ. Бѣльскаго *Хабаровъ* и *Князь Куракинъ-Булгакъ*; *Князь Даніилъ Пронскій* (нѣкогда другъ Шуйскихъ). Наконецъ пристали сами *Шуйскіе*, Петръ Ивановичъ и Ѳедоръ Скопинъ, *Князь Темкинъ*, *Ѳедоровъ*, всѣ друзья ихъ. Митрополитъ Макарій согласился съ вельможами, желавшими добра. Онъ вызвалъ изъ Новгорода *іерея Сильвестра*, извѣстнаго ему отличнымъ краснорѣчіемъ и умомъ; совѣтовались, думали. Глинскіе не предугадывали тайнаго замысла (192).

(192) О Сильвестрѣ знаемъ только, что онъ былъ Новгородецъ, простой іерей, вызванный въ Москву

Началось общимъ представленіемъ Іоанну, что онъ, достигнувъ лѣтъ совершеннаго возраста, долженъ принять на себя тягость правленія, опредѣленную ему Богомъ, и, по слову Божію: «Не подобаетъ быть человѣку единому,» избрать себѣ подругу. Вѣроятно, Іоанну и указали на дѣвицу *Анастасію*, сіявшую благочестіемъ и красотою, дочь Романа Захарьина, уже умершаго. Сестра ея Анна, была за Княземъ Сицкимъ, а братья, особливо юный *Ни-*

Макаріемъ; далѣе, что онъ былъ уже тогда въ преклонныхъ лѣтахъ, и имѣлъ сына, *Анфима*. Въ Новгородской Софійской и Кирилловской Бѣлозерской библіотекахъ хранятся книги съ подписью Сильвестра: въ одной изъ подписей упомянуто о сынѣ его (*Сказ. Курбск.* т. I, стр. 8, 9, и примѣч. Издателя, Г-на Устрялова, т. II, стр. 273; *Словарь пис. Дух. чина*, т. II, 201). Въ Соф. Новгородской библ. находится еще обширное Посланіе — *единственное*, извѣстное донынѣ, *сочиненіе Сильвестра*. Онъ пишетъ къ Князю А. Б. Горбатову, даетъ ему наставленія, утѣшаетъ его въ несчастіяхъ. Какъ любопытно было-бы видѣть мысли и слогъ того, кто умѣлъ покорить подъ власть свою умъ пылкаго, необузданнаго Іоанна, и потомъ столько лѣтъ быть властителемъ государства и гордыхъ вельможъ! Въ сочиненіяхъ Максима Грека есть *посланіе къ Сильвестру*; содержаніе его намъ неизвѣстно.

кита Романовичъ, отличались умомъ и тихостью нрава. (193).

Іоаннъ увлекся совѣтами, льстившими его честолюбію, ибо ему предложили короноваться *Царемъ Русскаго государства.* Книжные люди находили историческія свидѣтельства, что Константинъ Мономахъ, *Царь* Греческій—такъ переводили Греческій титулъ бывшихъ властителей Царьграда, доказывая это Библіею — древле благословилъ на *царство* Владиміра Мономаха, и прислалъ ему утварь Царскую. Теперь, когда Богъ освободилъ Русскую землю отъ Царей поганыхъ, которымъ столько лѣтъ покорялась православная Русь, когда сіи поганые Цари покорны Руси, самъ Богъ указываетъ властителю Русской земли принять названіе Царя, сочетавъ послѣднюю отрасль Греческихъ Царей съ дѣдомъ его Іоанномъ, внушивъ дѣду его мысль назвать сына *Царскимъ именемъ*, и даровавъ внуку названіе *Благодатнаго*, какъ отецъ именовался *Благовѣстникомъ.* Нашлись начетчики книжные, которые доказывали, что

(193) О Романовыхъ, см. т. *V*, прим. 25. *Никита* былъ младшій сынъ *Романа Юрьева-Захарьина;* двое другихъ братьевъ его назывались: *Даніилъ* и *Далматъ; Михаилъ*, *Иванъ* и *Григорій Юрьевы-Захарьины* были родные дяди Анастасіи.

и кромѣ того Іоаннъ происходитъ отъ корени Цезаря Августа, по своему предку Рурику. Такъ хотѣли обуздать юнаго Іоанна, напомнивъ ему знаменитость его рода, послѣ чего пороки и страсти не должны быть причастны ему, потомку столькихъ великихъ Царей, и *единому* Православному на землѣ Царю, властителю *шестаго царства, искони предвѣщаемаго людямъ* (194).

Декабря 14-го 1546 г., на другой день по возвращеніи Іоанна въ Москву, былъ тайный

(194) О названіи: *Царь*, см. томъ IV, прим. 135. Впрочемъ, мы видѣли, что еще Іоаннъ III-й назывался Царемъ въ сношеніяхъ съ иностранцами. Байеръ говоритъ, что слово: *Царь*, на древнемъ Персидскомъ языкѣ (?), значило *власть, тронъ*, и что оно находится въ окончаніи именъ: Набонас*аръ*, Валтас*аръ*. Руские переводили симъ словомъ Греческое наименованіе Государя (*Βασιλεύς*), означающее собственно: *державецъ, властитель*.— О Мономаховыхъ Царскихъ утваряхъ, см. т. II, прим. 397. Сказаніе о происхожденіи Русскихъ Князей отъ Августа Цезаря явилось во времена Іоанна. Его можно видѣть въ *Степенной книгѣ*. Говорили, что *Пруссъ*, родной братъ Августа, выѣхалъ изъ Рима въ Балтійскіе края; овладѣлъ тамъ Славянскими народами (это имя, разумѣется, производили прямо отъ *славы*), и назвалъ свое владѣніе *Пруссія*; что Рурикъ былъ потомокъ сего Прусса, и

переговоръ его съ Митрополитомъ. Первосвятитель пошелъ въ храмъ Успенскій, служилъ молебенъ; потомъ призвалъ къ Іоанну всѣхъ бояръ. Предметъ совѣщанія хранился въ тайнѣ. Но 17-го Декабря объявили всему народу *тайну Цареву*. Въ присутствіи многочисленнаго сонма сановниковъ и воинскихъ чиновъ, Іоаннъ смиренно повѣдалъ, что вступивъ нынѣ въ лѣта мужества, намѣренъ искать подруги по сердцу, а прежде того вѣнчаться на Царство, да будетъ *мужъ* и *Царь*; просилъ Митрополита молиться о совершеніи благихъ его намѣреній.

проч. — Іоаннъ вѣрилъ этой сказкѣ; по крайней мѣрѣ, упоминалъ объ ней не шутя въ государственныхъ сношеніяхъ, какъ увидимъ далѣе. Тогда вошли въ большую моду всѣ подобныя ученыя сказки. При завоеваніи Астрахани, смѣшивая имя: *Тмуторокань*, съ *Асторохань*, знатоки Исторіи увѣряли, что еще при Владимірѣ Рускіе владѣли Каспійскимъ приморьемъ, подъ именемъ *Тмуторокани*. Имя: *Іоаннъ*, значитъ по Еврейски: *благодатный*; другое имя Василія было: *Гавріилъ*, т. е. *посланникъ*, или *благовѣстникъ Божій*. Шестымъ Царствомъ выводили *Россійское*, полагая прежде *Ассирійское*, *Вавилонское*, *Персидское*, *Греческое* и *Римское*, и находя для сего таинственное толкованіе смысла въ Апокалипсисѣ (смотр. выше, прим. 53), и въ книгѣ Пророка Даніила, глава II, X, XII.

Первосвятитель отвѣчалъ, что самъ Богъ внушаетъ ему столь святыя мысли. Народъ радостно услышалъ вѣсть, быстро разнесенную молвою; съ восторгомъ говорили о событіи пророчества: возстановленіи Шестаго Царства, Православнаго, *Россійскаго*, и дарованіи благодати юному Государю (195).

Мирно наступилъ день Царскаго вѣнчанія, Января 16-го, 1547 г. Впрочемъ, сей обрядъ великій и таинственный, въ другой разъ повторенный отъ начала Русской земли, сходствовалъ съ обрядомъ при вѣнчаніи на Великое Княжество, за сорокъ девять лѣтъ прежде, несчастнаго Димитрія; только тамъ возлагалъ вѣнецъ на голову внука грозный дѣдъ, мрачный, предавшій казни непослушныхъ вельможъ, и будущность казалась тогда тяжкою: теперь самъ возлагалъ на главу свою вѣнецъ Царь юный, обрадовавшій добрыми рѣчами Дворъ и народъ, и будущность являлась подданнымъ его ясною, предвѣщающею благоденствіе и добро (196).

Еще до коронованія Іоанна были разосланы

(195) Царств. книга.

(196) Царств. книга; Лѣт. Ник. *VIII*, 50; чинъ вѣнчанія, въ *Собр. Г. Г.* т. II, № 33.

по городамъ чиновники: выбирать красавицу изъ всѣхъ знаменитыхъ дѣвицъ Русскаго царства въ супруги Царю. Кажется однакожъ, что это дѣлалось только для вида, ибо 3-го Февраля уже совершена была свадьба Анастасіи Романовой съ Іоанномъ. Здѣсь, между Глинскими, Захарьиными, Шуйскими, Мстиславскими, Пронскими, Бѣльскими, явились Хабаровы, и два брата Адашевы, Алексій и Даніилъ, юные друзья Іоанна (197). Едва только возвратясь изъ богомолья въ Троицко-Сергіевскую обитель (28 Января), Іоаннъ снова отправился ко гробу Св. Сергія, съ молодою супругою, братомъ, Дворомъ, сановниками, пѣш-

(197) *Собр. Г. Г.* т. II, N° 34 и 35, грамоты въ Новгородъ, Вязьму и Дорогобужъ: повелѣніе всѣмъ Князьямъ и дѣтямъ Боярскимъ, привозить въ назначенныя мѣста и показывать дочерей своихъ, для выбора невѣсты Царю. « Велѣлъ еси смотрити у васъ дочерей дѣвокъ, намъ невѣсты; и у которыхъ у васъ будутъ дочери дѣвки, и вы-бъ съ ними часа того ѣхали, а дочерей-бы есте дѣвокъ у себя одноличио не таили, но везли-бы есте часа того, не мотчая. А который васъ дочь дѣвку у себя утаитъ, и не повезетъ, и тому быть въ великой опалѣ и въ казни. » Въ грамотѣ въ Вязьму, отъ 4 Января 1547 года, находимъ подтвержденіе: « и вы не ѣдете, и дочерей своихъ не везете, а нашихъ грамотъ не слушаете,

комъ, не смотря на зимнее время, въ знакъ христіанскаго смиренія; воротились въ Москву Марта 5-го, на второй недѣлѣ Великаго поста.

Но, къ прискорбію всѣхъ, кто надѣялся измѣненія на добро въ дѣлахъ и нравѣ юнаго Царя и супруга, ожиданія оказались обманчивы. Ни любовь къ Анастасіи, ни совѣты доблестныхъ мужей не тронули Іоанна. Глинскіе продолжали управлять дѣлами. Іоаннъ не свирѣпствовалъ, но развлеченія его продолжались, порывы гнѣва его были по прежнему неукротимы. Можетъ быть, онъ совѣстился, но не могъ удержаться, испотворованный привычкою и потачкою съ младенческихъ лѣтъ. Для насъ

и вы то чините негораздо, что нашихъ граматъ не слушаете," и проч. — Въ Новгородѣ выборъ невѣсты производили тамошніе Намѣстники, и нарочно посланный Окольничій Иванъ Дмитр. Шеинъ; въ Вязьмѣ воевода Князь И. С. Мезецкій и Дьякъ Гаврило Щенокъ. Описаніе свадьбы Іоанна и Анастасіи, въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XIII, стр. 29, а поученіе къ нимъ Макарія Митрополита, послѣ вѣнчанія, т. XIV, стр. 227. Мѣсто матери заступала мать Владиміра Андреевича; Владиміръ былъ Тысяцкимъ; Дружками были Дмитрій Бѣльскій, Ив. Мих. Захарьинъ, Турунтай-Пронскій и Мих. Морозовъ; свахою жена Нагаго, и проч.

сохранился одинъ примѣръ вспыльчивости его въ то время. Въ началѣ Іюня, когда Іоаннъ тѣшился охотою въ селѣ Островнѣ, предъ него предстали семдесятъ Псковитянъ, искавшихъ правосудія на своего намѣстника Князя Турунтая-Пронскаго, друга Глинскихъ. Іоаннъ разгнѣвался, ругалъ, билъ жалобщиковъ, свѣчею палилъ у нихъ бороды, и велѣлъ наконецъ раздѣвать ихъ и класть на землю. Бѣдные ожидали казни. Въ это мгновеніе донесли Іоанну о страшномъ знаменіи: колоколъ благовѣстникъ, висѣвшій подлѣ Ивановской колокольни въ Москвѣ, оторвался и упалъ. Іоаннъ оставилъ Псковитянъ и поспѣшилъ въ Москву (198).

Уныніе распространялось въ народѣ, когда и въ особѣ *Царя* видѣли прежняго *Іоанна*. Ожидали чуда: оно совершилось въ удачномъ исполненіи замысла, основаннаго на познаніи сердца человѣческаго.

Два пожара слѣдовали въ Москвѣ одинъ за другимъ: Апрѣля 12, во вторникъ на Святой

(198) *Ник. Лѣт.* VII, 54; *Архивск. Псковск. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 167). «Въ тѣ поры Глинскіе у Государя въ приближеньи были, и въ жалованьи, а отъ людей ихъ чернымъ людямъ насильство и грабежъ, они-же отъ того не унимаху... (*Царств. Книга* стр. 142).

недѣлѣ, утромъ, загорѣлась лавка въ москотильномъ ряду, и весь Китай городъ вспыхнулъ; сгорѣли ряды торговые, монастыри Богоявленскій и Ильинскій; отъ пороха, лежавшаго въ башнѣ къ Москвѣ рѣкѣ, взлетѣла на воздухъ часть городской стѣны. Въ тотъ-же день, ночью, загорѣлась Чертольская улица, но ее успѣли потушить. Апрѣля 20-го начался пожаръ на Болвановкѣ, опустошилъ Гончары, Кожевники, Лыщиково, монастырь Спасскій въ Чигасахъ, расписанный славнымъ иконописцемъ Діонисіемъ. Страхъ объялъ Москвитянъ. Говорили, что Святой Василій Блаженный стоялъ послѣ того, долго, неподвижно, передъ Воздвиженскимъ монастыремъ, плакалъ, молился, и ничего не сказалъ толпѣ народа, вокругъ него собравшейся и вопрошавшей его о причинѣ печали. Іюня 21-го храмъ Воздвиженскій загорѣлся. Въ это время свирѣпствовала ужасная буря, и « огонь потекъ, какъ молнія. » Вѣтромъ бросало горящія головни на Кремль: Царскіе дворы, монастыри Вознесенскій, Чудовъ, церкви Кремлевскія, всѣ строенія, лавки, Царская и оружейная казна и запасы, все обратилось въ пепелъ. Порохъ, лежавшій въ Кремлѣ, загораясь, далеко раскидывалъ развалины и обезображенные трупы. Царь и Царица, съ своими приближенными, въ ужасѣ убѣжали во дворецъ на Воробьевыхъ горахъ. Митрополитъ молился въ Успенскомъ соборѣ, но

едва не задохся отъ дыма; насильно вывели его, и среди огненной рѣки успѣли провести и скрыть въ тайникѣ, на берегу Москвы рѣки; люди, шедшіе за нимъ, задыхались, падали и горѣли. Но и въ тѣсномъ тайникѣ духота, жаръ, дымъ угрожали Первосвятителю смертію. Рѣшились спустить его съ Кремлевской стѣны на веревкахъ, въ торопяхъ уронили, и полумертваго отвезли въ Новоспасскій монастырь. Между тѣмъ вся Москва являлась огромнымъ океаномъ огня. Отъ Драчевскаго до Воронцова поля, отъ Китая до Дорогомилова — церкви, домы истлѣли, обвалились; «желѣзо таяло, какъ олово, мѣдь лилась, какъ вода;» сады и огороды являлись чернымъ пожарищемъ. Въ 3 часу ночи потухъ пожаръ; сгорѣло около 2000 человѣкъ обитателей; остальные, какъ тѣни, ходили среди догоравшихъ остатковъ, вопили и рыдали на обезображенныхъ трупахъ братій и пепелищахъ домовъ своихъ и Божіихъ храмовъ (199).

(199) *Никон. Лѣт.* т. VII, стр. 54—59. «И отъ того Царь и Вел. Князь пріиде во умиленіе, и нача многія благія дѣла строити.» На *Стоглавномъ* Соборѣ Іоаннъ говорилъ: «Посла Господь на насъ тяжкіе и великіе пожары, и вся наша злая собранія потреби, и прародительское благословеніе огнь пояде; паче-же все-

Трепеща, болѣзнуя, видѣлъ Царь страшное море огня и столпы дыма съ высокихъ горъ Воробьевскихъ; слышалъ набатный звонъ, трескъ разрушающихся зданій, храмовъ. Съ изумленіемъ узналъ онъ, когда на другой день поспѣшилъ увидѣться съ Митрополитомъ, что пожаръ произведенъ былъ колдовствомъ злыхъ людей. Его увѣряли въ этомъ Бояре, люди, которымъ вѣрилъ онъ; увѣрялъ самъ владыка Митрополитъ.

Не знаемъ: должно-ли извинить жестокую хитрость, если и доброе намѣреніе было ея основаніемъ, если и благія послѣдствія сопровождали ее? — Враги правителей государства хотѣли воспользоваться общимъ бѣдствіемъ, страхомъ Царя, изумленіемъ его. Въ Воробьевскомъ дворцѣ своемъ, Царь снова услышалъ набатный звонъ на уцѣлѣвшихъ колокольняхъ Московскихъ; но на-

го Святыя Божіи церкви, и многія великія и неизрѣченныя святыни и святыя мощи.» Въ *Ник. Лѣт.* «Церковь Благовѣщенія Золотоверхая и Деисусъ Андреева письма, Рублева, златомъ обложенъ, и образы, украшенные златомъ и бисеромъ, многоцѣнные, Греческаго письма, погорѣ.... Чудовской монастырь выгорѣ весь; едины мощи Св. велик. чудотв. Алексія сохранены быша, а старцевъ сгорѣша по погребамъ и по палатамъ 18, а слугъ 8, и запасъ монастырской весь сгорѣ.... и Вознесенскій монастырь такъ-же весь сго-

башъ возвѣщалъ уже не пожаръ — другое бѣдствіе: бунпъ, волненіе народа, злодѣйство, допюлѣ неслыханное — оскверненіе храма Божія убійствомъ близкаго родсшвенника Государева! Заговорщики: Григорій Захарьинъ (дядя Анастасіи), Князь Петръ Шуйскій, Князь Иванъ Темкинъ, Князь Скопинъ-Шуйскій, Бояринъ Ѳедоровъ, чиновникъ Нагой, и духовникъ Іоанна, Благовѣщенскій Протоіерей Ѳедоръ Барминъ, взволновали народъ слухами, что Глинскіе подожгли Москву. Дѣло казалось столь нелѣпо, что Юрій Глинскій, остававшійся въ Москвѣ (машь его и брашъ Михаилъ находились тогда въ своихъ помѣстьяхъ), вышелъ на площадь вмѣстѣ съ другими боярами, желая, по повелѣнію Іоанна, изслѣдовать причины пожара. Толпы народа покрывали Кремлевскую площадь. Съ ужасомъ услышалъ Юрій со всѣхъ сторонъ неистовые вопли: «Глинскіе сожгли насъ! Машь

рѣ; 10 спарицъ въ немъ сгорѣша.... Токмо одинъ образъ Пречистыя Протопопъ вынесъ.... Прежде убо сихъ временъ, *памятныя временъ книги* пишутъ, таковъ пожаръ не бывалъ на Москвѣ, какъ Москва спала именоватися.» О Василіи Блаженномъ, въ *Степ. книгѣ* (Исп. Г. Р. VIII, прим. 173). — *Успенскій* и *Архангельскій* соборы уцѣлѣли, хотя были окружены пламенемъ отвсюду.

ихъ вырѣзывала сердца человѣческія, колдовала на водѣ, кропила улицы Московскія колдовскою водою! Смерть Глинскимъ!» Юрій бросился бѣжать съ площади; толпа кинулась за нимъ; онъ укрылся въ Успенскій соборъ. Убійцы вторглись во храмъ, вытащили Юрія изъ придѣла Св. Димитрія Селунскаго, гдѣ онъ прятался, убили его противъ Митрополичьяго мѣста, поволокли тѣло на лобное мѣсто, грабили домы Глинскихъ, умерщвляли всѣхъ, кого почли сообщниками ихъ, буйствовали, и наконецъ съ яростію бросились на Воробьевы горы—требовать отъ Іоанна выдачи Михаила Глинскаго и матери его; бунтовщиковъ увѣрили, что Царь укрываетъ злодѣевъ въ своемъ дворцѣ (200).

Іоаннъ видалъ мятежные сонмы Бояръ своихъ; можетъ быть, забылъ уже въ это время даже и сіи смятенія. Но еще въ первый разъ увидѣлъ онъ буйныя толпы народа, разъяренную чернь Московскую, прибѣжавшую къ нему съ дрекольями и неистово вопіющую: «Выдай намъ злодѣевъ нашихъ и твоихъ измѣнниковъ!» Іоаннъ ужаснулся. Тогда, внезапу явился передъ нимъ сѣдовласый служитель Божій, и заговорилъ съ

(200) *Царств. книга; Ник. Лѣт.—Курбскій*, и Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому (*Сказ.* т. I, 8, т. II, 53).

нимъ во имя Бога, голосомъ карающей совѣсти: это былъ Сильвестръ, священникъ, вызванный изъ Новгорода Митрополитомъ, тайный совѣтникъ Захарьиныхъ и Адашевыхъ. Не знаемъ: что̀ онъ говорилъ Іоанну? Современники сказываютъ только, что Сильвестръ указалъ ему на дымящееся пожарище Московское; возвѣстилъ ему, что пожары, смятеніе народное, страшныя слѣдствія сего смятенія, суть тяжкіе плоды грѣха Царева, за него-же казнится народъ, по словамъ Св. Писанія. Какъ вдохновенный, предвѣщалъ Сильвестръ Іоанну бѣдствія *здѣсь* и вѣчную погибель *тамъ*, гдѣ нѣкогда станетъ онъ на ряду съ послѣднимъ рабомъ своимъ, и отдастъ отчетъ, не только въ каждомъ дѣлѣ, но и въ каждой мысли, гдѣ на главу его горящими угліями падетъ каждое беззаконіе его подвластныхъ, каждая капля крови и слезъ его подданныхъ! Можетъ быть, онъ убѣдилъ его въ тщетѣ богатства и величія, указывая на пепелище града, за нѣсколько дней кипѣвшаго народомъ, свѣтлаго зданіями, чертогами, храмами Божіими, крѣпкаго стѣнами и башнями, и гдѣ теперь уцѣлѣлъ только тотъ храмъ, въ которомъ далъ Іоаннъ обѣщаніе быть Царемъ добрымъ, и другой, въ которомъ онъ ляжетъ нѣкогда на ряду съ предками, но гдѣ все другое погибло — казна, запасы, даже въ огнѣ пожара сгорѣло послушаніе

народа, и отъ гнѣва Божіяго не уцѣлѣли самыя Святыни. Сильвестръ исчислилъ, можетъ быть, Іоанну годы юности его, проведенные въ грѣхахъ, небреженіе его о дѣлѣ Государскомъ, презрѣніе доблести ратной (201)....

(201) Курбскій (т. I, стр. 8, 9): «Пріиде къ нему Сильвестръ, претяще ему отъ Бога священными писаніями, и строзѣ заклинающе его страшнымъ Божіимъ именемъ. Еще къ тому и *чудеса, и аки-бы явленіе отъ Бога повѣдающе ему*, не вѣмъ аще истинныя, альбо такъ ужасновенія пущающе, буйства его (Іоаннова) ради, и *для дѣтскихъ* неистовыхъ его нравовъ умыслилъ былъ себѣ сіе. Многажды и отцы повелѣваютъ слугамъ дѣтей ужасати *мечтательными страхи*, и отъ излишнихъ игоръ презлыхъ сверстниковъ. Сице и сей, мню, блаженный *малую грозу присовокупляетъ благокозненія* (хитрости во благо), ею-же великое зло цѣлити умыслилъ.» Далѣе, сравниваетъ Курбскій угрозы и хитрость Сильвестра съ отрѣзываніемъ членовъ, пораженныхъ Антоновымъ огнемъ. Гордясь попомъ своевластіемъ, Іоаннъ хвастливо упрекалъ Курбскаго (*Сказ.* т. II, стр. 94): «Не мни мя неразумна суща, или разумомъ младенчествующа, яко-жъ начальницы ваши попъ Селивестръ и Алексѣй (Адашевъ) неподобно глаголаху; ниже мните мя *дѣтскими страшилы устрашити, якожъ прежде сего* съ попомъ Селивестромъ и со Алексѣемъ лукавымъ совѣтомъ прельстисте.»... Когда попомъ Іоаннъ, въ письмахъ къ Курбскому, ругалъ и поносилъ Сильвестра, Курбскій отвѣчалъ ему (т. II, стр. 121,

Іоаннъ слушалъ, молчалъ, плакалъ, и со слезами, упадая на колѣни передъ Иконою, поклялся быть отнынѣ добрымъ Царемъ, измѣнить нравъ свой, приблизить къ себѣ благихъ, добрыхъ совѣтниковъ и посвятить всю жизнь свою счастію подданныхъ и чести государства. Сильвестръ простилъ, благословилъ его; мя-

122): « что наигнушательнѣйшаго и прескверыѣйшаго, еже исповѣдника твоего потваряти исикованціи (обманы) на него умышляти, который душу твою Царскую къ покаянію привелъ, грѣхи твои на своей выи носилъ, и взявши тя отъ преявственнѣйшихъ скверпъ, яко чиста предъ наичистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, исчистя покаяніемъ, поставилъ! Се, тако-ли воздаешь ему и по смерти?.. Не ужасаешилися, о Царю! притчи Хамовы, иже насмѣвался наготѣ отчей, како снесено бысть о томъ на исчадія его проклятіе? И аще таковая притча отъ тѣлесныхъ отцевъ случилась, кольми паче отъ духовныхъ должны есмы покрывати, *аще-бы нѣчто и случилося, человѣческія ради немощи*, яко то и ласкатели твои клеветали на онаго пресвитера, *иже-бы тя устрашалъ не истинными, но льстивыми видѣніи.* Во истину и азъ глаголю: льстецъ онъ былъ, коварецъ и благокозненъ, понеже ялъ тя, исторгнувши отъ сѣтей діавольскихъ и отъ челюстей мысленнаго льва, и привелъ было тя ко Христу Богу нашему.» Курбскій повторяетъ сравненіе съ врачами, рѣжущими пораженные Антоновымъ огнемъ члены, «даже до живаго тѣла.» Далѣе: «такожъ и онъ творилъ, пре-

тежную чернь разогнали; смятеніе утихло, и между тѣмъ, пока спѣшили обновлять Москву, очищать ее отъ труповъ и развалинъ, настало время исправленія Іоаннова, непостижимое чудо для народа, ибо онъ не вѣдалъ, что̀ совершается въ чертогахъ Царскихъ.

свитеръ блаженный Сильвестръ, видяще недуги твои душевные, многими лѣтами застарѣвшіеся и неудобные ко исцѣленію. . . . неудобь исцѣльнаго ради твоего недуга, прилагалъ пластыри, ово кусательными словесы нападающе на тя, и порицающе, яко бритвою, непреподобные нравы наказаніемъ жестокимъ рѣжуще,» и проч.

ГЛАВА III.

Въ самомъ дѣлѣ: не чудо-ли было, когда прежній Іоаннъ, буйный, своевольный, строптивый, немилосердый въ минуту гнѣва, казался превратившимся въ ангела кротости, Царя послушнаго доброму совѣту, юношу тихаго, снисходительнаго, забывающаго оскорбленія и вины, оцѣняющаго одно добро и заслугу? Не чудо-ли было, когда цѣлые годы проходили потомъ, и Царь, въ лѣтахъ пылкой юности, являлся мудрымъ во внутреннемъ устроеніи государства, грознымъ побѣдами, блисталъ умомъ въ совѣтахъ, величіемъ сана среди сонма добрыхъ совѣтниковъ, ибо и злые исправились съ его перемѣною, какъ говорятъ современники (202)? Подавая собою примѣръ

(202) См. выше, прим. 181. «Согласныхъ на зло, овыхъ отдѣляютъ отъ него (яже быша зѣло люты), овыхъ-же уздаютъ и воздержаютъ страхомъ Бога живаго... а *паразитовъ* и тунеядцовъ, сирѣчь подобѣдовъ, или товарищей трапезамъ, яже блазенствомъ, или шутками питаются, и кормы хаютъ, не токмо

супружеской любви и семейственнаго благоплишія, онъ заставлялъ самыхъ чужеземцевъ славить мудрость его въ отдаленныхъ странахъ; подданные возносили имя его, и нѣсколько лѣтъ послѣ 1547 года составляютъ въ Исторіи страницы утѣшительныя для сердца, поучительныя для ума: это былъ прекрасный полдень жизни Іоанна, послѣ бурнаго утра. И кто изъ современниковъ могъ думать, что за симъ прекраснымъ временемъ настанетъ грозный вечеръ и мрачная, темная ночь жизни его (203)!

Утишивъ волненіе народное, Іоаннъ не мстилъ никому, не изыскивалъ виновниковъ; не было ни испязаній, ни розысковъ; исчезло и различіе партій при Дворѣ его: сообщники Шуйскихъ, Глинскихъ, Бѣльскихъ оставались въ почестяхъ, на ряду съ другими, новыми его любимцами. Въ Бояре немедленно произведены были: Захарьинъ (дядя Анастасіи, Григорій Юрье-

тогда не даровано, но и отгоняемо, вкупѣ съ скомрахи, и со иными прелукавыми и презлыми.... (*Сказ. Курбск.* I, 10, 11, 12).

(203) Флетчеръ называлъ Іоанна: a man of high spirit; Дженкинсонъ и его товарищи писали: Hee (Іоаннъ) delighteth not greatly in hawking, hunting or any other pastime, nor in hearing instruments or musicke, but setteth all his whole delight upon two things: to serve God, and howe to subdue and conquere his enemies (*Гаклюйтъ*).

вичъ), Хабаровъ, Кн. Даніилъ Пронскій, Князь Ѳед. Куракинъ-Булгакъ, Князь Дмитрій Палецкій (204). Глинскій слышалъ, что его лишили званія *Конюшаго*, возведя въ знаменитый санъ сей Князя Ушатаго, и что непримиримый врагъ, Князь Петръ Шуйскій, посланъ взять его. Глинскій хотѣлъ бѣжать въ Литву, но одумался, рѣшился изумить смѣлостію: онъ и другъ его Турунтай-Пронскій явились въ Москву; ихъ еще болѣе изумили, объявивъ имъ прощеніе и оставя при нихъ званіе Бояръ. Такъ и главный виновникъ народнаго бунта и убіенія Юрія Глинскаго, Государевъ духовникъ Ѳеодоръ остался на своемъ мѣстѣ, и только черезъ два года былъ замѣненъ Сильвестромъ. Но оставляя злыхъ въ покоѣ, ихъ лишали однакожъ средства дѣлать зло; лихоимцы, при-

(204) Послужн. Списокъ (*Вивліоѳика* Новикова, XX, 33 и слѣд.)—Григорій Васил. и Мих. Яковл. Морозовы пожалованы Окольничими въ 1548-мъ, Боярами въ 1549 г. Съ ними вмѣстѣ были пожалованы Боярствомъ: Князь Дм. Курлятевъ, Князь Иванъ Пронскій-Шемякинъ, Князь Юрій Темкинъ, Григорій Яковлевъ-Челядинъ (двоюродный), Даніилъ Захарьинъ (родной братъ Анастасіи), Князь Петръ Щенятевъ, Князь Сем. Микулинскій. Партія Адашевыхъ превышала другія въ милостяхъ. КнязьПетръ Шуйскій произведенъ въ Бояре въ 1550 году; Князь Михаилъ Воротынскій въ 1552 году.

тѣснители народа были смѣнены, уволены и народъ благословилъ Іоанна (205).

Доселѣ Восточная политика была наблюдаема съ близкими родными Русскихъ властителей: ихъ свобода, самая жизнь, были въ опасности; имъ не позволяли жениться, если наслѣдіе престола не было утверждено. Недовѣрчивость, опасеніе разрушали дружбу и согласіе В. К. съ родными. Напротивъ, Іоаннъ началъ оказывать всю возможную любовь и дружбу родственную своему родному и своему двоюродному братьямъ, хотя Юрій былъ слабъ тѣломъ и скудоуменъ; Владиміръ-же отличался умомъ и тѣлеснымъ благообразіемъ; мать его была женщина гордая, хитрая, властолюбивая, а Іоаннъ еще не имѣлъ дѣтей. Въ Ноябрѣ 1548 г. Юрій женился, а въ 1550 году женился и Владиміръ. На свадьбахъ дружно пировали Іоаннъ и Дворъ его. Соблюдая обряды, для выбора невѣсты

(205) Ник. Лѣт. VII, 59. О смѣнѣ лихоимцевъ и грабителей, *Ник. Лѣт.* VII, стр. 258, 259.—На мѣсто Ушатаго (ум. въ 1549 г.) произведенъ И. П. Θеодоровъ. Турунтаю дали Боярство въ 1549.—О Барминѣ (*Царств. книга,* стр. 146): «разнеможеся, и *пріиде на него страхованіе*, просися въ чернецы, и постранжеся.». . Съ Князя Пронскаго взяли записи,

обоимъ Князьямъ собирали знатнѣйшихъ дѣвицъ; но Юрій особенно *полюбилъ* ту, которую назначали ему—дочь Дмитрія Палецкаго, а Владиміръ дочь Александра Нагаго, друзей Захарьиныхъ и Адашева. Въ приговорахъ Іоанна, имя братьевъ его начали упоминать послѣ его имени (206).

Какъ будто сильнѣе желая укрѣпить обѣты, данные Іоанномъ на добро, хотѣли придать имъ особенную гласность, торжественность, и Москва увидѣла зрѣлище, достойное вѣковъ

1547 г. въ Декабрѣ. Въ *одной*, клянясь у гроба Св. Петра Митрополита, онъ заклинаетъ себя страшными клятвами, даетъ порукою Митрополита Макарія и Духовенство, просившихъ за него, обрекаетъ на казнь себя и Княгиню свою, обѣщая никогда не помышлять ни о побѣгѣ, ни о сношеніяхъ, ни съ Королемъ Польскимъ, ни съ Папою Римскимъ, ни Королемъ Угорскимъ, ни съ Цезаремъ, ни съ Френцовскимъ Королемъ, ни съ Крымомъ, Астраханью, Ногаями, Казанью, и ни съ какими Татарскими, Фряжскими и Нѣмецкими землями. По *другой* записи, множество сановниковъ (въ томъ числѣ Ѳед. Скопинъ, Данило Захарьинъ, и отецъ и тесть Адашева) обязались взнести за нарушеніе записи Турунтаемъ 10,000 рублей (*Собр. Г. Г.* т. I. № 166).

(206) Припомнимъ, для соображенія всегдашней политики съ родственниками Великихъ Князей, участь

патріархальнаго Востока. Велѣно было собраться жителямъ Москвы на лобное мѣсто; призваны были избранные люди изъ областей. Іоаннъ предварительно провелъ нѣсколько дней въ постѣ и молитвахъ, получилъ разрѣшеніе отца духовнаго, и въ воскресный день, пріобщась Св. Таинъ, вышелъ на лобное мѣсто, въ сопровожденіи Митрополита, Бояръ, дружины. Послѣ молебна, отправленнаго при безчисленномъ стеченіи народа, Іоаннъ громогласно говорилъ: «Владыко Митрополитъ! знаю тебя блага и любви желателя; будь мнѣ помощникъ и любви поборникъ. Я остался младенцемъ отъ отца и отъ матери. Обо мнѣ не было попеченія родительскаго, а сильные мои самовластвовали, похищали почесть и санъ моимъ именемъ. Глухъ былъ я, и не было обличенія имъ въ устахъ моихъ, ради моея юности.

братьевъ и родныхъ Василія Темнаго, Іоанна III-го, Василія Іоанновича. — Описаніе свадебъ Юрія и Владиміра, въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XIII. Владиміръ, по смерти первой супруги своей, вторично женился въ 1558 г. на дочери Князя Романа Одоевскаго, Евдокіи.—*Судебникъ* былъ означенъ приговоромъ братьевъ Іоанна: «уложилъ съ своею братіею и съ Бояры;» такъ и въ другихъ актахъ. — Объ Юріи говоритъ Курбскій: «былъ безъ ума, и безъ памяти, и без-

Пусть отвѣчают Богу лихоимцы и хищники за слезы и кровь моего народа: я чист от них! Знаю, люди Божіи, Богом мнѣ дарованные! что прошедших обид и раззореній ваших воротить не можно; но молю вас: оставьте вражды и забудьте тяготы; отнынѣ я вам судія и оборона: сколько будет возможно мнѣ, я раззорю неправду и обращу хищенія.» Іоанн поклонился на всѣ стороны и возвратился во Дворец, а народ, со слезами радости, тихо разошелся, ожидая исполненія слов Царских (207).

словесен, также, аки дивы який родился (т. I, стр. 133). Курбскій утверждает, что слабоуміе Юрія произошло от пособія чародѣев и колдунов, которых Василій и Елена призывали к себѣ, и что Бог наказал их за то рожденіем двух дѣтей, из коих один был *тиран*, другой *недоумок*. Он умоляет всѣх отцов и матерей не почитать пособія чародѣев за малый грѣх, и жестоко порицает женщин, призывающих, по причинѣ неплодія, или дѣтских болѣзней, «презлых чаровников, и баб, смывалей (наговорщиков воды), и шептуней, и иными различными чары чарующих, общующе с дьяволом,» и проч.

(207) Рѣчь Іоанна, выписанная из одного списка *Степ. книги*, в *Ист. Г. Р.* VIII, прим. 182; другой список ея помѣщен в *Собр. Г. Г.* т. II, №

Они исполнились. Вниманіе правителей Государства немедленно обратилось на внутреннее устройство, законы гражданскіе, постановленія церковныя, порядокъ чиновный и воинскій; наконецъ на дѣла и отношенія внѣшнія.

Кромѣ истребленія лихоимства и притѣсненій, правители признали необходимость общаго устройства законовъ и судебныхъ положеній въ разнородныхъ областяхъ Русской земли. Были собраны уставныя грамоты и законы областей, принадлежавшихъ прежде Литвѣ, вольнымъ городамъ Пскову и Новгороду, Тверскому княжеству, своевольной Вяткѣ, пересмотрѣны, даны многія вновь. Но главнѣйшій памятникъ сего времени составилъ *Судебникъ* Царя Іоанна, служившій основаніемъ Русскаго Законовѣдѣнія болѣе ста лѣтъ. Изданный въ 1550 г., и дополняемый потомъ приговорами Царя и Бояръ, онъ обнималъ главныя положенія, въ которыхъ думали

37, вмѣстѣ съ рѣчью Іоанна къ Адашеву. См. еще *Сказ. Курбск.* т. I, стр. 11. Кажется, на это-же событіе намѣкаетъ самъ Іоаннъ, въ письмѣ къ Курбскому: «и еже убо во юности нашей, еже намъ содѣянная, во всемъ томъ *соборнѣ простися*» (*Сказ. Курбск.* II, 56).

тогда заключать всю сущность Законовѣдѣнія— *уголовное судопроизводство* и *порядокъ судоведенія*. Судебникъ разосланъ было повсюду во множествѣ списковъ (208).

Устроивъ гражданскіе законы, правители подумали о церковныхъ и общественныхъ постановленіяхъ. Въ 1551 г. собрался въ Москвѣ Соборъ. Митрополитъ, Архіепископы Новгородскій и Ростовскій, Епископы Суздальскій, Смоленскій, Рязанскій, Тверской, Коломенскій, Сарскій, Пермскій, Архимандриты, Игумены, сановники Дворскіе засѣдали на немъ. Царь открылъ Соборъ рѣчью. «Если обрѣлъ я благодать предъ очами вашими,» сказалъ онъ, «молю васъ, Духовные Пастыри, утвердить

(208) Со времени изданія уложенія Іоанна III-го (съ 1497 года) протекло тогда болѣе 50-ти лѣтъ. Въ рѣчи Іоанна къ Стоглавному Собору: «По всѣмъ землямъ моего царствія... *граматы уставныя* подписалъ... Судебникъ и *уставныя граматы* прочтите.» . . *Судебникъ* издаванъ былъ многократно, съ 1768 году, когда былъ онъ напечатанъ вдругъ Башиловымъ (въ СПб.), и Татищевымъ (М. 1768 г.); послѣдній, въ *примѣчаніяхъ*, позволялъ себѣ множество самыхъ вздорныхъ толкованій; не смотря на то, трудъ Татищева долго почитался классическою книгою. Лучшее изданіе Судебника Гг-дъ Калайдовича и Строева (М. 1819

любовь вашу ко мнѣ, какъ присному сыну вашему. Потщитесь изречь слова ко благочестію единомысленно, о православной вѣрѣ, благосостояніи Св. церквей, нашемъ благочестіи и устроеніи Христіанства. Желаю, радуюсь, соглашаюсь быть вашъ сослужебникъ и Вѣрѣ поборникъ, служа Святой, Животворящей и Нераздѣлимой Троицѣ, Отца, и Сына, и Св. Духа. Воздадимъ хвалу и славу нашей благочестной Церкви, да будетъ отъ насъ далече всякое разгласіе, и да содержатъ насъ согласіе и единомысліе.» До слезъ тронуто было все собраніе, когда послѣ того прочитали Посланіе Іоанна къ Собору, гдѣ Царь каялся въ грѣхахъ юности, говорилъ о сиротствѣ своего дѣтства, самоволіи и преступленіяхъ правителей, и молилъ спасти его молитвою и совѣтомъ. Собору отдали на разсмотрѣніе *Су-*

г.), вмѣстѣ съ Уложеніемъ Іоанна III-го. Уставныхъ и другихъ частныхъ судебныхъ актовъ до нынѣ напечатано немного. См. для примѣра, въ *Русскихъ достопамятностяхъ*, ч. I, стр. 119 — 165. — Разсмотрѣніе всѣхъ сихъ предметовъ оставляемъ до VIII-й книги *Ист. Р. Н.* — Скажемъ здѣсь, что *Уложеніе* Алексія Михайловича, въ сущности своей, было только *дополненный* и *измѣненный* Судебникъ Царя Іоанна.

дебникъ, и предложили множество вопросовъ о церковномъ благочиніи, духовномъ благолѣпіи, народной нравственности, вредныхъ обычаяхъ въ народѣ. *Судебникъ* былъ утвержденъ Соборомъ; на всѣ Царскіе вопросы были написаны отвѣты. Списокъ всѣхъ Соборныхъ постановленій и актовъ раздѣлили на *сто главъ*, и, послѣ пересмотра всѣхъ статей бывшимъ Митрополитомъ Іоасафомъ и Сильвестромъ, утвердили его и ввели повсюду. Сія важная книга, любопытный памятникъ понятій и нравовъ Русскихъ XVI-го столѣтія, извѣстна была потомъ въ народѣ подъ именемъ *Стоглава* (209).

Въ слѣдующіе за тѣмъ годы выходили постановленія касательно воинскаго устройства: учредилось постоянное войско, подъ именемъ *Стрѣльцовъ*; утверждена воинская отвѣтственность, и служба воинская получила постоянныя правила. Предположенія и предпріятія дѣда Государева, пришедшія въ забвеніе въ теченіе

(209) *Стоглавъ* донынѣ еще не напечатанъ. Большею частію уничтоженный въ послѣдствіи, онъ чрезвычайно любопытенъ, какъ памятникъ Русскихъ нравовъ и обычаевъ XVI-го вѣка, показывая потребности вѣка и предметы, на которые Правители полагали

полувѣка, принимались въ семъ случаѣ за основаніе. Видимъ систему Іоанна III-го, обновленную въ послѣдовавшемъ тогда запрещеніи по-

нужнымъ обратить особенное вниманіе. Тутъ находите: благочиніе церковное, истребленіе суевѣрныхъ обрядовъ, желаніе учить народъ грамотѣ, строгое запрещеніе брить бороду, истребленіе пьянства и ханжества, уставъ о иконописаніи, и проч. Въ *Дополненіяхъ* къ сему тому (статья VII) прилагаемъ *вступленіе* въ Стоглавъ, писанное умно и краснорѣчиво, и (статья VIII) исчисленіе *вопросовъ*, или предложеній Царя, разрѣшенныхъ Соборомъ. Объ утвержденіи Стоглава Іоасафомъ и Сильвестромъ, см. прим. 212.—Тогда-же, особыми засѣданіями Собора, утвердили празднованіе 21-го Святыхъ мужей и женъ, почитаніе коихъ до того времени было въ народѣ разногласно. Соборъ постановилъ: праздновать *во всей Россіи*, Сентября 7, *Іоанну* Архіеп. Новгородскому; 27-го *Савватію* Соловецкому; Ноября 17-го *Никону* Троицкому; 23-го Князю иноку *Алексію* (т. е. Александру) Невскому; Января 10-го *Павлу* Комельскому; 11-го *Михаилу* Юродив. Новгородскому; Марта 17-го *Макарію* Колязинскому; 30-го *Іонѣ* Митрополиту; Апрѣля 17-го *Зосимѣ* Соловецкому; Мая 1-го *Пафнутію* Боровскому; Іюня 1-го *Діонисію* Глушицкому; Августа 30-го *Александру* Свирскому. Кромѣ того, праздновать *не во всей Россіи*, но *мѣстно*: въ *Твери*, *Арсенію* Епископу; въ Москвѣ, *Максиму* Юродивому; въ Устюгѣ, *Прокопію* и *Іоанну*; въ Муромѣ, Князьямъ

купать монастырямъ вотчины (210). Со времень Іоанна III-го не помышляли уже о вызовѣ чужеземныхъ художниковъ въ Русскую землю. Теперь правители рѣшились возобновить вызовы, въ обширнѣйшемъ и болѣе правильномъ размѣрѣ. Въ Москвѣ жилъ ученый Нѣмецъ, Шлиттъ, горячая голова, имѣвшій обширныя предпріятія, хотѣвшій соединить Церкви, просвѣтить *Скиѳію* Русскую. Его пригласили ѣхать въ Германію, для вызова знающихъ людей, мудрецовъ и художниковъ; дали ему денегъ, грамоты, и Шлиттъ явился къ Императору Карлу V-му съ титуломъ Посланника отъ Русскаго Царя. Послѣ многихъ совѣщаній, взявъ съ Посланника клятву, что онъ не употребитъ

Константину, Михаилу, Ѳеодору, Петру и Княгинѣ *Февроніи*. (Ист. Г. Р. IX, пр. 87. Слич. *Ист. Р. Н.* т. II, прим. 130). Въ послѣдствіи сіе различіе уничтожилось.

(210) *Ист. Г. Р. VIII*, стр. 263, 264. Имя *Стрѣльцовъ* является съ XVII-го вѣка, но оно гораздо древнѣе (*Двинск. Лѣт.* въ *Вивліоѳикѣ*, т. XVIII, 29). Важный актъ помѣщенъ въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. VIII, стр. 1—34: расчисленіе помѣстьевъ и уравненіе земель, по которому опредѣлено каждому помѣщику, со *ста* четвертей земли выѣзжать на конѣ самому, а за другія *сто*, если ихъ имѣетъ, высылать еще другаго конника; при чемъ велѣно награждать за излишнюю выставку, излишній походъ, и давать денежное жало-

вызываемыхъ въ Русь людей ко вреду Имперіи, и что сіи люди ничего не передадутъ Туркамъ, ко вреду всего Христіанства, Шлитту позволили исполнять препорученное дѣло. Онъ набралъ цѣлую колонію охотниковъ ѣхать въ Русскую землю. Тутъ были хирурги, аптекари, цырюльники, мастеровые всѣхъ родовъ, и между ими переводчики, медики, богословы, пѣвчіе, зодчіе, всего числомъ, по однимъ извѣстіямъ, болѣе 100, по другимъ до 300 человѣкъ. Эта колонія и съ нею Шлиттъ отправились въ Русь; но предпріятіе разрушилось отъ завистливыхъ распоряженій Ганзейскаго союза. Помня оскорбленіе, нанесенное купцамъ Ганзы, и страшась просвѣщенія Сѣверныхъ варваровъ, Любекскій Сенатъ задер-

ванье. Князья и Дѣти Боярскіе были раздѣлены на три разряда: 1-й получалъ 200 четвертей, наравнѣ съ 28-ю Боярами и Окольничими (*Алексій Адашевъ* почисленъ въ семъ разрядѣ, по Костромѣ); 2-й по 150, 3-й по 100. Ко *второй* и *третьей* статьѣ причислены прежнія Новгородскія и Псковскія помѣстья. Всего по именамъ исчислено 1,078 помѣщиковъ, получившихъ 151,200 четвертей; слѣдовательно, по сему расчисленію выходило въ полѣ болѣе 1500 человѣкъ для начальствованія войсками, составляемыми изъ жителей сельскихъ и городскихъ. Кажется, что это раздѣленіе, при чемъ разобраны были прежніе владѣльцы

жалъ Шлитта, уже готоваго сѣсть на корабли; товарищи его разсѣялись, и немногіе изъ нихъ достигли Русской земли, гдѣ были приняты ласково, и большею частію поселились навсегда. Шлиттъ послалъ къ Царю извѣстіе о своей бѣдѣ, съ Докторомъ Цегендеромъ; но Цегендера не пропустили черезъ Ливонію; другой землякъ Шлитта безсовѣстно обманулъ его, и только въ 1555 г. Шлиттъ успѣлъ убѣжать изъ Любекской тюрьмы и писать къ Іоанну; въ 1557 г. онъ опять пріѣхалъ въ Москву. Вѣроятно, безразсудные проэкты лишили его довѣренности Царя и совѣтниковъ Царскихъ (211).

земель и земли измѣряны, возбудило негодованіе многихъ, несправедливо захватившихъ себѣ въ прежнее время излишки земель, и порадовало бѣдныхъ владѣльцевъ, пріобрѣтя правителямъ злобу сильныхъ и любовь среднихъ людей, о чѣмъ говоритъ Іоаннъ въ письмѣ къ Курбскому: «честію мало васъ (Князей) не съ нами равняюще; молодыхъ-же Дѣтей Боярскихъ съ вами честію подобяще, и васъ почалъ къ вотчинамъ, ко градомъ и ко селомъ, еже дѣда нашего, Вел. Государя уложеніемъ, которыя вотчины у васъ взимали, и которымъ вотчинамъ еже нѣсть потреба отъ васъ даятися, и тѣ вотчины, вѣтру подобно, раздалъ неподобно, и тѣмъ многихъ людей къ себѣ примирилъ,» и проч. (*Сказ.* т. II, стр. 56, 57). — О непокупаніи вотчинъ въ монастыри, см. въ *Стоглавѣ*.

(211) Кельхъ, стр. 189; ссылки на Preussisches

Но кого называемъ мы *Правителями государства*, приписывая имъ столь благоразумное управленіе Русскою землею? Все дѣлалось *именемъ Царя*, было обдумываемо и рѣшаемо *Боярскимъ Совѣтомъ*; но, собственно два человѣка: іерей *Сильвестръ* и *Алексій Адашевъ*, сдѣлались душею всѣхъ дѣлъ и совѣтовъ. Необыкновенный умъ обоихъ видѣнъ даже и въ томъ, что никакимъ наружнымъ знакомъ отличій не оскорбляли они честолюбія другихъ сановниковъ, почетныхъ родомъ, старшинствомъ мѣстъ и званій. Морозовы, Ворошынскіе, Захарьины, Глинскіе, Пронскіе, Шуйскіе, поступали въ Бояре, занимали первыя мѣста въ Думѣ; Сильвестръ и Адашевъ, обладавшіе

Archiv, Фабера, и Materialien zu der Russ. Geschichte, въ *Ист. Г. Р.* т. VIII, прим. 205, 207. Вотъ исчисленіе всѣхъ нанятыхъ Шлиттомъ въ Германіи людей (бумаги Шлитта хранятся въ Кенигсб. Архивѣ): 4 богослова, 4 лекаря, 2 законовѣдца, 4 аптекаря, 2 хирурга, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 2 колодязника, 2 мѣльника, 3 плотника, 12 каменьщиковъ, 8 столяровъ, 2 зодчихъ, 2 литейщика, 2 рудокопа, 2 повара, 4 каретника, 2 кузнеца, 4 золотыхъ дѣлъ мастера, 5 переводчиковъ, 2 слесаря, 2 часовщика, садовникъ, хмѣлевщикъ, пивоваръ, денежникъ, пробирщикъ, плавильщикъ, стекольщикъ, бумажный мастеръ, водопроводецъ, пирожникъ, соловаръ, кар-

умомъ и совѣстію Государя, самовластные повелители всѣхъ его дѣяній, были скрыты, являлись только при исполненіи, и въ семъ случаѣ уступали первенство каждому въ обрядахъ, выходахъ, въ росписи мѣстъ и званій. Довѣренность къ нимъ Царя и преданность вельможъ равнялись только ихъ неограниченной власти. Но Сильвестръ, *утвердившій* постановленія Стоглавнаго Собора, Адашевъ, которому дана была власть безотчетная, были и остались людьми безчиновными — Сильвестръ простымъ священникомъ Благовѣщенскаго Собора, но только *Духовникомъ Царскимъ*; Алексій Адашевъ пожалованъ въ *Окольничіе* въ 1555 году. Братъ Алексія, Даніилъ Адашевъ, доблестнѣйшій изъ воеводъ Царскихъ, былъ Окольничимъ

точникъ, ткачъ, скорнякъ, маслобой, горшечникъ, типографщикъ, мѣдникъ, коренщикъ, пѣвецъ, органистъ, шерстобой, сокольникъ, штукатуръ, квасцовый мастеръ, сѣрный мастеръ, площильщикъ, переплетчикъ, портной. — Въ Шлиттовомъ *проэктѣ* письма къ Карлу V-му отъ Іоанна, говорится о соединеніи Церквей, объ учрежденіи почты въ Москву, установленіи Русскаго ордена за отличія, изгнаніи Турковъ изъ Европы. Шлиттъ распространяется о Скиѳахъ, о *Нѣмецкомъ* происхожденіи Рускихъ, ссылается на Космографію Мюнстера, и проч.

только съ 1559 года (212). Но здѣсь все уравнивалось почестями отцу Адашевыхъ, съ 1548 г. бывшему Окольничимъ, а съ 1553 года возведенному въ Бояре. Притомъ, еще съ 1550 года, указомъ Царя былъ нанесенъ смертель-

(212) Курбскій въ своей *Исторіи*, Іоаннъ въ письмахъ къ нему подтверждаютъ неограниченную власть Сильвестра и Адашева. «Мнѣвше насъ неразсудныхъ суща (говоритъ Іоаннъ), и вмѣсто духовныхъ мірская начаша совѣтовати, нашу власть съ насъ снимающе, *ни единыя власти не оставиша*, иде-же своя угодники не поставиша, утвердися дружбами, и вся властію во всей своей волѣ имый, *ничто-же отъ насъ пытая, аки нѣсть насъ*.... Тако убо *во внѣшнихъ*; во внутреннихъ-же, ни въ малѣйшихъ, ни въ худѣйшихъ, глаголю-же до обуща (обуви) и спанья, *вся не по своей волѣ бяху*, но *по ихъ хотѣнію творяхуся*, намъ-же аки младенцемъ пребывающимъ... Или мниши сія быть свѣтлость благочестивая, еже обладатися царству отъ попа невѣжи? Есть вина всѣмъ дѣламъ вашимъ, дабы азъ *словомъ былъ Государь*, а *вы-бъ съ попомъ владѣли*.... Мною владѣсте, и всю власть съ меня снясте, и сами государишася, какъ хотѣли, а съ меня все Государство сняли.» Такъ писалъ Іоаннъ, приводя множество случаевъ, въ которыхъ у него рѣшительно отнята была воля (См. прим. 253). Курбскій *не опровергалъ* сего, ссылался только на мудрость и благо правленія Сильвестра и Адашева. Въ *Царств. Книгѣ*, о Сильвестрѣ (стр. 342): «Бысть священникъ Сильвестръ

ный ударъ гордости Бояръ и Князей, на случай, когда дѣло шло о службѣ государству: въ походахъ и дѣлахъ государственныхъ повелѣно *быть безъ мѣстъ* всѣмъ воеводамъ, и кромѣ *воеводы большаго полка* старшинствомъ

у Государя въ великомъ жалованьи и совѣтѣ духовномъ и думномъ, и *бысть яко все могà, и вся его послушаху, и никтожъ смѣяше ни въ чемъ-же противитися ему,* ради Царскаго жалованья, *указываше бо и Митрополиту, и Владыкамъ, и Архимандритомъ, и Игуменамъ,* и чернецемъ, и попомъ, и Боярамъ, и дьякамъ, и приказнымъ людямъ, а спроста рещи: *всякія дѣла и власти Святительскія и Царскія правяше, и никтоже смѣяше ничтоже рещи ни сотворити не по его повелѣнію;* и всѣми владѣяше обѣма властьми, и Святительскими и Царскими, *якоже Царь и Святитель,* точію имени, и образа, и сѣдалища не имѣяше; ни Святительскаго, ни Царскаго, но поповское имѣяше, но токмо чтимъ добре всѣми, и владѣяше всѣмъ съ своими совѣтники.» — Объ утвержденіи *Стоглава*: «Сія вся писанія посыланы къ Живоначал. Троицѣ въ Сергіевъ мон. къ бывшему Іоасафу Митрополиту (см. прим. 176). . . и призываютъ Благовѣщенскаго попа Селивестра. . . и во всемъ благоразумно разсуждали, и противъ всѣхъ *приговорили* потому-же, что добро тако быти, какъ уложено.» И здѣсь видимъ умъ и власть Сильвестра: онъ не присутствовалъ самъ на Соборѣ, выставляя другихъ. — Полномочіе Іоанна Адашеву (*Собр. Г. Г.* т. II, № 37): «Пожаловалъ его въ Окольничіе и говорилъ ему: «Алексій! взялъ я тебя отъ нищихъ, и отъ

родовъ и мѣстъ не считаться. Далѣе повелѣно всѣмъ Князьямъ именоваться *Княжатами*, пока они не достигнутъ *Боярства*, а именуясь Княжатами мѣстъ между собою и съ другими не имѣть; по достиженіи-же въ Боярство преж-

самыхъ молодыхъ людей, слышахъ о твоихъ добрыхъ дѣлахъ, и нынѣ взыскахъ тебя выше мѣры твоея, ради помощи души моея; *хотя и твоего желанія на сіе нѣтъ*, но обаче азъ возжелахъ, не токмо тебя, но иныхъ такимъ, чтобы печаль мою утолилъ, и на люди моя, Богомъ врученные намъ, призрилъ. Вручаю тебѣ челобитныя пріимати у бѣдныхъ и обидимыхъ, и назирати ихъ съ разсмотрѣніемъ. Да не убоишися сильныхъ и славныхъ, восхитившихъ честь на ся, и своимъ насиліемъ бѣдныхъ и безпомощныхъ погубляющихъ, ни бѣднаго слезамъ ложнымъ и клевещающимъ напрасно на богатыхъ, хотящихъ ложными слезами неправедно оболгати и правымъ быти; но вся испытно разсмотряти и къ намъ истину приносити, бояся суда Божія, и *избрати судей правдивыхъ отъ болярь и отъ вельможъ*.» Мы увидимъ далѣе важныя отношенія Адашева и Сильвестра къ Іоанну въ дѣлахъ; здѣсь скажемъ, что имя Адашева съ 1547 до 1560 года встрѣчается во всѣхъ политическихъ сношеніяхъ Россіи съ иноземцами: *онъ* всегда переговаривалъ съ Послами Польши, Ливоніи, Швеціи, Ногаевъ, Крыма, Даніи; *онъ* ѣздилъ въ Казань, во время послѣднихъ важныхъ переговоровъ въ 1552 и 1553 гг., и *рѣшилъ* судьбу Казанцевъ. Его тесть, тесть его брата, всѣ родные ихъ, были употребле-

нихъ службъ не вспоминать, а считаться только послѣ Боярства, и при всякомъ случаѣ никто кромѣ Царя рѣшенія полагать не долженъ; но царское рѣшеніе всегда неизмѣнно и въ безчестіе никому не ставится. Митрополитъ утвердилъ; Бояре не спорили; зло Мѣстничества являлось послѣ сего безсильно (213). Упомянемъ еще объ одномъ важномъ обстоятельствѣ: кротости и терпимости въ дѣлахъ Церкви—постоянномъ правилѣ мудраго Іоанна

ны могущимъ и благодѣтельнымъ временщикомъ на пользу отечества.

(213) Дополненіе къ *Судебнику* 1550 года. Щербатовъ и Татищевъ жестоко возстаютъ за такое *униженіе* Дворянской чести: послѣдній увѣряетъ, что «приняли слово: *Княжата*, не хотя болѣе и Князьями почитать; но чтобъ сіе нѣсколько видомъ прикрывалось, повелѣли родословную книгу сочинить, въ которой, многіе Княж. роды оставя, знатными Шляхетскими оную наполнили.» Щербатовъ (т. *V*, ч. I, стр. 249) даже не вѣритъ такому униженію. «А если сіе справедливо, то сей единый поступокъ Царя I. В. можно почитать яко наимучительскій, ибо можно-ли что суровѣе быть, какъ лишить имени и преимущества званіе, рожденіемъ самымъ преложеннаго, цѣлое общество твердѣйшихъ подпоръ государства? Сей поступокъ не только мерзостнѣе былъ, нежели самая мысль Калигулы, желающаго единымъ ударомъ всѣмъ Римлянамъ головы отрубить,» и проч. — Почтенный

III-го, которое нарушилъ онъ только въ преклонныхъ лѣтахъ. Сильвестръ и Адашевъ слѣдовали сему правилу. Въ 1553 г. благочестивые люди были смущены ересью какого-то *Матвѣя Башкина*, тѣмъ болѣе, что ей причастными оказались нѣсколько монаховъ, иностранцевъ въ Москвѣ живущихъ, и владыка Рязанскій Кассіанъ, человѣкъ нетрезвый и дерзко порицавшій книгу Св. Іосифа Волоколамскаго о Жидовской ереси. Собранъ былъ Соборъ въ Мо-

Историкъ могъ утѣшиться тѣмъ, что благое намѣреніе Сильвестра и Адашева не имѣло успѣха. Пока они управляли, воля Царя прекращала споры о мѣстахъ, но и тогда сіи споры происходили безпрерывно, въ походахъ, въ совѣтахъ, на пирахъ Царскихъ. Въ *Дополненіяхъ* къ сему тому (статья IX), мы прилагаемъ любопытную выписку изъ Разрядовъ, съ 1559-го по 1585-й годъ, о спорахъ за мѣста и степени. Изъ нея видно, что во время самаго свирѣпаго мучительства Іоаннова, онъ не могъ уничтожить безумной крамолы бояръ и вельможъ своихъ. Эти люди, уже не смѣвшіе буйствовать, какъ буйствовали во времена Шуйскихъ, Бѣльскихъ и Глинскихъ, и ждавшіе для того временъ Царя Годунова и Царя Шуйскаго, довольствовались погубленіемъ враговъ клеветою, низостью предъ Іоанномъ, и мѣлкою суетностью тщеславія. Многія рѣшенія споровъ о мѣстахъ забавны: иногда Царь приказывалъ сказать спорщику, что *онъ дуруетъ, не въ мѣру вретъ*, и проч.

скве; еретиковъ уличили, и удовольствовались только заключеніемъ ихъ и смѣною Kacсіана, щадя жизнь всѣхъ заблудшихся и предоставляя ихъ только церковному покаянію (214).

Укрѣпленіе пограничныхъ областей городами было особенно усилено. Увидимъ *Свіяжскъ*, стѣны коего предвозвѣстили паденіе Казани. Безопася Мещерскую сторону, откуда чаще всего приходили Крымскіе и Ногайскіе хищники, въ 1551 г. построили *Михайловскую* крѣпость въ

(214) *Ист. Г. Р.* т. VIII, прим. 394; *Ник. Лѣт.* VII, 204; *Слов. пис. Дух. чина*, ч. II, стр. 18. Кажется, что здѣсь было начало ереси *Духоборцевъ*— странной смѣси прежнихъ послѣдователей Жидовской ереси, Мистиковъ, Лютеранъ и Социніанъ. Въ дѣло по этой ереси замѣшанъ былъ Ѳеодоритъ Архимандритъ, духовникъ Курбскаго, и за то Курбскій ругаетъ всѣхъ бывшихъ на Соборѣ, называя Епископовъ *пьяницами*, а о монахахъ говоря: «таковъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ, паче-жъ въ оной (Русской) землѣ, презлый и любостяжательный, лукавства исполненъ мнишескій чинъ, во истину всякихъ татовъ горьше, понеже къ лютости вселукавъ зѣло» (*Сказ. Курбск.* II, 181). Ересь не прекратилась Соборомъ, и въ 1566 г. Зиновій, ученикъ Максима Грека, написалъ цѣлую книгу на Ѳеодосія Косаго, ученика Башкина, распространявшаго зловѣріе свое въ Бѣлоруссіи. (*Слов. пис. Дух. чина*, I, 187). Еще другой Соборъ былъ въ Москвѣ, 1554 года, на ересь *иконоборца* Ивана Мих.

Рязанской, а въ 1552 г. *Шатскую* крѣпость въ Мещерской сторонѣ; Тулу заслонили Дѣдиловскою крѣпостью въ 1553 году, а въ 1556 г. построили крѣпость въ Галичѣ (215). Особенное вниманіе обращено было на *Казацкую* орду, изъ кочевой сдѣлавшеюся тогда осѣдлою по берегамъ Дона. Здѣсь видимъ первое настоящее начало *Донскихъ Казаковъ.*

Мы уже говорили о началѣ Казацкихъ ордъ, общемъ *Казакамъ всѣхъ названій*, подъ какими они ни появлялись, Азовскихъ, Ордынскихъ, Городецкихъ, Мещерскихъ, Волжскихъ, Днѣпровскихъ, Литовскихъ. Зная имя *Казаковъ* съ половины XV-го вѣка, мы видѣли постоянное основаніе Казаковъ Днѣпровскихъ въ концѣ сего столѣтія, а съ начала XVI-го ихъ буйные набѣги, ихъ дерзкіе подвиги, подъ начальст-

Висковатаго. Описаніе сего Собора, хранится въ Іосифовской Волоколамской библіотекѣ (*Обозрѣніе Кормчей книги*, Бар. Розенкампфа, стр. 145). Но Висковатой оставался въ милости у Іоанна, и казненъ былъ уже въ 1570 г., совсѣмъ по другому дѣлу.

(215) *Михайловъ* названъ былъ потому, что при закладкѣ церкви нашли въ землѣ икону Михаила Архангела, древняго письма, въ серебряной ризѣ; ее приносили въ Москву, и потомъ отпустили съ почестью (*Ник. Лѣт.* VII, 85).

вомъ Дашковича и Ланцкоронскаго, сдѣлавшіе поселенія Казаковъ оплотомъ Польши и Литвы, грозою Москвы и Крыма.

Совѣтники Іоанна поняли, кажется, всю пользу, какую извлекала уже въ сіе время Польша отъ Днѣпровской Казацкой республики. Не владѣя Кіевомъ, не льзя было въ семъ отношеніи соперничать съ Польшею, хотя Православное исповѣданіе являлось отличительною чертою Казацкаго быта, и, слѣдовательно, могло расположить Казаковъ болѣе къ Рускимъ, нежели къ Полякамъ. Но тѣмъ старательнѣе думали теперь: какимъ образомъ извлечь подобныя выгоды отъ Донскихъ Казацкихъ полчищъ?

Вѣроятно, Донскіе Казаки усилились въ сіе время и получили основный характеръ свой отъ политическихъ дѣйствій Россіи съ половины XV-го столѣтія. Съ распространеніемъ Московской власти за Окою, въ Рязанской и Мещерской сторонѣ, Казацкая жизнь должна была изчезать въ сихъ мѣстахъ, и толпы удальцовъ, раздѣльно кочевавшія здѣсь, принуждены были отдвигаться далѣе, по берегамъ Дона и Донца. Съ другой стороны, погибель Золотой Орды давала имъ болѣе раздолья и безопасности заводить по Дону осѣдлую жизнь, когда въ тоже время Днѣпровскіе ихъ товарищи были важнымъ для нихъ отвлеченіемъ противъ набѣговъ Крымскихъ на берега Дона.

Мы упоминали о многихъ случаяхъ, гдѣ являлись уже Донскія Казацкія сборища. Съ 1549 г. узнаемъ наконецъ имя одного изъ первобытныхъ Атамановъ Донскаго Казачества: это былъ нѣкто *Сарыазманъ.* Ногайскій Ханъ жаловался въ 1549-мъ году, что Сарыазманъ, навая себя подданнымъ Русскаго Царя, построилъ себѣ три, или четыре городка. Ханъ извѣщалъ, что и Султанъ Турецкій оскорбляется дерзкими поступками Казаковъ, живущихъ на Дону и подвластныхъ Русскому Государю; что отъ нихъ «бываетъ всюду обида великая» —поля и рѣки ими отняты, Донъ въ ихъ власти, и Азову приходится опустѣть отъ ихъ разбоевъ: «безъ оброка и подати, они не дадутъ изъ Дона воды напиться. Не уже-ли пришли тѣ времена, когда сбудется пророчество, что рука Русскаго Царя Ивана будетъ высока надъ Музульманами?» Такъ жаловался Ханъ, повторяя слова Султана. Изъ Москвы все еще отвѣчали на подобныя жалобы, что Донскіе Казаки неподвластны Русскому Царю, что поле Донское широко и пространно, и ходятъ по немъ Крымскіе, Казанскіе, Азовскіе и другихъ сторонъ *баловни.* Если съ ними и соединяются изъ Русской *украйны* люди, то всѣ такіе люди суть воры и разбойники своевольные, на лихо никто ихъ не учитъ, и гдѣ-же лихихъ людей нѣтъ? И какъ можетъ Рус-

скій Царь наказывать ихъ, если они, учинивъ зло, разбѣгаются кто куда попало? — Но покровительство Русское было слишкомъ явно; ни Ногаи, ни Крымцы не вѣрили отговоркамъ Московскимъ. Вѣроятно, къ городкамъ, построеннымъ Сарыазманомъ, должно причесть Донскіе *Раздоры*, сторожевое мѣсто, изъ котораго удальцы Донскіе тѣснили Азовцевъ и перебивали дорогу въ Крымъ (216).

Покровительство Москвы Донскимъ Казакамъ, въ это время, подтверждается еще болѣе тѣмъ, что совѣтники Іоанна вскорѣ нашли средство обратить въ пользу Руси самыхъ

(216) См. выше, прим. 20, 21; Нагайскія дѣла (*Продолженіе Вивліоѳики*, т. VIII). Слова Султана: «въ нашихъ бусурманскихъ книгахъ пишется, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго Царя Ивана рука надъ бусурманы высока; уже-де и мнѣ отъ него обида великая: поле-де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Донъ отнялъ, да и Азовъ городъ пустъ у меня доспѣлъ, поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Дона оброкъ емлютъ, и воды изъ Дона пити не дадутъ.»... Съ сего времени, при завоеваніи Астрахани, въ дѣлахъ съ Крымомъ и съ Ногаями, имя Донскихъ Казаковъ является безпрерывно. Узнаемъ имена Атамановъ: *Ѳедора Павлова*, *Ляпуна*, *Гаврила Слѣпецкаго*, *Семена Высоцкаго*, удалыхъ товарищей Вишневецкаго и Даніила Адашева.

Днѣпровскихъ Казаковъ. Не смотря на важныя заслуги Дашковича и Ланцкоронскаго, Польша все еще не умѣла извлечь надлежащей пользы изъ удальцовъ Днѣпровскихъ: только помогала имъ оружіемъ, снарядами, давала имъ земли для жительства; но Сигизмундъ, старый и слабый, не въ состояніи былъ сдѣлать того, что въ послѣдствіи сдѣлалъ Баторій. Дѣла и подвиги Казаковъ являлись изумительны, хотя и безпорядочны. Доказавъ отвагу и важность Казаковъ набѣгомъ на Русь послѣ Оршинской битвы, походомъ на Аккерманъ (1516 г.), на Москву съ Махметомъ (1521 г.), на Крымъ послѣ своего плѣна (1523 г.) и битвы подъ Соколомъ (1528 г.), Дашковичъ опять участвовалъ въ нападеніяхъ Татаръ на Сѣверскую область (1534 г.). Но прежде этого, онъ и Ланцкоронскій ссорились съ Крымомъ, ходили до самаго Очакова и отгоняли многочисленные табуны Татарскіе. Въ 1531 г. Ланцкоронскій умеръ. Во время безпрерывныхъ ссоръ Ислама и Сайдета, Исламъ бѣжалъ въ 1532 г. въ Черкасы, и Дашковичъ выдержалъ сильную осаду въ своемъ ничтожномъ городкѣ, не сдавался, и наконецъ разбилъ войско Сайдета, осаждавшее Черкасы. На Піотрковскомъ сеймѣ сей опытный вождь предлагалъ средства навсегда отвратить набѣги Крымцевъ на Польшу, но его не слушали. Дашковичъ умеръ вскорѣ послѣ

знаменитаго Князя Константина Острожскаго, скончавшагося въ 1533 году. Имена бывшихъ послѣ него начальниковъ Казацкихъ неизвѣстны. Знаемъ, что въ 1534 г. какой-то *Венцеславъ* разбилъ съ Казаками Крымскую толпу подъ Заславомъ; но былъ-ли онъ главнымъ начальникомъ Казаковъ — извѣстій нѣтъ. Всего вѣроятнѣе, что до храбраго *Князя Димитрія Вишневецкаго* Казаки уже не были соединены подъ рукою одного сильнаго вождя (217). Поселенія ихъ въ Польской землѣ отдѣлились отъ кочевыхъ Казаковъ по берегамъ Днѣпра, къ порогамъ, и далѣе. Это раздѣляло дѣйствіе Казаковъ, и Рускіе успѣли на время сдѣлать себѣ союзниковъ изъ непримиримыхъ воиновъ

(217) *Ист. Малороссіи*, Б. К. т. I, стр. 118—126. *Каневъ*, *Черкасы* и *Чигиринъ* за Днѣпромъ были уже въ сіе время *городами Казаковъ*; у Днѣпровскихъ пороговъ и по лѣвую сторону Днѣпра жили только отчаянные *наѣздники* и *удальцы*. Сеймъ Піотрковскій былъ въ 1532 году, и Дашковичъ предлагалъ на этомъ Сеймѣ (что послѣ того предложилъ Іоанну Вишневецкій): укрѣпить пороги, устроить 2-хъ тысячную стражу Казацкую въ лодкахъ по Днѣпру, и 500 Казаковъ сухопутной стражи, обѣщаясь послѣ сего никогда не перепускать Крымцевъ за Днѣпръ. К. К. Острожскій погребенъ въ Кіевскомъ Печерскомъ монастырѣ.

Дашковича, не оскорбляя Польши, и поддерживая перемиріе, заключенное въ 1537 году, и подтвержденное въ 1542 и 1545 гг.

Управляя Польшею съ 1544 года, Сигизмундъ Августъ, былъ уже Королемъ Польши съ 1548 г., когда умеръ престарѣлый отецъ его. За терпимость вѣръ, любовь къ наукамъ, добродушіе и щегольство, современники хвалили Августа, но частныя добродѣтели не препятствовали ему быть Государемъ слабымъ, нерѣшительнымъ, допускавшимъ своеволія подчиненныхъ и не умѣвшимъ остановить честолюбивыхъ предпріятій сосѣдей, хотя нѣсколько разъ онъ увлекался въ войну по причинамъ ничтожнымъ. Августъ желалъ мира съ Русскими, вступивъ на престолъ отца, но медлилъ подтвержденіемъ прежняго перемирія. Правители Руси напомнили ему, что срокъ перемирія уже вышелъ. Въ 1549 г. Послы Польскіе пріѣхали въ Москву, спорить объ условіяхъ, о новомъ Царскомъ титулѣ Іоанна, но перемиріе было однакожъ утверждено (218).

(218) Выше, прим. 187.—*Дѣла Польскія* (Ист. Г. Р. VIII, прим. 213, 214, 248). Посла Сигизмундова въ 1549 г. упрекали въ нелѣпости его требованій. «Что же мнѣ дѣлать?» отвѣчалъ онъ — «Посолъ что мѣхъ: что въ него положатъ, то онъ и несетъ!» Не при-

Правителямъ Русскимъ надобно было поддержать миръ съ Польшею, ибо другія предпріятія увлекали ихъ вниманіе: они хотѣли управиться съ Крымомъ, Казанью, Ногаями. Предпріятія ихъ были дальновидны, обширны, ведены съ твердою рѣшительностію.

Саипъ скоро замѣтилъ, что управленіе Русскою землею уже не прежнее. Онъ успѣлъ захватить Астрахань, опустошилъ ее, вздумалъ горделиво писать къ Іоанну, называя себя пове-

знавая Царскаго титула Іоаннова, Король не соглашался притомъ отпустить плѣнниковъ Русскихъ, даже не взялъ 2000 рублей за Князей Ѳедора Оболенскаго и Мих. Булгакова-Голицу. Первый былъ плѣнникомъ въ Польшѣ съ 1535 году, второй съ самой Оршинской битвы (1514 г.). За то Рускіе отказались впускать къ себѣ Евреевъ, о которыхъ ходатайствовалъ Сигизмундъ. «Сіи враги Христіанства губятъ душу и тѣло народа, между которымъ живутъ» — отвѣчали ему, и грозили не называть его Королемъ, если онъ не дастъ Русскому Государю титула Царскаго. Споры о титулѣ продолжались еще долгое время, и почти безпрестанно. Желая въ послѣдствіи угодить Іоанну, Король прислалъ въ Москву, въ 1552 г., Князя Булгакова безъ выкупа. Освобожденный послѣ 38-ми лѣтняго плѣна, старецъ только плакалъ, когда его встрѣтили съ почестью во дворцѣ Государя; онъ остался послѣ сего въ великомъ почетѣ (см. прим. 228).

лителемъ Астраханцевъ и Ногаевъ; наконецъ обезчестилъ Посланника Русскаго въ Крыму, и нагло требовалъ золота. Ему отвѣчали презрѣніемъ и посадили въ тюрьму его Посланниковъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ. Саипъ грозилъ набѣгомъ на Москву (въ 1551 году); выставлено было охранительное войско въ Коломнѣ; самъ Іоаннъ выѣхалъ осматривать его и Саипъ отложилъ походъ свой. Онъ уговаривалъ Ногаевъ идти на Русь; недовольные скупостью Русскаго Царя, тѣмъ, что онъ не даетъ управы на Казаковъ и хочетъ рѣшительно дѣйствовать противъ Казани, Ногаи явились въ Русскихъ предѣлахъ, зимою 1551 года. Ихъ разбили и разогнали въ Рязанскихъ и Мещерскихъ областяхъ; Донскіе Казаки преслѣдовали ихъ потомъ до самой Волги; жестокіе морозы и глубокіе снѣга погубили остальныхъ; только 50 человѣкъ и двое Мурзъ воротились во свояси. Тщетно послѣ того заступались Ногаи за Казань, не смѣя дѣйствовать оружіемъ (219).

(219) *Дѣла Крымскія* (Карамзинъ VIII, прим. 215, 216, 217); *Ник. Лѣт.* VII, 70, 71. Саипъ варварски обходился съ Русскимъ Посланникомъ, подьячимъ Ляпуномъ: ему зашили носъ и уши, и водили его по городу нагаго; получивъ подарки, Ханъ потребовалъ ихъ въ тридевять разъ болѣе, и проч.

До сихъ поръ мы не говорили о Казани, сказавъ о низверженіи Шихалея, новомъ воцареніи Сафа-Гирея, и ничтожномъ походѣ на Свіягу, въ 1546 году. Представляемъ здѣсь рядъ всѣхъ послѣднихъ событій Казанскихъ, съ 1546 года до самаго паденія сего царства Монголовъ, коего начало ознаменовалось несчастіемъ прадѣда Іоаннова, которое послѣ сего, болѣе ста лѣтъ, было непримиримымъ врагомъ Русской земли, иногда покорнымъ, но всегда враждебнымъ, и всегда вредоноснымъ для Приволжья, сѣверныхъ Русскихъ областей, всегда готовымъ соединиться съ Крымомъ и другими соотчичами на пагубу Руси. Съ самаго начала своего царствованія, великій дѣдъ Іоанна наложилъ на Казань тяжелую руку (1469 г.); съ 1487 года Цари Казанскіе сдѣлались ему подвластными, и знамена Русскія въ первый разъ вѣялись тогда на стѣнахъ Казани. Но еще при жизни Іоанна Казань возстала снова (1505 г.), и съ тѣхъ поръ, въ теченіе полувѣка, и при Василіи, и при владычествѣ Бояръ въ малолѣтство Іоанна, она была неукротима и своевольна. Саипъ являлся въ 1521 г. даже близъ Москвы. Раскаяніе Магметъ Аминя, покорность Еналея, двукратное постановленіе на Казанскій тронъ Шихалея, ничто не помогало. Сафа-Гирей, въ юности отбившій Рускихъ отъ Казани (1524 г.), дважды сверженный, теперь

въ претій разъ властвовавшій Казанью, не слушалъ увѣщаній, не боялся войны.

Правители Руси испытали всѣ средства, въ теченіе пяти лѣтъ. Дѣла внутреннія не мѣшали имъ дѣйствовать сильно и смѣло, не робѣя отъ многихъ неудачныхъ предпріятій, не страшась войны и не отвергая мира. Эти пять лѣтъ были обильны событіями, и мы видимъ въ сихъ событіяхъ истинное изображеніе народа, клонящагося къ паденію, когда страсти бываютъ безумны, и, кажется, что все соединено бываетъ для погибели — дѣла, люди, случаи, удачи и неудачи. . . .

Неукротимый Сафа-Гирей погибъ въ началѣ 1549 года, жертвою неумѣреннаго пристрастія къ пьянству: бывши пьянъ, онъ хотѣлъ освѣжиться холодною водою, запнулся за умывальницу, упалъ и разбилъ себѣ голову. Умирая, онъ успѣлъ сказать своимъ подчиненнымъ, что они должны повиноваться двухъ-лѣтнему Утемышу, сыну его, отъ любимой жены, Сумбеки, дочери Ногайскаго Хана Юссуфа. Казанцы присягнули Утемышу; отъ имени его прислали въ Москву (въ Іюнѣ 1549 г.) говорить о мирѣ; но въ тоже время Казаки перехватили гонцовъ Казанскихъ, ѣхавшихъ къ Крымскому Хану, съ просьбою — дать имъ въ Цари, вмѣсто малолѣтнаго ребенка и юной,

сластолюбивой его матери, кого нибудь изъ Крымскихъ Царевичей (220).

Не давать мира Казани и идти на нее походомъ немедленно, зимою, пока враги не приготовились къ отпору: таково было рѣшеніе Правителей Русскихъ. Самъ Іоаннъ, въ Ноябрѣ, отправился изъ Москвы; Дмитрій Бѣльскій былъ главнымъ воеводою. Митрополитъ пріѣхалъ во Владиміръ благословить войско. Не смотря на жестокую зиму, въ Январѣ 1550 г., Іоаннъ пошелъ на Казань. Полки сбирались и шли медленно; только въ Февралѣ — въ первый разъ — Казань увидѣла Царя Русскаго подъ своими стѣнами, и — къ несчастію, предпріятіе оказалось неудачно. Хотѣли застать Казанцевъ въ расплохъ — они успѣли приготовиться, призвать Крымцевъ; хотѣли въ одинъ приступъ взять городъ — битва, цѣлый день продолжавшаяся, ничего не рѣшила, и только привела войско въ уныніе. Жестокіе холода вдругъ заступила сырая погода; сдѣлалась оттепель, пошелъ дождь; порохъ промокалъ и негодился къ употребленію; опасались недостатка въ съѣстныхъ припасахъ. Къ радости Казанцевъ, къ досадѣ Рускихъ,

(220) Казанск. Лѣт.; Царственная книга.

войска принуждены были снять осаду. Іоаннъ показывалъ твердость духа, оставался въ заднихъ полкахъ, и при его личномъ присутствіи, Рускіе, отступая, отражали непріятеля, который старался преслѣдовать ихъ легкими отрядами (221).

Неудача произвела общее уныніе въ душахъ; говорили даже, что и на сей разъ Дмитрій Бѣльскій измѣнилъ, обманулъ неопытнаго Государя; другіе увѣряли, что Казань защищена была волхвованіемъ; многіе осуждали намѣреніе идти въ походъ зимою, когда въ прежнее время Рускіе всегда хаживали на Казань лѣтомъ (222).

Не уважая народныхъ толковъ, Правители положили продолжать усиленныя предпріятія противъ Казанцевъ. Немедленно употребили въ дѣло одно изъ вѣрныхъ средствъ ослабить силу Казанцевъ, имѣть возможность наблюдать

(221) Ник. Лѣт. VII, стр. 66 — 70.

(222) Неудачу многіе приписывали чародѣйству Казанцевъ. О Бѣльскомъ говорили потомъ, что Казанцы въ набѣгахъ своихъ не грабятъ его помѣстьевъ, «но около ихъ обхожаху, и ни единаго куряти не взимаху» (*Каз. Лѣт.*). Бѣльскій умеръ по возвращеніи изъ похода.

за каждымъ ихъ движеніемъ, каждою враждебною мыслію: часть Русскаго войска поворотила обратно къ Казани. Князья Булгаковъ, Микулинскій, Палецкій, братъ Царицы Даніилъ Захарьинъ, Бояре Ѳедоровъ, Морозовъ, Хабаровъ, предводили войскомъ; Мещерскіе Казаки были посланы съ Княземъ Хилковымъ; изъ Нижняго пошелъ Князь Серебряный-Оболенскій; Вятскихъ стрѣльцовъ и Казаковъ повелъ Бахтеяръ Зюзинъ. Мая 16-го Серебряный сталъ на устьѣ Свіяги, и черезъ два дня сдѣлалъ сильный поискъ въ окрестностяхъ Казани. Въ тоже время отецъ Алексія Адашева и Шихалей принялись за исполненіе новаго предпріятія: на устьѣ Свіяги, въ 30-ти верстахъ отъ Казани, они ставили новый городъ, назвавъ его, во имя Іоанна, Ивангородомъ. Крѣпостныя стѣны, церкви, домы привезены были туда на судахъ. Заложивъ городъ, объявили всю окрестность и горную сторону Волги *землею Русскою*. Шихалей назначенъ былъ Намѣстникомъ Государевымъ. Казанцы изумились, почувствовали всю важность сильнаго охраннаго войска, которое постоянно останется въ Свіяжскѣ. Окрестные народы, Черемисы, Мордва, Чуваши, присягнули на вѣрность Русскому Царю, и даже нападали на Казань, въ доказательство своей преданности. Кругомъ всей Казани облегали такимъ образомъ Русскія земли;

Казань была стѣснена пресѣченіемъ подвозовъ, прекращеніемъ торговли. Думали, что она безъ войны сама преклонитъ голову (223).

Такъ и сдѣлалось, по видимому; но слѣдствія не соотвѣтствовали доброму началу.

Раздоры и смятенія раздирали Казань болѣе и болѣе. Одни изъ ея жителей и чиновниковъ держали сторону Утемыша и Сумбеки; другіе были на сторонѣ Крымскаго Хана; третьи составляли крамолу Астрахани и Ногаевъ, увѣряя, что въ Астрахани и у Ногаевъ надобно искать помощи, а Крымскій Ханъ далеко отъ нихъ и ничего сдѣлать не можетъ. Наконецъ, сильная партія хотѣла требовать милосердія Русскаго Царя, съ ужасомъ указывая на стѣны Свіяжска, наполненныя Русскимъ войскомъ. Противники ихъ несоглашались, напоминали неудачный походъ Русскихъ въ 1550 году, когда самъ Царь Московскій безуспѣшно нападалъ

(223) *Царств. книга*; *Сказ. Курбскаго*, I, 14, 15, *Ник. Лѣт.* VII, стр. 72 — 81. Лѣсъ рубили и срубы церквей и домовъ дѣлали для Свіяжска въ Углицкомъ уѣздѣ. Пишутъ, что самъ Іоаннъ выбралъ мѣсто для Свіяжска, возвращаясь изъ Казани и осматривая гору среди дремучаго лѣса, между устьемъ Свіяги и Щучьимъ озеромъ. Закладка города происходила по благословенію Митрополита, съ большимъ торжествомъ.

на Казань. Смятенія умножались еще соперничествомъ Казанцевъ и Крымцевъ, составлявшихъ Дворъ и дружины Утемыша, вмѣстѣ съ Ногаями. Дерзновеннѣе другихъ являлся Уланъ Кощакъ, любовникъ Сумбеки, храбрый и смѣлый воинъ. Но близость опасности отъ Русскихъ превозмогла наконецъ всѣ другія отношенія. Сумбеки не слушались. Кощакъ и его сообщники, принуждены были бѣжать, обратились на Каму, потомъ на Вятку; вездѣ встрѣчали они Русскую стражу; повсюду ловили, убивали бѣглецовъ; Кощакъ, взятый въ плѣнъ, былъ привезенъ въ Москву и казненъ.

Тогда явилось посольство Казанцевъ въ Свіяжскѣ, умоляя Шихалея снова пріѣхать въ Казань и царствовать; въ доказательство вѣрности, соглашались выдать Рускимъ Утемыша, Сумбеку, всѣхъ плѣнныхъ Рускихъ, находившихся въ Казани, и не имѣть отнынѣ никакихъ сношеній съ Крымомъ и Ногаями. Дѣло казалось столь важно, что самъ Алексій Адашевъ отправился въ Свіяжскъ. Послѣ многихъ смятеній, Шихалей снова былъ объявленъ Царемъ Казанскимъ; но Адашевъ возвѣстилъ ему, что онъ будетъ владѣть только луговою стороною Волги. «Какой-же я буду Царь, и кто станетъ меня слушаться!» возражалъ Шихалей, но тщетно; еще болѣе было запрудне-

нiй въ выдачѣ Сумбеки. Даже самые враги Царицы, чувствовали позоръ такого поступка. Добровольно отдать въ руки непрiятеля, который еще такъ недавно безъ успѣха удалился отъ стѣнъ Казани, и кого-же отдать ему? Царицу Казанскую, и Царя младенца, сына храбраго Сафа-Гирея! И за то надобно было съ покорностiю принять Царемъ, рабствующаго Москвѣ, ненавистнаго Шихалея! — «Воля ваша, и я не отнимаю отъ васъ произвола,» отвѣчалъ на всѣ возраженiя Адашевъ, «но знайте, что при отказѣ, Царь Русскiй и сильное его воинство явятся подъ Казанью.» Слова были рѣшительны. Оставалось повиноваться.

Князь Серебряный приплылъ изъ Свiяжска, и съ почестью принялъ Сумбеку, Утемыша и знатныхъ Казанцевъ, отправлявшихся съ ними. Вся Казань подвигнулась провожать свою Царицу; всѣ плакали, когда она, подъѣхавъ къ Волгѣ на великолѣпной колесницѣ, смиренно вышла, низко поклонилась Русскому воеводѣ, сѣла на приготовленныя суда, со всею свитою, и струи Волжскiя вскорѣ унесли ее изъ вида; казалось, что онѣ унесли на вѣки славу и самобытность Казани. Въ Москвѣ приняли Сумбеку торжественно (Сентября 5-го 1551 г.); называли ее Царицею; оставили при ней ея сопутниковъ.

Августа 13-го Шихалей явился подъ Казанью, съ Русскими сановниками. Новый споръ началъ онъ объ уступкѣ Рускимъ горной стороны Волги. « Стараго не воротить; горной стороны вамъ не отдадутъ ! » упорно говорили Шихалею и Казанцамъ. Вскорѣ пріѣхалъ въ Москву Даніилъ Адашевъ, съ извѣстіемъ отъ брата, что 16-го Августа окончена была присяга Казанцевъ и Шихалей царствуетъ въ Казани, а Русскіе плѣнники, бывшіе въ неволѣ Казанской, освобождены. Алексій Адашевъ, Захарьинъ и Князья Хилковъ и Булгаковъ воротились зимою, извѣстивъ объ укрѣпленіи Свіяжска войскомъ, объ оставленіи у Шихалея Рускихъ дружинъ, съ Хабаровымъ; Князь Микулинскій остался въ Свіяжскѣ. « Казань покорена безъ пролитія крови Христіанской, » съ радостью говорили въ Москвѣ, и всюду велѣно было пѣть благодарственные молебны и звонить въ колокола (224).

(224) *Каз. Лѣт.; Ник. Лѣт.* — Въ первомъ находимъ множество вымышленныхъ подробностей объ отдачѣ Сумбеки Рускимъ. Вотъ, для примѣра, обращеніе плѣнной Царицы къ Казани: «Горе, горе тебѣ, градъ кровавый и унылый! Спаде вѣнецъ съ главы твоея, и яко вдова являешися, осиротѣвши, и рабъ еси, а не Государь: прейде бо слава твоя, ты-же изне-

Но Адашевъ не предвидѣлъ, что безжалостно лишая Казань всѣхъ основаній самобытности, оставляя ей только тѣнь царства и власти, онъ возбудитъ послѣдній порывъ отчаянія жителей. Вскорѣ опять начались ссоры и жалобы; въ Москву пріѣхали знатные Казанцы, доносить о жестокости правленія Шихалеева. Шихалей отослалъ отъ себя Хабарова, увѣряя, что присутствіе его возбуждаетъ негодованіе Казанцевъ; его укоряли изъ Москвы, что онъ не возвращаетъ свободы многимъ Русскимъ плѣнникамъ; онъ отвѣчалъ, что Казанцы тайно укрываютъ ихъ, и опять требовалъ отдачи горнаго Приволжья. Въ тоже время, жестокое

могши падеся, яко звѣрь неимущій главы! Не срамъ ти есть: аще бы и *Вавилонскіе* столпы и *Римскія* стѣны имѣлъ еси, то никако отъ таковаго Царя сильнаго устояти не возмоглъ-бы еси. Царство Царемъ премудрымъ самодержится, а не стѣнами и столпами. Царь твой сильный умре и воеводы изнемогоша. Гдѣ нынѣ твои Царскіе пирове и веселія? Гдѣ Улановъ твоихъ и Князей красованіе и величаніе? Гдѣ младыхъ женъ и красныхъ дѣвицъ ликовъ и пѣсни и плясаніе? Въ тебѣ рѣки медвяныя и потоцы *винные* течаху; нынѣ-же людей твоихъ крови проливаются и слезъ горячихъ источницы протекаютъ, и не изсякнутъ, и мечъ Русскій не отымется, дондеже въ тебѣ вся люди твоя изгибнутъ. Увы, мнѣ! Гдѣ возьму

дѣло Шихалея подтвердило жалобы Казанцевъ на его свирѣпое правленіе: онъ созвалъ на пиръ знатныхъ вельможъ Казанскихъ, и вѣроломно предалъ ихъ убійцамъ; избранная дружина его и стрѣльцы Московскіе перерѣзали изъ числа созванныхъ гостей болѣе 70-ти человѣкъ.

Адашевъ поспѣшно отправился въ Казань. Шихалей оправдывался въ злодѣйствѣ открытіемъ заговора, по которому будто-бы хотѣли призвать въ Казань Ногаевъ. «Если такъ, то и теперь ты еще не безопасенъ,» хладнокровно отвѣчалъ Адашевъ. «Надобно ввести въ Казань Русское войско.» Тогда Шихалей принужденъ былъ признаться въ истинѣ, что послѣ сего онъ не согласится владѣть Казанью. «Бывъ музульманинъ, я не могу видѣть послѣдняго разрушенія древняго и знаменитаго убѣжища музульманскихъ народовъ. Или отдай-

птицу борзолетающую, глаголющую языкомъ человѣческимъ, да пошлю къ отцу моему и къ матери, да возвѣститъ случившееся чаду ихъ?» — Сумбека могла плакать еще хитрѣе и словоизвитистѣе; но это совсѣмъ *не Восточный языкъ*: она не могла ни говорить о *винныхъ* потокахъ, ни упоминать о *Римскихъ стѣнахъ* и *Вавилонскихъ столпахъ*. Впрочемъ, весь этотъ отрывокъ любопытенъ, какъ памятникъ *Русской* Словесности XVI-го вѣка.

те мнѣ полную власть, независимость Казани, горнее Приволжье, и я самъ управлюсь съ непокорными мнѣ, или я оставляю Казань — дѣлайте, что угодно. Могу оказать послѣднюю услугу Царю Русскому: перерѣжу главныхъ вельможъ, заколочу пушки, истреблю запасы пороховые — берите Казань беззащитную.» Адашевъ отправился въ Москву, совѣтоваться о рѣшительной мѣрѣ для окончанія дѣлъ. Онъ предлагалъ свести Шихалея съ престола, объявить Казань подвластнымъ Россіи городомъ, ввести въ нея Русское войско, оставя свободу и вѣру музульманамъ. Царь и совѣтъ его одобрили распоряженія Адашева; онъ еще разъ поѣхалъ въ Казань. Употребили благовиднымъ предлогомъ для новаго распоряженія враговъ Шихалея, бывшихъ въ Москвѣ: имъ велѣли *бить челомъ Іоанну*, да сведетъ онъ Шихалея, да будетъ Казань областью Русскаго Царя, ибо въ противномъ случаѣ новыя смятенія погубятъ и Казань и Шихалея. Ненавидя своего повелителя, бѣглецы Казанскіе согласились на все.

Въ Февралѣ 1552 г. Адашевъ прибылъ въ Казань, не смотря на опасеніе лишиться жизни, ибо пріѣздъ его казался жителямъ Казани смертнымъ приговоромъ царства Казанскаго. Старикъ Шихалей слушалъ слова Адашева съ горестію. «И такъ, наступаетъ часъ, когда

падетъ Казань!» говорилъ онъ. «Но не требуйте, чтобы я сдалъ вамъ мое царство; позвольте мнѣ оставить его и берите безъ меня. Самому мнѣ сдать Казань не достаетъ силъ!» Марта 6-го Шихалей выѣхалъ изъ Казани, съ большою свитою, на рыбную ловлю; остановился, велѣлъ схватить 84 человѣка изъ своей свиты, и грозно объявилъ, что везетъ ихъ на судъ въ Москву, ибо товарищи ихъ обвиняли его предъ Царемъ Московскимъ; сопровождаемый Русскими стрѣльцами, прибылъ онъ въ Свіяжскъ, гдѣ ожидалъ его Адашевъ съ товарищами.

Казань являлась беззащитною сиротою; безмолвно внимали Казанцы объявленію, что *по прошенію* ихъ, Царь Русскій пріемлетъ ихъ подъ свою высокую власть, и что Русское войско идетъ изъ Свіяжска занять ихъ древній, знаменитый городъ. «Когда-же просили мы?» спрашивали Казанцы. Адашевъ, Серебряный и Микулинскій выступили съ войскомъ изъ Свіяжска; посланные впередъ уже приводили Казанцевъ къ присягѣ. Роковая минута вѣчной покорности наступала. Но, когда полки Русскіе явились подъ Казанью, послѣдняя искра любви къ отечеству и народной гордости вспыхнула въ сердцахъ; отчаяніе уничтожило всѣ ссоры, примирило всѣ пар-

тіи. «Не отдаемъ Казани; Руские идутъ перерѣзать музульманъ; пусть-же съ бою возьмутъ они нашъ правовѣрный городъ!» Таковы были клики, раздававшіеся въ Казани. Все возстало. Русскіе воеводы пришли къ стѣнамъ Казанскимъ съ своими отрядами, и въ изумленіи увидѣли, что ворота городскія заперты; многочисленный народъ стоитъ на стѣнахъ, въ оружіи, готовый къ битвѣ. Дерзко отвѣчали Казанцы на всѣ мирные совѣты и увѣщанія, и 12-го Марта 1552 г. воеводы Русскіе были уже въ Свіяжскѣ. Адашевъ отправился въ Москву (225).

«Казань должно покорить оружіемъ, и уничтожить, единожды и навсегда, сіе гнѣздо бунта и мятежей! Идти немедленно Царю и воинству, пока не собрались враги Русской земли защищать Казань.» — Таковъ былъ рѣшительный голосъ Адашева, съ которымъ согласились Іоаннъ, вся дума Боярская, и который обрадовалъ всѣ воинскія дружины, весь народъ. «Идемъ истребить враговъ Христіанства и измѣнниковъ нашего Государя! Благословенно намѣреніе Царя!» говорили повсюду, когда дѣя-

(225) *Ник. Лѣт.* VII, 87 — 102; *Синод. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 242, 243).

тельно начались обширныя приготовленія, начали двигаться войски и воинскіе снаряды. Шихалей, принятый въ Москвѣ съ особенною ласкою, одаренный, пожалованный многими милостями и выпросившій себѣ въ супруги Сумбеку, по волѣ Іоанна, спорилъ о неудобствахъ лѣтняго похода. Его не слушали; отправили его въ Касимовъ набирать войско. Воспоминая о трудностяхъ похода въ 1550 году, Іоаннъ желалъ остаться въ Москвѣ; многіе подкрѣпляли его мнѣніе, указывая на опасность отъ Ногаевъ, Крыма, Польши; даже Анастасія, беременная въ то время, умоляла Іоанна остаться. Адашевъ и друзья его думали иначе; хотѣли, чтобы Царь непремѣнно былъ при войскѣ, и ихъ мнѣніе превозмогло (226).

Здѣсь приступаемъ мы къ описанію событія, которое не было ни особенно велико по сущности своей, какъ паденіе Золотой Орды при Іоаннѣ III-мъ, ни внезапно, или ознаменовано геройствомъ, подобно Куликовской битвѣ, ибо

(226) Лѣтописи говорятъ противное; Курбскій молчитъ; но самъ Іоаннъ, въ письмѣ къ Курбскому сказываетъ истину: «аки плѣнника всадивъ въ судно, везяху съ малѣйшими людьми сквозь безбожную и невѣрную землю» (*Сказ. Курбскаго*, II, 59).

въ чемъ существенно состояло сіе событіе? Многочисленное, одушевленное надеждами, оживленное присутствіемъ юнаго Государя и мудрыхъ его совѣтниковъ, воинство покорило городъ, еще сильный, крѣпкій, многолюдный, но уже истощенный послѣдними происшествіями, разрушавшійся отъ внутреннихъ раздоровъ, едва не отдавшійся безъ сопротивленія Рускимъ воеводамъ, лишенный сильныхъ вождей, наскоро собравшій себѣ защитниковъ. Между тѣмъ, *паденіе Казани* ознаменовало въ памяти народной имя Іоанна и едва-ли какое нибудь другое событіе, кромѣ Куликовской битвы, радовало Рускихъ подобно взятію Казани, было описано такъ подробно, преувеличено до такой степени. Современники говорили, что всѣ силы Ада были употреблены на защиту Казани; что великія чудеса и памятныя явленія сопровождали подвиги Рускихъ, и самыя обыкновенныя препятствія въ походѣ на Казань представлены были отъ нихъ, какъ затрудненія, едва побѣдимыя неслыханнымъ мужествомъ и вѣрою; каждое воинское распоряженіе описывали, какъ геройскій подвигъ. Представляемъ главныя черты изъ разсказа современниковъ о взятіи Казани (227).

(227) Взятіе Казани составляетъ отдѣльное описаніе, котораго есть множество списковъ; основаніе,

Рѣшительное опредѣленіе о походѣ на Казань утверждено было 24-го Марта, 1552 года. Войско собиралось въ Коломнѣ, Каширѣ, Муромѣ; Михаилъ Глинскій пошелъ предварительно на Каму; Князья Александръ Горбатый и Петръ Шуйскій соединяли дружины сѣверныхъ

кажется, у всѣхъ одно, но много частныхъ перемѣнъ въ разныхъ спискахъ. Со многими измѣненіями, описаніе это, исполненное выписокъ изъ Св. Писанія, чудесъ, восклицаній, молитвъ, помѣщено въ *Никон. Лѣт.*, *Строевск. Лѣт.*, *Царственн. Книгѣ*, *Казанск. Лѣт.*, *Степенной Книгѣ*. Вообще *сочинитель* и *дополнители* его не щадили фигуры преувеличенія, и—удивимся-ли? Даже Курбскій, оставившій намъ любопытныя извѣстія о Казани въ своей Исторіи (*Сказ.* т. I, стр. 13—67), разсказывая о Казанскомъ походѣ и взятіи города, увлекается поэзіею подвига. Юнаго Іоанна прославляютъ описатели, какъ героя, когда онъ только робѣлъ и молился; обыкновенныя ненастья во время осады представлены дѣйствіемъ волшебства Казанцевъ, уничтоженнаго распоряженіями Іоанна; толпы Черемисовъ и другихъ окрестныхъ народовъ являются безчисленными полчищами варваровъ («люди землепашцы и трудники, и злолютые ратники.» О Ветлужской Черемисѣ: «Живутъ въ пустыняхъ лѣсныхъ, ни орютъ, ни сѣютъ, но ловомъ звѣринымъ и рыбнымъ, и войною питаются, и живутъ, аки дикіе»); буйство и шалости войска, оставленнаго въ Свіяжскѣ, изображали, какъ покушенія Ада, защищавшаго Казань. Все дѣло состояло въ томъ, что соскучившись зимнимъ пре-

областей въ Нижнемъ Новгородѣ. Морозовъ повезъ по Волгѣ тяжелые огнестрѣльные орудія и снаряды. Главнымъ войскомъ предводили: И. Ѳ. Мстиславскій и Князь Мих. Иван. Воротынскій. Послѣднему дали въ это время почетный

бываніемъ въ Свіяжскѣ, тревожимые нападеніями непріятеля, изнуряемые болѣзнями, воины увлеклись въ пьянство и развратъ. Митрополитъ писалъ къ нимъ увѣщаніе и посылалъ воду съ мощей (см. *Ник. Лѣт.* *VII*, 105—114). Вотъ исчисленіе различныхъ чудесныхъ знаменій: до построенія Свіяжска, на мѣстѣ его Казанцы слыхали звонъ колоколовъ и видали иноковъ христіанскихъ, поющихъ духовныя пѣсни; юродивый Татаринъ ходилъ по Казани и вопіялъ: «Не быть здѣсь Татарамъ, быть Рускимъ!» — Корова родила ребенка, кричавшаго людямъ: «Покоритесь Русскому Царю!» — Рыбаки вытащили неводъ; въ немъ лежалъ старикъ; онъ сказалъ рыбакамъ: «Умоляйте Русскаго Царя, или погибнете»—и изчезъ. Въ день Пасхи, надъ Казанью слышны были колокола. Въ Нижнемъ сѣдой старецъ приказывалъ пономарю Зачатейской церкви звонить къ заутрени, говоря, что онъ спѣшитъ отслушать ее и идти на помощь Царю къ Казани; пономарь тщетно старался узнать потомъ: кто былъ сей старецъ? — Іоаннъ, надѣвая броню, въ день взятія Казани, говорилъ окружавшимъ его: «Мнѣ слышится звонъ въ Казани; точно, какъ будто звонъ колоколовъ Симоновскаго монастыря.» Многіе видѣли Св. Апостоловъ и чудотворца Николая, благословляющихъ Русское воинство, и проч.

титулъ *Слуги Государева*. Передовой полкъ вручили Кн. Пронскому-Турунтаю и Князю Хилкову; Правую руку Князю Петру Щенятеву и юному Князю Андрею Курбскому, столь достопамятному въ послѣдствіи; Лѣвую руку Князю Д. Микулинскому и Плещееву; Сторожевой полкъ Кн. В. Серебрякому и Семену Шереметеву; Царскую дружину Князю Владиміру Воротынскому и Ивану Шереметеву; къ сей дружинѣ причислили Князя Владиміра Андреевича, Шихалея, двухъ братьевъ Адашевыхъ; Князья Шемякины, Троекуровы, Палецкіе, и множество другихъ воеводъ стояли въ рядахъ воинскихъ. — Братъ Царя, Юрій, остался въ Москвѣ начальникомъ, вмѣстѣ съ маститымъ старцемъ Княземъ Михаиломъ Булгаковымъ (не задолго до сего времени изведеннымъ изъ неволи Литовской), Морозовыми, Митрополитомъ и многими сановниками (228). Отъѣзжая изъ Москвы, Царь усердно молился во храмахъ; заказывалъ супругѣ своей не щадить милостыни; 16-го Іюня Іоаннъ оставилъ Москву и поѣхалъ въ Коломну. На пути встрѣтили его съ неожиданною вѣстью: Ханъ Крымскій шелъ на Москву, и уже стоялъ близъ Путивля. Царь не показалъ смущенія.

(228) Выше, прим. 218.

« На зачинающаго Богъ ! » сказалъ онъ, и поспѣшилъ къ войску, въ Коломнѣ собранному.

Если надежда на Бога и превосходную силу оживляла Рускихъ, то отчаяніе замѣняло всѣ средства Казанцамъ, а мысль, что Руские идутъ *въ конецъ разрушить великое музульманское царство*, внушала необыкновенную силу ихъ убѣжденіямъ и мольбамъ о защитѣ, съ какими отнеслись они къ Ногайцамъ, Крымцамъ, Астраханцамъ, самому Султану. « Спасать Казань ! » сдѣлалось общею мыслью музульмановъ, сдѣлалось призывнымъ кликомъ на берегахъ Волги, Салгира и Яика. Толпами, отвсюду отправлялись Татарскіе удальцы въ Казань. Даже народы горнаго Приволжья, присягнувшіе Іоанну, не хотѣли слышать имени Русскаго, начали враждовать, окружили Свіяжскъ своими отрядами. Астраханскій Царевичъ Едигеръ былъ вызванъ въ Казань, пріѣхалъ съ отборными людьми и объявленъ Царемъ Казанскимъ. — Султанъ писалъ къ Ногаямъ, совѣтовалъ имъ жить въ мирѣ съ Астраханью и Крымомъ, и усердно защищать Казань отъ гордаго Русскаго Царя, сожалѣя, что отдаленность мѣшаетъ ему вспомоществовать войскомъ и оружіемъ (229).

(229) Едигеръ Махметъ, сынъ Царя Астраханскаго Касима, выѣхалъ въ Россію въ 1542 году (см. выше,

Но Крымцы рѣшились помогать собратамъ не одними совѣтами о согласіи и общемъ союзѣ. Въ Крыму царствовалъ уже новый Ханъ, Девлетъ-Гирей, сынъ Мубарека, внукъ Менгли-Гирея, гордый и предпріимчивый. Слыша, что вся рать Царя Русскаго обращена на Казань, онъ думалъ застать въ расплохъ Москву, и быстро кинулся съ многочисленною толпою войска къ Рязани (230).

Правители Руси все предвидѣли, и ожидали Крымскаго Хана. Полчища Девлетовы поворотили на Тулу, услышавъ, что сильная Русская рать ждетъ ихъ въ Коломнѣ. Къ Тулѣ поспѣшно были посланы Щенятевъ, Турунтай-Пронскій, Хилковъ, Воротынскій, Курбскій. Сначала получили отъ нихъ извѣстіе, что

стр. 213), и долго находился въ милости и службѣ Царской; онъ участвовалъ въ походѣ на Казань 1550 г. (*Ник. Лѣт.* VII, 68), а въ 1552 году сдѣлался защитникомъ Казани. Всего труднѣе было ему пробраться съ своею пятисотною дружиною въ Казань, отвсюду стрегомую Рускими. О Султанѣ, *Дѣла Ногайскія* (Продолж. Вивліоѳики, т. VIII).

(230) *Ист. Г. Р.* VIII, прим. 255. Пишутъ, что Саипъ былъ низверженъ по волѣ Султана, за убіеніе Ислама.

Ханскія силы не велики; но вскорѣ Русскіе воеводы извѣстили, что Ханъ съ многочисленнымъ войскомъ, съ Турецкими пушками и Янычарами, жестоко осаждаетъ Тулу. Іоаннъ садился за обѣдъ, когда пришло извѣстіе; немедленно пошелъ онъ въ церковь, велѣлъ Епископу Коломенскому не прерывать моленія, пока не начнется переправа за Оку, и самъ повелъ полки, давно готовые, на другой берегъ рѣки.

Но нападеніе на Тулу было уже слѣдствіе досады Девлета, который увидѣлъ свою ошибку и не смѣлъ броситься на Москву. Жестоко громилъ онъ Тулу; въ ней было немного воиновъ, но воевода Князь Темкинъ не хотѣлъ слышать о сдачѣ; цѣлый день продолжался приступъ; ночь остановила нападающихъ, и къ утру уже не было слѣда ихъ. Прибытіе Русскихъ войскъ такъ ободрило защитниковъ Тулы, что они погнались за Ханомъ, догоняли отряды его, били ихъ, захватили въ плѣнъ шурина Ханскаго Камъ-Бердея. Сильный отрядъ Татарскій внезапно явился подъ Тулою, возвращаясь съ грабежей по окрестнымъ сторонамъ. Татаръ было до 30-ти тысячь. Но Русскіе воеводы напали на нихъ, имѣя войска въ половину менѣе, разбили, погнали, докончили пораженіе на берегахъ Шевороны, и при-

слали плѣнныхъ и множество добычи къ Государю (231).

Отправивъ Камъ-Бердея въ Новгородскую тюрьму, Іоаннъ послалъ плѣнныхъ, Турецкія пушки и верблюдовъ Крымскихъ въ Москву, порадовать встревоженныхъ Москвитянъ, извѣстить ихъ, что Ханъ Крымскій бѣжитъ восвояси *невозвратимымъ путемъ*, бросаетъ обозы и усталыхъ, переходя по 60 и по 70-ти верстъ въ сутки. Москва возрадовалась помощи Божіей; къ Іоанну послали увѣдомить, что Царица его здрава, и съ Митрополитомъ и съ народомъ молитъ за него Бога. Макарій прислалъ къ Царю длинное посланіе, уговаривая его бодрствовать и укрѣплять воинство своимъ присутствіемъ. Походомъ не медлили; посланіе вручили Іоанну уже въ Муромѣ (232).

Увѣрясь въ безопасности со стороны Крымцевъ, Іоаннъ возвратилъ войско въ Коломну.

(231) Курбскій, *Сказ.* I, 15; *Архив. Лѣт.* (Ист Г. Р. VIII, прим. 273); *Царств. Книга*; *Ник. Лѣт.*

(232) См. его въ *Ник. Лѣт.* VII, стр. 130; тамъже увѣдомленіе Іоанна Макарію о приходѣ Крымцевъ (стр. 122), и отвѣтъ Макарію (стр. 140); другое посланіе Митрополита, полученное подъ Казанью, въ *Стр. Лѣт.* II, 410.

Распорядились идти на Казань двумя путями: *Мстиславскому* и *Воротынскому* на Рязань и Мещеру; самому Іоанну на Владиміръ и Муромъ. Въ войскѣ оказался ропотъ; жаловались на безпрерывные труды, страшились дальняго похода и боялись неудачи. Велѣно было переписать все войско, и каждаго, кто робѣетъ трудовъ и будущихъ опасностей ратныхъ, отпустить во свояси, съ именемъ труса. Никто не захотѣлъ быть въ числѣ малодушныхъ; ропотъ умолкъ; Іюля 3-го воинство Русское оставило Коломну (233).

Съ молитвой, произнесенной предъ иконою Богоматери, находящеюся въ Успенской Коломенской церкви; осѣняемый хоругвіею съ изображеніемъ Спасителя, на верху которой былъ утвержденъ крестъ Димитрія Донскаго, Іоаннъ отправился въ путь; во Владимірѣ благоговѣйно молился онъ у мощей Св. Александра Невскаго, а въ Муромѣ у мощей чудотворца Князя Петра и Княгини Февроніи. Три мѣсяца протекли для него, считая со дня отъѣзда изъ Коломны, въ трудахъ, воинскихъ безпокойствахъ, боевомъ шумѣ, тревогѣ ратной. Современники описали для насъ всѣ подробности

(233) Ник. Лѣт. VII, 128.

его пути. всѣ ночлеги по дорогѣ до самой Казани, такъ, что путешествуя по слѣдамъ Іоанна черезъ два вѣка, можемъ указывать на мѣста и урочища, и говорить: «Здѣсь герои Казанскаго похода были обрадованы тѣмъ, здѣсь опечалены тѣмъ!» Все облекалось для нихъ въ чудеса, знаменія, предвѣщанія. Казалось, что походъ на Казань есть рѣшительная битва за владычество Мусульманства надъ Христіанами, за освобожденіе Христіанъ отъ ига Агарянскаго (234).

(234) Іоаннъ выѣхалъ изъ Коломны Іюля 3-го; во Владимірѣ прибылъ Іюля 8-го, выѣхалъ отсюда 10-го, прибылъ въ Муромъ 13-го; *ертаулъ* выступилъ отсюда 15-го; 20-го вышелъ Іоаннъ, на Саканскій лѣсъ, и ночевалъ на рѣкѣ Велетмѣ, въ 15 верстахъ; за тѣмъ были становища: 2-е на Шилекшѣ, 3-е на Саканскомъ городищѣ, 4-е на полѣ близъ Ижри (Иржи), 5-е на рѣкѣ Авшѣ, 6-е на Кевсѣ, 7-е на озерѣ Икшѣ, 8-е на озерѣ, не доходя Пьяны, 9-е на озерѣ Дубровкѣ, 10-е на рѣкѣ Мѣдянкѣ, 11-е на рѣкѣ Мянѣ (здѣсь было водосвятіе Августа 1-го), 12-е на рѣкѣ Алатырѣ, 13-е на рѣкѣ Большой Сарѣ (здѣсь сошлись съ Іоанномъ Мстиславскій и Воротынскій, и получили повелѣніе перевозиться выше черезъ Суру), 14-е на Сурѣ, подъ Баранчеевымъ городищемъ (здѣсь встрѣтили Царя Свіяжскіе воеводы), 15-е на рѣчкѣ Киватѣ (день Преображенія. Іоаннъ пріобщался Св. Таинъ), 16-е на Яклѣ, 17-е

Августа 13-го полки достигли Свіяжска. Отсюда написали къ Едигеру и Казанцамъ, требуя покорности, обѣщая имъ помилованіе. Не смотря на проливные дожди, дороги, испорченныя непріятелемъ, войско терпѣливо и постоянно шло къ Казани. Августа 19-го Іоаннъ и 150,000 воиновъ его стали на луговой сторонѣ Волги, и съ веселіемъ смотрѣли на обширную, богатую Казань, дворцы, мечети ея, крѣпкія стѣны. Августа 20-го полученъ былъ гордый отвѣтъ Едигера, и прибѣжалъ изъ Казани измѣнникъ, старый Мурза Камай. Онъ открылъ Рускимъ состояніе города, планъ защиты его, и много способствовалъ успѣху Русскаго Царя (235).

Казань являлась тихою, безмолвною; непріятель нигдѣ не показывался. Но притворной тишинѣ не вѣрили, и тѣмъ болѣе были осторожны, особливо послѣ извѣстій Камая, что въ Казани находится болѣе 30-ти тысячь вои-

на Чивлѣ, 18-е на Карлѣ, 19-е на Булѣ, 20-е на Бѣ (здѣсь соединились съ Царемъ Свіяжскіе полки), 21-е на Ипяковомъ полѣ; прибытіе въ Свіяжскъ Августа 13-го.

(235) О числѣ войска Русскаго сказано въ *Мороз. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 288); о зрѣлищѣ Казани, *Сказ. Курбск.* I, 21; о Камаѣ, *Ник. Лѣт.* VII, 149.

новъ, поклявшихся умереть не сдаваясь, и что славный наѣздникъ Япанча стережетъ Рускихъ изъ Арской засѣки. Августа 23-го, на самомъ разсвѣтѣ, Русское войско начало окружать Казань со всѣхъ сторонъ. Стройно, тихо пошли воины, когда Царь благословился у священника, ободрилъ окружающихъ его словами, перекрестился, и сказавъ: «Двигнемся о имени Божіемъ!» самъ поѣхалъ средь избранной дружины на бодромъ аргамакѣ. Казань еще безмолвствовала; но едва часть стрѣльцовъ перешла черезъ Булакъ, городскія ворота растворились съ сей стороны, и съ визгомъ, съ воплемъ устремились на Рускихъ 15-ть тысячь отборныхъ Татаръ; они смяли, погнали все имъ встрѣтившееся. Завязалась *первая* битва; число одолѣло отчаянную храбрость; Татаръ сбили и вогнали въ самую Казань (236).

Съ тѣхъ поръ не проходило дня, когда не сражались-бы Татары, всегда разбиваемые, всегда являвшіеся съ новою яростію, и изумлявшіе Рускихъ упорствомъ, дерзостью, перенесеніемъ нуждъ и бѣдствій осады. Ничто не спасало ихъ; извнѣ не было помощи; внутри города уменьшались припасы, снаряды; число

(236) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 155.

храбрыхъ убывало ежедневно, но остальные готовились умирать безтрепетно.

Царь поставилъ среди табора три большіе шатра и учредилъ въ нихъ походныя церкви; подлѣ сихъ храмовъ находились его Царскіе шатры. Сюда собирались воеводы молиться, совѣтовать; Казань облегли наконецъ со всѣхъ сторонъ, пресѣкли всякое сообщеніе изъ города съ окрестностями. Напрасно наѣздникъ Япанча, изумившій первымъ нечаяннымъ нападеніемъ (28 Августа), нѣсколько времени тревожилъ станъ Русскій. Князь Горбатый посланъ былъ противъ него, истребилъ его войско; плѣнныхъ привели и поставили передъ стѣнами Казани, думая убѣдить осажденныхъ къ сдачѣ. « Умрите отъ рукъ правовѣрныхъ, но не будьте невольниками христіанъ! » кричали со стѣнъ Казани, и пустили тучу стрѣлъ въ несчастныхъ плѣнниковъ. Изумляясь дикой рѣшительности защитниковъ города, Іоаннъ велѣлъ отвести плѣнныхъ въ Русскій таборъ (237).

Уже вся Казань была обставлена турами, изъ за-которыхъ безопасно дѣйствовали Русскіе. Тщетно сбивали ихъ Татары, въ сильныхъ вылазкахъ 26-го, и особенно 29-го Августа, когда начали громить городскія стѣны изъ

(237) Курбскій, I, 30.

150-ти тяжелыхъ орудій, и громадныя пушки, отличенныя особеннымиименами: *Сверстнаго змія, Летучей змѣи, Кольца, Ушастой*, разбивали башни и зданія. По указанію Мурзы Камая, 5-го Сентября, подорвали тайникъ, изъ котораго жители запасались водою; часть городской стѣны разрушилась; Рускіе бросились на приступъ, но были отбиты. За то Сентября 6-го они овладѣли крѣпкимъ острогомъ, находившимся за Арскимъ полемъ, въ 15-ти верстахъ отъ Казани, прошли по землѣ Арской, обильной стадами, хлѣбомъ, садами, гдѣ были построены загородные домы Казанскихъ вельможъ и богачей. Ночью, къ главнымъ воротамъ Казанскимъ подвезли раскатъ, въ 6-ть сажень вышиною, и изъ 60-ти пушекъ начали стрѣлять во внутренность города. Ничто не побѣждало упорства осажденныхъ, которымъ еще разъ предлагали тогда оставить Казань и свободно идти съ Царемъ своимъ, куда имъ угодно. Умирая отъ жажды, Казанцы рыли въ городѣ колодцы, пили гнилую воду, укрывались отъ ядеръ и пуль въ землянкахъ, но отвергали всѣ предложенія о сдачѣ (238).

(238) Имена Русскихъ пушекъ, *Стр. Лѣт.* II, 417. Казанцы, послѣ взорванія тайника, «начаша воду ко-

Вскорѣ послѣдовала битва, жестокая, кровопролитная болѣе всѣхъ прежнихъ. Руские безпечно расположились обѣдать; Татары вышли изъ города, захватили туры, отбили пушки. Князь Кашинъ, воевода Морозовъ, даже самъ Князь Михаилъ Воротынскій, бросились въ битву, были ранены; съ большимъ урономъ прогнали отчаянныхъ непріятелей. Сентября 30-го подорвали тарасы и землянки близъ Арскихъ воротъ; широкій проломъ открылся въ стѣнѣ; Руские овладѣли одною изъ городскихъ башенъ; толпы Татаръ рѣзались съ ними на смерть; число Руских было усилено. Воротынскій хотѣлъ рѣшить участь Казани, требовалъ еще войска, хотѣлъ, чтобы приступъ немедленно начали со всѣхъ сторонъ. Но Іоаннъ не послушалъ совѣта воеводъ и отложилъ рѣшительный приступъ до завтра, когда два главнѣйшіе подкопа будутъ готовы. Воины, завладѣвшіе Арскою башнею, не хотѣли оставить ее, и, вспомоществуемые пальбою извнѣ, два дня удерживались въ башнѣ, не смотря на

пати, и не обрѣтоша, но токмо малъ потокъ докопашеся, смраденъ, и до взятья взимаху воду съ нужею; отъ тоя-же воды болѣзнь бяше въ нихъ, пухли, и умираху съ нея» (*Ник. Лѣт.* VII, 164.).

усилія Татаръ, загородившихъ проломъ срубами и хотѣвшихъ снова овладѣть башнею (239)

Октября 1-го, въ день праздника Покрова, Государь назначилъ *послѣдній* приступъ. Велѣно было всѣмъ воинамъ молиться, очистить души покаяніемъ, готовиться *испить чашу смертную.* Въ станѣ Русскомъ все было въ движеніи цѣлую ночь. До разсвѣта, Воротынскій увѣдомилъ Государя, что осажденные замѣтили мѣста подкоповъ, и медлить болѣе не должно. Царь долго бесѣдовалъ съ священникомъ; потомъ велѣлъ служить заутреню, обѣдню. Все войско было между тѣмъ готово. Въ послѣдній разъ предложили тогда пощаду Казанцамъ: Мурза Камай подъѣзжалъ для переговора къ стѣнамъ Казани; осажденные грозили смертью измѣннику, вмѣсто отвѣта. Одѣтый въ свѣтлую воинскую броню, Іоаннъ молился со слезами. Солнце восходило, когда діаконъ громогласно читалъ Евангеліе, и едва произнесены были слова: «*Да будетъ едино стадо и единъ пастырь*» — грянулъ громъ, земля дрогнула, потряслась; Царь вышелъ изъ церкви; надъ Казанью стояло облако пыли и дыма: подкопъ, куда вкатили 48-мь бочекъ пороха, взорвало.

(239) Ник. Лѣт. VII, 169.

Царь опять вошелъ въ церковь. Когда діаконъ возглашалъ въ ектеніи: «О благовѣрномъ и Богомъ хранимомъ Царѣ и Вел. Князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и о благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Анастасіи Романовнѣ, и о всѣхъ Болярехъ, и о воях его — о пособити и покорити подъ нозѣ его всякаго врага и супостата» — казалось — лопнуло основаніе земли, среди вопля, грома, дыма и пыли: взорвало *послѣдній*, главный подкопъ! Въ обломкахъ стѣнъ и зданій, взнесло на воздухъ множество несчастныхъ защитниковъ Казани, и страшное дѣйствіе подкоповъ изумило самыхъ осаждающихъ (240). Это была рѣшительная минута. Подали знакъ къ приступу; тысячи воиновъ устремились отвсюду на Казань, восклицая: «Съ нами Богъ!» — *Алла*! *Алла*! *Мугаммедъ*, *Мугаммедъ*! слышно было изъ города. Звукъ трубъ и бубновъ, стрѣльба, звонъ оружія заглушали слова, и на развалинахъ

(240) Подкопы подъ Казань дѣлалъ какой-то «*Нѣмчинъ*, именуемъ *Размыслъ*, хитръ, навыченъ градскому раззоренію.» За подрытіемъ и взорваніемъ тайника наблюдалъ Алексій Адашевъ, а за главными подкопами смотрѣлъ Алексій Басмановъ, воевода, столько-же мужественный, сколько развратный царедворецъ — совершенная противоположность Адашеву!

стѣнъ, на растерзанныхъ трупахъ Татаръ, началась убійственная, кровавая битва. Рускіе лѣзли на валы городскіе, падали, умирали; но Царь еще не являлся къ войску. «Государь! спѣши; воины ждутъ тебя!» сказалъ ему гонецъ, прискакавшій отъ Воротынскаго. «Дожидаюсь конца литургіи, да получу совершенную милость Христа!» отвѣчалъ Іоаннъ. «Государь! спѣши; войско унываетъ, не видя тебя!» сказалъ другой прискакавшій гонецъ. Царь не отвѣчалъ, плакалъ, поднявъ руки къ образу Св. Сергія и говоря: «Не оставь меня, Господи Боже мой!» Онъ причастился Св. Таинъ, приложился къ образамъ, просилъ священниковъ продолжать молитвы, и сказавъ всѣмъ: «Простите и благословите!» выѣхалъ и сталъ подлѣ своего Царскаго знамени. Уже хоругви Русскія вѣялись на стѣнахъ города, но побѣда еще не была рѣшена. Сбитые со стѣнъ и башенъ, Татары, среди обломковъ, труповъ и пожара, дрались въ улицахъ, въ домахъ. Рускимъ послали подкрѣпленіе; слѣдствіе было еще неизвѣстно, ибо сраженіе шло внутри города, пылавшаго въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Вдругъ, съ ужасомъ увидѣлъ Царь, что Руские бѣгутъ изъ города, съ крикомъ: «Бьютъ, бьютъ!» — Къ несчастію, не всѣ одушевлялись равнымъ мужествомъ, и, ворвавшись въ Казань, многіе устремились на грабежъ; этимъ

воспользовались опчаянные Татары, и—великій подвигъ дня славнаго могъ погибнуть безплодно! Іоаннъ смѣшался, поблѣднѣлъ. Опытные вожди, окружавшіе его, требовали, чтобы онъ самъ подалъ примѣръ воинамъ. Ему вручили знамя, почти насильно поволокли коня его въ толпу бѣгущихъ; отборная дружина Царская ринулась въ городъ, и Татары были снова стѣснены, прогнаны (241). Близъ главныхъ мечетей, съ

(241) Курбскій: «Много насъ ко штурму пойдоша, а мало подъ стѣны градныя пріидоша; нѣкоторые возвращающеся; множество лежаще и творящеся побиты и ранены».... Но когда Рускіе бились уже въ городѣ, «и лежащіе, глаголемы раненые, вскочиша, и творящіеся мертвые воскресоша; и не токмо тѣ, но и съ craновъ, и кашевары, и яже были у конехъ оставлены, и друзіе, яже съ куплею пріѣхаша (маркитанты), вси сбѣгошася во градъ, не ратнаго ради дѣла, но на корысть многую. . . Видѣвше Бусурманы, яже христіанскаго войска мало оставаетъ, мало не всѣ на корысти падоша (мнози, яко глаголютъ, по два кратъ, и по три въ станы отхождаху съ корыстьми, и паки возвращахуся), храбрые-же воины безпрестанни біющась; и видѣвъ бусурманы, иже утрудишася уже храбрые воины, и начаша крѣпце налегати... корыстовники-же въ бѣгство вдашася, яко и во врата многіе не попали, но множайшіе, и съ корыстьми, черезъ стѣну метались, а иные и корысти повергоша, только вопіюще: *Сѣкутъ*! *Сѣкутъ*! Но *хра-*

остервененіемъ рѣзались кинжалами и ножами Абызы, Сеиты, Муллы, самъ Куль-Шерифъ Казанскій, и — ни одинъ не сдался живой! Когда изъ Царскаго двора, состоявшаго изъ обширныхъ, крѣпкихъ зданій, выбили Едигера и его отборную дружину, шагъ за шагомъ, медленно шла сія дружина до городскихъ воротъ, называвшихся *Збойливыми*. Тамъ, видя Казань горящую повсюду, занятую Рускими, грабимую, исполненную труповъ, облитую кровью, Татары остановились, требовали переговора, звали воеводу Русскаго. Явился Князь Палецкій. «Пока былъ у насъ родной юртъ, мы стерегли Царя нашего; теперь отдаемъ его вамъ здрава; ведите его къ побѣдителю, а мы обрекаемъ себя на смерть!» Такъ говорили воины Едигеровой дружины, простились съ Царемъ, отдали его Рускимъ, и бросились изъ города, стараясь пробиться къ ближнему лѣсу.

брыхъ сердецъ не сокрушили.... Цареви, и совѣтникомъ, окрестъ его въ тотъ часъ бывшимъ, зрящу бѣгство, и *зѣло ему, не токмо лицо измѣняшесь, но и сердце сокрушися*. . . . Сигклиты его повелѣша хоругвь великую близъ вратъ градскихъ подвинути, и *самаго Царя, хотяща и нехотяща* (волею и неволею), *за бразды коня взявъ, близъ хоругеви поставиша* (Сказ. Курбск. I, 36, 39).

Поражаемые пушками, окруженные толпами Рускихъ, они легли всѣ до единаго; только раненыхъ забрали въ полонъ.

Первый извѣстилъ Іоанна о покореніи Казани главный воевода Князь Михаилъ Воротынскій. Іоаннъ воскликнулъ: «Прославимъ Бога, да освятитъ Онъ градъ сей имени своему Святому!» Отслужили молебенъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояла Царская хоругвь; опредѣлили воздвигнуть на этомъ мѣстѣ церковь; Царь съ радостію обнималъ всѣхъ воеводъ, велѣлъ тушить, заливать горѣвшія въ Казани зданія, очистить улицу для проѣзда его до Царскаго Двора, милостиво принялъ представленнаго къ нему Едигера, и поѣхалъ въ Казань. Все, что нашли въ Казани, рабовъ и богатства, Царь отдалъ воеводамъ и воинамъ; себѣ взялъ *только Едигера*, его царскую утварь и пушки Казанскія (242). Послѣ милости-

(242) «Бѣ то мѣсто (Казань) воистину полно дражайшихъ корыстей, златомъ и сребромъ, и каменіемъ драгоцѣннымъ, и собольми кипѣло, и другими великими богатствы.» (*Курбскій*, т. I, 37).—«Полонъ-же повелѣ (Іоаннъ) имати жены и дѣти малые, а ратныхъ людей, за ихъ измѣны, *избити всѣхъ*. И столь множество взяша полону Татарскаго, якожъ всѣмъ полкомъ Русскимъ наполнитися; у всякаго человѣка Рус-

21*

ваго привѣтствія, воспоминанія о падшихъ, благодарности раненымъ, Царь отправилъ въ Москву Даніила Захарьина, съ извѣстіемъ о *взятіи Казани, раззореніи поганства, торжествѣ православія.* Октября 3-го городъ былъ очищенъ отъ труповъ; заложена первая въ Казани церковь Благовѣщенія, а 6-го Октября ее освятили. Іоаннъ спѣшилъ послѣ того отъѣздомъ въ Москву, назначивъ Намѣстникомъ Казанскимъ Князя Александра Горбатаго, а Кн. Василія Серебрянаго опредѣливъ ему помощникомъ; Князя Петра Шуйскаго назначили воеводою Свіяжскимъ. Имѣя достаточное войско,

скаго полонъ Татарской бысть... А побито ихъ (Татаръ) во градѣ толико множество лежаще, яко по всему граду не бѣ гдѣ ступити не на мертвыхъ; за Царевымъ-же дворомъ, и у стѣнъ градскихъ, и по улицамъ костры мертвыхъ лежащи, съ стѣнами градными равны; рвы-же полны мертвыхъ, и по Казань рѣку, и въ рѣкѣ, и за рѣкою, по всему лугу, поганіи лежаща... На себя жъ Государь не велѣлъ имати ни единыя мѣдницы, ни плѣну, токмо единаго Царя Едигера, и знамена царскія, да пушки градскія» (*Ник. Лѣт.* VII, 180. 183.) Неизвѣстно, чего стоило Рускимъ взятіе Казани; но потеря людей долженствовала быть весьма велика. Въ *Синодикѣ* (*Вивліоѳика* Новикова, т. VI, стр. 473) находимъ около 200 именъ однихъ воеводъ и чиновниковъ, записанныхъ на вѣчное поминовеніе.

воеводы должны были покорять и усмирять окрестные полу-дикiе народы и возобновлять укрѣпленiя Казанскiя. Октября 14-го Царь отправился изъ Свiяжска; за нимъ пошло войско въ обратный путь, обогащенное добычею, забывая о трудахъ, потеряхъ и скорби ранъ (243).

Въ семъ числѣ: Князья П. Н. Оболенскiй-Щепинъ, Д. И. Микулинскiй, Ѳ. С. Козловскiй, Ю. А. Кропоткинъ, Д. Ѳ. Селеховскiй, И. Д. Оболенскiй-Красика, Ѳ. П. Тростенскiй, Д. Бѣлосельскiй. Далѣе находимъ потомка Фiоравентiева (*Ивашко Павловъ Аристотелевъ*); многiе записаны *иноками*, ибо передъ кончиною, смертельно раненые, постригались въ монашество. Трогательно видѣть вдругъ имена нѣсколькихъ братьевъ, отцевъ съ дѣтьми, вмѣстѣ павшихъ на битвѣ (Нижегородцы, Есипъ Савелковъ и *сынъ его* Панфилъ, Никита и Иванъ Мирославовы Головины, и проч.). Но сей *Синодикъ* явно неполонъ: въ немъ нѣтъ, напримѣръ, Князя *Романа*, брата Андрея Курбскаго, отважнаго юноши. Онъ *изъ первыхъ* взошелъ на Казанскую стѣну, былъ израненъ, не оставлялъ битвы, и на другой годъ умеръ отъ ранъ. Князь Андрей Курбскiй также отличался храбростiю, и найденъ за-мертво на побоищѣ, за стѣнами Казани.

(243) По преданiю, *первая* въ Казани *каменная* церковь была во имя Кипрiана и Iустинiи, празднуемыхъ въ день взятiя Казани; но деревянная *Благовѣщенiя* была заложена 3-го Октября, и освящена 6-го Октября 1553 г. — Въ 1561 г. ее построили камен-

Всюду народъ встрѣчалъ Іоанна, какъ *великаго побѣдителя и покорителя Казанскаго царства*, съ радостными слезами и восторгомъ. « Ты извелъ насъ изъ вратъ Адовыхъ! » говорили ему плѣнники, освобожденные изъ неволи Казанской. Въ Нижнемъ привѣтствовали его присланные изъ Москвы, и радостный плачъ народа заглушалъ пѣніе благодарственнаго молебна. Въ Судогдѣ порадовала его вѣсть о рожденіи *первенца*, названнаго *Димитріемъ*. Октября 27-го, Царь былъ въ Троицкой обители, и при гробѣ Св. Сергія благодарилъ Бога за побѣду, а рано утромъ отправился въ Москву. Толпы народа встрѣтили его на берегу Яузы (244); Митрополитъ и Бояре у Срѣтенскаго монастыря. Іоаннъ, Владиміръ, воеводы и дружины, съ ними прибывшіе, поверглись передъ крестами и иконами. Царь привѣтствовалъ Митрополита рѣчью, отдавая всю славу побѣды единому Богу; Митрополитъ,

ную, и нынѣ сей храмъ Соборный въ Казани. Царь посылалъ для постройки его 80 Псковскихъ каменьщиковъ; издержки на постройку составили 1248 рублей 24½ коп.

(244) Въ Ростокинѣ. Не выписываемъ рѣчей Митрополита и отвѣтовъ Царя; они не отличаются ни силою слова, ни языкомъ души.

въ отвѣтѣ своемъ, славилъ его доблесть, подвиги, заслугу отечеству. Облеченный въ золотую царскую одежду, пѣшкомъ пошелъ Іоаннъ въ Кремль, молился въ соборахъ, и со слезами обнялъ свою супругу, забывшую скорбь рожденія, при видѣ супруга и побѣдителя. Ноября 8-го былъ великолѣпный обѣдъ въ Грановитой Палатѣ. Три дня раздавали подарки, знаки отличій воеводамъ. Слухъ о побѣдѣ разнесся въ отдаленныхъ областяхъ, и всюду радовались и благословляли Царя побѣдительнаго, юнаго и счастливаго. «Такъ Господь поможетъ ему отнять Кіевъ у безбожной Литвы!» говорили Руские (245). Это было счастливое время въ жизни Іоанна; ни прежде, ни послѣ, онъ не былъ уже столько славенъ. — О счастіи — ни слова... его утратилъ онъ съ добродѣтелью...

(245) «Слава совершителю Богу! Да видѣти-бы намъ *на Кіевѣ* Государя православнаго, Царя и Великаго Князя Ивана Вас. всея Руси!» (*Стр. Лѣт.* II, 423) Множество подарковъ воеводамъ и вельможамъ состояло изъ кубковъ, ковшей, шубъ, бархатовъ съ золотомъ, коней, доспѣховъ, денегъ, платья; все это оцѣняли по смѣтѣ въ 48,000 рублей, «опричь вотчинъ и помѣстій, и *кормленій* (мѣстъ съ доходами), а кормленій Государь пожаловалъ всю землю.»

Во время Казанской осады, Іоаннъ далъ обѣщаніе: воздвигнуть храмъ въ благодареніе Богу, и въ Сентябрѣ 1554 г. построили наскоро деревянный храмъ близъ Кремля, во имя *Покрова Богоматери* — день взятія Казани. Но въ 1555 году начали воздвигать вмѣсто его новый великолѣпный храмъ, о девяти верхахъ, до нынѣ удивляющій насъ страннымъ своимъ зодчествомъ и извѣстный подъ именемъ *церкви Василія Блаженнаго*. Еще торжество вѣры ознаменовало взятіе Казани: плѣнный Казанскій Царь Едигеръ изъявилъ искреннее желаніе быть христіаниномъ. Его крестили 26-го Февраля 1553 года, на Москвѣ рѣкѣ, и Іоаннъ осыпалъ его потомъ благодѣяніями. Нареченный Симеономъ, онъ сохранилъ названіе Царя, получилъ домъ въ Кремлѣ, особыхъ Бояръ, и въ Ноябрѣ женился на дочери сановника Кутузова. Пируя на свадьбѣ его, Іоаннъ подарилъ ему въ помѣстье Рузу, со всѣми ея вотчинами. Еще прежде Симеона, въ Чудовѣ монастырѣ, самъ Митрополитъ крестилъ малолѣтнаго Утемыша, назвавъ его Александромъ (246).

(246) Первоначальную церковь, во имя Св. Троицы, построили въ одинъ мѣсяцъ; на освященіи ея были Іоаннъ, Юрій, Митрополитъ. «Государь велѣлъ заложить (1555 г.) церковь каменну Покровъ, о 9-ти верхахъ, *которая*

Здѣсь конецъ — не славѣ Іоанна, но — его благоденствію, душевному спокойствію, и тому, что въ немного лѣтъ вознесло его величіемъ и любовью въ глазахъ подданныхъ; заставило ихъ забыть мятежное правленіе Бояръ и грѣхи юности Іоанна; соединяло сердца всѣхъ на подвиги чести. Еще нѣсколько лѣтъ продолжалось славное, блестящее правленіе Іоанново, и, какъ чудомъ почитали его исправленіе, перемѣну въ жизни и дѣлахъ на добро, такъ въ послѣдствіи чудомъ почли его внезапную нравственную погибель, его измѣненіе на

была прежде деревянная, о Казанскомъ взятьѣ, у Фроловскихъ воротъ надъ рвомъ.» Придѣлы велѣно было сдѣлать во имя Троицы и Николая Вятскаго. Образъ Св. Николая принесенъ былъ тогда съ Вятки, по славѣ о чудесахъ его. Послѣ великолѣпной встрѣчи, самъ Митрополитъ поновлялъ сей образъ («бѣ бо иконному писанію наученъ»), съ Духовникомъ Государя Андреемъ, Протоіереемъ Благовѣщенскимъ, и потомъ списалъ съ него много списковъ. Главный храмъ Покрова освятили 29 Іюля 1555 года. Кажется, что разнообразіе строенія въ Покровскомъ соборѣ произошло отъ того, что не было никакого плана первоначальнаго, и придѣлы, долгое время остававшіеся неотдѣланными, измѣняли потомъ много разъ во время постройки ихъ. При освященіи оныхъ въ 1559 г. Окт. 1-го, упоминаются «придѣлы, что ставлены о Казанскомъ взятіи, и объ Астраханскомъ, *Живонач. Тро*-

зло, забвеніе славы, сдѣлавшее его позорищемъ иноплеменниковъ, страшилищемъ подвластныхъ. Но, тамъ и здѣсь видимы были только неисповѣдимыя судьбы Божіи, во благо народовъ посылающія гнѣвъ и милость на Царей и царства земныя.

Въ то время, когда въ Кремлевскомъ Дворцѣ своемъ, покоритель Казани праздновалъ побѣды среди бранноноснаго воинства и вое-

цы, *Входа во Іерусалимъ, Николая Великорѣцкаго, Купріана и Іустиніи, Варлаама Хутынскаго, Александра Свирскаго, Григорія Арменскаго, Александра, Іоанна и Павла,* новыхъ Патріарховъ Царяградскихъ. «А *большая церковь средняя, Покровъ, тогда не свершена.*» Въ послѣдствіи, пристроено и открыто было еще *одиннадцать* придѣловъ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, Мих. Ѳеодор. и Ѳеодорѣ Алексіевичѣ. Все это составило наконецъ странную громаду, изумляющую не только иностранцевъ, но даже и насъ, привыкшихъ видѣть ее. Имя зодчаго неизвѣстно. Упомянемъ о сказкѣ, будто Іоаннъ велѣлъ выколоть глаза зодчему, когда спросилъ его: можетъ-ли онъ построить храмъ лучше, и получилъ отвѣтъ, что можетъ. «Не хочу, чтобы гдѣ нибудь была церковь лучше моей,» сказалъ будто-бы Іоаннъ; нелѣпое это преданіе существовало уже въ половинѣ XVII-го вѣка (см. Legatio Polono-Lithuanica, Таннера, Нирембергъ, 1689 г., стр. 62). — О крещеніи Едигера и Утемыша, *Ник. Лѣт.* стр. 198, 199. Митрополитъ спрашивалъ Едигера, «по много

водъ, доказавшихъ подвигами любовь къ отечеству и вѣрѣ православной, когда Іоаннъ, на двадцать третьемъ году жизни, видѣлъ въ будущемъ только надежду на успѣхи и славу, готовясь смирить два *остальныя* царства музульмановъ, *Крымъ* и *Астрахань* — счастливый братъ, супругъ и отецъ — невидимая рука судебъ уже тяготѣла надъ его главою, и готова была показать, ему и свѣту, какъ суетны всѣ надежды и замыслы человѣческіе!

дней: не отъ нужды-ль хочетъ истинствовати закону Христіанскому?» Разрядъ свадьбы его, въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, т. XIII, стр. 57—73. — Оканчивая здѣсь исторію Казани, какъ отдѣльнаго государства, скажемъ, что еще долго послѣ 1552 года ею управляли *военнымъ образомъ*, покоряли и усмиряли оружіемъ тамошнія земли. Въ Декабрѣ 1553 г. Борисъ Салтыковъ разбилъ мятежныхъ Татаръ, Черемисовъ, и другихъ народовъ, собравшихся большими толпами, вѣшалъ ихъ въ Цывильскѣ и въ Свіяжскѣ; тогда-же открыли и уничтожили заговоръ въ Казани. Но въ Мартѣ 1554 г. Салтыковъ былъ разбитъ бунтовщиками, попался въ плѣнъ и зарѣзанъ. Многіе совѣтовали тогда Царю *оставить на всегда Казанскую землю*, гдѣ по городамъ Рускіе сидѣли въ вѣчной осадѣ («а рада та была богатыхъ и лѣнивыхъ мниховъ и мірскихъ,» говоритъ Курбскій). Правители непослушались совѣта, повели открытую войну, которая продолжалась до 1558 года, по берегамъ Волги, Ка-

Через четыре мѣсяца послѣ взятія Казани, Іоаннъ заболѣлъ; открылась огневая горячка; Марта 11-го ближніе Царя отчаялись въ его жизни, и Дьякъ Михайловъ, со слезами, возвѣстилъ Іоанну, что время ему подумать объ устроеніи государства послѣ себя. Съ кротостію христіанина, Царь отвѣчалъ, что онъ всегда готовился къ смертному подвигу, и велѣлъ писать духовную грамату, объявляя

мы, Вятки. Даніилъ Адашевъ, Князья Андрей Курбскій, Мстиславскій, Глинскій, Микулинскій, ходили ратью, не щадили непріятеля, выводили плѣнныхъ по 10-ти и по 20,000 вдругъ, истребляя Башкирцевъ, Татаръ, Вотяковъ, Чувашъ, и особенно Черемисовъ, долѣе всѣхъ упорствовавшихъ. Сіи дикари даже избрали себѣ Царемъ какого-то Ногайскаго Князя, но свергли его, отрубили ему голову, взоткнули ее на колъ и говорили: «Ты столько не помогъ намъ, сколько воловъ и коровъ у насъ поѣлъ; да царствуетъ-же твоя голова на колу, а не надъ нами!»— Ужасы болѣзней и голода нерѣдко сопровождали покореніе земель по Волгѣ и Камѣ. Умноженіе Рускихъ въ области Казанской и покореніе Астрахани и Сибири утишили наконецъ волненія. Въ 1572 г. бунтъ Черемисовъ принудилъ однакожъ отправить войско противъ нихъ; они не усмирялись, и въ 1573 г. Мстиславскій, Никита Романовъ, Шереметевъ, снова ходили на нихъ съ многочисленною ратью. Мятежники покорились; но въ 1582 году, когда уже Ермакъ былъ на

сына, младенца Димитрія, Царемъ Россіи и своимъ наслѣдникомъ. Собрали Бояръ и сановниковъ въ столовой палатѣ, и — каково было изумленіе вѣрныхъ людей, скорбь Царя, когда по духовной его не захотѣли присягать, а Князь Владиміръ Андреевичъ отказался утвердить запись о своей покорности! И кто-же были другіе ослушники? Щенятевы, Палецкіе, Курбскій, Пронскіе, даже самые родственники Анастасіи—Захарьины, какъ будто въ оправданіе укоризнъ, коими осыпали ихъ другіе, го-

берегахъ Тобола, войско ходило на Каму и Волгу еще разъ; Черемисы сносились въ это время съ Ногаями, съ Крымомъ, дрались упорно, были истребляемы безпощадно. Въ 1584 г. воевали ихъ цѣлый годъ. Въ 1592 г. вспыхнулъ новый бунтъ; отрядили войско, построивъ тогда крѣпости Цывильскую, Царево-Кокшайскую, Царево-Санчурскую, Уржумскую; но мы увидимъ, что при смятеніяхъ Россіи, послѣ Самозванца, Черемисы умножатъ число бѣдствій, терзавшихъ тогда Россію. Всѣ сіи событія касаются только полудикихъ народовъ, по Волгѣ, Камѣ и далѣе въ Сибири жившихъ. Казань въ это время уже издавна составляла мирное владѣніе, населенное Рускими. Съ 1555 г. была уже учреждена въ ней епархія, степень которой опредѣлили *третьею*, послѣ Новгородской. Первымъ Архіепископомъ Казани былъ Гурій, игуменъ Селижарова монастыря, причтенный по кончинѣ къ лику Святыхъ.

воря: «Вы хотите властвовать за малолѣтнаго Димитрія и возобновить для насъ времена Шуйскихъ и Бѣльскихъ!» Наконецъ — и какою скорбію должно было это поразить сердце Іоанна — отреклись отъ присяги Адашевы, отецъ и сыновья — отрекся и Сильвестръ! Среди шума, крика и споровъ, невозможно было разслушать различныхъ требованій. Бояръ позвали къ Іоанну. Они предстали къ одру умирающаго Царя и безмолвствовали. «И такъ вы хотите другаго Царя, кромѣ сына моего?» спросилъ онъ слабымъ голосомъ. «Но гдѣ-же присяга ваша мнѣ, и гдѣ совѣсть? Димитрій законный Царь вашъ, и если вы забыли совѣсть и клятву, то вспомните, что есть Богъ, наказующій преступленіе. Отвѣчайте; я не въ силахъ говорить много!» — Старый крамольникъ, Иванъ Михайловичъ Шуйскій началъ лукаво извиняться, что имъ худо изъяснили волю Царскую, и не видя Царя, не слыша словъ его самого, они колебались исполненіемъ; но старикъ Адашевъ заговорилъ смѣло и дерзновенно: «Если мы дадимъ присягу Димитрію, то будемъ повиноваться Захарьинымъ, Государь; мы знаемъ, что въ ихъ рукахъ будетъ тогда власть. А кто не помнитъ, какую чашу бѣдствій испили мы во время малолѣтства твоего, когда управляли Бояре!» — Я велю вамъ присягать не Захарьинымъ, но сыну моему Ди-

митрію. Кому отрекаетесь вы служить еще въ пеленкахъ сущему, тому и въ возрастъ пришедшему служить не будете. Если я и сынъ мой вамъ не надобны — отвѣтъ на душахъ вашихъ. — Такъ отвѣчалъ Іоаннъ, и не могъ болѣе говорить. Между Боярами начался шумъ, споръ; имъ велѣно было удалиться (247).

(247) Важное событіе — болѣзнь Іоанна и слѣдствія оной, описаны подробно только въ *Царственной книгѣ* (стр. 337—346), и, кажется, еще въ Лѣтописи, которую Карамзинъ имѣлъ изъ библіотеки Александроневскаго мон. (*Ист. Г. Р.* VIII, прим. 373, 380). *Ник. Лѣт.* (VII, стр. 201) мимоходомъ намѣкаетъ, что «явились гордыя слова и неблагодарныя, и учали (кто?) *отъ себѣ мудръ быть,* забы Евангельское слово,» и что за то Богъ наказалъ Россію бунтомъ Черемисовъ и болѣзнью Царя, «и сбыстся на насъ Евангельское слово: поразисте пастыря, разыдутся овцы.» Курбскій рѣшительно *молчитъ* о смятеніи бояръ, говоря только, что Царь, еще подъ Казанью оказавшій свою строптивость, былъ боленъ по пріѣздѣ въ Москву «зѣло тяжкимъ огненнымъ недугомъ, такъ, иже никто-же уже ему жити надѣялся» (*Сказ. Курбск.* I, 48). Хитрость, слишкомъ явная, ибо Іоаннъ уличалъ его потомъ въ письмахъ своихъ о крамолѣ вельможъ во время своей болѣзни; Курбскій спорилъ только о томъ, что *онъ* не участвовалъ въ смятеніи (см. далѣе, прим. 249).

Тогда вполнѣ открылось постыдное для Человѣчества зрѣлище низкой крамолы, буйнаго, позорнаго, честолюбія. Узнали, какъ невѣрно было исправленіе злыхъ, какъ шатки были добродѣтель и правота добрыхъ!... Кто не жалѣлъ живота на брани, тотъ въ сіи скорбныя минуты очернялъ себя низкимъ потворствомъ; кто былъ облагодѣтельствованъ, тотъ оказывалъ свою неблагодарность; кто славился мудростью совѣта — являлся презрѣннымъ себялюбцемъ....

Но шумъ и споръ умолкли. Вечеромъ, нѣсколько Бояръ и другихъ сановниковъ дали присягу Царевичу Димитрію; въ числѣ ихъ былъ Алексій Адашевъ; но присяга была почти вынужденная, до того неискренняя, что Князь Дмитрій Палецкій, тесть Юрія, послѣ цѣлованія креста отправилъ къ Владиміру Андреевичу довѣреннаго человѣка, сказать ему, что если утвердятъ за Юріемъ удѣлъ, то онъ готовъ признать Царемъ Владиміра....

Именно, Владиміръ, юный, отличенный душевными и тѣлесными качествами, составлялъ предметъ раздора и смятенія вельможъ. Онъ и мать его не скрывали своихъ намѣреній. Въ ихъ домѣ собралось множество царедворцевъ, собралась и воинская дружина. Мать Владимі-

ра угощала ихъ, дарила. Народъ соблазнялся шумнымъ собраніемъ, и говорилъ, что злодѣи и измѣнники радуются у Владиміра смерти Государя. Призванный къ Іоанну, Владиміръ дерзко отрекся отъ присяги. «Есть Богъ,» сказалъ ему Іоаннъ, «и Онъ видитъ твое злое намѣреніе.» Снова начался шумъ при одрѣ умирающаго Царя. Онъ велѣлъ выйдти всѣмъ, и оставить его въ покоѣ, сказавъ присягнувшимъ Боярамъ: «Дѣлайте, что внушаетъ и говоритъ вамъ совѣсть!»

Совѣсть ничего не говорила имъ; самые Захарьины оставляли Царя. Горделиво упрекалъ Владиміръ Воротынскаго, дерзнувшаго спорить съ нимъ о присягѣ юному Димитрію. Хотѣли знать мнѣніе Сильвестра, и—онъ явно склонялся на сторону Владиміра. Князья Петръ Шуйскій, Симеонъ Ростовскій, Турунтай-Пронскій разглашали даже въ народѣ, что «лучше повиноваться Владиміру, нежели служить ребенку и покорствовать Захарьинымъ!» Марта 12-го Іоаннъ призвалъ къ себѣ Захарьиныхъ, и многихъ изъ Бояръ, присягнувшихъ Димитрію. Онъ потребовалъ, чтобы дѣло о покорности волѣ его и присягѣ его сыну было немедленно кончено; просилъ, въ случаѣ возстанія, спасать малолѣтнаго Царевича и принять строгія мѣры противъ непокорныхъ. «Говорю вамъ, Захарьины,» продолжалъ онъ— «вамъ первымъ погибнуть

опъ крамольниковъ; идите-же, не щадите ихъ, не щадите и себя! Отдадите-ли на поруганіе измѣнникамъ сестру вашу и племянника вашего?» —

Голосъ *Грознаго* слышанъ былъ въ сихъ словахъ. Онъ показывалъ и возвращавшіяся силы Іоанна. Увидѣли, что Царь могъ еще возстать съ смертнаго одра, и — мятежная крамола мгновенно утихла; изъявляли злобу, ругали, поносили другъ друга, но присягнули всѣ, укоряя одинъ другаго даже передъ Св. Крестомъ, даже во время самой присяги. Владиміръ Воротынскій держалъ въ рукахъ крестъ; Турунтай-Пронскій сказалъ ему: «Ты и отецъ твой были первыми измѣнниками по кончинѣ Василія, а теперь ты приводишь другихъ къ присягѣ!» Присягай, праведникъ — отвѣчалъ Воротынскій — измѣнникъ говоритъ тебѣ это, а ты, вѣрный, не слушаешь его!» — Владиміръ Андреевичъ утвердилъ присягою составленную запись; но мать его, прикладывая къ записи печать Княжескую, сказала насмѣшливо: «Присяга по неволѣ ничтожна.» Другъ Алексія Адашева, Князь Курлятевъ, и Казначей Фуниковъ присягнули уже на третій день; они, въ самомъ дѣлѣ были, или сказывались больными, и велѣли принести себя во Дворецъ (248).

(248) Запись Владиміра въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 167.

Не боялись-ли, не трепетали-ль крамольные вельможи, когда болѣзнь Іоанна постепенно прекращалась, и наконецъ — онъ возсталъ съ одра своего въ новой силѣ? Можетъ быть; но ихъ опасенія оказались напрасны: Іоаннъ, по видимому, забылъ все, что происходило во

Она писана въ обыкновенныхъ формахъ. Приложенія Княжеской печати къ сей записи потребовали, именемъ Іоанна, Князь Дм. Палецкій и Дьякъ Михайловъ, «и ходили къ ней (Евфросиніи) трижды, и много рѣчей бранныхъ говориша» (*Ист. Г. Р.* VIII, прим. 380). Прежде всѣхъ присягнули: И. Ѳ. Мстиславскій, Влад. Иван. Воротынскій, Иванъ Вас. Шереметевъ, Мих. Яковл. Морозовъ, Дм. Палецкій и Захарьины. — Слова Іоанна: «Бояре! дали есте намъ душу, и сыну моему Дмитрію, на томъ, чтобы вамъ намъ служити. И нынѣ (другіе) Бояре сына моего на государствѣ не хотятъ видѣти; и будетъ станется надо мною воля Божія, меня не станетъ, и вы, пожалуйте, попамятуйте на чемъ есть мнѣ и сыну моему крестъ цѣловали: не дайте сына моего извести ни которыми обычаи; побѣжите съ нимъ въ чужую землю, гдѣ Богъ наставитъ. А вы, Захарьины, чего испугались? Или чаете Бояре васъ пощадятъ? Вы отъ Бояръ *первые мертвецы* будете! И вы-бы за сына моего, да за матерь его умерли, и жены моей на поруганіе Боярамъ не отдали.» — Далѣе: «И Бояре, отъ того *жесткаго* Государскаго слова, поустрашилися,» и проч. — Владиміръ, въ сильномъ спорѣ, сказалъ Воротынскому: «Ты-бы со мною не

время его болѣзни. Онъ являлся милостивымъ, ласковымъ по прежнему; не было ни опалъ, ни ссылокъ, ни гнѣва. Этого мало: отецъ Адашевыхъ былъ произведенъ въ Бояре, вмѣстѣ съ Княземъ Пронскимъ и Симеономъ Ростовскимъ. Выѣхавъ на охоту въ Октябрѣ, Царь весело пировалъ въ селѣ Владиміра Андреевича. Прежде того, Іоаннъ, по обѣщанію, данному въ болѣзни, совершилъ далекое богомолье: въ Маѣ выѣхалъ онъ изъ Москвы, съ Анастасіею и сыномъ, былъ въ Троицко-Сергіевскомъ и Пѣсношскомъ монастыряхъ, и водою ѣздилъ въ Кирилловскую и Ѳерапонтову обители. На возвратномъ пути его постигла горестная потеря: онъ лишился сына. Но, въ Мартѣ 1554 г. Іоанна обрадовало рожденіе втораго сына, названнаго, по имени отца, *Іоанномъ*. Тогда заключили съ Владиміромъ новыя записи. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти Іоанна, быть

бранился, ни мака-бы мнѣ не указывалъ и противъ меня не говорилъ.» — Государи мои велѣли мнѣ говорить — отвѣчалъ Воротынскій—служу имъ, а тебѣ служити не хочу, и за нихъ съ тобою говорю, а будетъ, гдѣ доведется, по ихъ Государей своихъ велѣнію, и драться съ тобою готовъ. — И Владиміръ почалъ кручинитися прытко — и бысть брань велія, и крикъ, и шумъ великъ, и слова многія бранныя (*Царств. Книга*, стр. 344, 338).

послушнымъ дѣтямъ его, а за пресѣченіемъ рода Іоаннова брату его Юрію; за то назначенъ онъ былъ опекуномъ сына Іоаннова, до 20-ти лѣтняго возраста племянника (249).

(249) Послужной списокъ, въ *Вивліоѳикѣ* Новикова, XX, 39; *Ник. Лѣт.* VII, стр. 202; *Ист. Г. Р.* VIII, прим. 387. Запись Владиміра, въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 168. (См. прим. 260). Глубоко затаилъ Іоаннъ въ душѣ гнѣвъ и оскорбленіе, и потомъ черезъ 10-ть лѣтъ писалъ къ Курбскому: «Когда я немощію одержимъ былъ и тяжко изнемогалъ, тогда люди, которыхъ ты называешь доброхотами, восшатались, яко пьяные, съ попомъ Сильвестромъ и съ начальникомъ вашимъ Алексѣемъ; почитая меня умершимъ, забыли мои благодѣянія и души свои, клятвы отцу моему и мнѣ — не искать Государя, кромѣ дѣтей моихъ: хотѣли воцарить Владиміра, а младенца, Богомъ намъ даннаго, погубить, подобно Ироду. Если еще мнѣ живу сущу, такого доброхотства отъ своихъ подвластныхъ я насладился, *что могло-бъ быть послѣ меня?*» — Черезъ *двадцать четыре* года, еще писалъ онъ: «Не вы-ли возставали противъ меня съ попомъ вашимъ (Сильвестромъ)? Не вы-ли хотѣли посадить на царство Владиміра, а меня съ дѣтьми извести? А я развѣ похищеніемъ, кровью, войною сѣлъ на царство? Я родился Царемъ, благословенъ отцомъ, когда самъ еще не зналъ того, и взросъ на царствѣ. И съ чего было Владиміру сѣсть на государство, ему, сыну *четвертаго* сына дѣда моего? Какія были его достоинства,

Все это не показывало ни гнѣва, ни страха. Но опасенія гнѣздились въ сердцахъ. Недовѣрчивость, какъ тѣнь, легла между Царемъ и его вельможами. Князь Симеонъ Ростовскій до того боялся гнѣва Государева за свою крамолу, что въ Іюлѣ 1554 года рѣшился бѣжать въ Литву. Его догнали въ Торопцѣ, и по суду, когда Симеонъ открылъ всѣхъ

какія права по рожденію? Ваша измѣна и его *дурость!* Какая была моя вина передъ нимъ? Вы-же уморили его отца въ тюрьмѣ, а я его и съ матерью освободилъ, и держалъ въ чести и дружествѣ; онъ презрѣлъ моею ласкою — я не могъ перенести такой досады, сталъ за себя.» Повторяемъ, что опровергая всѣ мѣлкія укоризны Іоанна, Курбскій (утаившій все это несчастное событіе въ Исторіи своей) мимоходомъ, слегка упоминаетъ о семъ главномъ обвиненіи. Вотъ слова его: «О Владимірѣ братѣ вспоминаешь, аки бы есть *мы* его хотѣли на царство: *во истину о семъ не мыслихъ,* понеже и недостоинъ былъ того. А тогда-жъ есмь угадалъ грядущее мнѣніе твое на мя, когда еще сестру мою насиліемъ взялъ еси за того-то брата твоего — наипаче-же могу по истинѣ рещи, со дерзновеніемъ — въ тотъ вашъ издавна *кровопійственный* родъ.» И только! Кажется, Курбскій хочетъ сказать, что Владиміръ женился на родственницѣ его, въ 1558 году, противъ его желанія, и что Владиміръ самъ искалъ царства, а не Курбскій и друзья его хотѣли видѣть Владиміра на Престолѣ. (Слич. *Сказ. Курбск.* т. II, 59, 112, 127).

сообщниковъ побѣга, осудили только въ ссылку на Бѣло-озеро. Всѣ сообщники его были прощены (250).

(250) Симеонъ Лобановъ-Ростовскій былъ однимъ изъ главныхъ мятежниковъ въ болѣзни Іоанна, вмѣстѣ съ Князьями Петромъ Щенятевымъ, Ив. Пронскимъ, Дм. Оболенскимъ. Какъ будто нарочно, Іоаннъ немедленно возвелъ въ Бояре Ростовскаго и Пронскаго по своемъ выздоровленіи. Симеонъ сносился съ Польшею; сынъ его былъ пойманъ и открылъ дѣло. Симеонъ признался, что открытіе имъ тайнъ государственныхъ воспрепятствовало миру съ Польшею; что онъ въ письмахъ поносилъ и ругалъ Царя; что онъ хотѣлъ бѣжать въ Польшу, и съ нимъ «*такіе-же малоумы, родня его, Лобановы-Ростовскіе* и Прімковы,» и что все происходило отъ его «убожества и малоумства, понеже скудота была у него разума и всякимъ добрымъ дѣламъ, туне и въ пустошь изъѣдающи Царское жалованье и домошніе своя» (*Ник. Лѣт.* VII, стр. 212). Его осудили «казнити смертію, и на позоръ послали, и съ товарищи «(т. е. на казнь); но Митрополитъ и Духовенство упросили Царя. «И послѣ того,» пишетъ Іоаннъ къ Курбскому (*Сказ.* II, 61) — попъ Сильвестръ, и съ вами, злыми своими совѣтники, того собаку началъ въ великомъ береженьи держать, и помогать ему всѣми благами, и не токмо ему, но и всему роду его.» Въ самомъ дѣлѣ, Симеонъ былъ возвращенъ изъ ссылки, остался Бояриномъ, и былъ употребляемъ на службу. Казнь, постигшая его въ 1567 г., застала его на воеводствѣ въ Нижнемъ Новгородѣ.

Желая, въ послѣдствіи, изъяснить перемѣну нрава Іоаннова, современники разсказывали, обременяя проклятіемъ злыхъ людей, что во время путешествія Іоаннова запала первая искра гордости и свирѣпости въ душу его. Въ Пѣсношскомъ монастырѣ, говорятъ они, жилъ тогда на смиреніи Епископъ Вассіанъ Топорковъ, бывшій на Коломенской епархіи, сверженный въ 1542 году Макаріемъ, другъ Даніила Митрополита, и нѣкогда любимецъ Василія. Царь зналъ умъ Вассіана; увлекся его краснорѣчивою бесѣдою; можетъ быть, открылъ ему тайную скорбь свою, опасеніе отъ крамольныхъ вельможъ, и наконецъ спрашивалъ: « Скажи — какъ могу я твердо царствовать, и великихъ и сильныхъ своихъ имѣть въ послушаніи?» — Государь! — отвѣчалъ Вассіанъ — *не держи близъ себя совѣтника мудрѣе тебя самаго. Будь самъ мудрѣйшій и будешь твердъ на царствѣ, и все въ рукахъ твоихъ будетъ. Но совѣтнику мудрѣйшему тебя — ты рабъ по неволѣ!* » — Царь поцѣловалъ руку его, и отвѣчалъ ему: « О! если-бы и отецъ мой живъ былъ, то не могъ-бы сказать слова болѣе полезнаго (251)! »

(251) Все это событіе сохранилъ Курбскій (*Сказ.* I, 52—58), увѣряя, что всему бѣдствію былъ причиною совѣтъ Вассіана: « Искру безбожную въ сердцѣ Царя

вѣримъ разсказу; но онъ не изъясняетъ ничего, ибо еще нѣсколько лѣтъ современники славили и благословляли милосердіе и кротость Іоанна, и не уже-ли не зналъ онъ простой истины, сказанной ему Вассіаномъ, и въ первый разъ услышалъ ее? И по чему-же не мгновенно послѣдовалъ онъ совѣту Вассіана? Трудно, по прошествіи двухъ вѣковъ, открывать

всѣялъ, отъ нея-же во всей Святорусской землѣ таковъ пожаръ лютъ возгорѣлся.... Отъ тебя (Вассіана) начало пріимше, злость произвелася, якова-же никогда не бывала.... Нареченіе ти *Топорковъ*, и ты не топоркомъ, сирѣчь малою сѣкиркою, но, воистину, великою и широкою, и самымъ оскордомъ, благородныхъ и славныхъ мужей посѣклъ еси.... Ни отъ кого прежде, по добромъ покаяніи своемъ, только отъ тебя, Вассіана, Царь будучи лютостью наквашенъ, всѣхъ различными смертьми погубилъ».... Не уже-ли согласимся съ такою нелѣпостью, когда еще притомъ Курбскій ругаетъ Вассіана немилосердо? «Прежде былъ онъ мнихъ, отъ Осифлянскія лукавыя четы (Іосифова Волоколамскаго монастыря, который многократно осыпаетъ бранью Курбскій), былъ великій похлѣбникъ отца его (Іоаннова), вкупѣ съ *прегордымъ и проклятымъ Даніиломъ Митрополитомъ*.... Гласъ воистину діяволь, всякія злости, и презорства, и забвенія полонъ отрыгнулъ еси, вмѣсто благоуханія смрадъ.... Сыне ты діаволь! почто человѣческаго естества жилы пресѣклъ еси,» и проч.

тайны событій изъ немногихъ, дошедшихъ до потомства свѣдѣній; но познаніе сердца человѣческаго дополняетъ ихъ недостатокъ.

Соображая жизнь, дѣла, слова Іоанна, видимъ, что сынъ Василія и внукъ Іоанна III-го, имѣлъ всѣ недостатки отца и дѣда, уступая послѣднему въ самобытности характера и обширномъ умѣ, не имѣя лѣности душевной, свойственной Василію. Вспомнимъ суровость, жестокость Іоанна III-го, склонность къ забавамъ и нѣголюбіе Василія. Въ Іоаннѣ IV-мъ соединялось то и другое. И такой характеръ былъ испорченъ несчастнымъ воспитаніемъ, пріучившимъ его къ двумъ противоположностямъ: своеволію и самовластію, и, въ тоже время, къ послушанію людямъ, превосходившимъ его умомъ, дарованіями, или хитростью, умѣвшимъ искусно завладѣть имъ. Такъ, въ юности своей Іоаннъ подчинялся Глинскимъ, казня Шуйскихъ; покорствовалъ въ послѣдствіи клевретамъ своимъ, казня доблестныхъ совѣтниковъ; унижался передъ Баторіемъ, терзая Магнуса и Ливонію. Привыкая повиноваться, онъ готовъ былъ страшно мстить своему повелителю, когда *сознавалъ* свою зависимость: горделивое самолюбіе напоминало ему въ то время все величіе званія его на землѣ. Самая любовь его къ Анастасіи не походила-ли болѣе на привычку повиноваться волѣ человѣка, котораго достоин-

ства умѣлъ онъ оцѣнить? Скажем-ли: такая любовь къ женѣ заключается вообще въ характерѣ Русскаго народа. Такъ Іоаннъ III-й не могъ освободиться отъ зависимости Софіи; Василію потребны были всѣ усилія придворной крамолы для освобожденія себя отъ Соломоніи, и такъ повиновался онъ потомъ любви своей къ Еленѣ.

Такова была покорность Царя Іоанна и Адашеву, Сильвестру, сообщникамъ ихъ, ибо — говоря прямо, устраняя все благо ихъ управленія — что такое были Сильвестръ, Адашевъ и ихъ товарищи? Дворская партія, самовластно управлявшая Государемъ и государствомъ. Іоаннъ, нѣтъ сомнѣнія, вскорѣ разгадалъ хитрость, посредствомъ которой овладѣли умомъ его Сильвестръ и Адашевъ; конечно, нашлись и люди, которые помогли ему разгадать тайну Сильвестра и Адашева. Честолюбіе его могло оскорбляться, но — онъ повиновался и молчалъ, хотя Правители нерѣдко не щадили самолюбія Іоаннова, сопротивляясь волѣ его. Мы знаемъ, что не имѣя воинственнаго духа, Іоаннъ *принужденъ* былъ ѣхать подъ Казань; и тамъ невольно ставили его въ опасности битвы; требовали отъ него потомъ, чтобы онъ зазимовалъ въ Казани, пока окончится совершенное покореніе Казанской земли, и оскор-

блялись, когда Іоаннъ не слушалъ сего совѣта (252).

Человѣкъ забывчивъ, самый добродѣтельный и благонамѣренный. Такіе поступки оскорбляли Царя, когда въ тоже время другіе царедворцы находили случай шептать ему въ уши: «Государь! ты рабъ Адашева и Сильвестра (253)!»

(252) См. прим. 226, 241. Правители противились скорому отъѣзду Царя изъ Казани, говоря, что надобно ему остаться и устроить порядокъ въ завоеванной землѣ (*Сказ. Курбск.* I, стр. 47). «Онъ-же совѣта мудрыхъ воеводъ не послушалъ, *послушалъ-же совѣта шурьевъ своихъ*: они бо шептаху ему въ уши, да поспѣшится къ Царицѣ своей, сестрѣ ихъ, *и другихъ ласкателей направили съ попами.*» Далѣе Курбскій жалуется, что Іоаннъ самъ поѣхалъ доброю дорогою, а ихъ отправилъ худою, отъ чего войско погубило коней своихъ: «Се сія первая дума человѣкоугоднича!» прибавляетъ онъ. Здѣсь начало вражды между *Царемъ* и *Правителями*.

(253) Не смотря на мудрое правленіе Сильвестра и Адашева, видимъ, что они невольно потакали нѣкоторымъ вельможамъ и друзьямъ своимъ, и обходились, можетъ быть, по необходимости, сурово съ самимъ Іоанномъ, противорѣчили ему въ мѣлочахъ, принуждали его къ строгой жизни. Наконецъ, иногда они преслѣдовали своихъ непріятелей, или позволяли преслѣдовать ихъ, не внимая заступленію и спорамъ

Наконецъ Правители поссорились между собою; они оскорбили своимъ самовластіемъ Захарьиныхъ и самую Анастасію. И не увидѣлъ-ли Іоаннъ и въ нихъ, въ этихъ образцахъ чело-

Іоанна. Іоаннъ упоминаетъ о многихъ обстоятельствахъ, которыя для насъ неизъяснимы, но сущность дѣла видна изъ нихъ: «Намъ оздравѣвшимъ.... попуже Сил. и Алексѣю не престающе, вся злая совѣтующе, и утѣсненіе горчайше сотворяти, на доброхотныхъже намъ гоненія разными виды умышляюще.... Намъ-же оттолѣ въ большемъ утѣсненіи пребывающимъ, отъ нихъ-же во единомъ и ты (Курбскій) былъ еси явлено, еже *съ Курлятевымъ насъ хотѣсте судити про Сицкаго*» (дѣло это вовсе неизвѣстно; но Сицкій былъ своякъ Іоанна). Царь жалуется, что ему не позволяли ѣздить на богомолья: вѣроятно, Правители помнили бѣдствіе Шуйскихъ, происшедшее отъ сихъ отлучекъ Царя.... «Во врачевствѣ же и *хитрости* (вѣроятно, ворожбѣ) своего ради здравія, ниже помянути тогда бяше. Вы-ли убо съ Попомъ и со Алексѣемъ не гонили? Како убо Епископа Коломенскаго Ѳеодосія, намъ совѣтна, народу града Коломны повелѣсте каменіемъ побити? Но Богъ соблюде его, и вы согнали его съ престола его (Ѳеодосій былъ на Коломнѣ послѣ Вассіана Топоркова. См. *Ник. Лѣт.* VII, 37)? Чтожъ о Князѣ нашемъ Никитѣ Аѳанасьевичѣ? Почто животъ его раздробисте, самого-жъ въ заточеніи много лѣтъ, въ дальныхъ странахъ, въ алчбѣ и наготѣ держасте? И кто можетъ довольно вся гоненія ваша исчести, за множествомъ ихъ! Аще кто мало намъ послушенъ

вѣческаго совершенства, людяхъ, которымъ безотчетно передалъ онъ власть и силу, такихъ-же царедворцевъ, какъ другіе, во время тяжкой своей болѣзни, когда исчезало

явится, вси тіи гоними быша.... Коликія напасти отъ васъ пріялъ, колико оскорбленіе, коликія досады и укоризны! И за что? Что моя предъ вами вина? Кого чимъ оскорбилъ? То-ли моя вина, что *Прозоровскаго полтораста чети, Өеодора сына, дороже?* Съ какою есть укоризною по мнѣ судили Сицкаго съ Прозоровскими, и какъ обыскивали, какъ-бы злодѣя? Ино та земля нашихъ головъ дороже? И сами Прозоровскіе каковы передъ нами? Ино то ужъ мы въ ногу ихъ не годны? А у батюшки и у меня Прозоровскихъ было не одно сто. А Курлятевъ былъ по чему меня лучше? Его дочерямъ всякое узорочье покупай — благословно и здорово; а моимъ дочерямъ — проклято и за упокой! Да много того, и такихъ мнѣ отъ васъ бѣдъ всего того не исписати.» Сказавъ о Владимірѣ Андреевичѣ (См. Прим. 249), Іоаннъ продолжаетъ: «И вы почали противъ меня больше стояти, да измѣняти, и я потому жесточайше почалъ противъ васъ стояти, хотѣлъ васъ покорити въ свою волю. Вы хотѣсте съ попомъ Сил. и съ Алекс. Адашевымъ, и со всѣми своими семьями, подъ ногами своими всю Русскую землю видѣти, но Богъ даетъ власть, ему-же хощетъ.» — Могу-ли исчесть — говоритъ Іоаннъ — что *въ житейскихъ пребываніяхъ и хожденіяхъ, и въ покоѣ, и въ церковномъ предстояніи, и въ житіи* претерпѣлъ я утѣсненій? Я терпѣлъ, ибо думалъ, что все это

земное величіе, окружавшее его (254)? Согласимся, что человѣкъ готовъ скорѣе простить преступленіе, сдѣланное изъ любви къ нему, нежели доброе дѣло, гдѣ оказывается холодность и нелюбовь къ нему ближняго. Если Адашевъ и Сильвестръ руководствовались са-

полезно (мняще, яко дивныя ради пользы сицевая утѣсненія намъ творятъ). Скажи, измѣнникъ! лгу-ли я? Или, то *они* дѣлали, и *имъ* обличенія нѣтъ?» — Что-же отвѣчалъ на все это Курбскій? «Хотѣлъ я *на каждое слово твое отвѣчать*, но предаю все суду Божію; стыжусь, рыцарь будучи, ругаться съ тобою.» И потомъ: «На Сильвестрѣ сбылось слово: обличай премудра и возлюбитъ тя. Окончаніе сихъ словъ ты самъ помнишь, а я, воинъ, не приражусь кусательными словами твоей высотѣ.» — А еже пишеши о Курлятевѣ, о Прозоровскихъ, и о Сицкихъ, и не вѣмъ о якихъ узорочьяхъ, и за упокой, предпоминающи Кроновы и Афродитовы дѣла, и стрѣлецкихъ бабъ (Іоаннъ упрекалъ Курбскаго въ связи съ какою-то женщиною: «Ты чего для понялъ стрѣлецкую жену?»), аки-бы нѣчто смѣха достойно и пьяныхъ бабъ басни; на сіе отвѣта не потреба, по премудрому Соломону: глупающему, рече, отвѣщати не подобаетъ!» — См. переписку Іоанна съ Курбскимъ (*Сказ.* т. II-й).

(254) Соглашались-ли Адашевъ и Сильвестръ съ единомысленниками Владиміра и отрицали-ль присягу Димитрію? Важный вопросъ, ибо въ немъ заключается все главнѣйшее обвиненіе на нихъ. Кажется, отвѣтъ

мымъ благимъ намѣреніемъ, желали добра отечеству, желая престола Князю Владиміру, а не младенцу Димитрію, Іоаннъ увидѣлъ, что въ ихъ глазахъ *онъ* и *сынъ его* суть только орудія для тайныхъ замысловъ Правителей, и

положителенъ: *не буйствуя*, подобно другимъ, ища, *можетъ быть*, *блага отечеству въ избраніи Владиміра, они соглашались съ другими.* Доказательства: 1-е, только вечеромъ 11-го Марта Алексій Адашевъ присягнулъ Димитрію, когда *по утру отецъ его*, передъ лицемъ Государя, дерзновеннѣе всѣхъ спорилъ противъ присяги («да, которые дворяне не были въ думѣ у Государя, Алексій Адашевъ, да Игнатій Вешняковъ, и тѣхъ Государь привелъ къ цѣлованію въ вечеру»); 2-е, Курбскій оправдываетъ *только себя*, ничего не говоря о Сильвестрѣ и Адашевѣ; 3-е, утвержденія о Сильвестрѣ *прямаго* нѣтъ, но Іоаннъ обвиняетъ его и Адашева въ письмахъ, и вотъ слова *Царственной книги* о Сильвестрѣ (стр. 343): «Бысть Сильвестръ совѣтенъ и въ велицей любви у Князя Влад. Андреевича, и у матери его Княгини Евфросиніи: его-бо промысломъ и изъ нятства выпущенъ (это неправда: Владиміръ освобожденъ былъ въ правленіе Бѣльскаго). Сильвестръ началъ бояромъ воспрещати (когда «Князь В. А. и мати его собрали своихъ Дѣтей Боярскихъ, да учали имъ давати жалованье, деньги, и Бояре о томъ Князю Влад. учали говорити, что мати его и онъ такъ негораздо дѣлаютъ: Государь не домогаетъ, а онъ людей своихъ жалуетъ; и Князь Влад. и мати его почали на бояръ вельми не-

оскорбленное самолюбіе могло внушить ему погубную мысль, что сіи замыслы происходятъ отъ *своекорыстія*, а не *желанія благъ отчизнѣ*. Словомъ: Адашевъ и Сильвестръ были, можетъ быть, правы передъ отечествомъ и совѣстью; но, даже и по суду потомства, были они виноваты передъ Іоанномъ, безъ всякаго оправданія. И такое чувство было подкрѣпляемо непріязнію Анастасіи и ея родственниковъ къ Сильвестру и Адашеву: Адашева не допускали уже въ совѣтъ, собиравшійся вокругъ умирающаго Іоанна, гдѣ *первенствовали* Захарьины (255).

годовати и кручинитъся; Бояре-же начаша отъ нихъ беречися, и Князя В. А. къ Государю (больному) часто не почали пущать), глаголя (Сильвестръ): про что вы къ Государю Князя Влад. не пущаете? Онъ Государю добра хочетъ.» Бояре-же глаголаша ему: «На чемъ они Государю правду дали, потому и дѣлаютъ, какъ-бы ихъ государству было крѣпче, и *оттолѣ бысть вражда межъ Бояръ и Сильвестромъ и его совѣтники.*»

(255) Будемъ безпристрастны: думалъ-ли о благѣ отечества отецъ Адашева, говоря Іоанну: «Тебѣ и сыну крестъ цѣлуемъ; но Захарьинымъ Данилѣ съ братьею служить не хотимъ; сынъ твой еще въ пеленахъ, а владѣть нами Захарьинымъ; мы-же отъ Бояръ до твоего возраста бѣды видѣли многія? «Не можемъ-ли почесть достовѣрнымъ, что во время болѣзни Царя могли *думать* то, что послѣ того Курб-

Къ несчастію, Правители не хотѣли, и уже *не могли* измѣнить образа своихъ дѣйствій, принуждены были еще болѣе прежняго стараться поддерживать власть свою надъ умомъ Государя, противорѣчить ему, не уважать неприязнью Анастасіи, Захарьиныхъ, другихъ вельможъ. Видимъ разительный примѣръ, когда

скій явно говорилъ ему: « Еже пишеши именующе насъ измѣнники для того, иже есмя *принуждены были отъ тебя по неволѣ крестъ цѣловати*, яко тамъ (въ Россіи) есть у васъ обычай аще бы кто не присягнулъ, горчайшею смертію да умретъ, на сіе тебѣ отвѣтъ мой: всѣ премудрые о томъ *сгажаются* (согласуются): аще *кто по неволѣ присягаетъ*, или клянется, *не тому бываетъ грѣхъ, кто цѣлуетъ крестъ, но паче тому, кто принуждаетъ*, аще бы и гоненія не было » (*Сказ.* т. II, стр. 124). Но допустивъ такой отвратительный софизмъ, какое клятвопреступленіе не будетъ извинено, и что-жь послѣ сего значитъ присяга? Несогласіе Правителей съ родственниками Анастасіи, и съ нею самою, видимъ по всему: изъ словъ Курбскаго прим. 252); изъ описанія смятеній во время болѣзни Царя; изъ того, что Захарьины были потомъ въ числѣ обвинителей Адашева и Сильвестра (См. прим. 318); изъ того, что Захарьины всегда оставались въ милости, послѣ паденія и погибели партіи Адашева. Наконецъ, Іоаннъ пишетъ къ Курбскому: « На нашу Царицу Анастасію ненависть зѣльну совоздвигше и уподобляюще ко всѣмъ Царицамъ нечестивымъ. » —

послѣ болѣзни своей Іоаннъ отправлялся на богомолье: Адашевъ и Сильвестръ, какъ будто боясь выпустить его изъ подъ своего личнаго надзора, спорили съ нимъ, говорили, что гораздо нужнѣе Царю заниматься важными государственными дѣлами, нежели скитаться по монастырямъ. Въ подтвержденіе словъ, употреблена была хитрость: въ Троицкой обители жилъ тогда престарѣлый Максимъ Грекъ, уже освобожденный отъ неволи и гоненія. Уважая мудрость и несчастія старца, Іоаннъ посѣтилъ его, и Максимъ говорилъ ему тоже, что говорили Адашевъ и Сильвестръ. «За чѣмъ исполняешь ты обѣтъ, данный не по разуму? Лучше отдай бѣднымъ сокровища, которыя хочешь раздать по монастырямъ отдай ихъ сиротамъ и вдовамъ, оставшимся послѣ тѣхъ людей, которые пали за Христіанство подъ

Курбскій опровергаетъ только нелѣпое обвиненіе въ смерти Анастасіи, и прибавляетъ о себѣ, что *онъ невиненъ*, ибо тая твоя Царица мнѣ убогому ближняя сродница (*Сказ.* т. II, стр. 60, 127); о ненависти-же противъ нея Сильвестра и Адашева — ни слова. Родство Курбскаго съ Анастасіею было по женскому колѣну: *Ирина*, бабушка Анастасіи, была *дочь* Ивана Морозова, а *Марья*, мать Курбскаго, внука брата его Василія, слѣдственно: Курбскій былъ братъ Анастасіи въ 4-мъ колѣнѣ.

Казанью. За чѣмъ ѣдешь по монастырямъ? Богъ и святые его вездѣ равно внимаютъ молитвѣ.» Іоаннъ не слушалъ совѣта. Тогда Духовникъ его, Алексій Адашевъ и Князь Андрей Курбскій, извѣстили его, что Максимъ *исполненный пророческаго духа*, предвѣщаетъ ему за непослушаніе — смерть сына его Царевича Димитрія. Это напомнило, можетъ быть, Іоанну *чудеса* и *прорицанія* Сильвестра, слышанныя имъ за шесть лѣтъ, о которыхъ и самые друзья Сильвестра говорили: «не знаемъ, *истинныя* ли были сіи чудеса, или Сильвестръ хотѣлъ *только испугать Царя*, буйства его ради и неистовой юности, и, какъ отцы велятъ слугамъ пугать дѣтей своихъ для ихъ пользы и добра, такъ и сей святой мужъ употребилъ благую хитрость, для уничтоженія великаго зла» (256). По край-

(256) *Сказ. Курбск.* т. I, стр. 49—52. Замѣтимъ, что слова, которыя изрекъ Максимъ «наполнився духа пророческаго,» передали Іоанну именно: *Благовѣщенскій протоіерей*, *Андрей Курбскій*, *Алексій Адашевъ*, и еще И. Ѳ. Мстиславскій — бѣдное игралище всѣхъ партій, женатый на дочери друга Адашевыхъ и Сильвестра, Александра Горбатаго (См. *Собр. Г. Г.* т. II, №* 36), по родству съ Іоанномъ почетное, но ничтожное лицо при дворѣ (*Сказ.* т. I, стр. 52). Что-же говоритъ Курбскій о несоглашеніи Іоанна, когда услышалъ онъ отъ Правителей, духовника сво-

ней мѣрѣ, Іоаннъ навсегда оставилъ Максима въ его изгнаніи, и поѣхалъ на богомолье. И что, если случайная смерть сына, немедленно за тѣмъ слѣдовавшая, заронила напротивъ въ сердцѣ его страшное подозрѣніе о томъ: *отъ чего сбылось прорицаніе Максима*? Если онъ подумалъ: «*кто* возбудилъ бунтъ 1547 года и погубилъ Глинскихъ, когда Сильвестръ предвѣщалъ мнѣ ужасы и пророчествовалъ, представляя посѣщеніе Божіе пожаромъ, и бунтъ, его сообщниками возбужденный, какъ будто гнѣвъ Божій, требующій моего исправленія?» Если только *подобная* мысль запала въ

его, и друзей ихъ, о предвѣщаніи Максима? «Онъ-же (Іоаннъ), яко гордый человѣкъ, упрямясь, только: *ѣхати* да *ѣхати*, рече, *къ Св. Кириллу*; къ тому ласкающе его и поджигающе миролюбцамъ и любоименнымъ монахамъ, и похваляющимъ умиленіе Царево, аки богоугодное обѣщаніе; бо тѣ монахи богатолюбные не зрятъ богоугоднаго, а ни совѣтуютъ по разуму духовному, чему были должны суще, паче въ мірѣ живущихъ человѣкъ; но всячески съ прилежаніемъ слухаютъ, чтобы угодно было Царю и властемъ, сіе речь: чѣмъ-бы выманити имѣнія монастырямъ, или богатство многое, и жити въ сладострастіяхъ скверныхъ, яко свиньямъ капающеся, а не глаголю въ к.... валяющеся. Прочее-же умолчимъ, да не речемъ чего горшаго и сквернѣйшаго».... Для узнанія истины сказано довольно.... *Чтый, да разумѣетъ*.

душу Іоанна, то уже съ тѣхъ поръ возродилась въ душѣ его та недовѣрчивость, та гибельная подозрительность, которыя заставляли его потомъ трепетать умысловъ роднаго сына, бояться собственной своей тѣни!

Но, почему Іоаннъ тогда-же не свергъ ига Адашевыхъ и Сильвестра? Почему не изъявилъ гнѣва никому? Причины естественны.

Подозрѣвая, обвиняя въ душѣ своей Правителей, онъ не могъ не сознаться въ необыкновенномъ умѣ, въ правотѣ ихъ при дѣлахъ государственныхъ, въ томъ, что *они* были причиною славы его и благоденствія народнаго. Онъ зналъ, что̀ хотятъ они совершить еще, и не могъ отвергать пользы и чести ихъ предположеній. Можетъ быть, онъ страшился даже, что все бремя правленія упадетъ на него безъ Правителей, не находилъ людей въ замѣну имъ. Можетъ быть, онъ и привыкъ къ недѣятельности ума, къ соглашенію съ тѣмъ, что придумывали другіе, любя нѣгу, пиры, забавы: видимъ, что во все это время Іоаннъ не прерывалъ своихъ *разгульныхъ* поѣздокъ. И клеветники, и враги Правителей еще не вдругъ получили доступъ къ душѣ Іоанна, и развратники не смѣли подступить къ особѣ его, охраняемой любовью къ супругѣ, прекрасной, добродѣтельной, матери дѣтей Іоанновыхъ. Стыдъ, совѣсть, даже простое соблю-

деніе приличій, не суть-ли препятствія къ порокамъ, иногда самыя непобѣдимыя? Надобно было постепенно усилить слабости Царя постепенно клеветать на Адашевыхъ и Сильвестра, постепенно отдалять ихъ отъ Іоанна, и — надобно было умереть Анастасіи, чтобы развратъ безстыдно показалъ наконецъ свое отвратительное лицо въ чертогахъ Царя.

Но все соображенное нами ясно показываетъ, что погибель Іоанна, смерть его добродѣтелей, такъ-же не были внезапнымъ чудомъ, какъ и рожденіе его добродѣтельнаго житія.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда молва народа начала прославлять мудрость его законовъ и уставовъ, его побѣды и счастіе, Іоаннъ, всюду выставляемый грознымъ побѣдителемъ, мудрымъ законодателемъ, предсѣдателемъ Думы Боярской, Царемъ, истинно раскаявшимся въ поступкахъ юности, иногда воображалъ себя въ самомъ дѣлѣ дѣйствователемъ и создателемъ своей славы. « Аще есть мое малое прегрѣшеніе (могъ думать Іоаннъ, какъ потомъ писалъ онъ къ Курбскому), но сіе отъ вашего соблазна и измѣны; паче-же и человѣкъ есмь: нѣсть человѣкъ безъ грѣха, токмо единъ Богъ. А о безбожныхъ человѣкахъ что и глаголати. Паче-же тіи всѣ царствіи своими не владѣютъ, а Россійское самодержство изначала сами владѣютъ всѣми царствы, а не Бояре и вель-

можи.» И иногда, въ лучшее время своей жизни, уже явно скучалъ Іоаннъ своею зависимостью отъ другихъ. Вскорѣ послѣ взятія Казани, грозно промолвилъ онъ окружавшимъ его, въ минуту гнѣва: «Теперь Богъ избавилъ меня отъ васъ!» — Онъ не соглашался ѣхать подъ Казань; не хотѣлъ въ рѣшительный часъ, Сентября 30-го, 1552 г. послушаться Воротынскаго, ударить тогда-же на общій приступъ, и, можетъ быть, спасти тысячи людей, погибшихъ отъ сей отсрочки; не хотѣлъ потомъ остаться зимовать въ Казанской области; въ часъ смертной болѣзни, онъ сказалъ Захарьинымъ: *неуже-ли вы будете щадить измѣнниковъ?* — Онъ поѣхалъ потомъ въ Кирилловъ монастырь, не внималъ увѣщаніямъ Правителей и Максима, и назвалъ словами отца роднаго совѣты Вассіана о своевластіи (257).

(257) «По оной-же побѣдѣ (взятіи Казани), аки на третій день, Царь отрыгнулъ воеводамъ, на единаго разгнѣвався, такое слово рекъ: *Нынѣ боронилъ мя Богъ отъ васъ*! (Сказ. Курбск. I, 46). Какъ изъясняетъ это Курбскій? «Аки-бы реклъ: Не возмогъ есмя васъ мучити, пока Казань стояла сама въ себѣ, бо ми есте потребны были всячески, а нынѣ уже вольно мнѣ всякую злость и мучительство надъ вами показывати!» —О слово Сатанинское (восклицаетъ Курбскій), являемое неизреченную лютость человѣческому роду! О наполненіе мѣры кровопійства отческаго!» и говоритъ,

Увидимъ, какъ далѣе поступки Іоанна постепенно становились самовластительнѣе; какъ, мало по малу, *отвыкалъ* онъ отъ послушанія совѣтамъ другихъ, противился предпріятію Правителей противъ Крыма, и вопреки всѣмъ увѣщаніямъ началъ Ливонскую войну. Успѣхъ сей войны былъ пагубенъ для Царя и Правителей: онъ увѣрился въ себѣ, пересталъ вѣрить имъ. Оставалось ударить роковому часу рѣшительнаго перелома, и душею Іоанна овладѣть пороку и страстямъ. Насталъ сей часъ, и тогда все погибло въ одно мгновеніе: счастіе, слава Іоанна, Адашевъ и Сильвестръ. Но слѣды сего находимъ далеко прежде.

А другіе вельможи, кромѣ Сильвестра и Адашева? Къ несчастію, кромѣ сихъ двухъ великихъ людей, не было *ни одного*, кто превышалъ-бы свой вѣкъ, свои современныя понятія, предпочиталъ благо отчизны собственному благу, или соединялъ въ одно время достоинства государственнаго человѣка съ доблестью вое-

что «скверный языкъ человѣческій явился въ семъ случаѣ орудіемъ Сатаны.» — О несоглашеніи съ Воротынскимъ на приступъ къ Казани, Сентября 30-го, самъ Іоаннъ говоритъ: «И въ самое взятіе города, аще бы не удержалъ васъ, како напрасно хотѣсте погубити православное воинство, *не въ подобно время брань начати* (*Сказ.* т. II, стр. 72)? —

воды. Неуже-ли въ самомъ дѣлѣ повѣримъ, что съ исправленіемъ Іоанна въ 1547-мъ году, и всѣ тѣ, кто буйствовалъ и крамольничалъ съ Оболенскими, Шуйскими, Бѣльскими, Глинскими, поклялись быть добродѣтельными, думать только о чести Царя и благѣ Отечества — *исправились?* Болѣзнь Царя, въ 1553 году, сняла личину съ Дворской крамолы, кипѣвшей тайно, проявлявшейся въ ничтожныхъ спорахъ за чины, мѣста, награды; искавшей погибели одного царедворца для возвышенія другаго. Почтимъ память людей, умиравшихъ за Русскую землю, не щадившихъ живота за честь ея, право правившихъ судомъ и истиною, даже потомъ умиравшихъ на плахѣ съ кротостью Христіанъ, съ благословеніемъ воли своего Повелителя. Но не сіи-ли самые люди являлись безпощадными крамольниками, холодными себялюбцами въ волненіи Двора, искательствѣ честей и выгодъ? Не они-ли дерзали тревожить послѣднія минуты умирающаго отца и Государя мѣлкими разсчетами своего корыстолюбія (258)? Они могли говорить ему (слова Іоанна Курбскому): « Или убо сіе

(258) Здѣсь опредѣлимъ общій очеркъ дѣйствій и измѣненій Іоанна, въ какомъ надобно смотрѣть на событія въ жизни его съ 1553 года: онъ увѣрился въ самобытности своей и увидѣлъ своекорыстіе партіи Адашева и друзей его, которую въ основаніи поколе-

свѣтло: попу и прегордымъ, лукавымъ рабамъ владѣть, Царю-же токмо председаніемъ и царствія честію почтену быть, властію-же ничѣмъ лучше раба? А се-ли тма, яко Царю содержати повелѣнная? Камо-же и самодержецъ наречется, аще не самъ строитъ, яко-же рече Апостолъ Павелъ къ Галатамъ, пиша: «въ нѣсколько лѣтъ наслѣдникъ есть младенецъ, ничѣмъ-же есть лучше раба, но подъ повелителями и приставники есть, до нарока отча?» — Такъ могли говорить Іоанну многіе (259). Мы отличимъ ихъ въ послѣдствіи по дѣламъ. Они

бала ссора съ Захарьиными, несчастныя событія во время болѣзни Іоанна, и потомъ усиленныя старанія поддержать себя. Другіе вельможи и партіи Дворскія воспользовались обстоятельствами. Счастливыя для Россіи внѣшнія событія съ 1553 г. и война Ливонская довершили увѣренность въ самомъ себѣ Царя; злоба непріятелей довершила погибель Адашева и друзей его. Свирѣпство Іоанна устремилось на истребленіе всего, что напоминало ему зависимость его, которой онъ уже стыдился, всего, что подозрѣвалъ онъ въ связи съ бывшими Правителями государства. Событія объяснятъ намъ, какъ съ сей точки самоувѣренности и гордости послѣдовалъ дальнѣйшій переходъ Іоанна къ ужасу и погибели.

(259). Се, Царю, получилъ еси отъ шепчущихъ ти въ уши любимыхъ твоихъ ласкателей: вмѣсто святаго поста твоего и воздержанія прежняго — пьянства губительное, со обѣщанными дьяволамъ чашами; вмѣ-

смѣло и нагло предстали предъ Іоанна, когда онъ оттолкнулъ отъ себя мудрыхъ Правителей, ужасомъ хотѣлъ замѣнить любовь, клятвенными записями преданность, и смотрѣлъ на людей съ презрѣніемъ, не вѣря ни чести, ни добродѣтели ихъ, ненавидя самого себя, одинокій въ своихъ чертогахъ, губитель брата, убійца сына, истребитель доблестныхъ воеводъ и мирныхъ подданныхъ, и — для чего? Для охраненія жизни своей, которую готовъ былъ кончить въ произвольномъ изгнаніи на чужой сторонѣ, или въ мрачной келліи какой нибудь обители, гдѣ хотѣлъ вымолить себѣ покаяніемъ пощаду за предѣлами гроба.....

Въ самой ласковости Іоанна, въ смиреніи,

это цѣломудреннаго и святаго житія — нечистоты, всякихъ скверенъ исполненныя; вмѣсто крѣпости и суда твоего Царскаго — на лютость и безчеловѣчіе подвигоша тя; вмѣсто молитвъ тихихъ и кроткихъ, ими-же ко Богу бесѣдовалъ еси — лѣности и долгому спанью научиша тя, и по снѣ зіянію, главоболію съ похмѣлья, и другимъ злостямъ, чрезмѣрнымъ и неисповѣдимымъ!—Еще-ли ся не разсмотришь, о Царю! къ чему тя привели человѣкоугодницы, и чѣмъ тя сотворили любимые *маньяки* твои, и яко опровергли и опроказили, прежде святую и многоцѣнную, покаяніемъ украшенную, совѣсть души твоей (*Сказанія Курбскаго*, т. I, стр. 109, 111, и т. II, стр. 34).

съ какимъ предавалъ онъ забвенію обиду послѣ своего выздоровленія, уже темнѣетъ, будто далекая туча, все тяжелое будущее. Назначая Владиміра опекуномъ дѣтей своихъ, онъ ограничивалъ его унизительными условіями: Владиміръ обязывался ничего не предпринимать безъ согласія Бояръ, какихъ назначатъ ему въ товарищи; имѣть въ Московскомъ домѣ своемъ опредѣленное число служителей; не слушать коварныхъ совѣтовъ матери своей, даже не пощадить ее, если она *замыслитъ лихо* противъ наслѣдника Іоаннова (260).

(260) Записи Влад. Андреев. въ *Собр. Г. Г.* т. I, № 168, 169. — Замѣтимъ важную ошибку Карамзина: онъ пишетъ (ч. VIII, стр. 215), что Іоаннъ, въ знакъ дружбы, или изъ притворства, послѣ рожденія Царевича Іоанна, «въ новомъ, тогда написанномъ завѣщаніи *объявилъ Влад. Андр. наслѣдникомъ трона, если Царевичъ Іоаннъ скончается въ малолѣтствѣ.*» Карамзинъ ссылается на слова записи: «а возметъ Богъ и сына твоего, Царевича Ивана, а иныхъ дѣтей твоихъ, Государя нашего, не останетъ-же ся, и мнѣ *твой*, Государя своего, *приказъ весь исправити твоей Царицѣ, В. К. Анастасіи, и твоему брату Кн. Юрію Вас.*, по твоей душевной грамотѣ, какъ еси имъ написалъ.» Іоанново завѣщаніе (слова Карамзина) утратилось; но ясно, что Владиміръ, по смерти Іоанновыхъ сыновей, *долженствовалъ быть Царемъ*, клятвенно обязываясь въ такомъ случаѣ *отдать Анастасіи и Кн. Юрію назначенные имъ въ Государе-*

Но внѣшность событій не измѣнялась для незнавшаго тайнъ Дворскихъ; Адашевъ и Сильвестръ правили государствомъ по прежнему, и дѣла ихъ по прежнему были мудры, блестящи, мѣры обширны и дальновидны.

Едва покорена была Казань, какъ предположено пронести имя Русское до Хвалынскаго моря, охранить себя отъ Ногаевъ завоеваніемъ всего нагорнаго Приволжья, покорить Русскому Царю страны, гдѣ нѣкогда жили страшные повелители Руси, Ханы Ордынскіе. Тѣмъ сильнѣе могли послѣ сего опереться на полчища *Донскихъ Казаковъ*, подобно тому, какъ Польша ограждала себя *Казаками Днѣпровскими*. Словомъ: положено было покорить Астрахань. Предпріятіе только казалось, но не было ни обширно, ни трудно къ исполненію. Сія восточная страна, носившая пышное названіе *царства*, была ничтожна по силамъ своимъ. Богатая торговлею и выгоднымъ мѣстоположеніемъ, она сдѣлалась убѣжищемъ слабыхъ остатковъ Золотой Орды, и въ теченіе послѣдняго полу-столѣтія была

вой Духовной удѣлы» (прим. 392). Намъ кажется, напротивъ, противный смыслъ ясенъ: въ случаѣ прекращенія рода Іоаннова, престолъ переходилъ, *по праву*, къ Юрію; Іоаннъ не захотѣлъ-бы дать повода къ малѣйшему нарушенію порядка, и тѣмъ, хотя немного, поощрить честолюбіе Владиміра.

игралищемъ сосѣдей, Ногаевъ, Казаковъ, Черкесовъ, Крымцевъ; была занимаема, покоряема ими попеременно, и не однократно умоляла Рускихъ о защитѣ и пособіи. Ханъ Ямгурчей царствовалъ въ Астрахани послѣ Абдулъ-Рахмана, и униженно искалъ дружбы Русскаго Царя, когда Султанъ приказывалъ соединяться всѣмъ музульманамъ на защиту Казани. Утвердивъ Русскую власть въ Казани, Правители поняли легкость завоеванія Астрахани; первый предлогъ сдѣлался поводомъ къ войнѣ, и при этомъ особенно воспользовались несогласіемъ Астрахани съ Ногаями и междоусобіями Ногаевъ. Юссуфъ, отецъ Сумбеки, и Измаилъ, братъ его, ненавидѣли другъ друга, ссорились, сражались между собою; Измаилъ просилъ Іоанна пособить ему одолѣть Юссуфа, а родственнику его Дербышу овладѣть Астраханью. Еще въ 1551 г. Дербышъ выѣхалъ въ Москву, былъ принятъ съ почестью, пожалованъ Звенигородомъ въ помѣстье. Въ 1554 г. его отправили въ Астрахань; Князь Юрій Пронскій поплылъ съ небольшимъ отрядомъ войска по Волгѣ. Ямгурчей хотѣлъ сражаться, и — бѣжалъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Въ станѣ его взяли много добычи, и *безъ битвы* вступили въ Астрахань, откуда разбѣжались жители, въ первый разъ увидѣвшіе хоругви Рускихъ, испуганные страшною участью Казани. Пока гнались за

Ямгурчеемъ, захватывали его женъ, разбивали бѣгущіе отряды войскъ его, Дербышъ объявленъ былъ Царемъ Астраханскимъ; подданные его опомнились отъ страха, собрались; Дербышъ присягнулъ въ подданствѣ Іоанну, обязался платить ежегодную дань, позволить Рускимъ безпошлинную рыбную ловлю. Для *чести* и *охраненія* его оставили при немъ дружину Казаковъ, а въ Москвѣ праздновали *покореніе Астрахани*. Въ самомъ дѣлѣ, Дербышъ вскорѣ узналъ цѣну своего Царскаго титула: онъ назывался Царемъ, а повелѣвали Рускіе. Вскорѣ донесли Іоанну о безуспѣшномъ покушеніи Ямгурчея, приходившаго изъ Азова и прогнаннаго обратно. Черезъ нѣсколько времени извѣстили, что Дербышъ *не прямитъ*, сносится съ Крымомъ, мыслитъ зло. Послали дружину Стрѣльцовъ наказать его. Такъ мало уважали силу *Царя Астраханскаго*. При помощи Измаила, Дербышъ, разбитый повсюду, бѣжалъ въ Азовъ. Астрахань объявили Русскою областью. Измаилъ успѣлъ наконецъ побѣдить и умертвить брата своего Юссуфа, просилъ позволенія мирно кочевать подлѣ Астрахани, и радовался подаркамъ Московскимъ, не понимая своего униженія. Іоаннъ не скрывалъ горделиваго чувства удовольствія, что ему покорилось уже *второе царство*: онъ началъ ставить въ грамотахъ годы *отъ своего воцаренія*, *покоренія*

Казани и *покоренія Астрахани* (261). Судьбѣ угодно было порадовать его пріобрѣтеніемъ еще *третьяго царства*, въ самую ужасную минуту его земнаго бытія: мы говоримъ о Сибири и событіяхъ 1582 года. Но въ 1554 году онъ именовался еще только *Повелителемъ Сибири*, имѣя на то право, ибо слухъ о паденіи Казани достигъ отдаленныхъ береговъ Тобола, и властитель тамошнихъ Татарскихъ завоеваній, Ханъ Едигеръ, знавшій, что сѣверныя страны отъ его царства уже издавна покорны Рускимъ, прислалъ въ Москву Посла своего, униженно поздравить Іоанна и обязаться данью, требуя, чтобы только его не тревожили въ его отдаленномъ Сибирскомъ царствѣ. Послали къ Едигеру съ граматою,

(261) Племянникъ Ямгурчея, Кайбула, пріѣхалъ въ Россію, и получилъ въ удѣлъ городъ Юрьевъ, въ 1552 г., а въ 1551 г. посылали въ Астрахань «видѣти Царевы правды, и его землю всю къ правдѣ привести» (Карамз. т. VIII, прим. 257, 258). О междоусобіяхъ Ногаевъ и дѣлахъ съ ними, *Дѣла Ногайскія* (Продолж. Вивліоѳики, т. VIII). О выѣздѣ и пріемѣ Дербыша, *Собр. Г. Г.* т. II, № 39. О воцареніи его въ Астрахани, *Ник. Лѣт.* VII, 217 — 223. Онъ обязался платить ежегодно по 40,000 алтынъ, и по 3,000 рыбъ. Далѣе *Ник. Лѣт.* т. VII, стр. 224, и слѣд.

утвердили его въ покорности присягою, и въ 1556 и 1558 годахъ была получена въ Москвѣ *дань Сибирская*: Едигеръ обязался взносить Іоанну по соболю и по бѣлкѣ съ человѣка (262).

Такіе успѣхи Рускихъ на Востокѣ, превозили даже Западныхъ сосѣдей Русской земли, какъ увидимъ далѣе; тѣмъ болѣе страшили они Крымскихъ хищниковъ, видѣвшихъ, что съ подчиненностью Казаковъ на Дону, съ покореніемъ Казани и Астрахани на Волгѣ, Русскій Царь становится близкимъ сосѣдомъ ихъ, дѣлаетъ опасною вражду дотолѣ только безпокойныхъ Ногаевъ, и безсильнымъ покровительство Султана, который не думаетъ прерывать сношеній и торговли съ Русью, *златословесными* грамотами увѣряя Русскаго Царя въ дружбѣ своей (263). Владычество и смѣ-

(262) Въ грамотѣ къ Англійскому Королю, Іоаннъ названъ, по Англійскому переводу: Commander of all Siberia. Объ Едигерѣ, *Ник. Лѣт.* VII, 228, и слѣд. — Едигеръ объявилъ, что въ его подданствѣ находится 30,700 человѣкъ.

(263) Ник. Лѣт. VII, 300. Купецъ Мустафа Челебей, въ 1558 г., привезъ грамоты, гдѣ имена Царя и Султана писаны были золотомъ; онъ поднесъ въ подарокъ «бархаты и атласы дорогіе съ золотомъ, и ковры шелковые съ золотомъ.»

лость Рускихъ увеличивались необыкновеннымъ образомъ. Въ то время, когда къ покорителю Астрахани являлись Послы Хивинскіе и Бухарскіе, прося о свободной торговлѣ, и дѣлая Астрахань богатымъ торжищемъ (264), изъ земли Закавказской пріѣзжали Послы, знатные люди, самые Князья, просили защиты, помощи, покровительства Русскаго Царя, вызывались воевать Крымъ. Горцы Машухскіе, Жаженскіе, Бештаускіе, Кабардинскіе передавались Рускимъ, и нѣсколько Князей ихъ выѣхали въ Москву; здѣсь они крестились и вступили въ службу (265). Послѣ неудачнаго похода въ 1552

(264) Ник. Лѣт. VII, 289; Арх. Лѣт. (Ист. Г. Р. VIII, прим. 415).

(265) Ник. Лѣт. VII, 197, 246, 288. въ 1553 г. пріѣхали просить подданства Черкаскіе Князья: *Машукъ*, Иванъ Езбозлуковъ, Танашукъ; въ 1555 году Князья *Жаженскіе*, Сибокъ, сынъ его Кудадыкъ, братъ Ацымчукъ, Тутарыкъ Езбузлуевъ, просили подданства и помощи на Крымъ. Кудадыкъ и Тутарыкъ крестились, названы Александромъ и Иваномъ, и остались въ Москвѣ, «и велѣлъ Царь и В. К. Князь Александру жити у себя во дворѣ, и учити его велѣлъ грамотѣ, съ Царемъ Александромъ Казанскимъ вмѣстѣ»; въ 1557 г. опять пріѣзжали Сибокъ и Машукъ; ихъ-же примѣру слѣдовали Темрюкъ и Тазрютъ, Кабардинскіе Князья, увѣряя, что всѣ Черкесы, Кабарда и Иверская земля съ

году, Девлетъ собрался съ большими силами въ 1553 г. — Думали, что онъ ударитъ на Русь, и поставили охранное войско: Іоаннъ сталъ въ Коломнѣ, съ *Царями* Симеономъ и Шихалеемъ; третій *Царь*, Дербышъ (тогда находившійся въ Москвѣ), отряженъ былъ въ Калугу, съ Княземъ Мстиславскимъ; особый отрядъ войска стоялъ въ Серпуховѣ. Но только мѣлкіе разъѣзды Крымцевъ появились около Мценска, были схвачены, и увѣдомили, что Девлетъ воюетъ Черкесскія земли, а на Русь не пойдетъ. Въ Октябрѣ пріѣхали въ Москву съ шертными граматами Девлета; договоры утвердили (266); но когда на другой годъ Ханъ потребовалъ даровъ за свою дружбу — «Развѣ дружбу покупаютъ?» насмѣшливо отвѣчали ему, и увѣдомили его о покореніи Астрахани. Девлетъ затаилъ досаду, и хотѣлъ *истощить* Русь: онъ снова объявилъ походъ на Черкесовъ, весною 1555 года; собралъ орды

ними «въ одной правдѣ и заговорѣ.» Темрюковы дѣти Булгерукъ и Салтанукъ, пріѣхали въ Москву въ 1558 году. Увидимъ, что сестра ихъ, черезъ три года, будетъ супругою Іоанна: она была знамените красотою на Кавказѣ.

(265) Ник. Лѣт. т. VII, стр. 206, 211. 214, 216.

свои. Но его предупредили, и осторожностью, и смѣлостью предпріятій.

Послѣ взятія Казани, упорная система прочныхъ завоеваній казалась рѣшительно вѣрною и единственною для укрѣпленія Россіи, а покореніе Астрахани доказало, что отдаленность не должна пугать смѣлаго завоевателя. Если Іоаннъ III-й успѣлъ вырвать у Польши вдругъ обширныя области, а Василій упорствомъ своимъ удержать ихъ, присовокупивъ еще Смоленскъ, Правители почитали достовѣрнымъ, особливо пользуясь страхомъ, наведеннымъ на музульмановъ, что теперь можно будетъ вдругъ раздвинуть предѣлы Русскіе до самыхъ береговъ Чернаго моря: они хотѣли, не усмирить, но — *уничтожить Крымъ*.

Предпріятіе столь обширное ужаснуло Іоанна; можетъ быть, онъ боялся Султана, боялся самой огромности дѣла, хотя вѣрныя средства находили Правители въ силахъ Русской земли, въ пособіяхъ Казаковъ Донскихъ и Днѣпровскихъ, съ которыми завели близкія сношенія (267).

(267) Курбскій подробно раскрываетъ обширный планъ Правителей (*Сказ.* т. I, 80, 81).

Днѣпровскіе Казаки опять имѣли въ это время вождя смѣлаго и умнаго, новаго Дашковича: то былъ *Князь Димитрій Вишневецкій*, потомокъ знаменитыхъ предковъ, отъ рода Корибута-Димитрія, сына Олгердова. Братья его оставались въ службѣ Королевской, не смотря на бездѣйствіе Сигизмунда-Августа, который завидовалъ Москвѣ, хотѣлъ пріобрѣтеній, и не умѣлъ ни собрать силъ, ни освободиться отъ мѣлкой интриги Двора и внутреннихъ смятеній. По слѣдамъ Ланцкоронскаго, Димитрій уѣхалъ въ раздольныя степи Казацкія, собралъ, соединилъ тамъ толпы Казаковъ подъ свое начальство, и на островѣ Хортицѣ основалъ крѣпость, сдѣлавшись страхомъ Крымцевъ и опаснымъ сосѣдомъ Молдавіи.

Правители предлагали Іоанну принять Вишневецкаго въ подданство, усилить его Русскими войсками. Іоаннъ отвергъ сіе предложеніе. Не знаемъ достовѣрно причинъ, какъ мы уже говорили выше, но главною не было-ли то, что Іоанну хотѣлось уже въ это время болѣе и болѣе показывать свою самостоятельность въ дѣлахъ, и что онъ обращалъ особенное вниманіе на предпріятіе совсѣмъ другаго рода, въ другой сторонѣ, а противъ этого предпріятія спорили Адашевъ и его товарищи (268)?

(268) Вишневецкій *Василій*, праправнукъ Корибута,

Оставалось приступить къ распоряженіямъ неполнымъ. Правители думали, что честь и польза требуютъ защиты союзниковъ Руси, Кавказскихъ народовъ; они хотѣли сдѣлать опытъ предположенной ими войны съ Крымомъ, и лѣтомъ 1555 года, Шереметевъ отправился отъ Бѣлева Муравскимъ шляхомъ, съ 13-ю тысячами войска и Казаковъ. Онъ долженъ былъ напасть на Перекопь, стараться причинить бо-

былъ отецъ Князей: *Михаила*, внукъ коего былъ славный Іеремія, а правнукъ выбранъ въ Короли Польскіе, въ 1669 году; *Александра*, бывшаго воеводою въ походѣ противъ Рускихъ, въ 1534 г., и удальца *Димитрія*. Замѣтимъ, что дѣдъ Василія именовался *Дашко*. Не былъ-ли *Дашковичъ* изъ рода Вишневецкихъ, и не увлекся-ли Димитрій примѣромъ своего родственника? Здѣсь явно, что Хортицкая орда Казаковъ, такъ, какъ въ послѣдствіи Запорожцы, отдѣлялась отъ Казаковъ осѣдлыхъ, подвластныхъ Польшѣ, и жившихъ въ Черкасахъ, Чигиринѣ и Каневѣ. Когда Димитрій, поддавшись Россіи, изгнанный Крымцами изъ Хортицы, занялъ сіи города, Іоаннъ боялся, что Польша почтетъ это *нарушеніемъ мира*. Такъ и потомъ братъ Димитрія, *Михаилъ*, былъ Кастеляномъ Кіевскимъ, и Старостою *Каневскимъ и Черкаскимъ*, а удальцами Казацкими, отдѣльно, управляли Шахи, Скалозубы, Свирговскіе. Важное обстоятельство, не вполнѣ замѣченное донынѣ Историками Малороссіи!

лѣе вреда Крыму, отогнать многочисленныя стада изъ тамошнихъ степей, и отвлечь Девлета отъ нападенія на Черкесовъ. Достигнувъ береговъ Донца и Святыхъ горъ, Шереметевъ узналъ хитрость Ханскую: отъ Изюма, полчища Татаръ, вышедшія съ Девлетомъ изъ Крыма, поворотили влѣво и быстро пустились на Тулу. По увѣдомленію Шереметева, новое войско немедленно выступило изъ Москвы, не останавливалось на Окѣ, но спѣшило переправиться на другой берегъ. Іоаннъ, Симеонъ, Владиміръ Андреевичъ были при войскѣ. Девлетъ могъ погибнуть, ибо Шереметевъ сносился съ Тулою, воротя по слѣдамъ Крымцевъ, и такимъ образомъ пресѣкая имъ обратную дорогу, когда Іоаннъ быстро шелъ на встрѣчу хищниковъ. Къ несчастію, распоряженія воеводъ сдѣлались гласными; Ханъ узналъ объ нихъ и со страхомъ поворотилъ назадъ. Онъ встрѣтилъ Шереметева на Судбищахъ за Тулою; испуганный, не хотѣлъ онъ сражаться, оставилъ стада коней, верблюдовъ, и бѣжалъ; Шереметевъ забралъ все оставленное, отправилъ подъ прикрытіемъ въ Мценскъ и Рязань, и съ остальными *семью тысячами воиновъ* еще осмѣлился гнаться за Ханомъ. Они встрѣтились. Первая битва была удачна, но Девлетъ, истязуя плѣнныхъ, узналъ малочисленность отряда Русскаго, и на другой день

60 тысячъ Татаръ хлынули на Шереметева. Рускіе бились восемь часовъ, не страшась грома Турецкихъ пушекъ, бывшихъ въ войскѣ Хана, но Шереметевъ былъ раненъ, и войско его бѣжало, разсѣялось. Алексій Басмановъ и Стефанъ Сидоровъ собрали часть бѣгущихъ, спасли главнаго вождя, бились на смерть, и Девлетъ не могъ сломить ихъ; слыша, что Іоаннъ уже близъ Тулы, онъ пустился обратно въ Крымъ. Въ Тулѣ сначала получено было извѣстіе о разбитіи Шереметева; многіе совѣтовали Царю перейдти обратно за Оку, но Іоаннъ не послушался и сталъ въ Тулѣ. Сюда пришли Шереметевъ и Басмановъ, съ остатками войскъ. Храбрый Сидоровъ умеръ отъ ранъ. Царь наградилъ воеводъ, но Девлетъ спасся и предпріятіе Правителей было разрушено (269).

(269) Ник. Лѣт. VII, 241—244; Сказ. Курбск. I, стр. 61—66. См. еще прим. 300-е. — Вѣсть Шереметеву о походѣ Девлета привезъ «*станишникъ Донецъ Лаврентій Копловскій*,» бывшій на стражѣ у Святыхъ горъ (гдѣ нынѣ Святогорскій монастырь, въ 30-ти верстахъ отъ Изюма, на Сѣв. Донцѣ). Шереметевъ поворотилъ за Ханомъ отъ верховья Мжаи и Коломоки. Хваля твердость Іоанна, что онъ не ушелъ за Оку обратно — «таковъ-то былъ Царь» — говоритъ Курб-

Они хотѣли однакожъ доказать возможность его. Храбрый Дьякъ Ржевскій, не смотря на возобновленныя съ Ханомъ сношенія, былъ отправленъ въ Путивль, когда разъѣзды Казацкіе извѣстили о новыхъ приготовленіяхъ Девлета. Въ Путивлѣ, Ржевскій приготовилъ суда, выплылъ ими по Семи въ Десну, Днѣпръ, и явился къ отважному Вишневецкому. Бездѣйствуя самъ, по волѣ Короля, Вишневецкій придалъ Рускимъ 300 Казаковъ своихъ, съ Атаманами Млынскимъ и Яшковичемъ. Они проплыли Днѣпровскіе пороги, напали на Исламъ-Кирменъ, сожгли Очаковскую крѣпость, отогнали множество скота. Девлетъ стоялъ у Конскихъ водъ, и, изумленный неслыханнымъ появленіемъ Рускихъ близъ Крыма, поворотилъ во свояси, отправивъ войско на новаго непріятеля. Ржевскій подѣлалъ *подсады* изъ тростника, отбился отъ Татаръ пищалями, и ушелъ благополучно. Тогда Вишневецкій не вытерпѣлъ, самъ пошелъ на Татаръ, опять взялъ, сжегъ Исламъ-Кирменъ, вооружилъ тамошними пушками свою Хортицкую крѣпость, и весною 1557 года увидѣлъ Девлета съ сильнымъ

скій — «пока любилъ около себя добрыхъ и правду совѣтующихъ!»

войскомъ. Хортицу осадили. Вишневецкій защищался 24 дня, дерзко, мужественно. Девлетъ узналъ, что Рускіе приходили уже на Крымъ съ другой стороны; что соединясь съ Кавказскими горцами, они разграбили городки Азовскій, Темрюкъ, Тамань. Въ тоже время, жестокая зима губила людей и скотину въ Крыму и у Ногаевъ; начались междоусобія: противъ самаго Девлета открылся заговоръ, и онъ въ отчаяніи просилъ помощи у Султана (270). Сопутникъ Ржевскаго, Яшковичъ, находился тогда въ Москвѣ. Вишневецкій предлагалъ Царю принять его въ подданство. Онъ увѣдомлялъ Іоанна о странномъ миролюбіи Короля Польскаго противъ Крымцевъ. Не смотря на то, что въ 1549 году Татары жестоко опустошили Польшу, еще сильнѣе раззоряли ее въ 1551 г., и что тогда-же Польша само-

(270) Ник. Лѣт. VII, 262, 264, 265, 267, 272, 274, 284; Сказ. Курбскаго, т. I, 80, 81. Черкесы нападали на Крымъ подъ предводительствомъ Тазрюта и Сибока, «что были на Москвѣ.» Здѣсь они названы Князьями *Пятигорскими* (т. е. живущими близь Бештау). Въ Крыму хотѣли возвести на мѣсто Девлета Шихалеева брата Тохтамыша; послѣ открытія сего заговора, Тохтамышъ бѣжалъ къ Ногаямъ, а оттуда ушелъ въ Москву.

вольно посадила Господаря въ Молдавіи, объявляя его своимъ данникомъ, Сигизмундъ Августъ строго запрещалъ Казакамъ воевать Крымъ, говоря, что онъ опасается раздражить Султана. Вишневецкій возобновлялъ предположенія Дашковича, увѣряя Іоанна, что если устроить крѣпости по Днѣпру, то, при малой помощи, онъ *запретъ* Хана въ его Крымскомъ полуостровѣ. Дѣла опережали рѣшенія. Пока думалъ Іоаннъ о томъ, должно-ли согласиться на предложенія Яшковича, Вишневецкій уже утратилъ Хортицу. Въ другой разъ окруженный Татарами, и Янычарами, присланными отъ Султана, онъ тщетно отбивался отъ превосходной силы непріятеля, не видѣлъ помощи ни откуда, и принужденъ былъ потребовать *честнаго выхода;* Девлетъ согласился, радуясь, что наконецъ раззоритъ проклятую Хортицу. Въ досадѣ на своего Короля, Вишневецкій перешелъ въ Черкасы и Каневъ, снова извѣщая Іоанна, что при беспечности Сигизмунда Августа, онъ покоритъ ему всѣхъ Казаковъ, подвластныхъ Польшѣ, и откроетъ путь Рускимъ къ завоеванію самаго Кіева. Іоаннъ отказался рѣшительно, говорилъ, что хочетъ крѣпкаго мира съ Польшею, приказывалъ Вишневецкому оставить занятые имъ города, и звалъ его къ себѣ. Съ горстью удалой вольницы, Вишневецкій выѣхалъ въ Москву. Онъ получилъ въ по-

мѣстье Бѣлевъ, съ множествомъ подарковъ, и еще болѣе ласковыхъ словъ (271).

И такъ, Іоаннъ разрушилъ одно изъ тѣхъ предпріятій, которыя могли прославить его не менѣе взятія Казани, могли уничтожить Крымскихъ Татаръ и избавить отъ нихъ Россію двумя столѣтіями прежде рѣшительнаго уничтоженія сихъ хищниковъ? Ошибка и робость, достойныя сожалѣнія, и еще болѣе, если припишемъ ихъ упрямству Іоанна! Мы упомянули однакожъ о другомъ предпріятіи, къ которому стремился Іоаннъ. Изъяснимъ его.

Современники говорятъ, что онъ замыслилъ тогда обратиться на Западъ; хотѣлъ взять Ливонію, даже Пруссію, Швецію — по крайней мѣрѣ, Литву; двинуться такимъ образомъ

(271) Ник. Лѣт. VIII, 272, 273, 276, 293. 284, 292, Въ 1549 году Татары взяли въ плѣнъ одного изъ Князей Вишневецкихъ, а въ 1551 г. выжгли Брацлавъ (*Бѣльскій*, стр. 590, 594). Къ Вишневецкому на Хортицу ѣздили отъ Іоанна Щепотьевъ и Ртищевъ; они возвратились съ Яшковичемъ и Княземъ Жижемскимъ (сіи Князья происходили отъ Смоленскихъ, и двое ихъ выѣхали въ Россію еще при Василіи). Вишневецкій говорилъ: «Доколѣ въ томъ городѣ (Хортицѣ) люди будутъ Царскимъ именемъ, и Крымцамъ на войну ходить никуда не льзя,» прибавляя, что онъ «много уже

въ Европу, и сдѣлаться сильнымъ Государемъ среди Западныхъ властителей, довольный укрѣпленіемъ и успѣхами на Востокѣ. Если такой планъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, могъ оказаться несбыточнымъ, если даже невозможно допустить, чтобы онъ могъ вмѣститься въ умѣ Іоанна, при его образованіи и понятіяхъ, по крайней мѣрѣ, современники *опасались* такого плана. Густавъ Ваза писалъ объ немъ къ Польскому и Датскому Королямъ, Ливонскому Гермейстеру, Прусскому Герцогу. Когда съ 1555 года начались торговыя сношенія Англіи съ Русью, Густавъ убѣждалъ Королеву Марію не умножать силы и богатства Рускихъ торговлею, не укрѣплять дружбою своею Русскаго Царя, и безъ того опаснаго. Тщательно стараясь не пропускать въ Русь иностранныхъ художниковъ и ученыхъ, Магистръ Ливонскій увѣрялъ Императора въ 1551 году, что всѣ окрестные властители боятся Іоанна; что допуская въ Русь художниковъ и ученыхъ, Европа возвеличитъ Русь, откроетъ

у Крымцевъ кочевища поосилилъ.»— Вишневецкій пріѣхалъ въ Москву въ Ноябрѣ 1558 г., и Іоаннъ «далъ ему въ отчину городъ Бѣлевъ, со всѣми волостьми и селы, да въ иныхъ городахъ села *подклетныя* ему подавалъ, и великимъ жалованьемъ устроилъ.»

въ ней убѣжище всѣмъ Западнымъ ерепикамъ, и что Іоаннъ и безъ того уже намѣренъ покорить себѣ Литву, Польшу, Швецію и Пруссію (272). Въ самомъ дѣлѣ, мысль о покореніи Ливоніи была любимою мыслью Іоанна. Для сего почиталъ онъ главною и важною мѣрою: всячески, и сколько можно долѣе, поддерживать дружбу съ Польшею, пока въ Ливоніи дѣло будетъ кончено. Напрасно Адашевъ и друзья его отговаривали Іоанну, указывали ему на Крымъ, на храбраго Вишневецкаго; они принуждены были уступить упрямству Царя, и вскорѣ убѣдились они, что довѣренность ихъ у Іоанна уже совершенно потеряна (273).

(272) Олофъ Далинъ. Послы Ливонскіе говорили Императору, между прочимъ (*Ист. Г. Р.* VIII, прим. 479): Der Moscobitters Gewalt und Macht ist sehr gros und dermassen erschrecklich, das auch alle angrentzende Köni_e und Grosfürsten Christlichs Namens ihre Häupter gegen ime nidderslagen und den Frieden diemutig von ime bitten müssen... Der itzige Moscobiter (т. е. Царь) ist ein junger Mann und deswegen zum Kriege und Pluetevergiessen desto hitziger, и проч. — Императоръ писалъ къ Густаву Вазѣ, что не должно допускать Россіи овладѣть Лифляндіею и торговлею Бальтійскаго моря (*Олофъ Далинъ*, III, 618).

(273) Здѣсь произошелъ явный раздоръ между Правителями и Іоанномъ. Они увѣряли его даже, что «грѣхъ начинать войну изъ честолюбія съ Христіанами,

Въ слѣдствіе своей любимой мысли, Іоаннъ, не унижая гордости, постоянно поддерживалъ сношенія съ Сигизмундомъ Августомъ. Въ 1552 году, явился въ Москвѣ гонецъ съ письмами отъ Литовскихъ вельможъ къ Митрополиту и Боярамъ, въ которыхъ просили они убѣдить Іоанна на прочный миръ. Митрополитъ отвѣчалъ, что дѣла мірскія не его дѣло; Бояре увѣдомили, что главное затрудненіе состоитъ въ несогласіи Короля именовать Іоанна Царемъ и въ упорствѣ его прислать для сего Пословъ въ Москву. Въ Іюнѣ 1553 года пріѣхалъ Польскій Посланникъ. Его не пригласили къ обѣду во Дворецъ, и не взяли отъ него даровъ, ибо онъ не хотѣлъ величать Іоанна

когда еще не всѣ покорены поганые народы.» Іоаннъ пишетъ: «Наченшася война, еже на Германы, попу убо Сильвестру, и съ вами, своими совѣтники, о томъ на насъ люте належаще, и еже убо, согрѣшеній нашихъ ради, приключающихся болѣзней, на насъ и на Царицѣ нашей, и на чадѣхъ нашихъ, и сія убо вся вмѣняху, аки ради-же нашего къ нимъ непослушанія сія бываху (т. е. что каждая болѣзнь была представляема Іоанну, какъ наказаніе за начатую имъ войну)... Брань еже на Германы... и отъ того времени отъ попа Сильвестра, и отъ Алексѣя, и отъ васъ, какова отягченія словесная пострадахъ, иже нѣсть подробну глаголати. Еже какова скорбная ни сотворится намъ, то вся сія Германъ ради случися» (*Сказ. Курбск.* т. II, 61, 73).

Царскимъ титуломъ. — «Вижу, что вы пріѣхали ссориться а не мириться,» отвѣчалъ Іоаннъ другимъ Посламъ Королевскимъ, также спорившимъ о титулѣ Царя. Послы оставили Москву; но гнѣвъ Іоанна былъ притворный: Пословъ воротили подтвердить перемиріе съ ними, еще на два года. Бояринъ Юрьевъ едва не поссорился съ Королемъ, когда его послали принять послѣ сего подтвержденіе Королевское. Король хотѣлъ присягнуть только на своей грамматѣ, гдѣ не былъ упомянутъ Царскій титулъ. Послѣ долгаго спора, рѣшились *сложить* обѣ грамматы одну съ другою для Королевской присяги. Споръ о титулѣ продолжался потомъ, и напрасно доказывали Королю грамматами Папы, Императора, другихъ Королей, что еще дѣда Государева именовали Царемъ всѣ сіи Государи. Въ Мартѣ 1556 г., заключая опять только *перемиріе*, на 6-ть лѣтъ, Послы Польскіе думали опровергнуть настойчивость Рускихъ вопросомъ: почему-же дѣдъ и отецъ Іоанна не именовались вообще Царями, получая сей титулъ отъ другихъ Государей? «Потому—отвѣ-

Іоаннъ упрекаетъ, что даже всѣ воеводы худо слушались его въ сей войнѣ, медлили, угождая Правителямъ, и онъ принужденъ былъ посылать имъ по нѣскольку приказовъ.

чали имъ — что они *не вѣнчались на Царство.* И вашего Короля предокъ, Ягелло, принималъ-ли Королевскій титулъ, пока не вѣнчался на *Королевство* Польское (274)?»

Польша болѣе расположилась къ миру, когда Іоаннъ не согласился на предложенія Вишневецкаго, и вызвалъ его къ себѣ, не желая владѣть посредствомъ его городами, Польшѣ подвластными. Другимъ убѣдителемъ къ миру послужилъ Девлетъ. Послѣ попытокъ 1555 года, и бѣдствій, испытанныхъ въ 1556 году, Ханъ уже смиренно просилъ мира. Вспомнивъ, что нѣкогда Руские требовали отъ Крыма набѣговъ на Польшу, онъ послалъ толпу Татаръ грабить Сигизмундовы области (въ 1558 году), и указывалъ на свое распоряженіе, какъ на доказательство дружбы къ Россіи (275). Освобожденные отъ Казаковъ Вишневецкаго, не преграждавшаго болѣе пути черезъ Днѣпръ, Татары ограбили Волынь, Подляхію, Подолію, гостили въ Польшѣ четыре недѣли, вывели *сорокъ тысячь* плѣнныхъ, и — не угодили Руси. Не отвѣчая

(274) Дѣла Польскія (Карамз. VIII, прим. 464, 465); Ник. Лѣт. VII, 205, 207, и слѣд.

(275) Дѣла Польскія и Арх. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 476); Ник. Лѣт. VII, 296.

Девлету, Іоаннъ послалъ Ржевскаго и Вишневецкаго начать мѣлкую войну, занять, отвлечь Крымцевъ, а самъ писалъ къ Королю, сожалѣлъ о Крымскомъ набѣгѣ, говорилъ о своихъ мѣрахъ, для отвращенія впредь подобнаго нашествія поганыхъ, изъяснялъ Сигизмунду Августу необходимость прочнаго мира между Польшею и Русью. «Настало время соединиться, и общими силами низложить врага Христіанства» — писалъ Іоаннъ. Съ радостію и изумленіемъ читалѣ въ Польшѣ грамату Іоаннову; гонца Русскаго честили, угощали; заговорили о союзѣ съ Россіею противъ Турковъ. Король прислалъ къ Іоанну благодарить его, обѣщалъ прислать Пословъ для заключенія вѣчнаго союза и мира; безъ, выкупа отпустилъ двухъ плѣнныхъ воеводъ, Князя Мих. Юрьев. Оболенскаго и Князя И. Ѳ. Шелешпанскаго. Если Іоаннъ хитрилъ съ Польшею, его хитрость удавалась; но послѣдствія доказали его ошибку, когда, напротивъ, предпріятія Правителей противъ Крыма и принятіе предложеній Вишневецкаго, послѣ занятія имъ Черкасъ и Канева, могли принести прямую и существенную пользу Россіи (276).

(276) Объ успѣхахъ Вишневецкаго и Ржевскаго, а потомъ Адашева (въ 1559 г.) см. далѣе. Но это были частныя мѣры, для устрашенія только Хана и пріоб-

Война на Сѣверѣ начиналась еще въ 1555 году, только не съ Ливоніею. Заключивъ мирный 60-ти лѣтній трактатъ съ Густавомъ-Вазою въ 1524-мъ, и подтвердивъ его въ 1537 году, съ обѣихъ сторонъ не думали о войнѣ. Но издавна пограничные жители Швеціи и Россіи

рѣтенія дружества Польши. «Добро было, и паки реку, зѣло добро, избавити въ Ордѣ плѣненныхъ отъ многолѣтнія работы и разрѣшити окованныхъ отъ претягчайшія неволи; но нашъ Царь о семъ мало радяше.... Мы-же паки о семъ и паки Царю стужали и совѣтовали, или-бы самъ потщился идти, или-бы войско великое послалъ въ то время на Орду. Онъ-же не послушалъ, прекаждающе намъ сіе, и помогающе ему ласкатели, добрые и вѣрные товарищи трапезъ и кубковъ и различныхъ наслажденій друзи; на своихъ сродныхъ и единоколѣнныхъ остроту оружія, паче нежели поганомъ, готовилъ, крыюще въ себѣ оное сѣмя, всѣянное отъ преждереченнаго Епископа, глаголемаго *Топорка*» (*Сказ. Курбск.* I, стр. 81,82). О сношеніяхъ съ Польшею въ это время, *Дѣла Польскія* (Карамз. VIII, прим. 478). Но черезъ годъ, когда Рускіе громили Ливонію, дружба Польши простыла; черезъ два года, Іоаннъ могъ увѣриться въ справедливости опасенія Правителей, что Ливонская война поведетъ за собою другія брани. Курбскій жестоко бранитъ Поляковъ за то, что они только на словахъ съ жаромъ принимались за предпріятія противъ Крыма: «А здѣшнему было Королеви и зѣло ближайше; да подоб-

ссорились между собою, даже иногда дрались; наконецъ Рускіе вошли въ Шведскіе предѣлы и сожгли нѣсколько селеній; Шведы мстили тѣмъже, раззоряя селенія въ Русской Лапландіи. Новгородскимъ Намѣстникомъ былъ тогда Князь Дим. Палецкій. Онъ послалъ дружину, прогнать

но Его Королевская Высота и Величество не къ тому обращалося умомъ, но паче въ различныя плясанія много и въ преиспещренныя *машкары* (маски). Такожъ и властели земли тоя драгоцѣнные колачи со безчисленными протопоры гортань и чрево съ марцыпаны напыкающе, и, якобы въ утлыя дельвы (бочьки), дражайшія, различныя вина безмѣрнѣ льюще, и съ *печенѣги* (блюдолизами) вкупѣ высоко скачуще и воздухъ біюще, и такъ прехвальнѣ и прегордѣ другъ друга пьяни восхваляюще, иже не токмо Москву, або Константинополь, но аще бы и на небѣ былъ Турокъ, совлещи его со другими непріятельми своими обѣщавающе. Егдажъ возлягутъ на одрѣхъ своихъ между толстыми перинами, тогда едва ко полудню проспавшись съ связанными головами съ похмѣлья, едва живы очупясь, возстанутъ, на прочіе дни паки гнусны и лѣнивы, многолѣтнаго ради обыкновенія. И сего ради забыли таковаго благополучнаго времени на бусурманы, и не радѣша, горше предреченныхъ тѣхъ, о своемъ отечествѣ, не токмо о оныхъ заведенныхъ (о нихъ же выше мало прежде рекохъ), во многолѣтней работѣ сущихъ, но на каждое лѣто предъ очима ихъ женъ и дѣтокъ, тако-жъ и подручныхъ во плѣнъ множество веденныхъ, не пекущеся о нихъ, но пачежъ тѣ-то предреченные печенѣги, а ни

Шведовъ отъ Русскаго предѣла, и отправилъ гонца объясниться съ самимъ Королемъ. Отрядъ Русскій разбили, а посланнаго задержали, не понимая его объясненій. Шведы не явились потомъ для переговоровъ въ назначенное мѣсто; велѣно было выставить полки на границу. Старикъ Густавъ-Ваза встревожился движеніемъ Рускихъ, самъ отправился защищать Финляндію, считая выступленіе Русскихъ войскъ объявленіемъ войны. Адмиралъ его Іоаннъ Багге вошелъ въ Неву и осадилъ Орѣшекъ. Русскіе воеводы, Семенъ Шереметевъ и Князь Ногтевъ, помогали защищаться осажденнымъ. Багге принужденъ былъ отступить. Сильное Русское войско собралось зимою, и, послѣ неудовлетворительныхъ сношеній, весною 1556 г., Палец-

обраняюще ихъ. Но аще, срама ради великаго и нареканія многослезнаго отъ народу, аки бы выѣдутъ и ополчатся, грядуще издалека во слѣдъ полковъ бусурманскихъ, боящеся наступити и ударити на врага креста Христова, и попошедчи за ними два дни, або три, паки возвратятся во свояси, а что было осталося отъ Татаръ, або сохранено убогихъ христіанъ въ лѣсѣхъ нѣчто, со стяжаніемъ яковымъ, або скотовъ, все поѣдятъ, и послѣднее разграбятъ, и ничтожъ бѣднымъ и окаяннымъ оставляюще оныхъ слезныхъ остатковъ (*Сказ.* т. I, стр. 82,83).

кій вступилъ въ Финляндію, раззорилъ городокъ Кивенъ, жегъ окрестности Выборга (277). Іоаннъ называлъ это побѣдою, и послалъ нѣсколько Шведскихъ броней къ Ногаямъ, гордясь передъ ними и объявляя о торжествѣ своемъ надъ *Нѣмецкимъ Королемъ*, дерзнувшимъ оскорбить великаго Царя Русскаго. Видя безразсудство начинать войну, когда его выдаютъ другіе, Густавъ отправилъ Посланника въ Москву, говорить о мирѣ. Принявъ подарки Густава, Іоаннъ пригласилъ посланнаго обѣдать съ собою, говорилъ много и долго о силѣ своей, несправедливости Густава. Въ первый разъ Іоаннъ явился при семъ случаѣ тѣмъ Іоанномъ, какимъ остался онъ на всю остальную жизнь. Душа его предалась гордости и киченію. Напыщенную грамату писалъ онъ къ Густаву,

(277) Ник. Лѣт. VII, 247, 252, 254, Олофа Далина, т. III, стр. 573—589, Дѣла Шведскія (Карамз. VIII, прим. 450). Посланный отъ Палецкаго, Никита Кузминъ, говорилъ (пишетъ Далинъ) между прочимъ, о раззореніи Шведами какого-то *Варгофа*, и о какомъ-то *Мурманскомъ морѣ*, которыя имена никому и извѣстны не были. Но Кузминъ разумѣлъ монастырь Св. Николая на рѣкѣ Печенгѣ, 158 верстъ отъ Колы, близъ *Нордъ-Капа* (основанный въ 1533 г. инокомъ Трифономъ; см. *Ист. Росс. Іерарх.* IV, 579). *Мурманіею.* (т. е. Норманіею) какъ извѣстно, называли Рускіе Норвегію.

упорствовалъ въ условіяхъ. Тщеславясь потомъ передъ Послами Шведскими, угощая ихъ *на золотѣ*, онъ не отпустилъ плѣнниковъ безъ выкупа, не согласился, чтобы Король Шведскій имѣлъ сношенія прямо съ нимъ, а не съ Новгородскими Намѣстниками; наконецъ желалъ слышать словопреніе о вѣрѣ Архіепископа Упсальскаго съ Русскимъ Духовенствомъ. Король Польскій дружески заступался за Густава; писалъ къ Іоанну, что Швеція можетъ способствовать великому предпріятію ихъ противъ невѣрныхъ, и потому не должно утѣснять ее. Іоаннъ, безпрерывно увѣрявшій Сигизмунда въ миролюбіи, можетъ быть, зналъ уже въ это время, что дружба Польши не совсѣмъ искренна; но онъ отвѣчалъ, что не думаетъ никого притѣснять. «И на что мнѣ новыя пріобрѣтенія?» прибавлялъ онъ. «И безъ того мое Русское царство, отъ Рурика до меня, только что увеличивается безпрерывно: честь дорога мнѣ, а Густавъ оскорбилъ честь мою (278).»

(278) Дѣла Шведскія, Польскія, Ногайскія (Ист. Г. Р. VIII, прим. 455, 464, 454); Олофъ Далинъ, III, 596; Ник. Лѣт. VII, 258, 268, 277, 280. Послами отъ Густава были: *Стенъ Эрихсонъ Лейонгуфвудъ*, *Лаврентій Петри*, Упсальскій Архіеп., *Михаилъ Агрикола*, Абовскій Епископъ, *Бенгтъ Гильтъ*, *Канутъ*

Совѣтники Царскіе унывали, видѣли явную перемѣну въ Царѣ. Въ 1558 г., вопреки всѣхъ увѣщаній, Іоаннъ началъ исполненіе своего любимаго желанія — гибельную *войну Ливонскую*. Но прежде упомянемъ о частномъ событіи,

Канутсонъ и секретарь *Олофъ Ларсонъ*. Руские называли ихъ: *Штенъ Ериховичъ*, *Лаврентій Петровичъ*, Арцыбискупъ Апшалимскій, *Михайло Агрикула*, Бискупъ въ Абовѣ, *Пантелей Гулентинъ* (и *Бинтей Гутель*), *Кнутъ Кнутовичъ*, *Олофей Лаврентьевичъ*. Послы требовали аманатовъ, боясь ѣхать въ Москву; имъ отвѣчали, что уже дана опасная грамата,» а закладъ въ Послахъ не ведется.» Когда Послы были въ Новгородѣ какой-то молодой Шведъ, изъ шалости, на квартирѣ, отведенной Посламъ, подпалилъ нѣсколько образовъ; ихъ окружили стражею и принудили выдать ругателя святыни. Во все время своего путешествія, Послы трепетали за жизнь свою. «Если самъ вашъ Король не вѣдаетъ, пусть спроситъ: сколько мои Новгородскіе пригороды больше его Стекольна? Онъ не хочетъ сноситься съ моими Новгородскими Намѣстниками? Ему кажется низко? Да знаетъ-ли, что одинъ изъ нихъ внукъ Царя Казанскаго, другіе потомки Суздальскихъ Князей, третьи родня Литовскому Королю, четвертые считаютъ по 30-ти родовъ въ Боярствѣ? А про Государя вашего, *въ разсудъ вамъ скажемъ, а не въ укоръ*: изъ какого онъ рода, давно-ли скотиною торговалъ и давно-ли въ Швецію пришелъ? Мы это знаемъ, да и всѣ люди знаютъ.» Такъ говорилъ

польстившемъ самолюбію Іоанна, возбудившемъ опасенія Швеціи и открывшемъ для Русскихъ новый источникъ пріобрѣтенія богатствъ торговлею: разумѣемъ здѣсь мнимое *открытіе Русской земли* Англійскими мореплавателями.

Мы говорили о предпріимчивомъ духѣ открытій, оживившемъ Европейцевъ съ половины XV-го вѣка. Мысль: отыскать проѣздъ въ Индію черезъ сѣверныя моря, избѣжать тѣмъ нарушенія *раздѣлительной* линіи, опредѣленной Папою между Испанцами и Португальцами, и присвоить себѣ торговлю драгоцѣнными произведеніями Востока, заставила Англичанъ отправить на Сѣверо-Востокъ три корабля. Два изъ нихъ были заперты льдомъ, и найдены въ 1554 году Лапландцами, подвластными Россіи. Съ ужасомъ видѣли люди, посланные по повелѣнію Іоанна, весь экипажъ, всѣхъ офицеровъ

Іоаннъ. Для споровъ о вѣрѣ избрали Греческій языкъ, и переводчикъ, вовсе не зная языка сего, говорилъ Іоанну, что только приходило ему въ голову. Михаилъ Агрикола, понимая немного по Русски, расхохотался; Іоаннъ самъ началъ смѣяться и одарилъ Пословъ. — Польша и Ливонія безпрерывно переговаривали съ Швеціею о союзѣ противъ Іоанна, еще съ 1553 года (Олофъ Далинъ, т. III, 565, 577. Онъ говоритъ, что договоръ съ Россіею 1557 г. находится въ Тегелевой *Ист. Эриха* XIV, ч. II, стр. 352).

на обоихъ корабляхъ—замерзшихъ, окостенѣвшихъ отъ холода; оба корабля представляли страшное жилище смерти, исполненное труповъ. Здѣсь погибъ отважный плаватель Сиръ Гюгъ Виллоби (279). Пушки и снаряды съ его кораблей были свезены въ Холмогоры. Но начальникъ третьяго корабля, *Ригардъ Чанселлоръ*, благополучно присталъ къ твердой землѣ, увидѣлъ неизвѣстныхъ дотолѣ Англичанамъ людей, уединенную церковь, жилища; узналъ, что онъ находится въ *Русской землѣ*, что этою землею владѣетъ Великій Царь. На томъ мѣстѣ, гдѣ присталъ Чанселлоръ (въ Августѣ 1553 г.), находился тогда только монастырь Николая

(279) См. т. V. стр. 545. — *Демаркаціонная линія*, по которой Папа Александръ VI-й далъ Португальцамъ право открытій и владѣній *на Востокѣ*, а Испанцамъ *на Западѣ*, опредѣлена была въ 1493 году буллою, и строго запрещено было другимъ народамъ открытіе и завоеваніе земель, начиная отъ Азорскихъ острововъ далѣе къ югу. Сѣверъ остался не въ раздѣлѣ. — Корабли Англійскіе, отправленные на Сѣверъ, снаряжены были Компаніею, которая собрала 60 тысячь ф. ст. и раздѣлила на акціи по 25 ф. ст.—Имена кораблей были: The bona Esperanza, The Edward Bonaventura, The bona Confidentia. Объ открытіи корабля съ замерзшими людьми, см. *Двинск. Лѣт.* (Вивліоѳ. Новикова т. XVIII, стр. 12): «Нашли на Мурманскомъ морѣ два корабля, стоятъ на якоряхъ. на

Чудотворца, и при немъ было нѣсколько хижинъ. Здѣсь въ послѣдствіи построенъ городъ *Архангельскъ*. Развѣдывая у жителей, Чанселлоръ узналъ, что Русь богата многими товарами; что она прилежитъ къ Восточной сторонѣ, ведетъ торговлю съ Азіею, съ Индіею, и Царь ея привѣтливо принимаетъ чужеземцевъ. Имѣя запасныя грамоты отъ Короля своего ко всѣмъ Государямъ, владѣнія которыхъ встрѣтитъ на пути, Чанселлоръ просилъ позволенія ѣхать къ Русскому Царю. Послали извѣстіе въ Москву, гдѣ съ удивленіемъ услышали о приходѣ новыхъ, невиданныхъ до того времени *Англянскихъ Нѣмцевъ*. Іоаннъ велѣлъ съ почестью везти ихъ къ себѣ, и Чанселлоръ зимою пріѣхалъ въ Москву, гдѣ онъ и сопутники его изумились силѣ Русскаго Государя, великолѣпію его Двора, множеству войска, пыш-

становищахъ, а люди на нихъ всѣ мертвы, а товаровъ на нихъ много,» и проч. — По извѣстіямъ Гаклюйта, у котораго подробно описаны всѣ экспедиціи Англичанъ въ Россію, сказано, что одинъ изъ кораблей утонулъ, а найденъ съ замерзшими людьми (70-ю человѣками) только одинъ корабль, въ Арцинскомъ заливѣ, недалеко отъ Кегоръ. Несчастнаго Виллоби (Sir Hugh Willoughbie) нашли мертваго, сидящаго за своимъ журналомъ, который довелъ онъ до 18-го Сентября 1553 года.

ности одеждъ и нарядовъ, блиставшихъ золотомъ. Грамату Англійскаго Короля приняли милостиво, одарили, угостили Чанселлора, и отправили съ отвѣтною граматою, въ которой Іоаннъ изъявлялъ свое согласіе на дружбу и торговлю съ Англичанами. Весною Чанселлоръ отплылъ обратно въ Англію (280). Вѣсти, привезенныя имъ, произвели большую радость при Англійскомъ Дворѣ и между Лондонскими купцами; составилось особенное торговое общество, и повѣренные его, опять съ Чанселлоромъ, явились къ Іоанну въ 1555 году; они привезли дружескія граматы Королевы Маріи и Филиппа, ея супруга. Послѣ великолѣпнаго пріема, написаны были условія для торговли; Іоаннъ велѣлъ устроить пристанище для Англичанъ на сѣверныхъ берегахъ, гостиный дворъ въ Холмогорахъ, отдалъ Англичанамъ все взятое съ кораблей Виллоби, и когда Чанселлоръ возвращался, уже въ третій разъ, въ Англію, послалъ съ нимъ гонцомъ Вологодскаго Воеводу Осипа Нѣпея. Бурею разбило Англійскіе

(280) Грамата Эдуарда у Гаклюйта. Переводъ оной а также и граматы Іоанна см. въ *приложеніи* VI-мъ къ сему тому. Компанія Англійская для торговли съ *новооткрытою Россіею* названа была въ Королевской привиллегіи: Marchands adventurers for the discovery of landes unknowen.

корабли въ виду Шотландскихъ береговъ; Чанселлоръ утонулъ, но Русскаго гонца спасли, и великолѣпнымъ пріемомъ старались вознаградить въ лицѣ его ласку и привѣтливость Русскаго Царя, оказанныя Англичанамъ въ Москвѣ. Непловъ возвратился съ грамотами, подарками, множествомъ разсказовъ объ Англіи, о дружбѣ Англичанъ и ихъ Королевы (281). Съ нимъ пріѣхалъ въ другой разъ въ Москву знаменитый путешественникъ Англійскій, Антоній Дженкинсонъ, объѣздившій всю Европу, бывавшій въ Африкѣ. Онъ такъ плѣнилъ Іоанна своимъ разговоромъ и обхожденіемъ, что съ

(281) Грамату Маріи и Филиппа, писанную на Греческомъ, Польскомъ и Италъянскомъ языкахъ, см. въ *приложеніяхъ* къ сему тому. Киллингворпъ и Грей, упоминаемые въ оной, были агенты Компаніи. Договоръ о торговлѣ находится у Гаклюйта, Certaine insructions delivered in the third voyage anno 1556 for Russia. Въ Лѣтописяхъ и у Карамзина, имя гонца Іоаннова: *Осипъ Непея*; но Дженкинсонъ называетъ его: Osip Grigorievitsch Napea, а Рихтеръ (*Ист. Медицины*. ч. I) именуетъ его *Вологодскимъ Воеводою О. Г. Нѣловымъ*. Іоаннъ послалъ въ подарокъ соболей, мѣха, кречетовъ; ему привезли въ подарокъ парчей, суконъ, броню воинскую и живаго льва со львицею. *Архангельскъ* заложенъ былъ уже въ 1584 году, 34 версты выше Корельскаго Николаевскаго монастыря (см. т. V, прим. 418), гдѣ сначала приставали Англичане.

тѣхъ поръ, во всю жизнь свою, Іоаннъ особенно любилъ Англичанъ, давалъ имъ выгоды, льготы, дарилъ имъ домы въ Москвѣ и Вологдѣ. Дженкинсонъ, съ позволенія Царя, ѣздилъ въ Астрахань, Бухарію, Хиву, Персію, гдѣ исполнялъ даже какія-то тайныя порученія Іоанна. Онъ пріѣзжалъ потомъ еще два раза въ Россію. Торговля оживила отдаленныя, льдистыя берега Бѣлаго моря. Художники, врачи, рудознатцы пріѣзжали симъ путемъ въ Россію. Въ слѣдъ за Англичанами скоро явились Голландскіе и Брабантскіе корабли (282).

Не приступая къ описанію одного изъ важнѣйшихъ событій жизни Іоанновой — войнѣ Ливонской, имѣвшей столь обширныя слѣдствія для Россіи, Польши, Швеціи, продолжавшейся столь долгое время, стоившей столько крови и столькихъ слезъ народамъ, войнѣ, разрушившей орденъ Ливонскихъ рыцарей и силь-

(282) Дженкинсонъ путешествовалъ въ Персію въ 1562 году. О приходѣ *Голанскихъ* и *Брабанскихъ* кораблей, см. *Двинской Лѣт.* — Англичане не старались уже болѣе искать проѣзда въ Индію послѣ путешествія въ 1556 г. мореплавателя Бурро (Burrowe или Burrough), который доходилъ до устья Оби, обозрѣлъ часть Новой Земли и былъ рѣшительно остановленъ льдами (Гаклюйтъ).

но сблизившей взаимныя отношенія Польши, Швеціи и Россіи, необходимо сообразить тогдашнія отношенія Ливонскаго ордена къ Русской землѣ и состояніе его въ то время.

Мы видѣли сихъ рыцарей Западной Европы, приведенныхъ духомъ времени на Балтійскіе берега, съ крестомъ и мечемъ въ рукахъ. Но здѣсь имъ нѣчего было дѣлать для цѣли своего ордена, съ самаго начала поселенія, когда они объявили своими подданными бѣдныхъ туземцевъ, Финновъ и Латышей, и заняли обширныя области на сѣверо-западъ отъ Литвы и Руси. Почитая Рускихъ язычниками, или ерешиками, нѣсколько разъ, въ теченіе трехъ столѣтій, хотѣли они рѣшить судьбу сѣверныхъ Русскихъ областей покореніемъ, и всегда покушенія ихъ ограничивались мѣлкими ссорами съ Псковомъ и Новгородомъ. Съ другой стороны, полудикіе Литовскіе язычники дрались съ ними безпрерывно, не думая обращаться въ христіанство. Цѣль ордена: распространеніе христіанской вѣры, была вовсе утрачена. Рыцари составили какое-то странное государство, гдѣ смѣшаны были управленіе военное съ духовнымъ, и повелительные пришельцы, во имя вѣры, были просто властителями бѣдствующихъ, угнѣтенныхъ рабовъ. Все сосредоточилось для рыцарей въ поддер-

жанiи самобытности ордена; создалась политика войны и мира для ихъ земли, слабой въ основанiи, окруженной въ послѣдствiи сильною Литовскою державою, Польшею, наконецъ Русью. Орденъ дѣйствовалъ хитро, противясь неизбѣжному разрушенiю, производимому духомъ времени, нѣкогда создавшимъ его. Политическiя обстоятельства, различiе религiй въ Польшѣ и Россiи и сходство религiи Польши и ордена, составляли главную защиту рыцарей отъ Польши и Россiи, и отдѣлили его отъ паденiя Нѣмецкаго ордена. Польша видѣла въ орденѣ Ливонскомъ одно изъ пособiй противъ Руси. Со времени паденiя самобытности Новгорода и Пскова благоразумно прекратилъ орденъ мѣлкiя ссоры съ Русскими землями; онъ увидѣлъ и испыталъ, что не горсть Псковитянъ и Новгородцевъ, но грозная сила Русскаго Царя будетъ мстить имъ за каждое своевольство, за каждую обиду Русской землѣ.

Къ счастiю ордена, ни одинъ изъ потомковъ Ягелла не былъ обладаемъ духомъ завоеванiй, и Польскiе Короли не понимали пользы, какую могутъ извлечь, если примкнутъ владѣнiя свои къ Балтiйскому морю. Еще менѣе могли помышлять о томъ Русскiе Государи, занятые борьбою съ потомками Чингиса и враждою съ Польшею. Самое предпрiятiе Царя Iоанна, ка-

жется, имѣло основаніемъ одно честолюбивое желаніе: видѣть покорными гордыхъ Ливонскихъ крыжаковъ, взять у нихъ какую нибудь область и погордиться своею побѣдою и силою. Можетъ быть, его оскорбляла и мѣлкая крамола рыцарей, не допускавшихъ въ Россію переселенія иностранныхъ художниковъ, желавшихъ, чтобы выгоды заморской торговли доставались только орденскому купечеству. Сомнѣваемся въ обширномъ замыслѣ Іоанна, которымъ взаимно пугали другъ друга Швеція, рыцари, Польша, Данія. Но покоритель Казани, Астрахани, сокрушитель Крыма, не боявшійся Польскаго Короля, захотѣлъ включить въ титулъ свой названіе *Государя Ливонскаго*, и орденъ подвергся крайней опасности.

Вѣроятно, Правители государства доказывали Іоанну, что опасность ордена можетъ примирить всѣ враждебныя отношенія между Польшею, Даніею и Швеціею; что Россіи трудно будетъ бороться, когда всѣ сіи державы вступятся, а ей еще не совсѣмъ укрѣплено обладаніе Казанью и не уничтоженъ Крымъ. Подобное опасеніе являлось въ отдаленномъ будущемъ: собственно орденъ не имѣлъ возможности и подумать противиться Россіи.

Правда, что земли орденскія были защищены сильными крѣпостями и замками; что ры-

цари нерѣдко выигрывали своимъ искуснымъ воинскимъ устройствомъ противъ многочисленности непріятеля. Но Іоаннъ могъ располагать толпами воиновъ по сту тысячь человѣкъ, а орденъ только сотнями и немногими тысячами войска. И при томъ въ управленіи орденскихъ земель не было никакого единства. Власть и города раздѣлялись, кромѣ *Архіепископа* и *Гермейстера*, или *Магистра* орденскаго, между восьмью *Коммандорами*, или *Комтурами*, восьмью *Фоетами* и четырьмя *Епископами* (283).

(283) Всѣ земли рыцарей естественно дѣлились на четыре главныя части: *Эстляндію* (Эстонію), простиравшуюся по берегу Балтійскаго моря, отъ рѣки Наровы до рѣки Пернау; границу съ Русью далѣе Наровы составляли озеро Пейпусъ и прямая черта до верховья р. Педдезъ; *Леттляндію* (Леттонію), къ югу отъ Эстляндіи, по Двину; граница съ Русью по рѣкѣ Педдезъ до Лубанскаго озера; *Курляндію* (Куронію), за Двиною, до Польскихъ границъ и по берегу моря; *Лифляндію* (Ливонію), заключавшую въ себѣ приморье отъ Пернау до Двины, между Курляндіею, Леттляндіею и Эстляндіею. Всѣ сіи земли, этнографически, подраздѣлялись на области, какъ то: въ *Эстляндіи*: Аллентакенъ, Вирландъ, Пудименъ, Лоппегунде, Гарріенъ, Роталіенъ, Эрвенъ, Аллумбусъ, Нурмегунде, Вагіенъ, Моха, Саккала, Унганіенъ, Вайгатапалва, Толова; въ *Леттляндіи*: Летгалленъ, Розула; въ *Лифляндіи*: Метзеполе, Салетса, Идумея, Satte-

Горожане и рыцари имѣли свои права, свои исключенія. Прежде начатія дѣла, надобно было совѣтоваться, спорить, ссориться; голоса въ такомъ случаѣ раздѣлялись; каждый думалъ о собственной своей пользѣ; нерѣдко мечъ рѣ-

зеле, и проч. — Но по гражданскому дѣленію все было чрезвычайно перепутано. *Рига*, главное мѣстопребываніе *Архіепископа*, раздѣлялась между имъ и Магистромъ. Первый владѣлъ, кромѣ того, отдѣльными городами и замками; ему принадлежали: Трейденъ, Лемсаль, Салисъ, Вансель, Ронненбургъ, Шмильдтенъ, Сесвегенъ, Шваненбургъ, Маріенгузенъ, Крейцбургъ, Кокенгузенъ, Ленварденъ, Пебальге, Икскуль, и уѣзды: Даленъ, Сунтцель и Кремонъ. Четыре *Епископа*, всѣ Княжескаго достоинства, пребывали въ *Дерптѣ*, на островѣ *Эзелѣ*, въ *Курляндіи* и въ *Ревелѣ*. *Первому* принадлежали, кромѣ Дерпта, Олленторнъ, Вернебекъ, Киремпе, Нейгаузъ, Оденпе, Сагницъ и Аббатство Фалькенау; *второму* Аренсбургъ, Габсаль, Леаль, Лоде, старый Пернау, и Аббатство Падисъ; *третьему* Пильтенъ, Амботенъ, Нигуссъ, Дондагенъ, Ангерминде, Эдваленъ; *четвертому*, кромѣ Ревеля, Борггольмъ, Фегефееръ, и проч. — Къ собственному управленію *Магистра*, кромѣ половины Риги, принадлежали *Венденъ* (мѣстопребываніе Магистра), Ней-Мюле, Керкгольмъ, Вольмаръ, Аріенсъ, Трикатенъ, Руинъ, Буртнекъ, Каркусъ, Гельметъ, Эрмесъ и Роденпейсъ. *Ландъ-Маршалъ* жилъ въ Зегевольде, и обладалъ городами и замками: Дюнемюнде, Митау, Ашерадъ, Лембургъ, Нитау и Юргенсбургъ. *Коммандоры* были: въ *Фел-*

шалъ споры (284). Современные писатели Католическіе увѣряли въ послѣдствіи, что земли рыцарей, возвеличенные рукою Плеттенберга и полувѣковымъ миромъ съ Русью, до войны Ливонской были раемъ цвѣтущимъ. Оплакивая

линѣ (онъ кромѣ того владѣлъ Оберпаленомъ, Лаисомъ и Тарвастомъ), въ *Пернау*, въ *Ревелѣ* (раздѣляя его съ Епископомъ), въ *Маріенбургѣ* (владѣя еще Ацелемъ, въ *Дюнебургѣ*, въ *Гольдингенѣ* (владѣя еще Шрунденомъ, Гаазенпотомъ, Дюрбеномъ, Альвангеномъ, Цобельномъ и Фрауенбургомъ), въ *Виндау*, въ *Добельнѣ* (владѣя еще Нейсбургомъ). Владѣнія *Фогтовъ* составляли: Зонненбургъ на Эзелѣ (съ Дагденомъ иМономъ), *Виттенштеинъ*, *Везенбергъ* (съ Тольсбургомъ и Толькоффеномъ), *Нарва*, *Розиттенъ* (съ Люйтценомъ), *Грубинъ*, *Кандау*, *Зегельбургъ*, (съ Баускенбургомъ). См. Кельха, стр. 190, и карты, изданныя Графомъ Меллиномъ въ 1796 году.

(284) За годъ до начатія Ливонской войны, Магистръ Фирстенбергъ поссорился съ Архіепископомъ Рижскимъ, осадилъ его въ Кокенгузенѣ, взялъ въ плѣнъ и посадилъ въ тюрьму. Послѣ тщетнаго ходатайства, Король Польскій отправилъ войско. Дѣло кончилось тѣмъ, что Магистръ и Архіепископъ принуждены были мириться и признать власть Польши. Частныя битвы происходили безпрерывно; нерѣдко Магистръ принужденъ былъ воевать съ непослушнымъ какимъ нибудь рыцаремъ, и осаждать его замокъ, какъ мѣсто непріятельское.

бѣдствія ордена, и изумляясь тому, какъ могло вдругъ разрушиться сильное и богатое государство рыцарей, они находили главную причину въ гнѣвѣ Божіемъ, постигшемъ Ливонію за то, что рыцари, обѣтники Дѣвы Маріи, приняли Лютеранскую ересь. Лютеране бранили ихъ за подобныя мнѣнія; ссылались на развратъ, нѣгу, роскошь, забвеніе Бога Католическимъ духовенствомъ; говорили, что долголѣтній миръ, умноживъ богатства и торговлю, не укрѣпилъ, но только ослабилъ рыцарей, изгналъ изъ нихъ духъ храбрости предковъ, пріучилъ ихъ къ роскоши, лѣни, сластолюбію. Обѣ спорныя стороны были равно неправы (285). Реформація, дѣйствительно, много повредила рыцарямъ, поселивъ раздоры и ненависть между принявшими Лютеранизмъ и тѣми, кто остался вѣренъ Католицизму. Но обвиненія въ изнѣженности, забвеніи доброде-

(285) См. у Кельха, стр. 192 — 208, гдѣ онъ опровергаетъ слова Католическихъ писателей, утверждавшихъ о бѣдствіяхъ Ливоніи, будто es sey darum solch Unglück über Liefland ergangen, weil es *Haerisin Lutheranam*, die Lutherische Ketzerey angenommen, и черными красками изображаетъ развратъ Католиковъ, и особенно Духовенства. Кельхъ доказываетъ слова свои примѣрами.

шелей и храбрости предковъ, такъ, какъ и вся *старинная добродѣтель* предковъ — это вѣчное присловіе всякаго народа (286) — были преувеличены. Мы видѣли изъ событій въ теченіе трехъ вѣковъ, что безсоюзіе, наглость, гордость почти всегда были между рыцарями, и сколько разъ желѣзные полки ихъ бѣгали передъ дружинами Русскими, или нестройными толпами Гедимина и Витовта! Самыя побѣды Плеттенберга совсѣмъ не вели рыцарей къ торжеству. Наконецъ и въ послѣднюю войну, каждый разъ, когда опасность

(286) Похвалу прежнему, *старому доброму времени*, найдемъ у всѣхъ народовъ, начиная съ Греціи до нашихъ предковъ. Такъ Цицеронъ, великій философъ и государственный человѣкъ, не могъ удалиться отъ сей мысли, хваля добродѣтели полуварваровъ-предковъ, и нашъ Курбскій съ горестью говоритъ, что въ юности его существовали еще «*мужіе вѣку отцовъ нашихъ, состарѣвшіеся во добродѣтеляхъ и во всякихъ искуствахъ ратныхъ.*» Только великая идея совершенствованія рода человѣческаго могла изгнать изъ Исторіи, и то въ новѣйшія времена, ложную мысль, будто старое время всегда было лучше настоящаго. Прекрасно говорилъ Вильберфорсъ: «Для Древнихъ все было въ прошедшемъ; для насъ все въ стремленіи нашемъ къ будущему, съ тѣхъ поръ, когда мы узнали великую идею Человѣчества.»

на время соединяла души, рыцари умѣли сражаться и умирать, безстрашно, крѣпко, умѣли мужественно стоять и въ отвѣтахъ передъ грознымъ побѣдителемъ.

Словомъ: орденъ удерживался временемъ и событіями; разрушился отъ тѣхъ-же самыхъ причинъ. Іоаннъ былъ орудіемъ судебъ, дѣйствуя противъ собственныхъ выгодъ и не слушаясь совѣта своихъ Правителей. Но по началу войны Ливонской можно-ли было предугадать ея страшныя послѣдствія!

Миру, возобновленному Магистромъ Бриггенемъ на 17 лѣтъ, въ 1534 году, истекалъ срокъ. Въ 1554 г. Магистръ Гейнрихъ фонъ-Галенъ просилъ продолжить его еще на 15 лѣтъ. Іоаннъ согласился. Небольшія затрудненія по торговлѣ, требованіе возстановить православныя церкви въ Ригѣ и Ревелѣ были кончены. Но Послы рыцарей изумились, когда сказали имъ, что надобно прибавить еще одно условіе, бывшее въ договорѣ 1503 года, *о дани Русскому Государю съ Дерпта*, и что забвеніе сего условія въ теченіе 50-ти лѣтъ ничего не доказываетъ, ибо Дерптъ *обязанъ взнести сію дань за все протекшее время.* «Безъ того нѣтъ мира,» прибавилъ Адашевъ, переговаривавшій съ Послами. Послы подумали и согласились. Для утвержденія договора, въ Дерптъ

пріѣхалъ чиновникъ Терпигоревъ. Епископъ, Бургомистръ, Городовой Совѣтъ Дерпта оскорбились напоминаніемъ о дани, вздумали перехитрить Рускихъ, полагали, что утвержденіе договора ничего не значитъ, что когда положительно потребуютъ отъ нихъ взноса дани; можно отозваться несогласіемъ Императора, какъ законнаго повелителя рыцарей. Всѣ одобрили выдумку. Но Терпигоревъ видѣлъ хитрость, привезъ утвержденный договоръ и разсказалъ Іоанну всѣ обстоятельства дѣла (287).

(287) О договорѣ 1503 года, см. т. V, стр. 648. Дань съ Дерпта, въ родѣ подарка, была однимъ изъ древнѣйшихъ обычаевъ; Іоаннъ III-й возобновилъ сей обычай при договорѣ съ Плеттенбергомъ, и потомъ опять забыли объ ней. Но еще въ договорѣ Псковитянъ 1464 г. (т. V, прим. 417) утверждено было: «О пошлинѣ Великихъ Князей, что въ Юрьевѣ, а то Бискупу давать Вел. Князю *по старинѣ*» (Псковск. Лѣт.). Послами въ Москву, въ 1554 г., были, отъ Магистра и Архіепископа І. фонъ-Бокгорстъ, О. Гротгузенъ, В. Ферстенау, переводчикъ Мельхіоръ Гротгузенъ, а отъ Дерптскаго Епископа В. Врангельнъ, Д. Кавернъ, Блазіусъ Бекке. Ихъ донесеніе къ Магистру, въ *Ист. Г. Р.* т. VIII, прим. 480. Кельхъ подробно разсказываетъ, какъ умный Бургмейстеръ Дерптскій, Іоганнъ Гекке совѣтовалъ немедленно отказаться отъ дани, и отнюдь не утверждать дого-

Іоаннъ не далъ ничего замѣтить, и, никого не спрашиваясь, началъ называть себя *Государемъ Ливонскія земли*. Рыцари услышали объ этомъ, отправили Пословъ въ Москву (въ Февралѣ 1557 года). Вмѣсто переговоровъ, у нихъ спросили: «привезли-ль они дань?» и послѣ отрицательнаго отвѣта не хотѣли ничего слушать. Немедленно велѣно было Русскимъ купцамъ прекратить торги черезъ Ливонію; изъ Москвы послали заложить городъ въ устьѣ Наровы, для торговли съ Ганзейцами мимо рыцарскихъ земель, и начали готовить войско. Возвращеніе Пословъ изъ Москвы и угрозы Іоанна поздно показали Рыцарямъ всю неосторожность ихъ поступка. «Кто принуждалъ васъ давать мнѣ присягу, утверждая договоръ

вора съ Царемъ. Секретарь Епископа, Юргенъ Гольдшуеръ, der in seinen Gedanken ein grosser Estats-Mann war, уговорилъ всѣхъ на свою хитрую выдумку. «Herr Bürgmeister (говорилъ онъ), ihr möget wohl auf Flachs und Bockshäuten einen bessern Verstand haben, als auff solche Händel. Der Moscowiter est ein Tyranne, und möchte dem Lande einen grossen Schaden thun; derhalben wollen wir ihme den Tribut zusagen, aber nicht halten. Er ist ein Baur, er verstehet es nicht; wir wollen ihm solches in der Käysers Kammer-Gerichte wohl wieder abgewinnen. Терпигоревъ зналъ все происходившее, и требовалъ только *утвержденія договора*. Получивъ его, онъ съ нас-

о дани? Исполняйте-же присягу, данную вами, или я найду средства принудить васъ!» говорилъ Іоаннъ. Магистръ Фирстенбергъ, старый воинъ, заступившій мѣсто Галена (умерш. въ Маѣ 1557 г.), рѣшился принимать оборонительныя мѣры, заключилъ союзъ съ Польшею, но просилъ Іоанна позволить пріѣхать въ Москву Посламъ Ливонскимъ. Уже войско Русское двигалось; повсюду, на пути въ Москву, Послы видѣли ратныя приготовленія. Но когда они объявили, что Дерптъ готовъ платить дань, только проситъ облегченія, Іоаннъ согласился на новое условіе, написали новый договоръ и потребовали немедленной платы по этому договору. Послы объявили, что денегъ съ ними нѣтъ. Іоаннъ велѣлъ позвать ихъ на обѣдъ, и поставить передъ ними пустыя блюда. Послы спѣшили уѣхать изъ Москвы. Въ страхѣ, люди бываютъ суевѣрны: какой-то юродивый пугалъ тогда самыхъ храбрыхъ рыцарей, ходя по селамъ и городамъ, и проповѣдуя, что онъ

мѣшкою положилъ его за пазуху, и сказалъ: «Это у меня теленочекъ, изъ котораго выростетъ добрый быкъ. Его надобно кормить хлѣбцомъ и молочкомъ, да, Царь не пожалѣетъ расходовъ, а вамъ совѣтую приготовить деньги, потому, что вы заплатите за его прокормленіе» (Кельхъ, стр. 214, 215).

посланъ возвѣстить гибель за грѣхи и гнѣвъ Божій (288). Но рыцари не думали однакожъ, чтобы исполненіе угрозъ Іоанна послѣдовало столь быстро. Еще ничего не изготовили для защиты Ливоніи, когда (въ Январѣ 1558 г.) Шихалей, Глинскій, Даніилъ Захарьинъ, Даніилъ Адашевъ, Алексій Басмановъ, Иванъ Шереметевъ, съ Русскими и Татарскими дружинами, вознесли мечъ надъ землями рыцарей, запалили огнемъ города, и среди лютой зимы предали жителей всѣмъ ужасамъ свирѣпаго грабежа (289).

(288) Кельхъ, стр. 215 — 223 ; Ник. Лѣт. VII , стр. 282, 283, 288, 294. Въ грамотѣ къ Англійскому Королю Іоаннъ именовалъ уже себя (1554 г.) Lord and Great Duke of Liefland (*Гаклюйтъ*). Послы Ливонскіе 1557 г. наименованы въ Лѣтописяхъ: *Ѳалентинъ*, *Мелхеръ* и *писарь Ганусъ*. Дань съ Дерпта опредѣлена была *по гривнѣ Нѣмецкой* съ человѣка, т. е. по *Рижской маркѣ* , равнявшейся тогда Любекскому шиллингу. Послами въ другой разъ отъ Магистра были : Клаусъ Франкенъ и Элертъ Крузе (знаменитый измѣнникъ и любимецъ Іоанна въ послѣдствіи). Они договорились заплатить единожды 40 т. талеровъ , и потомъ ежегодно взносить съ Дерпта по 1000 Венгерскихъ гульденовъ (въ *Ник. Лѣт.* « Полпятдесять тысячь ефимковъ , а Московская 18000 рублевъ»).

(289) Кельхъ (стр. 223) описываетъ ужасы опустошеній. Онъ говоритъ , что Шихалей поступалъ

Безпечность защитниковъ Ливоніи была такъ велика, что вѣсть о нашествіи Рускихъ застала на великолѣпной свадьбѣ какого-то Ревельскаго обывателя главнѣйшихъ чиновниковъ и лучшее дворянство Орденское. Не осаждая крѣпостей, Рускіе сожгли посады городовъ *Нейгауза*, *Киремпе*, *Маріенбурга*, *Курслава*, *Ульцена*, *Алтентурна*, *Фалькенау*, *Конгота*, *Пиркеля*, были въ 30-ти верстахъ отъ Ревеля, въ 50-ти отъ Риги, разогнали отрядъ войска, встрѣтившійся близъ Везенберга, прогнали вылазку, сдѣланную изъ Дерпта, и безопасно ушли въ Ивангородъ. Отсюда Русскіе воеводы писали къ Магистру, что онъ самъ виновенъ въ бѣдствіяхъ своей земли, ибо Царь казнилъ Ливонію за клятвопреступленіе, и если рыцари хотятъ

при семъ случаѣ, какъ истинный Татаринъ; но другой Лѣтописецъ, Нейштедъ, хвалитъ его, какъ вождя кроткаго и милосердаго (*Ист. Г. Р.* VIII, прим. 506). За то сами Рускіе говорятъ о разбояхъ и корыстолюбіи Мих. Глинскаго: онъ шелъ даже по своей земли подобно непріятелю, до того, что Іоаннъ разгнѣвался, и приказалъ *доправить* съ него все имъ пограбленное (*Пск. Лѣт.*). — Раззоренія простирались подлѣ Литовской границы на 150 верстъ въ длину и 100 верстъ въ ширину (*Ник. Лѣт.* VII, 296), но *сторонщики*, *люди охочіе* (мародёры) заходили гораздо далѣе; они были всего гибельнѣе для жителей.

покаяться, то могутъ еще бить челомъ Государю, по волѣ котораго приказано удержаться отъ новаго похода (290). Рыцари собрались въ Венденѣ, спорили между собою, рѣшились отправить Пословъ къ Іоанну и просить мира. Но неосторожный поступокъ жителей Нарвы разрушилъ всѣ ихъ предположенія. Пьяные Нѣмецкіе воины вздумали стрѣлять съ стѣнъ Нарвы въ Ивангородъ. Іоаннъ велѣлъ расплатиться за обиду. Князь Темкинъ явился въ окрестностяхъ Валка, разбилъ отрядъ непріятельскій, выжегъ нѣсколько селеній. Нарвскій

(290) Имена, коими Руские называли раззоренные Ливонскіе города и мѣста: *Нейгардтъ*, Новый Городокъ; *Киремпе*, Кирекепь; *Маріенбургъ*, Алыстъ; *Курцславъ*, Курсловъ; *Альтелтурнъ*, Бабій городокъ; *Фалькенау*, Мука; *Конготъ*, Конгутъ; *Пиркель*, Поркель; *Везенбергъ*, Ракоборъ; *Ацель*, Аскулусъ (какъ полагаетъ Карамзинъ т. VIII, прим. 503). Для поясненія разсказа Лѣтописей, вотъ еще нѣсколько именъ: Ругодивъ — *Нарва*; Сыренскъ — *Нейшлосъ*; Кесь — *Венденъ*; Юрьевъ — *Дерптъ*; Вельянъ — *Феллинъ*; Бѣлый камень — *Виттенштеинъ*; Армусъ — *Эрмисъ*; Лаюсъ — *Лаисъ*; Голубинъ — *Шваненбургъ*; Рынголъ — *Рингенъ*; Чесвинъ — *Зесвегенъ*; Смельтинъ — *Шмельтенъ*; Киневель — *Кевелехтъ*; Полчевъ — *Верполь*, и проч. Всѣ сіи Русскія названія были, или переводъ на Русскій языкъ Нѣмецкихъ названій (*Виттенштеинъ*, Бѣлый камень, *Шваненбургъ*, Голубинъ, вмѣсто Лебединъ, и проч.), или искажен-

гарнизонъ безразсудно возобновилъ пальбу въ Ивангородъ; Русскія пушки загремѣли; Нарва загорѣлась, жители просили пощады и немедленно отправили съ повинною головою въ Москву. Отъ посланныхъ требовали выдачи Фогта Нарвскаго, на приказъ котораго ссылались жители; кромѣ того, Іоаннъ объявилъ, что отнынѣ, въ предупрежденіе зла, Нарву должно уступить Россіи. Спасая несчастную отчизну, посланные согласились. Съ нихъ взяли присягу въ подданствѣ, а Ивангородскіе Воеводы немедленно потребовали сдачи Нарвы.

Отчаяніе овладѣло жителями. Они заспорили, утверждая, что никогда не давали полномочія Посламъ своимъ присягать на подданство Русскому Царю; Коммандоръ Ревельскій прибылъ въ Нарву съ 1000-ю воиновъ, и безразсудно началъ непріятельскія дѣйствія. Онъ хотѣлъ схватить стражу Русскую, поставленную за Наровою, и былъ прогнанъ. Мая 11-го въ Нарвѣ начался пожаръ, при сильномъ вѣтрѣ. Пользуясь смятеніемъ, Рускіе, безъ приказа воеводъ, на-

ныя Нѣмецкія названія (*Конеутъ*, *Поркель*, *Вельянъ*, и проч.), или Чухонскія и Латышскія наименованія. Сіи туземцы до нынѣ называютъ всѣ Остъ-Зейскіе города по своему.

пали на городъ; Басмановъ и Адашевъ, увлеченные въ битву, сбили, смяли все имъ встрѣтившееся, осадили Вышгородскую крѣпость и принудили сдаться. Фогтъ Шнелленбергъ получилъ позволеніе выйдти изъ крѣпости съ войскомъ и лучшими жителями. Коммандоры Кетлеръ и Зегегафенъ стояли въ трехъ миляхъ отъ Нарвы, но не смѣли идти на помощь, думая, что крѣпкая Нарва и безъ того устоитъ противъ Рускихъ. Въ самомъ дѣлѣ, однихъ пушекъ взято было въ крѣпости 230. Нарву почитали одною изъ охранительныхъ твердынь Ливонскихъ. Іоаннъ праздновалъ нечаянное взятіе Нарвы, далъ разныя милости жителямъ ея, объявилъ ее на вѣки *Русскимъ городомъ*, приказавъ Духовенству освятить Нарву, очистить моленіемъ отъ *Латинской и Лютерской ереси*, и строить въ ней православныя церкви (291). Въ

(291) Сказ. Курбскаго, I, 68 — 74; Ник. Лѣт. VII, 300, 301, 302 — 308; Кельхъ, стр. 224 – 227. — Рускіе говорили, что Богъ наказалъ Нѣмцовъ, ибо они пьянствовали въ Великій постъ. « Ихъ милость велеможные и гордые Нѣмцы — вѣры Христіянскія отступили, и обычаевъ и дѣлъ добрыхъ праотцевъ своихъ удалились, и ринулись всѣ къ широкому и пространному пути, сирѣчь : ко пьянству многому и невоздержанію, долгому спанію и лѣнивству, неправдамъ и кровопроливанію междоусобному, яко есть обычай,

это время, Магистръ отправилъ въ Москву Пословъ своихъ; говорилъ, что дань, требуемая съ Дерпта, собрана и готова, и слѣдовательно, нѣтъ уже болѣе повода къ кровопролитію. Но Магистръ опоздалъ своею присылкою и покорностью. На упреки въ раззореніи Ливоніи, Посламъ его отвѣчали упреками въ вѣроломствѣ. Іоаннъ требовалъ дани уже не съ Дерпта, но со всей Ливоніи, хотѣлъ подданства и присяги всѣхъ рыцарскихъ земель. Послы не смѣли ничего утвердить, не смѣли ни въ чемъ отказать и уѣхали безъ всякаго рѣшенія (292). Мая 25-го Русскія войска были

презлыхъ ради догматовъ таковымъ дѣламъ послѣдовали, сами себѣ новое имя изобрѣтше, нарекшеся: *Евангелики.*» — Пожаръ Нарвы приписывали тому, что Нѣмцы хотѣли сжечь икону: «начаша ругатися, глаголюще: Сей болванъ поставленъ былъ купцовъ ради Русскихъ, а намъ уже нынѣ не потребенъ.» Огонь загорѣлся ужасно; домъ, гдѣ происходило такое поруганіе святыни, вспыхнулъ; началась буря и запылалъ весь городъ. Образъ найденъ потомъ въ цѣлости, и съ торжествомъ отосланъ въ Москву. Іоаннъ и Духовенство встрѣтили его у церкви Ржевскія Богоматери, и самъ Царь несъ его въ Успенскій соборъ. «Се такова мзда ругателей, иже уподобляютъ Христовъ образъ болваномъ поганскихъ боговъ,» и проч. —

(292) Арх. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 514); Кельхъ, стр. 226; Ник. Лѣт. VII, 309. Послами были: «братъ

уже въ Ливонской землѣ. Іюня 6-го Адашевъ и Троекуровъ взяли Нейшлосъ. Фогту позволили выйдти; жителей всей области привели къ присягѣ, и, по повелѣнію Государя, воздвигли въ Нейшлосѣ церковь въ благодарность Св. Иларіону, коего память праздновали въ день взятія города. Но это было только начало похода. Главныя силы, подъ начальствомъ Князей Петра Шуйскаго, Василія Серебрянаго и Андрея Курбскаго, шли прямо къ Дерпту. Самъ Магистръ, Дерптскій Епископъ и тысячь около восьми войска стояли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Нейгауза. Дерптъ трепеталъ; но раздоръ, своекорыстіе не утихали въ стѣнахъ

Магистра Ѳедоръ фершшибетрехъ (Фирстенбергъ), Клаусъ Симонъ (Гросманъ), Мелхеръ (Мельхіоръ Гротгузенъ), Архимандритъ Велва (Аббатъ Цаберъ), Иванъ Ганусъ, Власъ Бека (Блазіусъ Бекке).» Трое послѣднихъ умерли дорогою. Донесеніе Пословъ въ *Ист. Г. Р.* т. *VIII*, прим. 515. So die Hern — писали Послы со словъ Адашева — des Grosfursten Zorn stillen und seine Macht von den Landen zu Lifflandt abwenden wolten, solthen sie thun, als die Keisers zu Cassan und Asterkan, einer von Kriesten, und auch der Keiser Segalei selbst, mechtige Hern, gethan hetten, und vor dem Grosfursten komen mit dem Zins aus dem ganzen Lande zu Lifflandt, ihrer Keyserl. Grosmajest. *das Haupt schlagen* (челомъ ударить) und ferner thun, was ihre Keyserl. Grosmajest. von ihnen wurde begeren, и проч.

его. Напрасно Бургомистръ Тиль умолялъ пожертвовать всѣмъ для спасенія, поспѣшить нанять войско. Видя, что Рускіе долго не могутъ взять Нейгауза, гдѣ засѣлъ на смерть Икскуль фонъ-Паденормъ, рыцари отдохнули отъ страха. Тѣмъ ужаснѣе былъ ихъ испугъ, когда Нейгаузъ сдался, едва только позволили осажденнымъ съ честью выйдти изъ города (30-го Іюня). Магистръ не думалъ о битвахъ и предался бѣгу, даже для своего спасенія зажегъ Киремпе; но Рускіе догнали его близъ Валка, разбили, и въ палящій зной гнали до Вендена, гдѣ едва успѣлъ онъ укрыться съ остатками войска. Отряды воиновъ Епископскихъ догнали близъ Дерпта и разгромили; Епископъ затворился въ Дерптѣ, и отвсюду былъ окруженъ Рускими, послѣ взятія ими Киремпе, Курслава и замка Вербека. Нѣсколько дней, Рускіе ежедневно ходили на приступъ и были отбиваемы; Епископъ и жители дрались отчаянно. Но ужасныя приготовленія къ послѣднему приступу были кончены осаждающими. Шуйскій предложилъ: отпустить изъ города войско Нѣмецкое, и каждаго изъ жителей, кто захочетъ выѣхать; оставить Епископа свободно управлять своими единовѣрцами, а Магистратъ по прежнему городомъ; позволить свободную торговлю. За все это, и за другія выгоды, требовали подданства Іоанну. Русскій

воевода прибавилъ, что даетъ сроку на три дня, и при отказѣ возметъ городъ *на щитъ*, и не пощадитъ ничего и ни кого. Съ горестью надобно было согласиться. Тиль выступилъ на средину собранія, когда положено было сдать городъ, и сказалъ: «Если думаете, что лучше и честнѣе умереть—я иду первый! Да не укорятъ насъ малодушіемъ!» Всѣ молчали; Епископъ отвѣчалъ, что пожертвованіе будетъ безполезно, и 18 Іюля Дерптъ отворилъ ворота Шуйскому. Строго соблюдено было спокойствіе жителей; кто хотѣлъ уѣхать — не встрѣчалъ препятствія; кто оставался — видѣлъ безопасность. Такая нежданная милость послужила въ пользу Русскихъ воеводъ: получивъ привѣтныя грамоты Шуйскаго, безъ боя сдались ему крѣпости: *Везенбергъ*, *Пиркель*, *Лаисъ*, *Оберпаленъ*, *Рингенъ*, *Ацель*. Другія не сдавались, и области Феллинская, Ревельская, Венденская, Шваненбургская, посадъ Витгенштеина были опустошены въ примѣръ непослушнымъ. Оставивъ всюду въ завоеванныхъ городахъ охранное войско, воеводы отправились въ Москву, поздравили Іоанна со взятіемъ *двадцати городовъ*, и были щедро одарены. Мѣста ихъ заняли Князья Курлятевъ и Рѣпнинъ (293).

(293) Кельхъ, стр. 227–233; Арх. Лѣт. (Карамз.

Что-же дѣлали въ это время защитники Ливоніи? Послѣ пораженія подъ Валкомъ, Магистръ Фирстенбергъ, въ отчаяніи, объявилъ, что не видитъ средствъ спасенія, предаетъ Ливонію волѣ Бога и слагаетъ съ себя Гермейстерскій санъ. Рыцари умоляли юнаго Коммандора Готгарда Кетлера занять мѣсто стараго Магистра. Какъ будто предчувствуя, что онъ будетъ *послѣднимъ* Магистромъ Ливонскимъ, Кетлеръ плакалъ, согласился быть только Коадъюторомъ, но принялъ мѣры къ защитѣ дѣятельнѣе своего предмѣстника. Онъ писалъ къ Іоанну, прося мира и пощады; напоминалъ Королю Польскому о союзѣ съ рыцарями; просилъ о защитѣ Королей Датскаго, Шведскаго, самаго Императора; убѣждалъ соотчичей соединиться, оставить междоусобіе, вражду. Все

т. VIII, прим. 517, 522, 525, 533, 534, 536; Сказ. Курбскаго, I, 74 — 76; Псковск. Лѣт. — «Тогда-то узнали,» говоритъ Кельхъ, «dass der Czar in Moscau alleine Gott und den Degen, und nicht das Käyserliche Kammer-Gerichte zu Speyer vor seinen Richter erkennete» (что Царь въ Москвѣ Бога и мечъ свой, а не Императорскую Камеру судебную за судію признаетъ). Несчастный совѣтникъ Дерптскаго Епископа, Голдшуеръ, былъ уже въ это время сосланъ въ Габсаль, и тамъ умеръ въ темницѣ.

было тщетно: каждый думалъ о себѣ, никто не давалъ ни людей, ни денегъ. Царь гордо отвѣчалъ, что Магистръ долженъ самъ пріѣхать въ Москву, и мѣра его покорности будетъ мѣрою милости. — «Лучше смерть, нежели стыдъ!» воскликнулъ Кетлеръ, услышавъ такой отвѣтъ. Іоаннъ не давалъ отсрочки, видѣлъ нерѣшительность Кетлера, и Курлятевъ и Рѣпнинъ двинулись съ войскомъ. Кетлеръ собралъ наконецъ до 10-ти тысячъ воиновъ, осадилъ Рингенъ, пять недѣль бился съ защитниками его, наконецъ взялъ Рингенъ, когда у Рускихъ недоставало пороха на заряды. Курлятевъ не смѣлъ идти на Кетлера, только раззорилъ Кавелехтъ, Верполь, подходилъ къ Ревелю, и въ отдѣльномъ отрядѣ захватилъ брата Магистрова. Кетлеръ напалъ на Рускихъ, гналъ ихъ. Но войско Магистрово составляло уже небольшой отрядъ изъ 6-ти тысячъ, послѣ жестокихъ потерь въ битвахъ. Кетлеръ принужденъ былъ даже оставить Рингенъ, въ ярости умертвивъ 400 плѣнныхъ Рускихъ. Воеводы Русскіе снова заняли сей городъ. Магистръ посылалъ отряды грабить около Краснаго и Себежа, и не могъ ничего предпринять болѣе (294).

(294) Кельхъ, стр. 233, и слѣд.—Арх. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 525, 540, 543); Сказ. Курбскаго, I, 77.

Іоаннъ разгнѣвался на воеводъ своихъ, не слушалъ ихъ оправданій, послалъ Князя Микулинскаго, Ивана Шереметева, Мих. Морозова, Князей Серебряныхъ, велѣлъ мстить за бѣдные успѣхи Магистра. *Одиннадцать* городовъ погибло, отъ Декабря 1558-го до Февраля 1559 года, когда Рускіе благополучно вышли къ Опочкѣ. Подъ самою Ригою три дня стояли Іоанновы воеводы, жгли корабли на Двинѣ, опустошали землю до Прусской границы. Въ Шмильтенѣ, обнесенномъ каменною стѣною, жители упорно защищались; охотники изъ Казаковъ разбили стѣну ломами, дрались въ улицахъ; только 20-ть Нѣмцевъ и 200 Латышей уцѣлело для плѣна изъ всего народонаселенія Шмильтенскаго. Близъ Тирсина уничтоженъ былъ отрядъ рыцарей, дерзнувшій сражаться; тутъ палъ храбрый Фелькерзамъ, покоритель Рингена; четыреста воиновъ легло съ нимъ на полѣ битвы; тридцать рыцарей отдались въ плѣнъ (295).

(295) Арх. Лѣт. (Карамз. VIII, прим. 545, 546). Имена 11-ти городовъ, по Русскимъ извѣстіямъ: Пиклинъ, Рекотъ, Пиболда, Зербинъ, Скуянъ, Ерль, Радогожъ, Нитоуръ, Сундежъ, Мблополсъ, Новгородокъ. Кельхъ говоритъ, что Рускихъ было 130,000 (стр. 238), и — es ist aber nicht zubeschreiben, was vor

Но не совсѣмъ тщетны были моленія Кетплера у иноземныхъ Государей. Пока другіе собирались заступиться за Ливонію, въ Мартѣ 1559 года пріѣхали въ Москву Датскіе Послы. Фридерикъ II-й извѣщалъ Іоанна о своемъ восшествіи на престолъ отцовскій, напоминалъ о дружбѣ между Россіею и Даніею, желаніи возобновить торговлю и прежнія сношенія. Наконецъ, Послы его просили дать миръ и пощаду Ливоніи, древней *Датской области* (296), находящейся *во временномъ управленіи Магистровъ*. Соглашаясь на миръ и дружбу, Посламъ замѣтили нелѣпость словъ ихъ о принадлежности

erschreckliche Tyranney mit Rauben und Morden, Brennen, Schendung der Weibes-Personen, und andern Dingen mehr bey diesem Einfall verübet wurde; sintemahlen auch die unmündigen ja noch ungebohrnen Kinder (die grausamer Weise aus ihrer Mütter Leiber geschitten wurden) diese Zorn-Ruthe Gottes empfinden musten....

(296) Области, нѣкогда принадлежавшія Даніи, просили Короля Христіана принять ихъ въ подданство, и спасти отъ свирѣпства Рускихъ. Онъ отказался (говоря, dass ihm bereits mehr Länder zu regieren anvertrauet wären, als er verwalten könte), но далъ денежное пособіе, и умеръ 1-го Января 1559 г.— Послы отъ преемника его пріѣхали въ Москву 19-го Марта; Іоаннъ согласился дать Ливоніи на полгода *тихое престояніе* (Датск. дѣла, *Ист. Г. Р. VIII*, прим. 552, 553, и Кельхъ, стр. 234).

Ливоніи Датскому Королю; сказали имъ, что Ливонія *издревле была Русская область*, и Царь беретъ свое наслѣдіе; что если Данія желаетъ мира Ливоніи, то пусть уговоритъ Магистра и Епископовъ явиться съ безусловною покорностью въ Москву, или прислать для сего знатныхъ людей. Впрочемъ, въ уваженіе просьбы Королевской, до присылки Пословъ Ливонскихъ, Іоаннъ согласился не воевать Ливоніи съ Мая до Ноября. Датчанамъ выдали даже *опасныя* грамоты для проѣзда Пословъ Ливонскихъ (297).

(297) Дѣла Шведскія (Ист. Г. Р. VIII, прим. 549). Густавъ оскорблялся тѣмъ, что Рыцари не помогали ему въ войнѣ съ Рускими 1556 года; притомъ было множество мѣлкихъ ссоръ; спорили даже о титулѣ, когда Послы Магистра назвали Шведскаго Короля: *Durchleuchtigsten*, а не *Erleuchteten*. «Отецъ мой,» говорилъ Іоаннъ, сынъ Густава, «еще не такъ *затмился*, чтобы *освѣщеніе* ваше было ему необходимо.» — Приближаясь къ смерти, Густавъ сдѣлался кропотливъ, суевѣренъ: его печалили тогдашнія естественныя бѣдствія Швеціи, смерть супруги, смерть друга его Короля Датскаго, безразсудство наслѣдника; все считалъ онъ наказаніемъ за грѣхи свои. Нерѣдко говоря: «Мы актеры: я играю роль Короля, Шведы моихъ подданныхъ; но комедія кончится смертью и мы будемъ равны,» Густавъ при концѣ жизни думалъ только о бытіи за гробомъ. Прощаясь съ Шведами, на сеймѣ, нарочно созванномъ, Іюня 25-го 1560 г., сѣдовласый Гу-

Старецъ Густавъ-Ваза также прислалъ грамоты и Пословъ, просить о помилованіи Ливонской земли. Онъ жаловался однакожъ на вѣроломство рыцарей, увѣрялъ, что проситъ только по желанію Императора, и готовъ уговаривать Магистра покориться Русскому Царю; будетъ соблюдать дружбу, если Іоаннъ и не уважитъ его просьбы.—«За чѣмъ-же вступаться вашему Королю?» отвѣчалъ Іоаннъ Посламъ Густава. Императоръ можетъ просить меня самъ, если хочетъ, а навести на умъ Магистра у меня есть средства и безъ пособія Швеціи.»

Густавъ замолчалъ. Тѣмъ ревностнѣе начала дѣйствовать своекорыстная политика Польши. Честолюбіе вдругъ овладѣло Сигизмундомъ, и

ставъ со слезами сказалъ: «Не я спасъ васъ отъ ига чужеземнаго, добрые Шведы, не я, но Богъ, избравшій меня орудіемъ своимъ. Не горжусь и высокимъ саномъ моимъ: забуду-ли, что за сорокъ лѣтъ прежде, я скитался среди пустынь въ рубищахъ и просилъ милостыни! Помните меня, простите въ грѣхахъ и блюдите миръ и согласіе!» Все собраніе заливалось слезами, когда старецъ поклонился послѣ сего на всѣ стороны и сошелъ съ трона. Сентября 29-го 1560 г. скончался Густавъ, на 71-мъ году жизни и 40-мъ царствованія.

затмило въ глазахъ его всѣ препятствія, всю опасность Московской силы. Мѣлкая война Іоанна съ Крымцами, и страхъ, наведенный на Девлета Рускими, безопасили Польшу отъ Татаръ. Всегда скорый и безразсудный въ рѣшеніи, Сигизмундъ вдругъ перемѣнилъ рѣчь въ переговорахъ съ Москвою. Послы его были у Іоанна въ Мартѣ 1559 года, и начали переговоры о мирѣ. Польша потребовала Смоленска. Требованіе назвали несбыточнымъ, и соглашались мириться такъ, какъ есть владѣнія обѣихъ державъ по перемирію. Всего болѣе оскорбило Іоанна требованіе Короля: не воевать Ливоніи, ибо Императоръ отдаетъ ее Польшѣ. «Король передумалъ противъ прежняго — его воля; но Ливонія моя земля; совѣтую вашему Королю не брать, когда Императоръ станетъ отдавать чужое,» отвѣчалъ Царь. Въ Іюнѣ послалъ онъ жаловаться на обиды Литовцевъ Рускимъ купцамъ. Ему не внимали, и въ Ноябрѣ Послы Польскіе пріѣхали продолжить прежнее перемиріе. «Что прибыли въ перемиріи?» — отвѣчали имъ. «Не вамъ-ли предлагали миръ прочный и дружескій союзъ противъ Татаръ? Вы лучше хотите платить дань Хану, и въ награду за то видѣть землю вашу раззоряемою его ордами.» Въ досаду Королю, Іоаннъ называлъ себя въ граматахъ къ нему *Государемъ Ливонскія земли града Юрьева*. Въ Москвѣ видѣли

неизбѣжность войны съ Польшею, и вскорѣ опасеніе превратилось въ увѣренность (298).

Оставивъ на время оружіе, Кетплеръ пріѣхалъ въ Краковъ, готовый лучше быть рабомъ Короля Польскаго, нежели данникомъ Москвы. Онъ убѣдилъ Сигизмунда помогать Ливоніи. Кетплеръ обѣщалъ заплатить Польшѣ 700,000 гульденовъ, отдавалъ въ залогъ шесть крѣпостей; за то Король обязывался помогать Магистру средствами мирными, заступленіемъ у другихъ Государей и войскомъ. Послѣ одержанія побѣдъ надъ Рускими, положено раздѣлить дружески все, что пріобрѣтутъ отъ Россіи миромъ. Ливонія ожила, когда Кетплеръ привезъ договоръ съ Польшею въ Ригу. Получивъ обнадеживанія Императора, небольшую помощь людьми и деньгами изъ Германіи, собравъ у себя нѣсколько воиновъ, и денегъ на жалованье имъ, юный Магистръ уже мечталъ о побѣдахъ, объ истребленіи Рускихъ, не хотѣлъ дожидаться сборовъ Польши, и говорилъ, что мечъ его долженъ показать примѣръ друзьямъ ордена. Безразсудный готовилъ

(298) Дѣла Польскія и Архивск. Лѣт. (Карамзинъ, VIII, прим. 548).

себѣ погибель, какъ-будто не зналъ Сигизмунда, не проникалъ Іоанна (299)!

Обращаемся къ событіямъ, которыя въ это время увеличили горделивость Русскаго Царя неожиданными успѣхами на югѣ его владѣній.

Мы видѣли, что не уважая словами Девлета, увѣрявшаго, будто изъ дружбы къ Россіи Татары его грабятъ Польшу, Іоаннъ послалъ Ржевскаго и Вишневецкаго занять Хана мѣлкою войною. Храбрый Ржевскій поплылъ по Днѣпру, сталъ за 10-ть верстъ отъ Перекопи, ходилъ на Исламъ-Кермень. Девлетъ укрылся въ Крыму, робѣлъ, такъ, что Ржевскій рѣшился *остаться съ дружинами въ устьѣ Днѣпра до зимы*, а Вишневецкій, бывшій съ нимъ вмѣстѣ, воротился въ Москву. Тогда-же разбили мѣлкіе отряды Крымцевъ, посланные на Казань: Девлетъ слышалъ, что около Казани бунтуютъ, и искалъ союзниковъ. Еще болѣе обманули его слухи, будто все Русское войско находится въ отдаленной *Нѣмецкой землѣ*. Зимою 1558 года, изъ Крыма отправились три сильныя полчища. Ногаи соединились съ Крымцами, и Крымцы вдругъ по-

(299) Дѣла Польскія (Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 568); Кельхъ, стр. 239 — 241. Гульденъ по договору съ Польшею оцѣненъ былъ въ 24 гроша Литовскихъ.

шли на Каширу и на Тулу; сынъ Девлета, Махметъ-Гирей пустился на Рязань. На берегахъ Мечи со страхомъ узнали хищники, что въ Москвѣ осталось сильное войско; они спрашивали объ ужасныхъ людяхъ: *Иванѣ Шереметевѣ, Михайлѣ Воротынскомъ, Дмитріи Вишневецкомъ;* узнали, что сзади ихъ, близъ Перекопи, Донскіе казаки грабятъ Ногайскіе улусы; что Воротынскій уже идетъ на нихъ, Вишневецкій ждетъ ихъ въ Бѣлевѣ, а Шереметевъ въ Рязани. Толпы Девлетовы бросились обратно, и такъ поспѣшно, что Воротынскій, шедшій по слѣдамъ ихъ, не могъ догнать бѣглецовъ (300).

(300) О поискѣ Вишневецкаго и Ржевскаго въ 1558 году: «Приходили къ Перекопи, стояли за 10 верстъ, и пошли къ Днѣпру на Тованскій перевозъ, ниже Исламъ-Керменя полтретьятцать верстъ.» Съ Ржевскимъ сошлись выше Днѣпровскихъ пороговъ, на *Монастырскомъ* (въ *Ник.* на Интрскомъ) островѣ, и *лѣтовали* въ Исламъ-Керменѣ, посылая отряды за *Перекопь* и на *Козелецъ* (Ник. Лѣт. VII, 308, и Арх. Лѣт. Ист. Г. Р. VIII, прим. 554). Объ отрядахъ Девлета на Волгу, *Арх. Лѣт.* (Карамз. VIII, прим. 555); о походѣ Девлета, *тамъ-же*, прим. 557, 558, и Курбскій, *Сказ.* I, 77, 78. — Имя *Шереметева,* послѣ битвы въ 1555 г., было ужасомъ Крыма. Вотъ что говоритъ объ немъ одинъ Татарскій Историкъ, распространяясь въ великолѣпныхъ Восточныхъ метафорахъ: «Нѣкто безбожный невѣрный, который по своей кабаньей отважно-

Русскій Царь привыкъ почитать Девлета безсильнымъ причинять какое либо зло Россіи; набѣгъ его почелъ онъ оскорбленіемъ, достойнымъ мести. Два вождя, равно славные воинскою доблестью, *Даніилъ Адашевъ* и *Дмитрій Вишневецкій*, были посланы, не съ сильнымъ войскомъ, но съ Казаками и смѣлыми наѣздниками (въ Февралѣ 1559 г.). Первый изумилъ современниковъ подвигомъ неслыханнымъ: отъ Кременчуга, онъ поплылъ Днѣпромъ, имѣя 8,000

сти и собачьему бѣшенству, доказаннымъ во многихъ битвахъ, сдѣлалъ имя свое знаменитымъ, назвавшись *Ширемедъ*, испорченное названіе отъ слова *Ширъ-мердъ* (человѣкъ-левъ, храбрый, какъ левъ),» и описываетъ битву 1555-го года по своему манеру, что Девлетъ, рѣшась «*расточить деньги своей храбрости на рынкѣ битвъ съ невѣрными и на базарѣ войны и сраженія,*» напалъ на Россію, ограбилъ ее и возвращался съ добычею. «Тогда Ширемедъ, съ 90,000 дьяволовъ, своихъ собратій, облилъ главы правовѣрныхъ желѣзнымъ дождемъ и мелъ ихъ метлами, изъ коихъ сыпались искры, ибо, какъ говоритъ одинъ поэтъ: «*Если корабль твой слишкомъ нагруженъ, онъ утонетъ въ тинѣ. Для чего такъ тучно упиталъ ты тѣло твое?* — Тягость добычи связала руки правовѣрныхъ и привела ихъ въ несостояніе сражаться, ибо, какъ еще говоритъ поэтъ: «*Гибнутъ львы ужасные, когда ухватятъ добычу, и издыхаютъ въ то время отъ ранъ своихъ,*» и проч.

воиновъ; подъ Очаковомъ взялъ Турецкій корабль, близъ острова Чула захватилъ другой, отправился прямо въ Крымъ и присталъ въ сей странѣ, нѣкогда даровавшей крещеніе Руси, но уже цѣлые вѣки послѣ того враждебной и неприступной для Рускихъ. Шесть столѣтій протекло, какъ «Русская сабля въ тѣхъ земляхъ не бывала очервлена кровію, и не гремѣла труба, сзывающая православное воинство.» Истребивъ верблюжьи стада близъ острова Ярлаша, Адашевъ напалъ на осѣдлыхъ жителей Кременчика, Коршанъ, Когольника, былъ въ 15-ти верстахъ далѣе Перекопи, грабилъ, жегъ, ушелъ безопасно на островъ Озибекъ и поплылъ обратно Днѣпромъ, отославъ Турковъ, захваченныхъ Рускими въ полонъ, къ Пашѣ Очаковскому, сказывая ему, что Царь Рускій наказываетъ своего злодѣя, Хана Крымскаго, но не воюетъ съ Великимъ Султаномъ. Паша вѣжливо благодарилъ Адашева, а Девлетъ не могъ опомниться отъ изумленія. Весь Крымъ встревожился; народъ встрѣчалъ Хана кликомъ: «Гибнемъ! Рускіе здѣсь! Мирись съ Царемъ Московскимъ!» Девлетъ одумался наконецъ, когда Рускіе удалились, хотѣлъ уничтожить ихъ на Днѣпрѣ; но Адашевъ плылъ благополучно, отстрѣливаясь отъ Татаръ, въ безсильной ярости рыскавшихъ по берегу Днѣпра. — Съ другой стороны, Вишневецкій билъ

Крымцевъ подъ Азовомъ, приплывъ туда по Дону, и соединивъ въ свои дружины Казаковъ и Ногаевъ. Осенью возвратился онъ въ Москву съ Горскими Князьями, желавшими имѣть у себя Русскаго воеводу, просившими крещенія, требовавшими помощи, людей и запасовъ. Соединяя Ногаевъ, Горцевъ, Казаковъ, Вишневецкій вызывался Іоанну съ востока и съ юга воевать Крымъ (301).

Всѣ такія вѣсти производили радость въ Москвѣ. Царь велѣлъ пѣть благодарственные молебны, дарилъ воеводъ, отвѣчалъ на мирныя предложенія Девлета, что пора ему перестать

(301) Сказ. Курбск. т. I, 81, 82; Арх. Лѣт. (Карамзинъ, VIII, прим. 561, 562, 566). О Д. Адашевѣ: «Коли онъ съ моря приходилъ на улусы, тогда у нихъ (Татаръ) страхъ былъ великой отъ Царева и Вел. Князя прихода. . . . И всею землею къ Царю (Хану) приходили, чтобы ся съ Царемъ и Вел. Княземъ помирилъ, а отъ Днѣпра улусамъ нужа великая.» — Вишневецкій разбилъ Татаръ «на Идарѣ близъ Азова.» Съ нимъ пріѣхалъ въ Москву Черкасскій Мурза Чюракъ; въ Февралѣ 1560 г. Вишневецкій отправился къ Горцамъ, съ Князьями Сибокомъ и Башикомъ (крещеными) и съ священниками. Кабардинцы многіе крестились, а Вишневецкій и Черемисиновъ помогали имъ воевать Шавхала и Тюменскихъ Татаръ.

говоритъ безлѣпицу, что теперь *вѣдомъ уже Рускимъ путь въ его землю*. Еще весною 1559 г. Царь велѣлъ готовить большое войско на Крымъ; но другія дѣла, внѣшнія и внутреннія, увлекли его. Татары уже не дерзали явиться на Русь; ихъ мѣлкіе наѣзды въ 1559 году были безуспѣшны; зимою и лѣтомъ 1560 года Ногаи, Казаки, легкіе Русскіе отряды разсыпались повсюду отъ Азова до Днѣпра, ходили на Акерманъ, плавали по Бугу, Ингулу, были подъ Очаковомъ. Крымцы не смѣли перекочевать за Перекопь; цѣлые улусы ихъ уходили для спасенія своего за Днѣпръ (302).

Съ весною 1559 года, по обѣщанію Царя, данному Королю Фридерику, Ливонія не видѣ-

(302) Ник. Лѣт. VIII, стр. 296. О приготовленіяхъ самого Іоанна въ Крымскій походъ, *Разряды* 1559 г. въ Мартѣ (*Вивліоѳ.* Новикова, т. XIII, 285). Крымцы приходили въ 1559 г. къ Пронску и къ Тулѣ (*Арх. Лѣт.* Ист. Г. Р. VIII, прим. 564). Тутъ-же выписки о мѣлкой войнѣ Ногаевъ и Казаковъ съ Крымомъ: «пришли къ Перекопи (лѣтомъ 1560 г.), и въ тѣхъ мѣстахъ улусовъ не было, были за Перекопью, а иные *забиты за Днѣпръ на Литовскую сторону*; и ходили за Днѣпръ, и улусы (ушедшіе туда) повоевали, и подъ Бѣлгородъ, и подъ Очаковъ, и по Бугу, и по Ингуломъ, и шли назадъ мимо Перекопь, и вылазка не была, сидѣли отъ нихъ Крымцы въ осадѣ во всю зиму».

ла уже въ опустошенныхъ областяхъ своихъ Русскаго меча, и пожаровъ, воспаленныхъ рукою непріятеля. Рускіе сидѣли въ занятыхъ ими Ливонскихъ городахъ; сильныя полчища Іоанна отдыхали въ Русскихъ предѣлахъ. Что-же Кетлеръ? Мечталъ, будто Царь робѣетъ его союза съ Польшею, и не хотѣлъ ни слушать совѣтовъ благоразумія, ни соблюдать правилъ осторожности. Нетерпѣливо желалъ онъ доказать напротивъ того, на дѣлѣ, что столь легко казалось ему въ безразсудныхъ предположеніяхъ. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ: Кетлеръ нарушилъ срокъ, не перемирія, но *отдыха*, даннаго Іоанномъ. Осенью войско Магистра было готово; онъ слышалъ, что Польша также готовитъ вспомогательныя войска, и — началъ войну. . .

Отнять Дерптъ, самое важнѣйшее завоеваніе Рускихъ, оглушить непріятеля симъ нежданнымъ ударомъ — такова была первая мысль Кетлера. Онъ напалъ на отрядъ воеводы Захара Плещеева и истребилъ его; немедленно окружилъ Дерптъ, открылъ пальбу изъ пушекъ; Бояринъ Катыревъ-Ростовскій, защищавшій Дерптъ, не думалъ сдаваться. Холодъ и ненастье лишали Кетлера возможности взять городъ приступомъ, когда онъ не сдался съ перваго нападенія, отъ страха. Со стыдомъ

принужденъ былъ Магистръ отступить, услышавъ, что Русское войско уже идетъ на помощь Дерпту. Кетлеръ отошелъ къ Лаису, хотѣлъ взять хоть этотъ небольшой городокъ. Стрѣлецкій Голова Кашкаровъ показалъ необыкновенную храбрость: съ 400 воиновъ, онъ выдержалъ всѣ жестокія нападенія Рыцарей, и послѣ двухъ-дневной осады Кетлеръ укрылся въ Венденъ, съ позднымъ сознаніемъ, что безразсудство его только навлекло новыя бѣдствія на Ливонію (303).

За нимъ шли мстители, Русскіе воеводы; они раззорили Вольмарскій, Венденскій уѣзды, не боясь Магистра; сожгли предмѣстіе Тарваста, гдѣ находился бывшій Магистръ Фирстенбергъ; разбили Фирстенберга, когда онъ сдѣлалъ вылазку изъ крѣпости, и осадили Маріенбургъ. Озеро, на острову котораго стоялъ городъ, дѣлавшее его неприступнымъ во время

(303) Архивск. Лѣт. (Ист. Г. Р. т. VIII, прим. 572,573,574); Кельхъ, стр. 241,242. Наемные Кетлеровы воины отказались служить: имъ не давали жалованья и думали удовольствовать ихъ mit guten Worten und grossen Promissen. Самого Кашкарова прислали воеводы въ Москву, съ донесеніемъ объ его славномъ подвигѣ, «и Андрея Государь за его прямую службу пожаловалъ великимъ жалованьемъ».

лѣта, замерзло; стѣны разбили пушками; защитникъ Маріенбурга, Коммандоръ Зибургъ испросилъ позволеніе выйдти и сдалъ городъ. Занявъ его Русскою дружиною, воеводы удалились въ Псковъ. Весною они начали дѣйствовать легкими отрядами, ожидая на смѣну себя новыхъ воеводъ изъ Москвы (304).

Іоаннъ прислалъ новыхъ воеводъ. Въ числѣ ихъ были Князь Андрей Курбскій, и—къ удивленію всѣхъ—*Алексій Адашевъ*, до тѣхъ поръ душа совѣтовъ Іоанна, неотлучно находившійся при немъ, самовластный правитель Русскаго государства, ибо управлялъ волею самаго Государя. Правда, Адашевъ явился въ Ливонію съ почестью: находясь въ званіи Окольничаго, онъ считался *третьимъ* Воеводою *большаго полка*, и, не показывая ни горести, ни оскорбленія, ревностно началъ доказывать усердіе къ Царю своимъ мечемъ въ битвахъ, какъ доселѣ доказывалъ его умомъ въ совѣтахъ. Но всѣ увидѣли, что время владычества Адашева минова-

(304) Кельхъ, стр. 242, Сказ. Курбск. I, 78. Курбскій о Маріенбургѣ: «градъ зѣло прекрасенъ, стоитъ среди немалаго озера, на таковой выспѣ (насыпи), яко велико мѣстечко и градъ, а зовутъ его *иговскимъ* (ихъ) языкомъ *Алюстъ*, а по Нѣмецки *Наримборхъ*».

лось; вскорѣ узнали, что и Сильвестра нѣтъ уже въ Москвѣ (305).

Но, докончимъ прежде описаніе Ливонскихъ событій. — Вмѣсто помощи войскомъ, Польша помогала въ это время Рыцарямъ только совѣ-

(305) Уже охладѣвшій къ Адашеву, Іоаннъ, вѣроятно, отпустилъ его со всевозможною ласкою, ибо и Курбскаго онъ также обласкалъ передъ отъѣздомъ: «введе мя Царь въ ложницу свою, и глагола ми словесами, милосердіемъ растворенными и зѣло любовными, и къ тому съ обѣщаніями многими. «Принужденъ быхъ», рече, «отъ оныхъ побѣгшихъ воеводъ моихъ, або самъ идти сопротивъ Лифлянтовъ, або тебя, любимаго моего, послати, да охрабрится паки воинство мое, Богу помогающу ти. Сего ради иди и послужи ми вѣрно». Азъ-же со тщаніемъ пойдохъ» (*Сказ.* I, 89). Курбскій повѣрилъ хитрости Царя; говоритъ, что тогда сердца Рускихъ были «зѣло сокрушенны», ибо, обращая противъ Крыма лучшихъ воеводъ, Царь принужденъ былъ «посылати въ Лифляндскіе города неискусныхъ и необыкновенныхъ въ полкоустроеніи, и того ради многажды поражены были отъ Нѣмецъ, не токмо отъ равныхъ полковъ, но уже и отъ малыхъ людей». Но гдѣ-же и когда? Взятіе Рингена и разбитіе Плещеева не вознаграждалось-ли защитою Лаиса, взятіемъ Маріенбурга? *Микулинскій*, *Шереметевъ*, *Морозовъ*, *Серебряный*, едва-ли могли назваться людьми неискусными и трусами. Притомъ, Мстиславскій и Морозовъ были и остались главными воеводами (см. разряды, *Вивл.* Нов. XIII, 310). Нѣтъ сомнѣнія, что Іоаннъ хотѣлъ только

тами. Кетплеръ печально смотрѣлъ на пожаръ Тарваста и паденіе Маріенбурга, но не двигался на помощь. Въ Январѣ 1560 г. прибылъ въ Москву Секретарь Сигизмунда Володковичъ. Король рѣшительно объявлялъ Іоанну, что Рускіе должны оставить всѣ Ливонскіе города; не скрывалъ уже и того, что Магистръ поддался Польшѣ. Называя ложными всѣ притязанія Іоанна на давность владѣнія Ливоніею, Сигизмундъ грозилъ войною. Володковичъ говорилъ боярамъ, что весь народъ Польскій требуетъ у Сигизмунда защиты Рыцарей отъ свирѣпости Рускихъ, но Король радъ продолжать миръ, если Іоаннъ добровольно отступится отъ Ливоніи. Не упоминая о старыхъ правахъ, Володковичу указали на договоръ, которымъ Дерптъ обязался платить дань, и смѣялись надъ хвастливою гордостью Короля. — Не болѣе успѣха имѣлъ Императоръ, заступившійся за Ливонію также только словами. Гонцу, привезшему грамату Императорскую, отвѣчали, что съ нимъ переговаривать не станутъ; что Императоръ можетъ прислать Пословъ къ Царю, если имѣетъ

удалить Адашева и друга его; Сильвестръ удалился немедленно по отъѣздѣ ихъ, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Адашевъ былъ уже въ могилѣ.... Замѣтимъ, что съ Адашевымъ, поставленнымъ выше многихъ старшихъ, никто не спорилъ о *мѣстахъ*.

какія-либо объясненія касательно Ливоніи. Между тѣмъ Руские дѣйствовали мечемъ, сильно, быстро и безпощадно (306).

Въ Маѣ 1560 г., Курбскій и Алексій Адашевъ пошли изъ Дерпта, взяли Фегефееръ, замокъ Епископа Ревельскаго, подходили подъ Виттенштеинъ, раззорили Коскильскую область, и узнавъ, что Фирстенбергъ вышелъ изъ Феллина, обратились на него. Фирстенбергъ сталъ въ неприступномъ мѣстѣ, за болотами, не смѣлъ напасть на Рускихъ, когда они пробирались черезъ болота, заплатилъ за нерѣшительность потерею битвы, и бѣжалъ въ Феллинъ (307). Курбскій истреблялъ мѣлкіе отря-

(306). *Дѣла Польскія* (Карамз. VIII, прим. 575, 576). Между тѣмъ, еще въ Декабрѣ 1559 г. (kurtz vor Weinachten) Послы Сигизмунда приняли отъ Магистра по договору 9-ть Ливонскихъ крѣпостей, въ залогъ пособія Польши (Кельхъ, стр. 242, называетъ сихъ Пословъ: Stanislaus Narkuski и Nicolaus Naruscizwiz). Императорская грамата, отъ 19 Окт. 1558 г. находится въ выпискахъ Альбетранди (*Ист. Г. Р.* VIII, прим. 577).

(307) «Аще-бы ту (при переходѣ черезъ болота) встрѣтились съ нами, поразили-бы насъ, аще-бы и прикратно было наше воинство... Но они, яко гордые, стояли на широкомъ полѣ,» т. е. Фирстенбергъ стыдился воспользоваться затрудненіемъ непріятеля, и быть обязаннымъ побѣдою невыгодности его положе-

ды Нѣмцовъ, выманилъ на засаду Фирстенберга, и старый воинъ едва могъ ускакать обратно въ Феллинъ (308).

Здѣсь онъ не видѣлъ уже безопасности, спѣшилъ отправлять лучшее имѣніе жителей въ Гапсаль. Его опасенія оправдались. Шестдесятъ тысячь войска, сто пушекъ, главные воеводы Русскіе шли къ Феллину, по приказанію Іоанна. Отрядъ изъ 12,000 человѣкъ пересѣкъ сообщеніе Феллина съ Гапсалемъ. Отчаянное нападеніе Ландъ-Маршала Беля не смѣшало Князя Барбашина, начальствовавшаго симъ отрядомъ: съ тысячью воиновъ, Бель ударилъ на Рускихъ неожиданно, и попался въ плѣнъ, вмѣстѣ съ 11-ю чиновниками и 120 рыцарями. Плѣнъ сего старца, уважаемаго всѣмъ Ливонскимъ Рыцарствомъ, произвелъ общую скорбь. Представленный Русскимъ воеводамъ, Бель со слезами говорилъ имъ, что гнѣвъ Божій, за грѣхи и преступленія, явно губитъ его несчастную отчизну. «Неуже-ли вы думаете, что мечъ вашъ

нія; у Курбскаго было только 5,000 человѣкъ, но потомъ пришла помощь (*Сказ. К.* т. I, стр. 89). Кетлеръ ссорился, почти дрался въ это время съ Датчанами, уже занявшими часть Ливоніи, и не думалъ о пособіи Фирстенбергу.

(308) Курбскій, I, 91.

даетъ вамъ побѣды?» — продолжалъ Бель, въ бесѣдѣ, умиливпей самыхъ его побѣдителей. «Но я благодарю Бога, что могу хотя пострадать за мою родину!» Старецъ, какъ будто предчувствовалъ близкую, страдальческую смерть свою (309).

И дѣйствительно: казалось, что невидимая сила лишала бодрости самыхъ храбрыхъ. Въ Августѣ 1560 г. Руские окружили Феллинъ; на-

(309) Съ Белемъ были еще: братъ его Вернеръ Бель, Коммандоръ Зегевольский, Гейнрихъ ф. Галенъ, Комм. Гольдингенский, Христ. ф. Зибургъ, Фогтъ Баусский, и славный рыцарь Рейнгольдъ ф. Зассе; всѣ они попались въ плѣнъ (Кельхъ, стр. 245). Курбский (*Сказ.* I, стр. 92-97) говоритъ, что пьяные воины Беля (яко Нѣмцы мало бываютъ въ день трезвы) были обмануты Русскими плѣнниками, и думали сразиться съ небольшимъ отрядомъ. Беля поймалъ оруженосецъ (пахоликъ) Алексия Адашева. Курбский выхваляетъ знаменитаго старца, называя его «мужъ храбрый и славный въ языцѣхъ ихъ (Ливонскихъ), воистину послѣдний защитникъ и надежда Лифляндскаго народа — разсмотрихомъ его добрѣ: не токмо мужественный и храбрый, но и словества полный, и остръ разумъ и добру память имущъ.» Онъ подробно описываетъ бесѣду свою съ Белемъ, разсказы старца о началѣ Ордена и причинахъ падения его. Курбский говоритъ, что онъ, и другие воеводы просили письмами Иоанна уважить знаменитаго плѣнника: просьба ихъ могла только возбудить опасения Царя и ускорить кончину Беля.

чалась пальба, и тщетно Фирстенбергъ умолялъ биться мужественно, увѣрялъ, что вскорѣ придетъ помощь, отдавалъ все свое имѣніе воинамъ. Испуганные пожаромъ, войска не слушали бывшаго Магистра, начали переговоры о сдачѣ города: всѣмъ обѣщана была свобода — *кромѣ Фирстенберга*. Царь хотѣлъ видѣть плѣнникомъ въ Москвѣ знаменитаго своего непріятеля, и—его выдали Рускимъ.

Такъ легко завоеванъ былъ одинъ изъ главныхъ городовъ Ливоніи, имѣвшій три каменныя крѣпости, 450 пушекъ, большое количество запасовъ, окруженный глубокими рвами, защищаемый мужественнымъ Фирстенбергомъ (310)!

(310) Курбскій, т. I, 991—99; Кельхъ, стр. 246, 247. Рускіе невольно изумлялись легкому завоеванію крѣпкаго Феллина. Всего болѣе ужасало Ливонію, что въ Феллинѣ досталась Рускимъ, сверхъ множества свезеннаго въ сію крѣпость имѣнія и богатствъ, вся артиллерія полевая (Liefländischen Feld-Artollerie) и тяжелые артиллерійскіе снаряды («картауны великія, ихъ-же многою цѣною изъ за моря, съ Любка, мѣста великаго, отъ Германовъ своихъ достали было, и вся стрѣльба огненная многая»). Взятіе Феллина приписывали чуду, разсказывая, что въ день Успенія прибылъ въ таборъ изъ Пскова, съ просфорами и Св. водою, священникъ; Рускіе начали стрѣлять съ его благословенія, и немедленно загорѣлась *проклятая Латинская божница*, сгорѣлъ хлѣбный запасъ; Нѣмцы ужаснулись и сдались (*Пск. Лѣт.*).

Кетплеръ приходилъ въ бѣшенство, слыша о трусости, робости защитниковъ Ливоніи; бросилъ въ тюрьму Коммандора Зибурга, сдавшаго Маріенбургъ; повѣсилъ многихъ изъ воиновъ, бывшихъ въ Феллинѣ, упрекая ихъ измѣною. Нѣсколько Польскихъ дружинъ явились наконецъ помогать Рыцарямъ. Между тѣмъ Тарвастъ, Руя, Верполь сдались безъ боя. Курбскій встрѣтилъ Польскіе отряды, сражался, разбилъ и гналъ ихъ до Литовской границы. Воевода Яковлевъ приблизился къ Ревелю. Оттуда напали на него городскіе отряды и были прогнаны до самаго Ревеля. Мстиславскій осаждалъ между тѣмъ Вейсенштейнъ; осень принудила его снять осаду, и Русскія войска удалились во свояси (311). Походъ 1560 года былъ конченъ. Слѣ-

(311) Кельхъ, стр. 242—929. Защитники Феллина, выходя изъ города, разграбили многіе домы; Рускіе отняли у нихъ все, и отпустили ихъ почти нагихъ, а Кетплеръ повѣсилъ нѣсколько человѣкъ изъ сихъ негодяевъ und ihre schelmische That an Galgen, Rädern und Spiessen büssen musten. *Бѣльскій* (стр. 609) говоритъ, что въ битвахъ съ Рускими Полубинскій, Польскій воевода, одержалъ верхъ, полонилъ воеводу Русскаго, и непріятель ушелъ отъ страха во свояси. Стриковскій зналъ даже имя плѣннаго воеводы (Князь И. Мещерскій), и увѣрялъ, что тогда-же Іеронимъ Хоткевичъ безостановочно гналъ 50,000 Рускихъ очень далеко, и

дующій годъ готовилъ событія новыя, болѣе обширныя. Кетлеръ помышлялъ уже не о защитѣ самобытности Ордена: онъ продавалъ Орденъ за частныя выгоды себѣ; другіе знали это; жадные взоры окрестныхъ Государей обращались уже на дѣлежъ земель Рыцарскихъ; не думая уступать ихъ безъ раздѣла Польшѣ, о пособіи Рыцарямъ перестали думать; въ Швеціи, Даніи, Литвѣ готовились войска

именно — отъ Двины до самой Москвы! Курбскій пишетъ о разбитіи отрядовъ Хоткевича, вступавшихъ въ Ливонію (*Сказ.* I, 98). Въ *Псковск. Лѣт.* подтверждается извѣстіе о прогнаніи отрядовъ Полубинскаго (если уже не вѣрить Курбскому) и походѣ къ Ревелю. Кельхъ (стр. 247—249) говоритъ, что Вейсенштеинъ защитилъ храбрый, юный рыцарь Каспаръ ф. Ольденбокъ; что Рускіе были прогнаны отъ Ревеля, но въ жестокой битвѣ убиты были со стороны Ревельцевъ: Іоганнъ ф. Галенъ, Юргенъ ф. Унгернъ, Лоренцъ ф. Эрмисъ, Ревельскій Ратсгеръ Людеке ф. Ойтенъ, и знатный бургеръ Блазій Гохгрефъ. — Здѣсь кончится *первый* періодъ войны Ливонской: въ Ноябрѣ 1561 г. Кетлеръ былъ уже *Герцогомъ Курляндскимъ*; Польша овладѣла Ригою и южною Ливоніею; Данія еще съ весны 1560 года владѣла Эзелемъ, а Швеція Ревелемъ; Россія удерживала свои завоеванія; начались дѣлежи, ссоры, битвы. Увидимъ всѣ подробности, и *рѣшеніе* многолѣтнихъ споровъ сильнымъ мечемъ Баторія.

идти и захватывать въ Ливоніи, кто что успѣетъ. Но Іоаннъ готовилъ новые удары, смѣло вызывая воевать противъ него всякаго, кто дерзнулъ-бы теперь усомниться въ его могуществѣ и его мудрости.

Уже все измѣнилось въ это время при Дворѣ Іоанна, измѣнился и самъ онъ: « благодать Господня отступила отъ Государя, » какъ говорили современники. Народъ еще ничего не видѣлъ, не замѣчалъ, славилъ побѣды, величившія имя Іоанна въ одно время на берегахъ Чернаго, Каспійскаго, Балтійскаго морей. Но уже Сильвестра и Адашева не было при Іоаннѣ; заслуженные, знаменитые люди подвергались его гнѣву и недовѣрчивости; новые любимцы тѣснились у трона. Смиреніе, преданность волѣ Бога, отнесеніе побѣдъ Его помощи, смѣнялось нестерпимою гордостью; Царь не слушалъ возраженій, и пепломъ и раззореніемъ Ливоніи доказывалъ свою дальновидность, робость и безуміе совѣтниковъ, отвлекавшихъ его отъ войны Ливонской. Кровь еще не лилась на плахѣ палача и во מракѣ темницъ, но время нравственной погибели Іоанна сближалось быстро.

Когда по слову Царскому, Алексій Адашевъ отправился въ Ливонію, Сильвестръ предсталъ предъ Царя. Можетъ быть, Царь ожи-

далъ упрековъ, еще разъ потупилъ взоры передъ взорами сего старца, столько лѣтъ бывшаго вторымъ его провидѣніемъ. Но — Сильвестръ не упрекалъ, не совѣтовалъ; только смиренно просилъ: позволить ему удалиться отъ суеты міра, и въ отдаленной обители кончить дни, которыхъ уже не могъ онъ посвящать чести и пользѣ отечества. Іоаннъ хладнокровно выслушалъ предложеніе Сильвестра, далъ согласіе, и Сильвестръ удалился въ Кирилловскій Бѣлозерскій монастырь. Тамъ принялъ онъ иноческій чинъ, подъ именемъ *Спиридона*, и молился за благо Россіи, за спасеніе Царя (312).

Царь торжествовалъ между тѣмъ побѣды, и тщеславился униженіемъ непріятелей, привлеченныхъ силою оружія передъ тронъ его. Германъ, бывшій Епископъ Дерптскій, по договору долженъ былъ жить въ монастырѣ Фалькенаускомъ. Іоаннъ лишилъ его власти, вытребовалъ въ Москву; но былъ однакожь дово-

(312) Курбскій пишетъ, что Сильвестръ удалился «въ монастырь, сто миль отъ Москвы лежащъ.» Изъ приписки на книгѣ, принадлежавшей нѣкогда Кирилловской обители (см. прим. 192), узнаемъ мѣсто его уединенія. Вотъ приписка: «*Сія книга, Зерцало, Государское данье, попа Селиверста Благовѣщенскаго, во иноцѣхъ Спиридона, и сына его Анфима.*»

ленъ его покорностью и далъ ему помѣстье въ Россіи. Еще болѣе усладило его зрѣлище Фирстенберга, привезеннаго въ Москву: сего старца знаменитаго, и нѣсколько другихъ чиновниковъ, водили по Московскимъ улицамъ, говоря народу: « Вотъ ослушникъ Царя, бывшій начальникъ Латинскихъ Крыжаковъ » — « *По дѣломъ вамъ, Нѣмецкія собаки!* » сказалъ съ горькою усмѣшкою бывшій Царь Казанскій — « *вы дали Рускимъ прутья, и они сперва высѣкли ими насъ, а теперь и ваша очередь наступила!* » Но Іоаннъ остался доволенъ Фирстенбергомъ, далъ ему въ помѣстье городокъ Любимъ, и старецъ въ грустномъ плѣну кончилъ безотрадные дни свои. Не такая участь ожидала благороднаго, мужественнаго Беля. Іоаннъ началъ укорять его въ вѣроломствѣ, въ клятвопреступленіи. «Нѣтъ!» отвѣчалъ Бель, «ты клевещешь: мы правы предъ тобою, а ты терзаешь насъ неправдою и безбожно пьешъ кровь нашу!» Разгнѣванный Царь велѣлъ вести его на казнь, одумался, послалъ остановить свое повелѣніе: посланный увидѣлъ только холодный трупъ Беля—казнь уже была совершена (313)...

(313) О Германѣ, *Курбскій*, т. 1, 76. Слова Симеона: Euch teutshen Hunde geschiehet recht; denn ihr habt dem Moscowiter die Ruthe in die Hände gegeben, womit er

Въ это время уже не было той, которая могла-бы и безъ Сильвестра и Адашева умолить Іоанна, быть послѣднимъ союзомъ его съ добродѣтелью — не было *Анастасіи!* Еще въ цвѣтѣ лѣтъ, мать двухъ сыновъ, она была неизмѣнно любима Іоанномъ, и — прибавимъ съ горестью — радовалась, вмѣстѣ съ своими родственниками, что наконецъ избавились и она и супругъ ея *отъ опеки Адашевыхъ*, *Сильвестра*, всѣхъ, кого Захарьины почитали врагами своими. Но — бѣдна жизнь человѣческая исполненіемъ надеждъ! — Въ Ноябрѣ 1559 г., когда надобно было возвращаться съ богомолья изъ Можайска, Анастасія почувствовала себя нездоровою. Дурная дорога еще болѣе разстроила ея здоровье. Съ весною она поправилась. Въ Ію-

uns vorher gestäupet, nun stäupet er euch selbst auch damit (Кельхъ, стр. 247). О дачѣ помѣстья Фирстенбергу, Курбскій, I, 99. *Любимъ*, нынѣ городъ Ярославской губерніи, въ 103 верстахъ отъ Ярославля, на С. В., при рѣкахъ Учѣ и Обнорѣ: тамъ находится безвѣстная могила Фирстенберга! Странное сближеніе случаевъ: *Гермейстеръ Ливоніи* томящійся въ неволѣ, въ сѣверной области Русской, когда *Правитель Россіи*, Адашевъ, страдаетъ въ темницѣ того города, гдѣ взятъ былъ знаменитый Гермейстеръ! — О смерти Беля, *Курбскій*, I, 97; въ *Псковск. Лѣт.* сказано, что *воевода Ламошка* (Ландъ-Маршалъ) казненъ былъ за *противное слово.*

лѣ 1560 года, загорѣлся домъ Князя Пожарскаго на Арбатѣ; огонь распространился при сильномъ вѣтрѣ. Анастасія, едва оправившись отъ болѣзни, испугалась; Іоаннъ спѣшилъ оказать ей пособіе, и при заревѣ пожара, пожиравшаго Чертолье, Арбатъ, Новинское, самъ отвезъ ее въ село Коломенское, еле живую; воротился въ Москву, тушилъ пожаръ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Андреевичемъ; сталъ у церкви Св. Леонтія на Успенскомъ вражкѣ, сказалъ, что не пуститъ огня далѣе къ Кремлю—и сдержалъ слово. Но черезъ два дня, Іюля 19-го, новый пожаръ испепелилъ 20 дворовъ на большомъ посадѣ. Едва утушили его, загорѣлась Дмитровка; Іоаннъ и весь Дворъ его безстрашно тушили огонь, но Царь возвратился въ Кремль уже къ умирающей супругѣ. Что, если чувствуя смерть въ груди своей, Анастасія думала: такъ за 13-ть лѣтъ пожары предвѣщали славу и спасеніе моего супруга, а теперь предвѣщаютъ они, можетъ быть, погибель его? При дверяхъ гроба она могла отдать справедливость тѣмъ людямъ, удаленію которыхъ способствовала, и которые были столько лѣтъ ангелами хранителями Іоанна (314)...

(314) Въ *Продолж. Царственной книги* (Карамз. VIII, прим. 585, 586) о богомольѣ въ Можайскъ.

Рано утромъ, 7-го Августа 1560 года, скончалась Анастасія, «*первая Царица Россійская.*»

Вся Москва стенала, провожая бренные останки ея въ Вознесенскую обитель, гдѣ гробъ Анастасіи поставили подлѣ гроба Елены Глинской. Нищіе собрались толпами, *не для милостыни:* они хотѣли почтить слезами мать всѣхъ сирыхъ и безпомощныхъ. Іоаннъ рыдалъ, едва

Іоаннъ писалъ къ Курбскому, жалуясь на упреки Сильвестра и Адашева за его богомолья: «Како убо воспомяну, еже въ царствующій градъ съ нашею Царицею Анастасіею, съ немощною, отъ Можайска немилостивное путное прехожденіе (*Сказ.* II, 61)?» — Кажется, что эти упреки Правителей разрушили власть ихъ немедленно послѣ сего богомолья: черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Сильвестра и Адашева уже не было при Іоаннѣ. О пожарѣ *Продолж. Царств. книги* (Карамз. т. VIII, прим. 586. Онъ замѣчаетъ еще, что здѣсь въ *первый разъ* упоминается о Князьяхъ *Пожарскихъ*. Нѣтъ! въ раздѣленіи помѣстьевъ 1550 г. (см. прим. 210) находятся поверстанные во 100 четвертное помѣстье по Московскомъ уѣзду: «Стародубскіе Князья *Петръ Борисовичъ*, *Иванъ* Черной, *Петръ Васильевичъ*, *Иванъ Ивановичъ*, и *Ѳедоръ Ѳедоровичъ* Третьяковы, всѣ *Пожарскіе.*» Это были потомки отъ Андрея Ѳедоровича Стародубскаго, коего сынъ Василій первый назвался *Пожарскимъ*.

могъ держаться на ногахъ; братья Юрій и Владиміръ поддерживали его подъ руки (315)...

Мрачный и печальный удалился онъ въ свой Царскій чертогъ. И въ то время, когда смерть Анастасіи казалась ему какимъ-то нарушеніемъ естественныхъ законовъ, клевета воспользовалась пагубною мыслію и отравила душу Царя безумными подозрѣніями. Опасались горести Іоанна, чрезмѣрной скорби его. Августа 14-го, явились къ нему Митрополитъ, Духовенство, Бояре, умоляя щадить жизнь, драгоцѣнную для Россіи, не убивать себя печалью, утѣшиться славою Русской земли, и надеждою, что Богъ пошлетъ ему вторую Анастасію (316). Іоаннъ явился среди Двора своего; видѣлъ вокругъ себя веселыя лица; всѣ спѣшили развлечь Царя забавами, дали мѣсто шутамъ и скоморохамъ, и Царь утѣшился. Черезъ недѣлю, онъ объявилъ, что

(315) *Прод. Царств. книги* (Карамз. VIII, прим. 587). Богатые дары въ церкви и монастыри были разданы Іоанномъ по Анастасіи, также посланы были поминовенія въ Грецію, Іерусалимъ, и даже въ 1567 г. Іоаннъ посылалъ еще въ Царьградъ, Аѳонскую гору и Іерусалимъ, съ купцами Аѳанасіемъ Глядовымъ и Иваномъ Котковымъ, милостыню на поминовеніе Анастасіи (*Ист. Г. Р.* IX, прим. 83).

(316) *Прод. Царств. книги* (Карамз. IX, прим. 22).

намѣренъ сочетаться бракомъ съ сестрою Польскаго Короля; сомнѣвался только: не въ родствѣ-ли онъ съ нею? Митрополитъ разувѣрилъ его въ этомъ сомнѣніи. Немного времени прошло, и разгульные, великолѣпные пиры начались во дворцѣ, гдѣ уже не было благочестивой Царицы. Можетъ быть, сначала Іоаннъ дѣйствительно хотѣлъ только забыть свое горе, и — забылъ самого себя. Ему было только тридцать пять лѣтъ; чувственныя забавы увлекли его; веселая жизнь скоро понравилась ему. Желая свободы, Іоаннъ спѣшилъ удалить свидѣтелей, которыхъ могъ устыдиться: братъ Государя Юрій, Владиміръ Андреевичъ, Царевичъ Казанскій Александръ, дотолѣ жившіе во дворцѣ, были переселены въ особенные домы. Дворецъ сдѣлался пристанищемъ тѣхъ людей, кого прежде отгоняли отъ Царя Дворское благочиніе, добродѣтель Царицы и строгая мудрость Адашевыхъ и Сильвестра (317).

(317) Іоаннъ былъ намѣренъ жениться на *Екатеринѣ*, дочери Сигизмунда I-го, которая вышла потомъ за Іоанна Финляндскаго, сына Густава Вазы, отца Сигизмунда III-го, или на сестрѣ ея *Аннѣ*, выданной потомъ (1576 г.) за Стефана Баторія (три старшія сестры, были: *Гедвига* за Іоахимомъ Бранденбургскимъ, *Изабелла* за Іоанномъ Венгерскимъ, *Софія* за Герцогомъ Брауншвейгскимъ). Елена, родная тетка

На поприщѣ страстей труденъ только первый шагъ, но далѣе лежитъ широкій путь. Онъ ведетъ къ погибели, но погибель бываетъ скрыта отъ человѣка, а путь къ ней, до самаго края бездны, обольстителенъ. Новые любимцы Іоанна страшились Адашева, Сильвестра, друзей ихъ, даже и въ удаленіи отъ Іоанна. Какой быстрый переходъ вдругъ совершила душа Царя на пути страстей своевластныхъ, когда онъ могъ внять клеветамъ на Адашева и Сильвестра — клеветамъ нелѣпымъ, безумнымъ, которымъ самъ не вѣрилъ въ послѣдствіи! Раз-

Іоанна, была за Александромъ, роднымъ дядею Екатерины. — Дѣтямъ Царскимъ, въ *Августѣ*-же 1560 г., велѣно «дѣлати дворъ особный, на взрубѣ, позади набережныя большія палаты; повелѣ-же дѣлати спѣшно, чтобы дѣтямъ своимъ устроится ранѣе»; приказано было построить для нихъ особенную церковь Срѣтенія, уравненную съ Соборами. Юрію очистили дворъ, бывшій въ запустѣніи послѣ несчастнаго Юрія Іоанновича (за Ивановскою колокольнею), присоединивъ къ нему домъ Михаила Захарьина, по Чудовскую ограду, и устроивъ особую придворную церковь Введенія, учредивъ ему особый штатъ Бояръ и Дворъ, изъ его удѣла, «а до того времени жилъ Князь Юрій съ Царемъ нераздѣльно.» Царевичу Казанскому отвели домы Морозова и Князя П. М. Щенятева, близъ Николы Гостунскаго; до того времени онъ жилъ въ отдѣленіи дворца, что къ церкви Спаса за Золотою рѣшеткою.

вращники — и съ ними соединились вельможи дотолѣ благодушные, даже самые Захарьины — увѣрили Царя, что Адашевъ, Сильвестръ и друзья ихъ таятъ злые умыслы на него, что они ненавидѣли и *извели* Анастасію. Въ числѣ навѣтниковъ, были люди, отличенные подвигами, и — совершилось беззаконіе (318)!

Собрали совѣтъ во дворцѣ. Тутъ были Митрополитъ, Епископы, Бояре — кромѣ опальныхъ. — Іоаннъ предложилъ совѣту преступленія своихъ злодѣевъ и измѣнниковъ, Адашева и

(318) Курбскій, говоря объ обвинителяхъ на Адашева и Сильвестра, прибавляетъ, что *паче другихъ клеветали шурья Іоанна*, т. е. Захарьины (Сказ. I, 101). Далѣе именуетъ онъ особенно: «прелукавыхъ мниховъ: *Мисаила Сукина*, *Вассіана Бѣснаго*, Чудовскаго Архимандрита *Левку* «(Сказ. I, 104, 110). Главнѣйшее доказательство, что самъ Іоаннъ не вѣрилъ потомъ клеветамъ на Правителей: онъ не обвиняетъ ихъ въ смерти Анастасіи въ письмахъ своихъ къ Курбскому, хотя ругаетъ безъ пощады, жалуется на ихъ злость, своеволіе и строгость. Курбскій говоритъ, что добродѣтель Адашева привлекала къ нему сердца всѣхъ въ Ливоніи, а Сильвестра особенно чтили въ обители, гдѣ онъ монашествовалъ, и что враги боялись добродѣтельныхъ даже и въ изгнаніи, страшась притомъ, чтобы Іоаннъ не раскаялся и не возвратилъ ихъ къ себѣ по смерти Анастасіи.

Сильвестра. Какія были на нихъ обвиненія? Не знаемъ. — Митрополитъ и немногіе изъ бояръ дерзнули сказать, что надобно спросить преступниковъ, уличить ихъ. « Представьте ихъ, » говорилъ Митрополитъ, » мы должны выслушать, что будутъ они отвѣчать. »—Кликъ негодованія заглушилъ сіи слова: « Развѣ не знаете, что діавольскою силою они волхвуютъ, и очаровавъ нѣкогда великаго Царя нашего, очаруютъ и насъ? » Да, можетъ быть, самые злодѣи не вынесли-бы очарованія добродѣтели и доблести; можетъ быть, самъ Царь уступилъ-бы волхвованію свѣтлыхъ взоровъ невинности. Совѣтъ заочно обвинилъ Адашева и Сильвестра, предоставляя Царю избрать наказаніе злодѣямъ. Іоаннъ не дерзнулъ опредѣлить смерти: велѣно было Сильвестра отвезти на покаяніе въ Соловецкій монастырь; Адашева лишить званія воеводы, и до времени заключить въ темницѣ того города, гдѣ застанетъ его повелѣніе Царское; оно застало его въ Феллинѣ. Безмолвно повиновался Адашевъ, но хотѣлъ оправдываться; письма его не допустили къ Царю; мужъ добродѣтельный не перенесъ своего безславія, своего позора; прошло немного времени, и жестокая горячка прекратила дни бывшаго Правителя Русской земли. Участь Сильвестра осталась для насъ неизвѣстною. Вѣроятно, онъ угасъ въ тишинѣ монастыр-

ской келліи, забвенный всѣми. И объ немъ-ли можно было вспомнить современникамъ (319)!

(319) Курбскій, *Сказ.* I, стр. 101—110. Сильвестръ и Адашевъ требовали суда, писали къ Царю и Митрополиту, слыша объ обвиненіяхъ. «Не отрицаемся,» рече, «аще повинни будемъ смерти, но дабудетъ судъ явственный передъ тобою, (Царемъ) и передъ всѣмъ Сенатомъ твоимъ.» Но враги Правителей «эпистолій не допущаютъ до Царя; Епископу старому (Митрополиту) запрещаютъ и грозятъ, Цареви-же глаголютъ: «аще,» рече, «припустишь ихъ къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ, а къ тому, любяще ихъ все твое воинство и народъ, нежели тебя самого, побіютъ тебя и насъ каменіемъ. Аще-ли и сего не будетъ, обвяжутъ тя паки и покорятъ тя аки въ неволю себѣ. Такъ худые и ничему годные чаровницы тебя Государя, такъ великаго и славнаго и мудраго, боговѣнчаннаго Царя, держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ, повелѣвающе тебѣ въ мѣру ясти и пити и со Царицею жити, не дающе тебѣ ни въ чесомъ-же своей воли, а ни въ малѣ, а ни въ великомъ, а ни людей своихъ миловати, а ни царствомъ твоимъ владѣти! И аще бы не они были при тебѣ, такъ при Государѣ мужественномъ, и храбромъ и пресильномъ, и тебя не держали, аки уздою, уже бы еси мало не всею вселенною обладалъ; а то творили они своими чаровствы, аки очи твои закрывающе, не дали ни на что зрѣти, хотяще сами царствовати и нами всѣми владѣти. И аще на очи припустишь ихъ, паки тя очаровавши ослѣпятъ. Нынѣ-же, егда отогналъ еси ихъ, воистинну образумился еси, сирѣчь, во свой ра-

Гнѣвъ Царя постигъ всѣхъ другихъ *измѣнниковъ.* Кто были они? Знаменитый *Князь Михаилъ Воротынскій,* главноначальствовавшій подъ Казанью воевода; *Бояринъ Иванъ Шереметевъ,* о которомъ со страхомъ спрашивалъ Ханъ Крымскій, идя на Россію; братъ его *Никита Шереметевъ*; безстрашный *Даніилъ Адашевъ,* ужаснувшій Девлета въ его собственномъ жилищѣ, первый изъ Рускихъ, огласившій побѣдою имя Русское на берегахъ Крыма. Отецъ Адашевыхъ не дожилъ до погибели дѣтей: онъ умеръ за четыре года прежде. Опала Царская коснулась всѣхъ, кто былъ въ родствѣ съ Адашевыми, кого подозрѣвали въ дружбѣ къ нимъ, или Сильвестру, знаменитыхъ и безвѣстныхъ: тесть Алексія Адашева и братьевъ жены его,

зумъ пришелъ, и отворилъ еси себѣ очи, зряще уже свободно на все свое царство, яко помазанецъ Божій, и никто-же инъ, точію самъ единъ тое управляюще и имъ владѣюще.» По осужденіи Адашева его отвезли въ Дерптъ, «и держанъ былъ подъ стражею, и по двумъ мѣсяцахъ потомъ въ недугъ огненный впалъ, исповѣдався, и взяться Святыя Христа Бога нашего Тайны, къ Нему отыде.» — Неуже-ли не льзя отыскать могилы Адашева въ Дерптѣ? Не уже-ли суждено, чтобы мѣста, гдѣ покоятся два великіе мужа — *Адашевъ* и *Сильвестръ*, были такъ-же неизвѣстны потомству, какъ неизвѣстны гробницы *Аврамія Палицына* и *Пожарскаго*?

Сашиныхъ; тестя Даніила Адашева, Петра Турова; Шишкиныхъ, отца съ дѣтьми; Князя Юрія Кашина, Князя Дмитрія Курлятева. Еще никого не казнили, не ссылали; добрые трепетали, но надѣялись, злые надѣялись, но трепетали. Народъ недоумѣвалъ; недоумѣніе продолжилось недолго (320).

Здѣсь даже и Историкъ можетъ повторить слова современника: «кладу перстъ на уста, изумляюсь и плачу» (321). — *Гнѣвъ губитъ и разумные* — говорилъ вѣнценосный мудрецъ, и, влагая рѣчь въ уста Премудрости, вѣщалъ святыя истины: «Страхъ Господень ненавидитъ неправды, досажденія гордыни и пути лукавыхъ—ненавижу и я развращенные пути злыхъ: мои бываютъ — совѣтъ и утвержденіе, разумъ и крѣпость; мною царствуютъ Цари и Сильные пишутъ правду, величаются Вельможи и держатъ землю Властители; но въ путяхъ правды хожу я, и живу посреди стезей оправданія.»..

(320) Участь друзей и родственниковъ Адашева узнаемъ въ послѣдствіи. Она была ужасна...

(321) Курбскій, т. II, стр. 150, въ письмѣ къ Іоанну: «*Оставляю писати, и положа перстъ на уста, преудивляюся зѣло и плачу*....

Конецъ VI-го тома.

ДОПОЛНЕНІЯ

къ V-му и VI-му томамъ

ИСТОРІИ РУССКАГО НАРОДА.

I.

Договоръ Крымскаго Хана съ Русскимъ Государемъ.

(Ист. Русск. нар. т. V. стр. 487).

Вышняго Бога волею, язъ Менгли-Гирей Царь съ своимъ братомъ, съ Великимъ Княземъ Иваномъ, взяли есмя любовь и братство и вѣчный миръ. Отъ дѣтей и на внучата быти намъ вездѣ за одинъ, другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти. Кто будетъ другъ мнѣ, Менгли-Гирею Царю, тотъ и тебѣ другъ, Вел. Князю Ивану, а кто будетъ мнѣ Менгли-Гирею Царю недругъ, тотъ и тебѣ Вел. Князю Ивану недругъ. А кто будетъ другъ тебѣ Вел. Князю Ивану, тотъ и мнѣ другъ, а кто будетъ тебѣ недругъ, тотъ и мнѣ недругъ. А мнѣ, Менгли-Гирею Царю твоея земли, и тѣхъ Князей, которые на тебя смотрятъ, не воевати, ни моимъ Уланамъ, ни Княземъ, ни Казакамъ; а безъ нашего вѣданія люди наши твоихъ людей повоюютъ, а пріидутъ къ намъ, и намъ ихъ казнити, а взятое отдати, и головы людскія безъ окупа намъ тебѣ отдать. А коли мой Посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, Вел. Князю Ивану, и мнѣ его къ тебѣ по-

слати безъ пошлинъ, и безъ пошлинныхъ людей. А твой Посолъ ко мнѣ придетъ, и онъ идетъ прямо ко мнѣ, а пошлинамъ *даражскимъ*, и инымъ всѣмъ пошлинамъ, ни которымъ не быти. А на семъ на всемъ, какъ писано въ семъ *ярлыцѣ*, язъ Менгли-Гирей Царь, съ своими Уланы, и съ Князьями, тебѣ брату своему Вел. Князю Ивану, молвя крѣпкое слово, *шерть* есми далъ, жити намъ съ тобою по сему ярлыку.

(*) Сей договоръ предварительно былъ утвержденъ въ Москвѣ Ханскимъ посломъ Ази-Бабою; чиновникъ Беклемишевъ (въ Мартѣ 1474 года) поѣхалъ въ Крымъ для принятія по сему договору клятвы Ханской, съ словами Великаго Князя: « Князь Великій челомъ бьетъ. Какъ мя еси пожаловалъ, на чемъ еси ко мнѣ, крѣпкое свое слово молвя, *шерть* далъ, въ томъ-бы еси пожаловалъ и стоялъ... Другу другомъ быти, а недругу недругомъ быти, *безъ выговора* на всякаго недруга. » — « Ино не Государь мой то выговаривалъ на имя, а выговорилъ ты, вольной человѣкъ »—приказано было потомъ сказать Русскому посланнику Старкову (поѣхавшему въ Крымъ въ Мартѣ 1475 года). Менгли-Гирей исключалъ изъ числа *общихъ* враговъ Польскаго Короля, говоря: « Король еще съ моимъ отцомъ въ братствѣ и докончаніи былъ, и со мною нынѣча также въ братствѣ и докончаніи, и я того не хочу порушити.»—См. подробности переговоровъ, *Ист. Русск. нар.* т. V, стр. 487, и слѣд.

II.

Грамата Турецкаго Султана къ Русскому Государю.

(*Ист. Русск. нар. т. V. стр.* 558).

Богъ! великоименитый Хумаюнъ Баязидъ Султанъ, Мухаммедовичъ, нынѣ въ своей землѣ божіею милостію, Анатолейской и Румской земли, Бѣлаго моря и Чернаго моря, и Караманскій и меньшаго Рима, и иныхъ многихъ земель государь, Султана Мухаммеда Царя сынъ Султанъ Баязидъ. А всея Руссіи, и восточной, и польской, и иныхъ многихъ земель Князь Иванъ, къ моему порогу послалъ ты въ частіе доброе своего посла, отъ своего праваго сердца чистаго, добраго человѣка Михаила. Посольства его путь до меня дошелъ, меня какъ видѣлъ, и твою грамату полную мнѣ далъ, и азъ ее взявъ приложилъ къ своему сердцу, и что въ той граматѣ написано было, и что твой посолъ своимъ языкомъ говорилъ отъ тебя, то до меня дошло отъ твоего праваго сердца, и разумѣлъ есми: единочестіва со мною хочешь, каковъ-бы ты ко мнѣ, таковъ-бы азъ къ тебѣ; и по семъ межъ-бы насъ послы наши ходили часто. И гости свои въ нашу землю отпущай,

и пришедъ увидятъ нашу правду къ тебѣ, и тебѣ скажутъ. Что о тѣхъ гостехъ писалъ ты ко мнѣ прежъ сего, о всемъ твой посолъ и твоя грамата вѣдомо мнѣ дали съ правдою, и познавъ азъ то нынѣ твоему послу своимъ языкомъ говорилъ, и граматы свои къ тебѣ послалъ, и онъ тебѣ мои рѣчи скажетъ, и граматы подастъ. А твой посолъ мнѣ по пошлинѣ службу полну учинилъ. А нынѣ у меня посолъ твой отпросился назадъ, и азъ его отпустилъ въ свою страну, и онъ отъ меня и пошелъ. Дай Богъ, твой посолъ по здорову дошелъ до тебя; мое здоровье, и дружбу, и любовь тебѣ скажетъ; отъ меня тебѣ великій поклонъ; и кто мнѣ другъ и тебѣ другъ, и тому великій поклонъ. А писанъ по конецъ мѣсяца *Регедбюль-Мюрагедль*, 902 лѣта, въ Констянтинѣ градѣ.

Переводъ Молнинъ (муллы) Шамахійскаго.

III.

Грамата Римскаго Императора къ Великому Князю Василію Іоанновичу (*).

(Ист. Русск. народа, т. VI. стр. 70)

По Божіей воли и нашей любви, мы Максиміліанъ, божіею милостію избранный Римскій Цезарь, во вся времена прибавитель государства, Венгерскіи, Долмацкіи, Кроатскіи, и прочихъ

(*) Вотъ Русскіе переводы съ граматъ, той, которую *первый* посолъ Русскій, Юрій Траханіотъ, повезъ къ Императору, и другой, которую посолъ Делаторъ привезъ къ Русскому Государю, пріѣхавъ вмѣстѣ съ Траханіотомъ (1489, 1490 гг.—Ист. Русск. нар. т. V, стр. 545, и слѣд.):

I. Іоаннъ, божіею милостію великій Государь всея Руси, Володимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверскій, и Югорскій, и Вятскій, и Пермскій, и иныхъ. Пишемъ твоему Величеству пріятельски и ласково, что-жъ пріѣхалъ до насъ посолъ твой Николай Поплевъ, рыцарь двора вашего, и листъ намъ вѣрющій отъ твоей высоты подалъ, съ дары вашея свѣтлости, и говорилъ намъ, абы межи насъ было пріятельство, и любовь въ нашей съ тобою знамости. И мы для пріятельства дары ваши съ любовію приняли, а тыя рѣчи отъ посла вашего выслушали, и добрѣ тому сразумѣли, и съ доброю волею и хотѣніемъ

Король: Архіарцугъ Аустрійскіи, Арцугъ Бургунскіи, Бритпанскіи, Лотаригскіи, Брабанскіи, Стеіерскіи, Корнинскіи, Краинскіи, Лимбургскіи, Лицембургскіи, и Гелдерскіи; Графъ

для предняго пріятельства и любви послали есмь до вашея свѣтлости посла нашего Георгія Трахонита, Грека, вѣрнаго нашего, съ нашими рѣчами, и что будетъ тебѣ отъ насъ говорити, твоя-бы свѣтлость ему право увѣрилъ, то есть наши рѣчи. А писанъ на Москвѣ, отъ созд. міра въ лѣто 6997, Марта 22.—Подпись: «Свѣтлѣйшему и наияснѣйшему Фердерику, Римскому Цесарю и Королю Ракусскому, и иныхъ, пріятелю нашему возлюбленному.»

II. Максиміліанъ, божіею милостію Король Римскій, всегда Августъ, и Князь Авъстрьскій, Кн. Бергонскій, Лургинскій, Стырскій, и Каранпеньскій, и иныхъ, премощнѣйшему и начальнѣйшему, дражайшему другу. Мы есмя нашему совѣтнику и въ царствѣ драгому и вѣрному Юрію Делатору нѣкія вещи съ твоимъ навышствомъ отъ нашея страны приказали говорити, яко-же отъ насъ на единѣ и по части есть изображенъ. Просимъ отъ твоего навышества, любообразно моляся, оному угодно буди предреченному нашему совѣтнику нынѣ совершенно, аще-бы какъ тѣлу нашему, взяти достойную вѣру, и въ семъ явить твое дражайшество любезнѣйшее изволеніе. Данъ въ градѣ нашемъ Бебрѣ, въ 17-й день Февруарія, отъ воплощенія Христова въ 1490, въ 5-е лѣто государства нашего.—Подпись: «Свѣтлѣйшему и всемочнѣйшему и начальнѣйшему Іоанну, вседержавному Государю Русскому, нашему дражайшему другу.»

Фландрскіи, Гавсбурскіи, Тирольскіи, Фирдскіи, Кибурскіи, Артоискіи и Бургунскіи; Фалцъ Графъ Генигавскіи, Галанскіи, Зееланскіи, Намурскій, и Цитфенскій: Маргграфъ Римскаго государства, и въ Бургавѣ; Ландграфъ въ Елзасѣ; Государь въ Фрисландіи, Виндишмарка, Портенова, Салина, и Мехелна и прочихъ; мы приняли любовь и вѣчный союзъ, и братское пріятство съ нашимъ братомъ великимъ Государемъ Василіемъ, божіею милостію Цезаремъ и обладателемъ Всероссійскимъ, и Великимъ Княземъ Владимирскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Вятскимъ, Болгарскимъ и прочихъ, Государемъ и Великимъ Княземъ Новагорода Низовскія и Черниговскія земли, Рязанскимъ и Волокскимъ, Сѣвскимъ, Бѣлевскимъ, Ростовскимъ, Ярославскимъ, Бѣлозерскимъ, Удорскимъ, Обдорскимъ, и Кондинскимъ, и прочихъ что мы должны съ нимъ быти въ братствѣ, въ соединеніи и пріятствѣ, доколѣ мы живы, и наши дѣти съ вашими дѣтьми въ пріятствѣ, братствѣ и соединеніи, толь долго, пока Богъ дастъ; и кто намъ Максимиліану Римскому Королю и Венгерскому, и нашему Цесарскому величеству пріятель, тотъ и вамъ великому Государю Василію, божіею милостію Цезарю и обладателю Всероссійскому и Великому Князю да будетъ пріятелемъ; а кто нашъ непрія-

тель, тотъ и вамъ да будетъ непріятель. А кто вамъ великому Государю Василію, божіею милостію Цезарю и обладателю Всероссійскому и Великому Князю будетъ пріятелемъ, тотъ и намъ да будетъ пріятелемъ. И гдѣ вамъ нашему брату великому Государю Василію, божіею милостію Цезарю и обладателю Всероссійскому и Великому Князю наше вспоможеніе будетъ потребно на вашихъ непріятелей, то мы будемъ вамъ помогать по правдѣ, по сей нашей граматѣ, такъ какъ намъ Богъ поможетъ; а гдѣ намъ будетъ ваша помощь потребна на нашихъ непріятелей, то-бы вамъ намъ помогать, тако-жъ по правдѣ, по сей нашей граматѣ, какъ вамъ Богъ да поможетъ. А что вамъ вашъ и нашъ непріятель Сигисмундъ Король Польскій и Великій Князь Литовскій, намъ и вамъ великія неправды учинилъ, и непрестанно стоитъ противу Нѣмецкихъ чиновъ, или орденовъ, и нѣкоторые иные замки въ Пруссіи держитъ подъ собою неправдою, и мыслитъ уставы тѣхъ Нѣмецкихъ чиновъ и Прускія земли разорити и утѣснити, такожъ и отъ вашего государства вашъ замокъ Кіевъ, и иные Рускія крѣпости неправдою за собою держитъ, и мы имѣемъ быть на нашего непріятеля Сигисмунда Короля Польскаго, Великаго Князя Литовскаго, въ соединеніи, и будемъ мы употреблять, или чинить противъ нашего непрі-

ятеля наше дѣло, елико намъ Богъ поможетъ: мы Максимиліанъ Римскій Король и Венгерскій, наше Цезарское Величество, начнемъ нынѣ съ своей стороны съ Сигисмундомъ Королемъ Польскимъ, и Великимъ Княземъ Литовскимъ, наши дѣла чинить, елико намъ Богъ поможетъ. И напередъ съ нимъ и наши дѣла употребимъ по истинѣ безъ лукавства, по сей нашей грамотѣ съ вами, и замки Нѣмецкихъ чиновъ Прускія земли будемъ искать получить, которые онъ держитъ подъ собою неправдою. И вы великій Государь Василій, божіею милостію Цесарь и обладатель Всероссійскій и Великій Князь, какъ ты началъ съ своимъ непріятелемъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ ваши дѣла чинить, такъ ты свои дѣла напередъ и чини, колико тебѣ Богъ поможетъ, ваше отечественное наслѣдіе получить; а особливо который изъ насъ на своего непріятеля пойдетъ, то намъ межъ собою обослаться, и намъ наши дѣла употребить противъ нашего непріятеля сообщась. Мы Максимиліанъ Римскій Король и Венгерскій, и наше Цесарское Величество на Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, или нашихъ Князей и начальниковъ въ его земли пошлемъ, и дадимъ вамъ о томъ вѣдомость, и тогда вы сами на него пойдете, или вашихъ Князей и начальниковъ съ вашею силою въ его землю пошлите, и имѣете

тѣ дѣла чинить обще съ нами; а пойдете вы нашъ братъ, великій Государь Василій божіею милостію Цезарь и обладатель Всероссійскій и Великій Князь, на нашего непріятеля, или вашихъ Князей и начальниковъ пошлете, и намъ о томъ вѣдомо учините, и какъ должно по нашей истинѣ и по сей нашей грамматѣ съ вами соединится на сего нашего непріятеля, и самому намъ идти на него, или нашихъ Князей и начальниковъ съ силою въ его земли послать; а ежели за дальнимъ путемъ не возможемъ скоро вамъ нашему брату о томъ вѣдомо учинить, и пойдемъ мы на Короля Польскаго и Великаго Князя Литовскаго, или нашихъ Князей и начальниковъ съ силою пошлемъ въ его землю, а вамъ брату нашему о томъ вѣдомо учинится, то вамъ нашему брату Великому Князю Василію, божіею милостію Цезарю и обладателю Всероссійскому и Великому Князю, такожъ съ нами на него согласиться, и идти, или вашихъ Князей и начальниковъ въ его земли послать; а ежели вы пойдете на него нашъ братъ великій Государь Цезарь и обладатель Всероссійскій и Великій Князь, или вашихъ Князей и начальниковъ въ его землю пошлете, а то дѣло намъ и вамъ за дальнимъ путемъ не будетъ вѣдомо, а увѣдаемъ мы о томъ, то намъ такожъ самимъ на него идти, или нашихъ Князей и начальниковъ съ силою въ его землю послать, и ежели

Господь Богъ свое милосердіе намъ дастъ, и дастъ намъ Господь Богъ свою помощь надъ нашимъ непріятелемъ Королемъ Польскимъ и Великимъ Княземъ Литовскимъ, наши замки паки получить, которые онъ нынѣ за собою держитъ неправедно, то однакожь намъ и впредь на него нашего непріятеля, или кто иной Государь Польскія земли и Великій Князь Литовскій будетъ, и на всѣхъ нашихъ непріятелей, купно быть съ вами въ соединеніи; а ежели нынѣ съ нашимъ непріятелемъ не по нашему мнѣнію учинится, то однакожь намъ и впредь на него, или кто иной Государь надъ Польскою землею и Великимъ Княжествомъ Литовскимъ будетъ, и на всѣхъ нашихъ непріятелей быть въ соединеніи до кончины жизни нашея; и нашимъ посланнымъ и купцамъ чрезъ ваши земли свободный путь безъ всякаго помѣшательства имѣть; также и ваши посланные и торговые люди чрезъ наши земли свободный путь безъ всякаго помѣшательства да имѣютъ-же. А на всѣ сіи вышеписанныя рѣчи, которыя въ сей грамотѣ писаны, мы Максиміліанъ божіею милостію Цезарь Римскій и Венгерскій Король, и наше Цезарское Величество, Долматскій, Кроатскій, Архіарцухъ Аувстрійскій, Арцугъ Бургунскій, Британскій, Лотарингскій, Брабанскій, Лимбургскій, Стеиерскій, Коринскій, Краинскій, Лимбургскій, Лицембурскій и Гелдерскій, Графъ

Фляндерскій, Гавсбурскій, Тирольскій, Фирдскій, Кибурскій, Артойскій и Бургунскій, Фалцъ Графъ Генигавскій, Голанскій, Зееландскій, Намурскій, и Цитвенскій, Маргграфъ Римскаго государства и въ Бургавѣ, Ландграфъ въ Елзасѣ, Государь въ Фрисландіи, въ Идишмаркѣ, Портенавѣ, Саликѣ и Мехелнѣ и прочихъ, вамъ нашему брату великому Государю Василію, божіею милостію Цезарю и обладателю Всероссійскому, и Великому Князю Владимірскому, Московскому и Новогородскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому и Болгарскому, и прочихъ Государю и Великому Князю Новагорода Низовскія и Черниговскія земли, Рязанскому, и Волокскому, Сѣвскому, Бѣлевскому, Ростовскому, Ярославскому, Бѣлозерскому, Удорскому, Обдорскому и Кондинскому, и прочихъ, къ вящшему утвержденію мы крестъ цѣловали, и къ сей нашей подтвержденной грамотѣ нашу печать привѣсить повелѣли. Дано въ нашемъ градѣ Гундунѣ въ четвертый день мѣсяца Августа, лѣта отъ Рождества Христова, нашего драгаго Спасителя, тысяча пять сотъ и въ четвертомъ надесять, нашихъ-же государствованій Римскаго двадцать девятаго, а Венгерскаго двадцать пятаго году.

Подпись: *Максимиліянъ*.—Скрѣпа: « *Г. Серикернъ*, по именн. Цес. Вел. указу. »

IV.

Грамата Русскаго Государя къ Французскому Королю.

(*Ист. Русск. нар. т. VI*, *стр.* 89).

Послѣ титула Русскаго Государя, слѣдуетъ: « наияснѣйшему и вельможнѣйшему Каролу, Королю Францовскому, поздравленіе. Намъ извѣстно, вѣдомо, колико твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовѣ, Нѣмецкаго чина высокаго Магистра, Марграбія Брандеборскаго, его посломъ Ѳеодорикомъ Шымборкомъ гораздо величества твоего, и твоея персоны хвала изъявлена. А и предки твои тотъ чинъ въ великомъ до сего времени жалованьи всегда возвысили и имѣли. Просимъ того ради и воспоминаемъ, чтобъ величество твое, пресвѣтлѣйшихъ отецъ твоихъ послѣдуя стопамъ, тотъ чинъ милостивне берегъ, и его противъ нашего недруга, Короля Польскаго, не оставилъ; а тотъ чинъ и Магистра Алберта тебѣ поручаю, коего и мы всѣми силами, сколько намъ Богъ поможетъ не оставимъ, и что противъ твоему величеству учинить возможемъ обѣщаваемъ прилежаніемъ нашимъ, да возмогаетъ благочестне величество твое. Писано въ нашемъ государствѣ, въ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта 7027, Марта. . . —

V.

Первоначальныя сношенія Россіи съ Англіею.

I.

Эдуардъ VI-й, и проч. Всѣмъ Королямъ, Князьямъ, Властителямъ и Судіямъ на землѣ и Высокимъ Повелителямъ, во всѣхъ мѣстахъ подъ небесами, миръ, спокойствіе и богатство, вамъ и землямъ, находящимся въ вашемъ Повелѣніи, каждому, что можетъ быть наиполезнѣйшаго. Всевышній Богъ, между всѣми живущими тварями, человѣку вложилъ непреодолимое желаніе быть въ сношеніяхъ съ подобными ему, и взаимно другъ другу творить добро и пріятство. Справедливость требуетъ, чтобы каждый по своей возможности старался поддерживать сію склонность пособіемъ и вспомоществованіемъ каждому, особенно-же людямъ, приходящимъ изъ отдаленія, ибо чѣмъ отдаленнѣйшія путешествія предпринимаютъ люди сіи, тѣмъ яснѣе показываютъ они вышеупомянутую свою склонность. Насъ поощряютъ къ обязанности сей, сверхъ того, примѣры нашихъ предковъ, которые всѣхъ, изъ близкихъ или отдаленныхъ странъ, но представляемыхъ покровительству ихъ, принимали со всевозможною дружбою. Хотя общая справедливость требуетъ таковаго обра-

щенія со всѣми, безъ различія, однакожъ тѣмъ большее право имѣютъ на оное купцы. Они пробѣгаютъ цѣлый свѣтъ по открытымъ морямъ и безплоднымъ пустынямъ, желая отчасти распространить полезныя своеземныя произведенія въ отдаленныхъ странахъ, и обратно увезти съ собою то, что найдутъ тамъ хорошаго, отчасти желая не совсѣмъ лишить живущихъ въ тѣхъ странахъ людей удобствъ, въ коихъ отказываетъ имъ земля ихъ, и также воспользоваться избытками сей земли. Богъ неба и земли, къ общему благу людей, такъ устроилъ, что ни одна страна не производитъ всего, и сіе для того, дабы каждая страна и каждый народъ одинъ въ другомъ имѣли нужду, и чрезъ то общая въ мірѣ дружба установилась-бы, и каждый старался-бы сблизиться одинъ съ другимъ. Желаніе утвердить таковую дружбу и укрѣпить между нами и другими народами взаимную торговлю побуждало различныхъ отважныхъ мужей нашего королевства предпринимать отдаленныя морскія путешествія, на что испрашивали они нашего соизволенія.

Мы на оное соизволяли, и превосходному мужу Гюгу Виллогби (Hugh Willughbie), и находящимся при немъ его людямъ, нашимъ вѣрнымъ и любезнымъ подданнымъ, даровали свободу изыскивать, гдѣ вздумаютъ они невѣдомыя донынѣ страны, привозить къ намъ та-

мошніе товары, и отвозить въ замѣну наши. Такое дѣло будетъ полезно обоимъ народамъ: вѣчная дружба, тѣсный союзъ установятся между нами и ими, какъ скоро они дозволятъ нашимъ брать ихъ запасы, какъ мы, на оборотъ, охотно желаемъ позволить имъ брать наши. Посему просимъ всѣхъ Королей, Князей и прочихъ Властителей, позволять въ ихъ земляхъ путешествовать означеннымъ нашимъ людямъ. Они не должны приставать къ вашимъ землямъ безъ вашего соизволенія. Подумайте, что они также человѣки суть, и могутъ имѣть въ чемъ либо нужду, а по этому просимъ васъ благосклонно доставлять имъ потребное, и брать отъ нихъ за то плату, или вознагражденіе. Поступайте съ ними такъ, какъ желаете, чтобы мы и наши подданные поступали въ подобныхъ случаяхъ съ вашими людьми. Мы обѣщаемся вамъ Богомъ, Господомъ всѣхъ находящихся въ небѣ, на землѣ и въ водѣ тварей, обѣщаемся нашею жизнію и счастіемъ нашихъ странъ, что если когда придутъ въ наши страны подданные ваши, мы примемъ ихъ съ таковымъ-же благоволеніемъ, будемъ поступать съ ними, мы сами и наши подданные, какъ съ урожденцами нашей земли, и воздадимъ имъ за сдѣланное нашимъ людямъ добро. При сей просьбѣ нашей къ вамъ, молимъ въ тоже время всемогущаго Бога, да наградитъ васъ долгою жизнію и неизмѣннымъ миромъ.

Данъ въ нашемъ столичномъ городѣ Лондонѣ, въ лѣто отъ сотворенія міра 5513-е, Марта 14-го, царствованія-же нашего въ 7-е.

II.

Мы Великій Князь Иванъ Васильевичъ, божіею милостію Царь и верховный Повелитель всея Руси (Emperour of all Russia) и проч., Великомощному и высокопочтенному Эдуарду, Королю Англійскому, и проч. и проч. Слѣдуя истинной и прямой нашей любви, доброму нашему намѣренію и дружескому желанію, такъ-же какъ сообразно нашей святой Христіанской вѣрѣ, нашему доброму государственному правленію и крайнему нашему разумѣнію, симъ отвѣтствуемъ на писаніе ваше, по просьбѣ вѣрнаго вашего слуги Ричарда Чанселора, и находящихся при немъ его людей, что все онъ возвѣститъ тебѣ, со многими другими.

Симъ извѣщаемъ, что въ 20-е лѣто царствованія нашего присталъ къ нашимъ берегамъ корабль, ведомый Ричардомъ Чанселоромъ, который довелъ до нашего свѣдѣнія, что желаетъ вступить въ наши земли, и былъ по просьбѣ его, допущенъ къ нашему Величеству, и въ нашемъ присутствіи объявилъ, что Ваше Величество желаете, дабы мы открыли вашимъ подданнымъ свободный входъ въ наши земли, и дозволилибы имъ наши торжища посѣщать со всякими то-

варами и въ обмѣнъ брать наши товары. Въ тоже время онъ вручилъ намъ ваше писаніе, гдѣ содержится таковая-же просьба. Вслѣдствіе сего, мы повелѣли: когда къ какому либо мѣсту нашего царства прибудетъ вашъ слуга Гюгъ Виллогби, принять его приличнымъ образомъ, хотя онъ, какъ извѣститъ васъ Чанселоръ, до сихъ поръ еще не прибылъ. Мы не хотимъ въ семъ дѣлѣ ограничиваться только симъ однимъ, но охотно желаемъ, сообразно нашей вѣрѣ, Христіанской вѣрности, вашему желанію и нашему повелѣнію, дабы вы корабли ваши къ намъ посылали во все время открытаго плаванія, и обѣщаемъ полную имъ безопасность. Если вы разсудите послать къ намъ одного изъ вашихъ совѣтныхъ мужей, для совѣщанія съ нами о семъ дѣлѣ, или если ваши купцы захотятъ прибыть сюда съ своими товарами, и производить въ нашемъ царствѣ торговлю, то мы обѣщаемъ вамъ впередъ, что они будутъ пользоваться полною свободою проѣзжать со своими товарами по всѣмъ нашимъ землямъ, впередъ и обратно, и торговать, безъ малѣйшаго препятствія, или затрудненія, или другаго какого-либо непріятства, въ силу сего письма, даннаго нами слова, и печати, приложенной по нашему повелѣнію. Данъ въ нашемъ градѣ и дворцѣ на Москвѣ, 2-го Февраля лѣта отъ сотворенія міра въ 7006-е.

III.

Мы Филиппъ и Марія, и проч. и проч.—Когда по согласію и соизволенію Короля Эдуарда шестаго, нашего вселюбезнѣйшаго брата (Богъ да успокоитъ его душу!), нѣкоторые наши подданные и купцы столичнаго города нашего Лондона снарядили, на свои издержки и отчетъ, три корабля, для открытія неизвѣстныхъ и доселѣ чужеземцами мало посѣщаемыхъ странъ, то одинъ изъ сихъ трехъ кораблей, называемый the Edward Banaventura, начальствуемый капитаномъ Ричардомъ Чанселоромъ, милостію Божіею и искусствомъ упомянутаго капитана, счастливо присталъ къ сѣвернымъ берегамъ Русскаго государства, и провелъ тамъ всю зиму, какъ донесли то намъ вѣрные и возлюбленные наши подданные. Ваше Величество не только допустили къ себѣ капитана и различныхъ находившихся при немъ людей, не только разговаривали съ ними и пригласили ихъ къ своему столу, но и то, о чемъ отчасти нашъ братъ, въ своемъ письмѣ, отчасти упомянутый Чанселоръ просилъ, дозволили открытымъ письмомъ, съ вашею печатью, предоставивъ всѣмъ купцамъ, которые изъ нашихъ королевствъ Англіи и Ирландіи въ ваши земли съ товарами прибудутъ, производить свободную и безпрепятственную торговлю во всемъ вашемъ госу-

дарствѣ. Далѣе, Ваше Величество соизволили обѣщать, что если мы съ своей стороны разсудимъ послать къ вамъ нашего Посла, онъ можетъ съ нашимъ къ вамъ письмомъ свободно и безпрепятственно прибыть въ ваши области, изъ оныхъ возвратиться и привезти благопріятный отвѣтъ. Мы не можемъ довольно восхвалить Императорское ваше благопріятство, ни достаточно отблагодарить васъ за милости, оказанныя упомянутому Ричарду Чанселору и другимъ купцамъ; просимъ Ваше Величество настоящимъ письмомъ нашимъ, чтобы вы соизволили оказывать таковую-же благосклонность, какъ упомянутымъ, такъ и другимъ купцамъ, которые нынѣ или впредь къ вамъ пріѣдутъ, дабы они тѣмъ надежнѣе могли завести дѣйствительную торговлю съ вашими подданными. Намъ также пріятно было-бы, еслибъ Ваше Величество благоволили назначить коммисаровъ, которые могли-бы войдти въ переговоры съ нашими подданными и купцами, упомянутымъ Ричардомъ Чанселоромъ, Георгомъ Киллингвортомъ и Ричардомъ Греемъ, вручителями сего писанія, и если-бы Вашего Величества правители, подчиненные и чины торговаго общества, согласились на тѣ мѣры, какія будутъ предлагать и какихъ будутъ просить упомянутые вручители сего писанія, дабы чрезъ то утвердить и поддержать между ними благо-

надежность и добрый порядокъ въ вашихъ владѣніяхъ.

Мы льстимъ себя надеждою на скорое свершеніе сего дѣла, и ждемъ вашего благосклоннаго рѣшенія съ возвратомъ упомянутаго Чанселора. Изъ особеннаго уваженія къ Вашему Величеству, мы съ своей стороны готовы оказывать взаимно таковую-же благосклонность вашимъ купцамъ, которые прибудутъ въ наши земли. Впрочемъ молимъ Бога, да приметъ Онъ васъ подъ свой святой покровъ. Дано, съ приложеніемъ печати, въ нашемъ Вестминстерскомъ дворцѣ, 1-го Апрѣля 1555 года.

IV.

Введеніе въ уложеніе Стоглавнаго Собора, бывшаго въ Москвѣ, въ 1551 году.

(Ист. Русск. народа, т. VI, стр. 264)

Премилостивый и милосердый Богъ, прехитрый содѣтель всея твари, видимыя, и невидимыя, великій промысленикъ человѣческому житію и спасенію, и по всей своей твари, якоже на небеси, въ солнцѣ, и лунѣ, и въ звѣздахъ, также и на земли, и въ морѣ, и во птицахъ, и въ звѣрехъ, и въ скотѣхъ, и въ рыбахъ, и въ садахъ, положилъ всѣмъ естественные нравы, въ послуженіе себѣ, человѣкомъ-же въ наученіе, како подражати и навыкнути человѣкомъ добрымъ нравомъ, а лукавые и нечистые нравы отметати и гнусны имѣти всегда. Мы-же оставимъ нынѣ о прочихъ твореніяхъ, вмалѣ о солнцѣ речемъ въ семъ писаніи. Нѣкто мудрый рече зѣло прекрасно: при утрени солнце свѣтоносно бысть, и тма имъ отгоняется, и луна охуждается, и нощь не состоится, и уясняетъ день, просвѣщается воздухъ, небо красно показуетъ, землю удобряетъ, море облистаетъ, и нѣсть мочно видѣти звѣзды на тверди небесныя, едино бо то своими лучами осіяваетъ всю вселенную.

Аще убо чувственное солнце толико силу свѣтлости имать, то кольми паче разумное солнце? Чувственное убо солнце, на чувственное мѣсто сіяя, мокроту земную изсушаетъ; разумное-же солнце, явившееся намъ, обоя въ души содѣваетъ, и изсушаетъ мокроту страстей и нечистоту отъ всѣхъ очищаетъ, и подаетъ разумной земли душевной, отъ нея-же напояеми, сады добродѣтелей питаеми бываютъ и помалу возрастаютъ. Чувственное солнце видимо бываетъ и невидимо; разумное-же солнце видимо бываетъ достойными, и всѣхъ зритъ, паче зрящихъ его; чувственное-же солнце не глаголетъ, ниже глаголати кому даетъ; умное-же солнце и глаголетъ любовнымъ своимъ, и глаголати и зрѣти всѣмъ даруетъ, понеже разумное солнце праведное Христосъ Богъ нашъ, якоже писано есть, всѣмъ просто сіяя, луча благодати своея, и просвѣщаетъ разумно вѣрныхъ сердца, и очесемъ чувственнымъ свѣтъ даруетъ. И сего ради рече Господь: азъ есмь свѣтъ міру, и пріидохъ въ міръ, и безъ мене не можете творити ничесоже, и того благодатію всяка душа боголюбива, яко воскъ, умягчевается, знаменіи образы божественныхъ разумѣній пріемлющи, и бываетъ божіе жилище духомъ. Сіе солнце праведное, Христосъ Богъ нашъ и милосердый Господь, по неизреченнымъ его судьбамъ свѣтолучными своими зарями осія въ сердцѣ благоче-

стиваго Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича, всея Русіи самодержца, во еже мудрствовати и творити благая, всякое бо даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть сходяй отъ отца свѣтовъ, и прочая. Добрый-же онъ миротворецъ, державный самодержецъ, прекроткій Царь Иванъ, многимъ разумомъ и мудростію вѣнчанъ и въ совершенномъ благочестіи царство содержа, осіяваемъ благодатію божественнаго Духа, зѣло воспалися утробою и съ теплымъ желаніемъ подвижеся, не токмо о устроеніи земномъ, но и о многоразличныхъ церковныхъ исправленій, и возвѣщаетъ сіе преосвященному Митрополиту Макарію, Московскому и всея Русіи, и Соборъ божіихъ слугъ совокупити повелѣ вскорѣ, имъ-же словомъ и дѣломъ послѣдоваше и вся по чину бываше. Царское-же повелѣніе егда услышавше, вси Русскія земли Архіереи радостію неизглаголанною объяты быша, всяко тщаніе отъ сердецъ подвизаху и пребезмѣрное желаніе имѣяху, иже таковаго Царя благочестиваго насладитися зрѣнія-же и бесѣды, и яко небопарніи орли, легка крила имуще, скоро того достизаху. Егда-же убо всѣмъ купно сошедшимся въ царствующій градъ Москву, и кождо ихъ миръ и благословеніе христолюбивому Царю дающе, и бѣ чудно зрѣти се, яко весь богоспасаемый градъ красящеся отецъ пришествіемъ, Богу бо тѣхъ подвигшу на исправ-

леніе церковное и на утвержденіе православныя вѣры. Ему-же Царю сѣдшу на царскомъ своемъ престолѣ, молчанію глубоку устроившуся, и всѣмъ очи нанъ взирающіи бяху, Благочестивый-же Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ, всея Русіи самодержецъ, зря окрестъ себе отеческій ликъ, и о пришествіи ихъ зѣло веселящеся, и всякія чести тѣхъ сподобляше. Отцемъ-же всѣмъ купно мирная глаголющимъ и единомысленно духовно бесѣдующимъ, благочестивый-же возставъ отъ престола своего, и ста посредѣ святительнаго лика, и воззрѣ на всѣхъ свѣтлымъ воззрѣніемъ и веселымъ лицемъ, сицевая Собору изглагола: «Молю васъ, святѣйшіи отцы мои, аще обрѣтохъ благодать предъ вами, утвердите въ мя любовь, яко въ присснаго вамъ сына, и не облѣнитеся изрещи слово ко благочестію единомысленно, о православной нашей христіанстей вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ божіихъ церквей, и о нашемъ благочестіи во царствіи, и о устроеніи всего православнаго христіанства: зѣло бо желаю, и радуюся, и согласуюся сослужебенъ быти съ вами, и вѣрѣ поборникъ, во службу святыя и животворящія и нераздѣлимыя Троицы, Отца, и Сына, и Святаго Духа. Хвалу-же и славу благочестныя нашея вѣры и церковныхъ уставовъ, тѣмъ-же и всякому разгласію отъ нынѣ далече быти повелѣваемъ; всякому-же согласію и едино-

мыслію содержатися у насъ.» И сія изрекъ, и множая сихъ.

На томъ-же Соборѣ, вдасть Царь свое рукописаніе, съ богодухновеннымъ наказаніемъ и душеполезнымъ покаяніемъ, зѣло полезно слышащимъ и внемлющимъ сія, имуще сице:

«Сіе убо предлагаю писаніе вашей отеческой любви, ради пречистыя, истинныя нашея, православныя, христіянскія вѣры, еже во единосущную и нераздѣлимую и живоначальную Троицу, благословеніемъ Бога Отца Вседержителя, и щедротами иже къ намъ единороднаго и собезначальнаго Сына его, Господа нашего Іисуса Христа, и поспѣшеніемъ и дѣйствомъ пресвятаго, и вседѣтельнаго, и животворящаго Духа, и помощію православныя христіянскія нашея заступницы и надежды, госпожи нашея, пречистыя и преблагословенныя владычицы нашея, Богородицы и приснодѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго Креста, заступленіемъ честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ Михаила и Гавріила, и прочихъ, честнаго и славнаго пророка и предтеча крестителя Іоанна, и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ Апостолъ, и святыхъ великомученикъ, иже любви ради и вѣры во Христа не пощадиша живота своего, и страдальческими вѣчными вѣнцы увязошася, и святыхъ святителей, и преподобныхъ отецъ нашихъ, и святаго великаго святителя и равно-

апостоломъ перваго христіяномъ Царя Константина, и христолюбивыя матери его Елены, и всѣхъ благочестивыхъ Царей и православныхъ Царицъ, иже о благочестіи подвизавшихся, и святыхъ Великихъ чудотворецъ, иже въ нашей земли Великія Русіи въ чудотвореніи просіявшихъ, преосвященныхъ Митрополитовъ Петра, Алексія и Іоны, и Леонтія Епископа, Ростовскаго чудотворца, и святаго равноапостоломъ Великаго Князя Владиміра, просвѣтившаго всю Русскую землю святымъ крещеніемъ, и бабы его, блаженныя Княгини Ольги, и сыновъ его, святыхъ страстотерпецъ, боголюбивыхъ Князей Русскихъ, обою брату по плоти, Бориса и Глѣба, и прочихъ отъ рода ихъ православно поживвшихъ и Богу угодившихъ, и преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, и Сергія Радонежскаго, и Варлаама Новгородскаго, и Кирилла Бѣлоозерскаго, и Никиты Переяславскаго, и Пафнутія Боровскаго, и Димитрія Прилуцкаго, и всѣхъ святыхъ мученикъ, и преподобныхъ, и Христа ради юродивыхъ, и всякаго чина, Царска, и Княжска, и Болярска, и всѣхъ православныхъ христіанъ, иже добрыми дѣлы просіявшихъ и отъ Бога прославленныхъ великими чудесы, въ богодарованнѣй намъ державѣ, отъ прародителей нашихъ Россійскаго царствія, великихъ новыхъ чудотворецъ, и всѣхъ святыхъ, иже отъ вѣка

благоугодившихъ, и на тѣхъ святыя молитвы уповая, предлагаю вашей отеческой любви совѣтъ, еже поутвердити древняго преданія истинныя нашея христіанскія вѣры, еже отъ самого Создателя нашего преданія, а не отъ слуги, ни отъ посланнаго, самъ бо предаде божественнымъ своимъ ученикомъ и Апостоломъ, оніже убо предаша иже по нихъ, даже и до нынѣ слово спасительное Господа Іисуса Христа до здѣ. Тѣмъ-же молю вы, и засвидѣтельствую Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и божественными его ученики и Апостолы, и святыми вселенскими седмью Соборы святыхъ Отецъ и святыми помѣстными Соборы, и всѣми святыми прежереченными, Бога ради и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтеся, во еже исправити истинная и непорочная наша христіанская вѣра, иже отъ божественнаго писанія во исправленія Церковному благочинію и Царскому благозаконію, и всякому Земскому строенію, и нашимъ единороднымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе, и на оживленіе, и на утвержденіе истинныя православныя христіанскія вѣры, дабы утверждена была и непоколебима въ роды и роды, и на вѣки невреждена отъ душегубительныхъ войнъ, и отъ всякихъ козней вражіихъ. И вы, господіе мои, святіи святителіе и преосвященніи отцы наши, Макарій Митрополитъ, и вси Архіепископи, и Епископи,

и преподобніи Архимандриши, и чесшніи Игумени, и весь священный Соборъ, и иноцы, и вси божіи молебницы, шакоже и брашія моя, и вси любиміи мои Князи и Боляре, и воини, и все православное христіансшво, помогайше ми и способсшвуйше вси единодушно вкупѣ; и съ плачемъ припадемъ къ человѣколюбцу Богу, да ошверзешъ намъ умныя очи наши, и узримъ предъ собою вся грѣхи наша, еже содѣяхомъ злѣ, по вся дни живоша нашего; и молишвъ ради пречисшыя Богородицы и всѣхъ свяшыхъ шерпяй о насъ Господь Богъ, да обрашишъ ны на исшинный пушь свяшыхъ его заповѣдей, ошъ нихъ-же заблудихомъ душевнѣ и шѣлеснѣ, и еже согрѣшихомъ предъ Богомъ и человѣки всякимъ законопресшупленіемъ, еже немощно писаніемъ исписаши и человѣческимъ языкомъ изглаголаши содѣяпная нами вся злая, согрѣшеніе и законопресшупленіе грѣхомъ юносши моея и невѣдѣнія моего. Нынѣ-же сихъ всѣхъ злыхъ дѣлъ возненавидѣвше, и добрая и богоугодная дѣла возлюбимъ, да не посшраждемъ съ прогнѣвавшими и не покаявшимися, яко-же Хрисшово слово во свяшѣмъ Евангеліи. Пришедше бо повѣдаша ему о Галилеяхъ, ихъ-же кровь Пилашъ смѣси съ жершвами ихъ; рече-же имъ Іисусъ: «Мнише-ли яко сіи Галилеяне грѣшнѣйши сушь въ родѣ семъ? Ей, глаголю вамъ, аще не покаешеся, вси шакожде погибнеше.» Воспомянемъ убо

отъ начала міру: како не пощадѣ Богъ Сатаны за едину гордость, и всѣхъ Ангелъ его, иже суть чина его, плѣницами мрака связа, и съ небесъ сверже, и въ бѣсы претворишася. Адамъ и Евва за единъ грѣхъ, занеже не покаяшася, изъ рая извержени быша, и за единаго человѣка преступленіе вси праведницы снидоша въ адъ, донележе изведе я Господь. За блуды, неудержанія плоти, и за преступленіе, еже не совокупляшися сыновомъ божіимъ со дщерьми человѣческими, не пощадѣ Богъ всея вселенныя, потопомъ вся потреби, токмо праведнаго Ноя самого осма соблюде. За мужеложство, и за любодѣяніе, и за прелюбодѣяніе, Содома и Гомора огнемъ сожже, токмо единаго праведнаго Лота, со двѣма дщерьми, избави отъ нечистоты. Что прочее о семъ глаголати много или писати: вѣдаете и видите вся писанія извѣстно въ ветхомъ законѣ и въ новой благодати. Такожe и въ нынѣшнее время, за всякіе различные грѣхи, всякими различными казнями многіе грады разоришася, и людіе безъ вѣсти быша, и великая царствія запустѣша, овы за гордость, а ины за братоненавидѣніе, и за идолопоклоненіе, иже не обратишася на благочестіе; наипаче-же горше всего и злѣе за любодѣяніе, и прелюбодѣяніе, и за Содомскій блудъ, и за насилія ко своимъ; многіе же погибоша и за всякую нечистоту, многія царствія исчезоша и и безъ вѣсти быша; еще-же и за срамословіе,

и клятвопреступленіе, и за безмѣрное объядѣніе и піянство, напрасною смертію исчезоша. Мы-же убо всѣхъ сихъ убоявшеся, и умъ свой собравше и очистивше чувствія душъ и тѣлесъ нашихъ, порастворимъ вся сія мимоидущая и настоящая, вся еже предъ нашима очима бывшая разсмотримъ. Не вся-ли та въ насъ суть злодѣя? Речетъ-же ми, яко идолопоклоненія нѣсть въ насъ: ино сребролюбіе, не второе-ли идолослуженіе, или блудная скверная дѣянія симъ-же подобна? Како поработихомся сребру и сласти плотстѣй сами вѣсте паче насъ. Аще-же речетъ ми кто: не вѣмъ таковаго беззаконія! Дерзаю рещи, по пророку, глаголющему, яко аспидъ глухій затыкая уши свои, иже не слышитъ гласа обавающихъ. О семъ-же бо поскорбимъ, о толикихъ беззаконіяхъ, и о семъ восплачемся, како намъ Богу молитву сотворити; о семъ видимъ вся, каковы различныя казни и милостивное наказаніе на насъ посла Господь, обращая насъ отъ заблужденія яко чадолюбимый отецъ, мы-же никако-же о семъ воспомянухомся. Первѣе смирилъ насъ Богъ, отъятъ у меня отца, а у васъ пастыря и заступника. Еще-же сія скорбь немину, начашася множитъ великія бѣды и скорби. Боляре и вельможи, вѣрніи и любиміи отцемъ моимъ, совѣтъ неблагъ совѣщаша ми, вмѣняюще яко мнѣ доброхотствуютъ, наипаче-же себѣ самовластіе

улучиша, яко помраченніи умомъ, дерзнули поимати и скончати братію отца моего. Егда хощу воспомянути нужную ихъ смерть и немилостивное мученіе, весь слезами разливаюся, и въ покаяніе прихожу, и прощенія у нихъ прошу за юность и невѣдѣніе. И по скончаніи дядь моихъ, не помнозѣ времени и мати моя преставилася, и оттолѣ горькая скорбь постиже насъ, мнѣ сиротствующу, а царству вдовствующу. И тако Боляре наши, улучивше себѣ время, сами владѣюще всѣмъ царствомъ самовластно, никому-же возбраняющу имъ отъ всякаго неудобнаго начинанія. И моими грѣхомъ и сиротствомъ и юностію, мнози мужи усобною бѣдою потреблени быша злѣ. Азъ-же возрастахъ въ небреженіи и въ ненаказаніи отъ отца своего и матери, яко-же подобаетъ отцу наказати чадолюбцу, и навыкохъ ихъ злокозненная обычая, тая-же мудрствовахъ, яко-же и они. И отъ того времени и донынѣ, какихъ золъ не сотворихомъ предъ Богомъ, и какихъ казней не посла на насъ Богъ, приводя насъ на покаяніе, ово плѣненіемъ, и святымъ церквамъ раззореніемъ, и попраніемъ всякимъ святынямъ, и много безчисленное кровопролитіе, и пожженіе, и истопленіе, и въ плѣнъ расхищеніе всякаго священническаго и иноческаго чина, и Князей, и Боляръ, и всякаго христіанскаго рода, мужска пола и женска, разсѣяны по лицу всея земли,

и осквернены всякими нечистотами, и всякими страданьми и муками томими, и смертiемъ предаеми. Мы-же о сихъ многажды покушахомся месть сотворити врагомъ своимъ, и ничтоже успѣхомъ, и неразумѣхомъ еже Господь наказуетъ насъ самихъ, а не поганыхъ поспѣшество надъ нами, и сими великими казнями въ покаянiе не внидохомъ, сами межусобство сотворихомъ, и бѣднымъ христiаномъ всякое насильство чинихомъ, и милосердый Господь, за премногiе грѣхи наша, наказуя насъ, ово потопомъ, ово градомъ, и моромъ, и различными болѣзньми и бѣдами, и никакоже не наказахомся. И посла Господь на насъ тяжкiе и великiе пожары, и вся наша злая собранiя потреби, и прародительное благословенiе огнь пояде; паче-же всего святыя божiя церкви, и многiя великiя и неизрѣченныя святыя мощи, и многое безчисленное множество народа людскаго. И отъ сего-бо вниде страхъ въ душу мою и трепетъ въ кости моя, и смирися духъ мой, и умилихся, и познахъ своя согрѣшенiя, и прибѣгохъ ко святѣй Соборнѣй и Апостольстѣй церкви, и припадохъ къ божiю великому человѣколюбiю, и ко пречистей Богородицѣ, и ко всѣмъ Святымъ, и ко твоему Первосвятительству, и всѣмъ, иже съ тобою Святителемъ, умильно припадая, со истиннымъ покаянiемъ, прося прощенiя, еже злѣ содѣяхъ. И божiя ради великiя милости,

получихъ отъ васъ миръ, и благословеніе, и прощеніе о всемъ, еже содѣяхъ злѣ. Тогда убо и азъ своимъ Княземъ и Боляромъ, по вашему благословенію, а по ихъ обѣщанію на благотвореніе, подахъ прощеніе въ ихъ къ себѣ прегрѣшеніихъ; и по вашему благому совѣту, Богу помогающу намъ, начаша вкупѣ устояти и управляти Богомъ порученное ми царство, елико Богъ поспѣшитъ, прося у него милости и помощи. Еще-же молю вашу святыню и преподобіе: и о семъ простріте прилежную молитву ко всесильному и милостивому Богу, еже за многія грѣхи наша попустилъ на насъ Богъ скудость всякому плоду земному, такоже и скотомъ и птицамъ, и прочему изобилію, и всякому стяжанію; и аще вашими отеческими святыми молитвами умоленъ будетъ отъ насъ Богъ, и милостива его себѣ мы сотворимъ, и очистимся отъ всякихъ грѣхъ душевныхъ и тѣлесныхъ, и тако уповаемъ на милость его, да помилуетъ насъ и моленія нашего не презритъ, щедръ бо есть и милостивъ, и не оставитъ насъ сирыхъ, но послетъ благодать свою въ помощь рабомъ своимъ, и просвѣтитъ умъ нашъ, и утвердитъ страхъ свой въ насъ, и укрѣпитъ ноги наша на путь миренъ, и наставитъ на всякое дѣло благо, и умноженіе подастъ всяческимъ плодамъ земнымъ, и вся враги наша, видимые и невидимые, вскорѣ да покоритъ

подъ ноги наша. Вы-же, господіе и отцы наши, пастыри и учители, внидите въ чувства ваша, просяще у Бога милости и помощи, истрезвите умъ вашъ и просвѣтитеся во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, яко-же предаде вамъ Господь; ваше-же, отъ Бога порученное вамъ стадо словесныхъ овецъ, всего православнаго христіанства Россійскаго царства, наполнивъ себѣ духовныя пользы Святаго Писанія, меня, сына своего, наказуйте и просвѣщайте на всяко благочестіе, якоже лѣпо есть благочестивымъ Царямъ быти во всякихъ царскихъ праведныхъ законахъ, и во всякомъ благовѣріи и чистотѣ; братію-же мою, и всѣхъ Князей и Боляръ, и все православное христіанство, нелѣностно и тщательно утверждайте, и вразумляйте, и просвѣщайте, и наказуйте, да непорочно сохранятъ истинный христіанскій законъ. Прежде даже убо вы сами, пастыріе и учителіе, извѣстите себѣ и утвердитеся, и умножите отъ Бога данный вамъ талантъ, тако-же и весь священный Соборъ, и иноческій чинъ, якоже предаша вамъ святіи отцы, Седмь святыхъ вселенскихъ Соборовъ, и помѣстныхъ, праведный законъ утвержати и истинную православную вѣру христіанскую, да и мы, видяще ваша добрая дѣла и духовное наказаніе, и божественное Писаніе внимающе, Богу поспѣшествующу, негли просвѣтимся и обратимся на истинное покаяніе,

вашимъ о насъ духовнымъ и желаннымъ попеченіемъ, и да получимъ великую милость, здѣ и въ будущемъ вѣцѣ, отъ Христа Бога. И нынѣ молю васъ, о богоизбранный Соборе, Бога ради, и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтеся о истинней, и непорочней, православной христіанской вѣрѣ, и утвердите и изъясните, якоже предаша намъ святіи отцы по божественнымъ правиламъ; и не токмо, глаголю вамъ, потрудитеся, но и постраждите за имя Христово, якоже оніи божественніи мужіе, не токмо бо за имя того страдаша, но и за образъ, якоже Стефанъ Новый, и Максимъ Исповѣдникъ, и Ѳеофилактъ Никомидскій, и иніи мнози, якоже сами паче насъ вѣсте; и помяните како обѣщастася на святемъ Соборѣ, яко аще что ми велятъ сотворити не по правиламъ святыхъ Отецъ, Князи и Боляре, аще и сами владущіи, аще и смерть воспріяти, никакоже ми ихъ непослушати. Видите убо, яко и на смерть обѣщевающся Епископи предатися за вѣру Христову, кольми-же паче вамъ, кромѣ труда и поношенія отъ безумныхъ человѣкъ и ино ничтоже, яко-же о нихъ божественный во апостолахъ Павелъ вопіетъ, глаголя, еже къ Тимоѳеею посланія его: «Чадо Тимоѳее! вѣдый буди, яко въ послѣдніе дни настанутъ времена люта, будутъ-бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, неблаголюбцы, предатели продерзливы,

возносливы, сластолюбцы, паче нежели боголюбцы; сихъ отвращайся: якоже Іанній и Амврій противистася Моисею, тако и сіи противятся истинѣ. Безуміе бо ихъ явѣ будетъ всѣмъ,» якоже и о иныхъ бысть, и сихъ-ли убоимся безумія? Ни убо, аще-бы и мучители были о семъ ино-бы пострадати до крови и до смерти, ради вѣры Христовы. Вы-же, о богособранный Соборе, потружайтеся, вѣры ради Христовы, во еже исправити и изъяснити по правиламъ святыхъ Отецъ, на сіе-бо и собрахъ васъ. Азъ-же, о боголюбивый Соборе, отцы святіи, за вѣру христіанскую и за истинный православный законъ, яко-же предаде намъ церкви божія, вкупѣ и единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, якоже наставитъ насъ Духъ Святый. Аще по вражію навѣту нѣкоторые поползновеніи будутъ чрезъ божественная правила, вашимъ нерадѣніемъ, во всякихъ нашихъ христіанскихъ законахъ безъ обличенія, сему убо есмь азъ непричастенъ: вы о семъ отвѣтъ дадите въ день Страшнаго Суда. Аще-ли азъ вамъ буду сопротивенъ, кромѣ божественныхъ правилъ, вашему согласію, вы о семъ не умолкните; аще преслушникъ буду, воспретите ми, безъ всякаго страха, да жива будетъ душа моя, и вси подъ властію нашею, яко да непороченъ будетъ истинный и православный христіанскій законъ,

и славится въ немъ пресвятое имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

И симъ на Соборѣ прочтеннымъ бывшимъ, Архіерей-же первенствующій, преосвященный Макарій Митрополитъ всея Русіи, и со всѣмъ священнымъ Соборомъ, со Архіепископы и Епископы, и съ честнѣйшими Архимандриты и Игумены, зѣло о семъ удивишася, и о благочестіи слово вознесоша, и вседержителю Богу хвалу воздаша. И бѣ чудно видѣніе и всякаго ужаса исполнено: толико Царствія величество Церкви Божіей, съ душевнымъ желаніемъ, совокупляется. И кто отъ толикія радости и зѣльныя не испусти слезы, видя Царскую душу совокупившуся Церковнымъ устроеніемъ?

И потомъ Царь вдасть на Соборѣ иная писанія, о новыхъ чудотворцехъ, и о многоразличныхъ церковныхъ чинехъ и вопросехъ, имуще сице:

Въ седьмое-надесять лѣто возраста его Государя Царя, по вашему Святительскому благословенію и прощенію, вашихъ ради святыхъ молитвъ, Божіимъ смотрѣніемъ осія благодать Святаго Духа, и коснуся разуму моему, взыде на память мнѣ, и вожделе и возревнова душа моя великое и неистощимое богатство, отъ многихъ временъ при прародителехъ нашихъ сокровенно и забвенію предано, великіе столпники,

новые чудотворцы, многими и неизрѣченными чудесы прославляемы Богомъ; и егда наказаніе Божія гнѣва праведнаго бываетъ намъ за грѣхи наша, и мы тѣхъ святыхъ новыхъ чудотворцовъ на помощь призываемъ, и творимая намъ отъ нихъ всяческихъ въ земныхъ потребахъ наказанія божія на милосердіе ихъ претворяемо моленіемъ, и многими всякими различными недуги исцѣленіе получаху вскорѣ, вѣрою просяще у нихъ. Мы-же о семъ молихомъ святителей всего Россійскаго царствія, въ Митрополіи, и во Архіепископіяхъ, и въ Епископіяхъ, кождо во всякихъ предѣлехъ, порученныхъ имъ, во градѣхъ, и въ монастырѣхъ, и въ пустыняхъ, и во всѣхъ известно испытайте, и обыскивайте о великихъ, новыхъ чудотворцехъ священными Соборы, и Игумены, и священно-иноки, и иноки, и пустынники, и Князьми и Боляры, и богобоязливыми людьми: гдѣ который чудотворецъ прославился великими чудесы и знаменіи, отъ коликихъ временъ и въ каковы лѣта? Святители, еже убо отъ радости духовныя, отъ вожделѣнія сердечнаго, отъ начинанія и повелѣнія нашего, вскорѣ собираютъ каноны, житія и чудеса тѣхъ великихъ Святыхъ, новыхъ чудотворцевъ, койждо Святитель отъ своихъ предѣлъ, по свидѣтельству тамо сущихъ жителей, отъ священническаго и иноческаго чина, и отъ болярска и княжеска роду, и всѣхъ бого-

боязливыхъ мужей и женъ, гдѣ который Святитель прославился и просіялъ добрыми дѣлы и чудесы. И въ 19-е лѣто возраста моего, по нашему наказу, Архіепископы и Епископы, и честные Архимандриты и Игумены собиратися въ царствующій сей градъ, къ намъ, и ко отцу нашему Макарію, Митрополиту всея Русіи; каноны новыхъ чудотворцевъ, житія ихъ и чудеса, на Соборѣ полагаютъ и свидѣтельствуютъ всѣми священными соборы, и предаютъ церквамъ божіимъ пѣти и славити, и праздновати, якоже и прочимъ святымъ богоугодшимъ, по настоящему коегождо мѣсяца, дни и числа преставленія ихъ, и святыя имена, и обрѣтенія честныхъ мощей ихъ, имъ-же поютъ церкви божія и до сего дни; мы-же убо празднуемъ и ликовствуемъ, и прославляемъ по уставу, якоже предаша намъ: многіе убо новопрославленніи чудотворцы, по преставленіи своемъ и донынѣ, отъ дальнихъ прежнихъ временъ обрѣтошася лежатъ цѣлы и невредимы, мало тлѣнію причастишася, и чудеса различныя творятъ, великая, вѣрою просящимъ у нихъ. И тѣхъ великихъ новыхъ чудотворцевъ молитвами начахомъ правити царство свое, елико довлѣетъ намъ по благодати божіей, въ двадесять первое лѣто отъ рождества и восьмоенадесять лѣто царства моего, по повелѣнію нашему, Архіепископы, и Епископы, и Архи-

мандриты, и Игумены, и пустынники, и иноки, и протопопы, и попы, и со всѣми священными соборы всего нашего Русскаго царствія, въ царствующемъ градѣ Москвѣ собрашася вси во святѣй, соборней церкви пречистыя Богородицы, молебны пѣвше и вкупѣ моленіе совершивъ, въ дому, порученномъ мнѣ отъ Бога, прародителей нашихъ и нашего строенія въ царствующихъ палатахъ сошедшася вкупѣ, и начахомъ о Бозѣ творити дѣло сице:

Царь глаголетъ къ Собору: « Преосвященный Макарій, Митрополитъ всея Русіи, и Архіепископы, и Епископы, и весь освященный Соборъ! въ предыдущее лѣто билъ есми вамъ челомъ, и съ Боляры своими, о своемъ согрѣшеніи, а Боляре такоже; и вы насъ въ нашихъ винахъ благословили и простили, а азъ, и Князей, и Болярь, и всякаго христіанскаго роду, мужеска пола и женска, иже разсѣяны по лицу всея земли, и осквернены всякими нечистотами, и всякими страданьми и муками томимы, и смертемъ предаемы. Мы-же о семъ многажды покушахомся месть сотворити врагомъ своимъ, и ничтоже успѣхомъ, и неразумѣхомъ, еже Господь наказуетъ насъ самихъ, а не поганыхъ поспѣшество надъ нами; и сими великими казньми въ покаяніе не внидохомъ, сами междусобство сотворихомъ, и бѣднымъ христіяномъ всякое насильство чинихомъ; и милосер-

дый Господь, за премногіе грѣхи наша, наказуя насъ, ово потопомъ, ово градомъ, и моромъ, и различными болѣзньми и бѣдами, и никакоже не наказахомся. И посла Господь на насъ тяжкіе и великіе пожары, и вся наша злая собранія потреби, и прародительское благословеніе огнь пояде; паче-же всего святыя Божія церкви, и многія великія и неизрѣченныя святыни, и святыя мощи, и многое безчисленное множество народа людскаго. И отъ сего-бо вниде страхъ въ душу мою, и трепетъ въ кости моя, и смирися духъ мой, и умилихся, и познахъ своя согрѣшенія, и прибѣгохъ ко святѣй Церкви по вашему прощенію и благословенію, и бояръ своихъ въ прежнихъ винахъ во всѣхъ пожаловалъ и простилъ, да имъ-же заповѣдалъ: со всѣми христіаны царствія своего, и въ прежнихъ всякихъ дѣлехъ, помиритися на срокъ; и Боляре мои, и вси приказные люди, и кормленщики, со всѣми людьми помирилися во всякихъ дѣлехъ. Да благословившеся есми у васъ, тогда-же Судебникъ исправити по старинѣ, и утвердити, чтобъ былъ судъ праведенъ, всякія дѣла непоколебимо во вѣки. И по вашему благословенію Судебникъ исправилъ, и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и брежно, судъбы былъ праведенъ и безпощаденъ во всякихъ дѣлехъ; да азъ-же устроилъ по всѣмъ землямъ моего государства Старосты, и Цѣловальники,

и Сотскіе, и Пятидесятскіе, по всѣмъ градамъ, и пригородкамъ, и по волостемъ, и по погостамъ, и у дѣтей Боярскихъ; и уставныя грамоты подъ сей Судебникъ подписалъ предъ вами; и уставныя грамоты прочтите, и разсудите, чтобы было дѣло наше по Бозѣ въ родъ и родъ, и по вашему благословенію неподвижимо; аще достойно сіе дѣло, на святемъ Соборѣ утвердивъ, и вѣчное благословеніе получивъ, и подписати на Судебникѣ, и на уставной грамотѣ, которой въ казнѣ быти. Да, попрося у Бога помощи, соборнѣ съ нами во всякихъ нуждахъ пособствуйте, поразсудите и уложите, и утвердите по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, и по прежнимъ законамъ прародителей нашихъ, чтобы всякое дѣло, и всякіе обычаи строилися по Бозѣ въ нашемъ царствіи, при вашей святительской паствѣ, а при нашей державѣ; а которые обычаи въ прежнія времена, послѣ отца моего, Великаго Князя Василія Ивановича всея Русіи, и до сего настоящаго времени, поизшаталися, или въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія и законы порушены, или ослабно дѣло и небрегомо Божіихъ заповѣдей что творилося, и о сихъ всякихъ земскихъ строеніяхъ, и о нашихъ душахъ заблужденіи, о всемъ о семъ довольно себѣ духовнѣ побесѣдуйте и посовѣтуйте, и

намъ извѣстите. И мы вашего святительскаго совѣта и дѣла требуемъ, и совѣтовати съ вами желаемъ, о Бозѣ утвержати нестройное во благо. А что наши нужды, или которыя земскія нестроенія, и мы вамъ о семъ возвѣщаемъ; и вы, разсудя по правиламъ Святыхъ Апостолъ и Святыхъ Отецъ, утверждайте во общемъ согласіи вкупѣ, а азъ вамъ, отцемъ своимъ, и съ братіею, и съ своими боляры челомъ бію.»

VII.

Царскія предложенія, для рѣшенія коихъ собранъ былъ стоглавный Соборъ, и которыя разрѣшилъ и опредѣлилъ онъ общимъ согласіемъ.

1. О несоблюденіи и неправильности разныхъ церковныхъ обрядовъ, и необходимости надзора Церковныхъ Старостъ.
2. О непродажѣ антиминсовъ.
3. О неправильномъ иконописаніи.
4. О безпорядкѣ въ продажѣ вѣнечныхъ памятей.
5. Объ ошибкахъ въ списываніи церковныхъ книгъ.
6. О нерадѣніи учиться грамотѣ.
7. О притѣсненіяхъ по церковнымъ судамъ.
8. О поступленіи въ монашество ради покоя тѣлеснаго, а не ради спасенія души.
9. О неустройствахъ по монастырямъ.
10. О бѣдныхъ монахахъ и монахиняхъ.
11. О выкупѣ плѣнныхъ.
12. О неправильномъ поминаніи за упокой при печеніи просвиръ, а не во храмѣ Божіемъ, какъ слѣдуетъ.

13. О безпутномъ расточеніи подаяній, которыя благочестивыми даются въ пользу церкви и бѣдныхъ.
14. О самовольномъ собираніи денегъ бродягами, будто-бы на церкви.
15. О разборѣ *несудимыхъ* грамать.
16. О небрежности въ содержаніи монастырскихъ зданій, и о неприличіи тяжебъ монахамъ.
17. О томъ, можно-ли церковныя деньги въ ростъ отдавать.
18. О нетрезвости духовныхъ особъ.
19. О вдовыхъ попахъ.
20. О своевольномъ заведеніи пустынь и часовенъ.
21. О разборѣ при поставленіи въ священники и настоятели.
22. О безчиніи въ церквахъ, гдѣ многіе изъ мірянъ стоятъ въ шапкахъ, тафьяхъ, съ палками, во время службы божественной.
23. Объ отправленіи церковнаго служенія священниками не въ полномъ облаченіи, безъ порядка, и неблагочиніи и разговорахъ притомъ мірянъ въ церквахъ.
24. О пономаряхъ неженатыхъ, вдовыхъ, двоеженцахъ и троеженцахъ.
25. О стриженіи волосъ, бороды и ношеніи чужеземнаго платья.

26. О небрежности въ крестномъ знаменіи.
27. О божьбѣ и брани.
28. О богомерзскихъ рѣчахъ.
29. О церковномъ наказаніи тяжкихъ грѣховъ.
30. О небреженіи на службу священниковъ, находящихся на ругѣ.
31. О разборѣ въ выдачѣ церковной руги.
32. О томъ, что христіане безъ разбору ѣдятъ давленину, зайцевъ и другія запрещенныя ѣствы.
33. О пѣніи церковномъ.
34. О томъ-же.
35. О поставленіи неприличныхъ крестовъ на церквахъ.
36. О невнесеніи въ алтарь ничего изъ питія и ѣствъ, кромѣ подлежащаго совершенію божественной службы.
37. О житіи въ монастыряхъ купно монаховъ и монахинь, женатыхъ людей, и проч.

Вторыя предложенія.

1. О надписяхъ на иконахъ.
2. О непринесеніи въ церковь дѣтскихъ сорочекъ.
3. О неосвященіи въ церквахъ мыла.
4. О пошлинахъ съ ставлениковъ, и проч.
5. О почтеніи Св. Евфрозина Псковскаго и Св. Аврамія Смоленскаго.

6. Объ освященіи воды однимъ крестомъ, а не многими, и не образами.

7. О томъ, должно-ли писать на иконахъ людей мірскихъ, изображая что либо святое, напримѣръ: Царя, молящагося предъ Богоматерью, и прочее?

8. О постановленіи крестовъ на церквахъ.

9. О поминаніяхъ.

10. О церковномъ пѣніи.

11. О выниманіи частицъ изъ просвиры.

12. Объ отпускѣ послѣ проскомидіи.

13. О причащеніи монаховъ и монахинь.

14. О сборѣ священникамъ съ прихожанъ.

15. О поставленіи на мздѣ.

16. О препровожденіи новобрачныхъ въ домы съ крестомъ, когда въ тоже время играетъ музыка и поются пѣсни.

17. О ложной присягѣ, и о пособіи гаданіемъ и колдовствомъ.

18. О торговыхъ баняхъ.

19. О бродящихъ скоморохахъ.

20. Объ игрѣ въ зернь и пьянствѣ.

21. О лживыхъ пророкахъ и юродахъ.

22. О колдовствѣ и гаданіи.

23. О тризнахъ и пьянствѣ на кладбищахъ.

24. Объ Ивановѣ днѣ.

25. О кличкѣ на Радуницѣ.

26. О четверговой соли.

27. О ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.
28. О постѣ въ Ивановъ день.
29. О церковномъ пѣніи.
30. О погребеніи мірянъ въ монастыряхъ.
31. О лѣности въ служеніи божественномъ.
32. О молебнахъ, и о прочемъ.

VIII.

Исчисленіе споровъ о мѣстахъ и почетѣ, бывшихъ между Русскими воеводами и сановниками въ царствованіе Іоанна IV-го, съ 1556-го по 1585-й годъ.

Разрядъ 1556 *г.*

1. Споръ Кн. Ивана Шуйскаго противъ Ивана Дм. Бѣльскаго. Шуйскій обвиненъ.
2. Споръ Кн. Ивана Пронскаго противъ Дмитрія Курлятева. Курлятевъ обвиненъ.
3. Споръ Кн. Ивана Кашина и Кн. Андрея Охлябинина. Сказано, что они *дуруютъ*.

Разрядъ 1559 *г.*

4. Споръ Захара Плещеева съ Замятнею Сабуровымъ. Отвергнутъ.
5. Споръ Влад. Карпова съ Вас. Колычевымъ. Отложенъ до разбора въ Москвѣ.
6. Споръ Князя Ивана Голицына съ Дмитр. Курлятевымъ. Отложенъ до Москвы.
7. Споръ Кн. Александра Ярославскаго и Ивана Очина противъ Князя П. Булгакова и Ивана Шереметева. Отвергнутъ.

Разрядъ 1562 г.

8. Споръ Ѳед. Салтыкова противъ Ник. Шереметева. Безъ рѣшенія.

9. Споръ Замятни Сабурова противъ Кн. П. Серебрянаго.

10. Споръ его-же и Влад. Карпова о неравенствѣ наградъ. Обвинены.

Разрядъ 1564 г. (*).

11. Споръ Кн. Алекс. Воротынскаго противъ Ив. Пронскаго. Сказано первому, чтобы онъ *зналъ себѣ мѣру*.

12. Споръ Кн. Андрея Тетева противъ Никиты Романова. Тетевъ обвиненъ.

Разрядъ 1565 г.

13. Споръ Кн. Ивана Шуйскаго противъ Петра Щенятева. Нерѣшенъ.

Разрядъ 1572 г. (**)

14. Споръ Кн. Вас. Сицкаго противъ Замятни Сабурова. Оставленъ до Москвы.

(*) Годъ казней и учрежденія *Опричнины*.

(*) Въ 1569 г. было время высшей степени жестокости Іоанна.

Разрядъ 1574 г.

15. Споръ Кн. Андрея Хованскаго противъ Ивана Курляшева. Хованскій обвиненъ.
16. Споръ Ѳедора Шереметева противъ Кн. Ивана Курляшева и Петра Татева. Отложенъ до Москвы.
17. Споръ Кн. Андрея Рѣпнина противъ Никиты Романова. Отложенъ до Москвы.
18. Споръ Кн. Вас. Тюфякина противъ Кн. Сем. Черкаскаго и Григор. Долгорукаго. Тюфякинъ обвиненъ.

Разрядъ 1576 г.

19. Споръ И. В. Шереметева противъ Б. В. Шеина.
20. Споръ Никиты Романова противъ П. В. Морозова.
21. Споръ Кн. П. И. Татева противъ Морозова, Романова и Шереметева.
22. Споръ Б. В. Шеина противъ Кн. С. Д. Пронскаго, Гр. Андр. Куракина, В. Ю. Голицына, П. В. Морозова.
23. Споръ Кн. В. Ю. Булгакова противъ С. Д. Пронскаго.
24. Споръ М. Д. Карпова противъ В. А. Сицкаго.
25. Споръ Кн. Дм. Елецкаго противъ М. Долматова.

велѣно всѣ сіи споры оставить до разбора.

26. Споръ Кн. Мих. Тюфякина противъ Ѳед. Шереметева. Тюфякинъ обвиненъ.
27. Споръ Кн. Ѳ. Лыкова противъ Ив. Шереметева. Отложенъ до разбора.
28. Споръ Кн. Гр. Булгакова противъ Кн. Ивана Голицына. Дана Булгакову *невмѣстная* грамата.
29. Споръ Кн. Андрея Палецкаго противъ Кн. Петра Хворостина. Безъ рѣшенія.

Разрядъ 1578 *г.*

30. Споръ Кн. М. Тюфякина противъ Кн. Дм. Хворостинина. Оправданъ Тюфякинъ.
31. Другой споръ его-же противъ Кн. Андрея Палецкаго и П. Хворостинина. Обвиненъ Тюфякинъ.
32. Споръ Кн. В. Сицкаго противъ Ѳ. Шереметева и П. Татева. Отказано.
33. Споръ Кн. П. Татева противъ Ѳ. Шереметева. Отказано.
34. Споръ Кн. А. Палецкаго противъ Кн. В. Сицкаго. Отказано.

Разрядъ 1580 *г.*

35. Споръ Кн. М. Кашина противъ Юрія Аксакова. Сказано, что Кашинъ обиженъ ошибкою.

36. Споръ Вас. Пушкина противъ Ю. Аксакова. Отложено до разбора.

37. Споръ Андрея Салтыкова противъ Ник. Плещеева.—Отложено до разбора, и велѣно ихъ *въ дѣлахъ не стыкать, чтобъ межъ ихъ ссоры не было.*

38. Споръ Ром. Бутурлина противъ Плещеева. Тоже рѣшеніе.

Разрядъ 1581 *г.*

39. Споръ Вл. Головина противъ М. Г. Салтыкова.

40. Споръ М. Г. Салтыкова противъ Кн. Ивана Туренина.

41. Споръ Кн. Мих. Ноздреватаго противъ Кн. Меркурія Щербатова и М. Г. Салтыкова,

Всѣ отложены до разбора.

42. Споръ Кн. М. Катырева противъ Кн. И. Голицына. Отказано.

43. Споръ Кн. М. Одоевскаго противъ Кн. Вас. Шуйскаго. Былъ большой судъ и разборъ.

44. Споръ Ник. Плещеева противъ Кн. И. Курляпева. Отложено до разбора.

45. Споръ Гр. Морозова и Кн. Ивана Токмакова противъ Кн. И. Туренина, и

46. Токмакова противъ Морозова. Оставлено до разбора.

47. Споръ Гр. Колединскаго противъ Дм. Замыцкаго, Аѳ. Загряжскаго и Кн. Андрея Волконскаго. Съ первымъ велѣно разбирать; о двухъ послѣднихъ отказано.

48. Споръ Аѳ. Загряжскаго противъ Колединскаго и Волконскаго. Съ первымъ велѣно разобрать; во второмъ отказано.

49. Споръ И. Долматова противъ И. Колычева. Отложено до разбора.

50. Споръ Дм. Салтыкова противъ Кн. В. П. Туренина. Отказано.

Разрядъ 1582 г.

51. Споръ Кн. А. Куракина противъ Кн. М. Катырева. Безъ рѣшенія.

52. Споръ Кн. В. Пронскаго противъ Кн. А. Куракина. Отложено до разбора.

53. Споръ Кн. И. Курлятева противъ Кн. Д. Ногтева. Отложено до разбора.

54. Споръ Кн. А. Хворостинина противъ Ник. Плещеева.

55. Споръ Григ. Морозова противъ Ник. Плещеева, Кн. Ив. Сицкаго и Андрея Хворостинина. Отложено до разбора.

56. Споръ Кн. Ѳ. Друцкаго противъ Кн. Мих. Пріимкова. Отложено до разбора.

57. Споръ Мих. Салтыкова противъ Григ. Колычева и Кн. Вас. Лобанова, и

58. Споръ Влад. Головина противъ всѣхъ трехъ. Оба спора оставлены до разбиранія.

59. Споръ Кн. И. Голицына противъ Кн. Андрея Шуйскаго. Князю Голицыну сказано, *чтобы онъ не вралъ.*

60. Споръ Григ. Колычева противъ Ив. Плещеева и Панкр. Салтыкова. О первомъ сказано, что *бьетъ челомъ не по дѣлу*; о второмъ отложено до разбора.

61. Споръ Кн. Вас. Голицына противъ Кн. Андрея Шуйскаго. Сказано, что онъ *дуруетъ.*

62. Споръ Ив. Сабурова противъ Кн. Петра Лобанова. Рѣшено, что онъ ошибается.

63. Споръ Григ. Морозова противъ Кн. Ѳед. Шестунова. Отказано.

64. Споръ Григ. Колединскаго противъ Кн. А. Д. Звенигородскаго.

Разрядъ 1583 *г.*

65. Споръ Андрея Измайлова противъ Кн. И. Елецкаго. Отложено до разбора.

66. Споръ Кн. А. Куракина противъ Кн. И. Воротынскаго, и

67. Споръ Кн. Ивана Ноготкова противъ негоже и Кн. А. Куракина.

Куракину велѣно противъ Воротынскаго не спорить; Ноготкову съ Куракинымъ отложить до разбора, а за Воротынскаго Ноготкова посадить въ тюрьму и спорить не велѣть.

68. Споръ Ивана Бутурлина противъ Кн. Ивана Туренина, и

69. Споръ Ефима Бутурлина и Кн. Мих. Барятинскаго противъ Кн. Мих. Ноздреватаго и Мерк. Щербатова.

Велѣно споръ Бутурлина отложить до разбора, а Барятинскому *не дуровать.*

70. Споръ Кн. Ѳ. В. Туренина противъ Ивана Бутурлина, и Матвѣя Бутурлина противъ Туренина. Отказано.

71. Споръ Кн. Ивана Ноготкова противъ Кн. Андрея Куракина. Безъ рѣшенія.

72. Споръ Кн. А. Куракина противъ Кн. Ивана Воротынскаго. Безъ рѣшенія.

73. Споръ Панкр. Салтыкова противъ Кн. Вас. Тюменскаго. Сказано, что *не по отечеству мѣстничается.*

74. Споръ Панкр. Салтыкова противъ Кн. Вас. Тюменскаго.

75. Споръ Ивана Колычева противъ Кн. Ивана Сицкаго и Ѳед. Шестунова.

76. Споръ Кн. Вас. Тюфякина противъ Ивана Сицкаго.

77. Споръ Кн. Ивана Сицкаго противъ Панкр. Салтыкова.

Велѣно всѣ сіи споры оставить до разбора.

78. Неудовольствіе Ивана Колычева и Кн. Вас.

Тюфякина на рѣшеніе. Велѣно отказать, съ опасеніемъ заключенія въ тюрьму.

79. Споръ Кн. Петра Ростовскаго противъ Панкр. Салтыкова. Сказано, что онъ ошибается.

80. Споръ Кн. А. И. Голицына противъ Кн. И. Р. Трубецкаго. Отказано.

Всѣ означенные споры о мѣстахъ происходили по разрядамъ въ походахъ; но кромѣ того безпрерывно были споры по разнымъ случаямъ, на примѣръ:

Въ 1581 г., на *седьмой* свадьбѣ Царя Іоанна, Романъ Алферьевъ спорилъ противъ Ѳед. и Романа Нагихъ, а Василій Зюзинъ противъ Алферьева, *о мѣстахъ за столомъ;*

Панкр. Салтыковъ спорилъ противъ Бориса Годунова *о званіи дружки;*

Мих. Салтыковъ спорилъ противъ Кн. Андрея Хилкова и Якова Годунова *о званіи коровайника.*

Въ 1585 г. спорили Ѳ. В. Шереметевъ и И. М. Бутурлинъ, когда велѣно было имъ возобновлять стѣны въ Новгородѣ: которая часть стѣнъ почетнѣе, *Софійская* или *Торговая?*

ЗАМѢЧАНІЯ.

Въ V-мъ т. *Исторіи Русскаго народа*, въ началѣ стр. 353-й, слѣдуетъ *прибавить* слѣдующія слова, пропущенныя при переносѣ съ 352-й страницы: « Нѣтъ сомнѣнія, что каждый изъ бывшихъ на Со- « борѣ оставилъ Флоренцію увѣренный въ против- « номъ. Не только многіе говорили это от- »...

Въ VI-мъ томѣ, прим. 297-е, должно относиться къ 13-й строкѣ 426-й стран.

Въ концѣ прим. 300-го должно прибавить: « См. Г-на Шармуа, sur l'utilité des lang. Orient. »

ОГЛАВЛЕНІЕ
ШЕСТАГО ТОМА.

Стран.

Исторія Русскаго народа. Книга VI. *Отъ образованія политической самобытности* Русскаго государства, *до прекращенія династіи древнихъ Русскихъ Князей*, или *отъ кончины В. К. Іоанна III-го до восшествія на престолъ Бориса Годунова* (съ 1505-го до 1598 года).

(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА.)

1505 — 1561 гг.

Глава I. Обозрѣніе *второй половины* Монгольскаго владычества надъ Русью и окончанія онаго. Русь послѣ Іоанна III-го. *Василій*, сынъ его, *Великій Князь*. Двадцати-восьми лѣтнее его государствованіе. Онъ не унижаетъ Руси противъ Польши и пріобрѣтаетъ Смоленскъ. Дѣла съ Крымомъ и Казанью: смѣлый преемникъ Менгли-Гирея, Махметъ-Гирей, и собы-

Стран.

тія въ Казани, не производятъ перемѣны въ отношеніяхъ Москвы къ остаткамъ Монгольскаго владычества въ Руси, Крымскимъ и Казанскимъ Татарамъ. Василій уничтожаетъ послѣдніе слѣды Удѣловъ и вольныхъ городовъ въ Руси. Отношенія Руси къ Европѣ.

Конецъ *третьяго* періода Исторіи Русскаго народа. Безмѣрность перехода, совершеннаго Русью въ теченіе 164-хъ лѣтъ. Русь послѣ Іоанна Калиты. Русь послѣ Іоанна III-го. . . 9.

Сущность событій *второй половины Монгольскаго владычества надъ Русью*. Рядъ Русскихъ Государей и обозрѣніе событій отъ Калиты до Іоанна. 14.

Государство, происшедшее отъ дѣйствія сихъ властителей и сихъ событій. Политическій внутренній составъ его. Выгоды и неудобства сего состава государственнаго. . . 24.

Внѣшнее положеніе Русскаго государства между Польшею и Монгольскими остатками. Крымъ. Казаки. Образованіе Казацкихъ обществъ. 28.

Предметы Исторіи Русской отъ Іоанна III-го: *Аристократія, Народъ; Русь и Польша; Крымъ, Казань, Казаки.* 36.

Отдѣльность остальной Европы отъ Русской земли. 38.

Стран.

Василій Іоанновичъ Великій Князь. Неудачный походъ подъ Казань, и новое усмиреніе Казани. 39.

Отношенія Крыма къ Руси. Смерть Польскаго Короля Александра. Сигизмундъ, преемникъ его. Война съ Польшею. Князь Острожскій и Дашковичъ переходятъ въ Польшу. Измѣна знаменитаго Глинскаго. Безполезность сей измѣны. Миръ съ Польшею. Мирныя сношенія съ Крымомъ и Казанью. 42.

Посредство Императора въ мирѣ Руси съ Ливоніею. Договоръ о торговлѣ съ Ганзою. . . 53.

Смерть племянника Василіева Димитрія. Отношенія Василія къ братьямъ. 55.

Уничтоженіе вольности Пскова. 57.

Неудовольствія съ Польшею. Разрывъ мира между Крымомъ и Русью. Война съ Польшею. Неудачные походы подъ Смоленскъ. . . . 64.

Союзъ съ Императоромъ. Глинскій берется добыть Смоленскъ, съ тѣмъ, чтобы его сдѣлали независимымъ Княземъ. Взятіе Смоленска. Василій не исполняетъ слова Глинскому. Глинскій передается Польшѣ; умыселъ его открытъ, и онъ пойманъ въ бѣгствѣ. 70.

Князь Острожскій разбиваетъ Рускихъ подъ Оршею. Набѣгъ Крымцевъ и Казаковъ. . 75.

Смерть Менгли-Гирея. Махметъ-Гирей, жадный и вѣроломный властитель Крыма. Польша

Стран.

и Русь взаимно наводятъ его другъ на друга. 77.

Императоръ посредствуетъ между Польшею и Русью. Продолженіе войны. 81.

Союзъ съ Крымомъ. Союзъ съ Нѣмецкимъ Орденомъ. Общее наступленіе *Крыма*, *Ордена* и *Руси* на Польшу. Перемиріе съ Польшею. 87.

Вѣроломство Василія оскорбляетъ Махметъ-Гирея. Сигизмундъ стѣсняетъ Нѣмецкихъ Рыцарей. Шихалей Царь въ Казани. . . 92.

Сверженіе Шихалея. Братъ Махмета, Саипъ, Царемъ въ Казани. Нашествіе Махмета и Саипа на Русь. Опасность Москвы. Спасеніе Рязани Хабаромъ-Симскимъ. Отступленіе Махмета. 95.

Мѣры осторожности противъ новаго нашествія. Махметъ воюетъ Казаковъ. Миръ съ Польшею. 100.

Новое посредство Императора въ мирѣ съ Польшею. Подтвержденіе мира. 103.

Василій уничтожаетъ *удѣлы* въ новопріобрѣтенныхъ отъ Литвы областяхъ. Несчастная судьба потомковъ Шемяки. 105.

Махметъ-Гирей беретъ Астрахань. Погибель его. Злодѣйство Саипа въ Казани. Бѣдствія Крымцевъ. 107.

Походъ на Казань. Основаніе *Васильсурска*. Сафа-Гирей въ Казани. Еще походъ на Казань. Неудача. Подозрѣніе на воеводу Бѣльскаго. Миръ съ Казанью. 109.

Бездѣтство Василія. Разводъ съ супругою и ея постриженіе. Мысль о второмъ супруже-

Стран.

ствѣ. Противники сего дѣла; участь Максима Грека; казни и опалы. Женитьба Василія на племянницѣ измѣнника Глинскаго. Рожденіе *Іоанна Грознаго*. Любовь Василія къ Еленѣ. 113.

Нападенія Крымцевъ. Походъ на Казань; нерѣшительность дѣйствій. Сафа-Гирей изгнанъ. Еналей Царемъ въ Казани. 129.

Сафа-Гирей возбуждаетъ Крымцевъ на Русь. Набѣги ихъ. 134.

Болѣзнь и кончина Василія. 136.

Сношенія Руси во время Василія съ Ливоніею, Швеціею, Даніею, Молдавіею, Турціею, Папою, Ногаями, Греціею, Индіею. . . 143.

Глава II. *Іоаннъ*, малолѣтный наслѣдникъ Василія. Дворская Аристократія. *Елена Глинская*, мать Іоанна, *Правительница*. Главныя партіи при Дворѣ: *Глинскіе, Оболенскій Телепневъ-Овчина* (любимецъ Елены), *Шуйскіе*. Раздоры ихъ; гибель Глинскихъ; торжество Оболенскаго. Смерть Елены. Паденіе Оболенскаго. Свирѣпое владычество Шуйскихъ. Нерадѣніе о юномъ Царѣ. Пылкія страсти его и дурное воспитаніе. Новая партія при Дворѣ: *Адашевъ, Сильвестръ, Захарьины*. Власть ихъ надъ умомъ Царя. Паденіе Шуй-

Стран.

скихъ. *Іоаннъ Царь Россійскій.* Супружество Іоанна съ Анастасіею Захарьиною. Новый порядокъ дѣлъ. — *Дѣла внѣшнія*: война и миръ съ Польшею. Набѣги и сношенія Крымскихъ Татаръ. Отношенія къ Казани; отношенія къ Европѣ. — *Дѣла внутреннія.*

Неопредѣленность правленія государствомъ послѣ смерти Василія; его завѣщанія; присяга *Іоанну и Еленѣ*, какъ *Правительницѣ государства.* Нелюбовь къ ней. Партіи при Дворѣ: *Оболенскаго, Глинскихъ, Шуйскихъ, Бѣльскихъ. Захарьины*, и другіе царедворцы. 155.

Мѣры, принятыя Оболенскимъ для удержанія власти. Заключеніе дяди Іоаннова Князя Юрія, Михаила Глинскаго, Ивана Бѣльскаго; бѣгство Симеона Бѣльскаго. 164.

Строеніе стѣны Китая города; сношенія съ Казанью, Крымомъ, другими державами. . 167.

Вражда Польши; союзъ ея съ Татарами; неудачное нападеніе на Русскія области; Оболенскій мститъ разореніемъ Литвы; второй походъ Рускихъ; заложеніе крѣпостей; нашествіе Крымцевъ; взятіе Стародуба Поляками; *битва Себежская.* 169.

Нападенія Казанцевъ. 176.

Миръ съ Польшею. Прощеніе Шихалея. Переговоры съ Крымомъ. Симеонъ Бѣльскій въ Крыму. 178.

Стран.

Сношенія съ Швеціею, Ливоніею, Султаномъ. Внутреннія дѣла. 183.

Жестокость и самовластіе Оболенскаго; смерть Михаила Глинскаго и Юрія Іоанновича; притѣсненіе и смерть Андрея Іоанновича. 185.

Елена отравлена ядомъ. Погибель Оболенскаго. Владычество Шуйскихъ. 191.

Василій Шуйскій; примиреніе и новая вражда его съ Бѣльскими. Смерть Василія Шуйскаго. *Иванъ Шуйскій*. Сверженіе Даніила Митрополита; возведеніе въ Митрополиты Іоасафа. Союзъ Іоасафа и Бѣльскихъ; униженіе Шуйскаго. 193.

Иванъ Бѣльскій; умѣренность его въ дѣлахъ; облегченіе участи Владиміра, сына Андрея Іоанновича. Крымъ, Польша, Казань. . . 197.

Нашествіе Крымцевъ на Русь. Благоразумныя распоряженія Бѣльскаго. Бѣгство Крымцевъ. 203.

Возмущеніе Ивана Шуйскаго; низверженіе Іоасафа. Митрополитъ Макарій; низверженіе и смерть Ивана Бѣльскаго. Польша, Казань, Крымъ. 208.

Смерть Ивана Шуйскаго. *Андрей Шуйскій*. Буйство его. 214.

Дѣтство Іоанна. Дурное воспитаніе и шалости. Грубость Шуйскихъ. Поѣздки Іоанна по областямъ. Хитрость Дворскихъ партій. Убіеніе Андрея Шуйскаго. 218.

Глинскіе правятъ государствомъ. Безпутная юность Іоанна. 228.

Справ.

Польша. Дряхлость Сигизмунда. Шихалей въ Казани. Слухи о нашествіи Крымцевъ; лагерь подъ Коломною. Самовластіе юнаго Іоанна. *Первая казнь Бояръ.* Поѣздка Іоанна по областямъ. 230.

Сафа-Гирей снова въ Казани. 236.

Скорбь благомыслящихъ; партія Захарьиныхъ и Адашева; Сильвестръ; мысль о вѣнчаніи Іоанна *Царемъ Россійскимъ* и супружествѣ его. 237.

Іоаннъ Царь Россійскій. Свадьба съ Анастасіею Романовою. Неудача мѣръ, принятыхъ для исправленія Іоанна. 240.

Пожары въ Москвѣ. Ужасъ Царя. Умыселъ Захарьиныхъ, бунтъ народный и погубленіе Глинскихъ. Появленіе Сильвестра. Раскаяніе Іоанна. 246.

Глава III. Блестящее управленіе партіи *Адашевыхъ* и *Захарьиныхъ*. Внутреннее устройство государства. Покореніе Казани и Астрахани; покорность Сибири; униженіе Крыма. Рѣшительное появленіе Казаковъ въ Русской Исторіи. Дерзость Дворскихъ партій при опасной болѣзни Царя. Партія Адашевыхъ колеблется. Война съ Швеціею и Ливонскими Рыцарями. Смерть Анастасіи. Развратная Дворская аристократія увлекаетъ Царя

Стран.

въ пороки. Паденіе партіи Адашева.— Внѣшнія и внутреннія дѣла и отношенія.

Измѣненіе Іоаннова характера. Прощеніе всѣмъ противникамъ и возмутителямъ; благоволеніе Царя къ роднымъ; свадьбы Юрія и Владиміра; торжественное признаніе Іоанна въ грѣхахъ; измѣненіе дѣлъ. 256.

Лучшее устройство внутренняго правленія; истребленіе лихоимства; *Судебникъ; Стоглавъ;* устройство войскъ; призваніе въ Россію иноземныхъ художниковъ. . . . 263.

Благоразумное поведеніе Адашева и Сильвестра при Дворѣ; мѣры противъ мѣстничества; кротость противъ церковныхъ мятежниковъ. 271.

Строеніе крѣпостей. Мѣры въ отношеніи Донскихъ Казаковъ; ихъ происхожденіе. Состояніе Казаковъ Днѣпровскихъ. Сигизмундъ Августъ, Король Польскій; Сношенія съ Польшею. Дѣла съ Крымомъ. . . 278.

Взглядъ на Исторію Казани. Смерть Сафа-Гирея; походъ на Казань; заложеніе Свіяжска; смятенія въ Казани; малолѣтный сынъ Сафа-Гирея и Сумбека, мать его. Выдаютъ Сумбеку и сына ея; Шихалей Царь въ Казани; смѣна его; Казань поддается Россіи; внезапное измѣненіе. Рѣшеніе завоевать Казань. 288.

Стран.

Приготовленіе къ походу; неохота Іоанна отправиться подъ Казань; походъ и расположеніе войскъ. Тревога Музульманскихъ народовъ. Ханъ Крымскій идетъ на Русь; неудача его. Руские подъ Казанью. *Осада и взятіе Казани.* Возвращеніе Іоанна въ Москву; крещеніе Царя Казанскаго; Покровскій Соборъ. 301.

Новый періодъ въ жизни Іоанна. Болѣзнь Іоанна; непокорство и буйство вельможъ; Адашевы держатъ сторону Владиміра Андреевича; выздоровленіе Царя. 329.

Іоаннъ оказываетъ кротость и прощаетъ всѣ крамолы; его богомолье; свиданіе съ Максимомъ Грекомъ и Вассіаномъ Топорковымъ. *Мысль о самовластіи.* 339.

Взглядъ на характеръ Іоанна, власть партіи Адашева, крамолы Дворскія. Партія Адашева колеблется: что удерживало еще власть ея? Объясненіе послѣдующихъ событій. 346.

Покореніе Астрахани; покорность Сибири; усиленіе Рускихъ на Востокѣ. 366.

Смѣлость въ дѣлахъ съ Крымомъ. *Важное предпріятіе Адашева.* Сношенія съ Днѣпровскими Казаками. *Дмитрій Вишневецкій.* Іоаннъ не соглашается на предпріятіе Адашева. 370.

Дѣла съ Крымомъ. Руские въ устьѣ Днѣпра. Подданство Вишневецкаго. , . . 375.

Стран.

Предпріятія Іоанна; несоглашеніе Адашева; упорство Іоанна. Дѣла съ Польшею. Дружба съ Сигизмундомъ. 381.

Война съ Швеціею. 388.

Прибытіе Англичанъ въ Россію. 393.

Взглядъ на Исторію и состояніе *Ливонскихъ Рыцарей*. Требованія Іоанна. *Начало войны Ливонской*. 399.

Успѣхи Рускихъ. Взятіе Нарвы, Нейшлосса, Нейгауза, Дерпта, и другихъ городовъ. . 413.

Магистръ Кетлеръ; его усилія спасти Ливонію. Новый походъ Рускихъ. 421.

Данія вступается за Рыцарей. Перемиріе. Швеція и Польша. 424.

Союзъ Кетлера съ Польшею. Безразсудная смѣлость его. 428.

Дѣла съ Крымомъ. Нашествіе Хана на Русь. *Рускіе на Черномъ морѣ и въ Крымѣ*; усмиреніе Крымцевъ. 429.

Кетлеръ самъ начинаетъ воевать. Неудачи его. Походъ Рускихъ. Взятіе Маріенбурга. *Адашевъ въ Ливоніи*. Царь не уважаетъ заступленія Польши. *Взятіе Феллина*. Фирстенбергъ въ плѣну. Тщетныя усилія Кетлера. 434.

Перемѣна Дворскихъ дѣлъ и самого Іоанна. *Удаленіе Сильвестра*. 446.

Гордость Іоанна. Участь Фирстенберга, Дерптскаго Епископа и Ландъ-Маршала Ливонскаго Беля. 447.

Стран.

Смерть Анастасіи. 449.

Измѣненіе Іоанна. Дворская крамола. Быстрый переходъ Царя къ пороку. 452.

Нелѣпыя клеветы на Адашева и Сильвестра. Заочное осужденіе ихъ. Опала друзей Адашева и Сильвестра. 454.

ДОПОЛНЕНІЯ.

къ

V-му и VI-му томамъ.

I. Первоначальный договоръ Русскихъ Государей съ Крымскимъ Ханомъ (Древній Русскій переводъ. — Годъ акта 1473-й. — *Ист. Русск. нар.* т. *V*, стр. 487). 3.

II. Первоначальная грамата Турецкихъ Султановъ къ Русскимъ Государямъ (Древній Русскій переводъ. Годъ акта 1497-й. — *Ист. Русск. нар.* т. *V*, стр. 558). . . 5.

III. Грамата Римскаго Императора, на которой утверждался Петръ Великій, принимая титулъ *Императорскій* (Древній Русскій переводъ. Годъ акта 1514-й.—*Ист. Русск. нар.* т. *VI*). Тутъ-же: *грамата*, которую повезъ къ Императору *первый* Русскій Посолъ, и *другая*, которую пріѣхавшій съ нимъ Посолъ Императорскій вручилъ Русскому Государю (1489, 1490 гг.) 7.

Стран.

IV. Первоначальная грамата Русскихъ Государей къ Королю Французскому (Русскій подлинникъ. Годъ акта. 1519-й. — *Ист. Русск. нар.* т. VI). 15.

V. Первоначальныя сношенія Англіи съ Россіею:

1. Грамата Короля Эдуарда, привезенная Русскому Государю Ричардомъ Чанселоромъ (Русскій переводъ. Годъ акта 1553-й. *Ист. Русск. нар.* т. VI). 16.

2. Грамата Царя Іоанна IV-го къ Англійскому Королю, посланная съ Чанселоромъ (Русскій переводъ. Годъ акта 1554-й—*Ист. Русск. нар.* т. VI). 19.

3. Грамата Короля Филиппа и Королевы Маріи къ Королю Іоанну IV-му (Русскій переводъ. Годъ акта 1555-й — *Ист. Р. н.* т. VI). . . . 22.

VI. Введеніе въ уложеніе *Стоглавнаго Собора*, содержащее въ себѣ рѣчи Царя и порядокъ засѣданій Собора. 25.

VII. Царскія предложенія, для рѣшенія коихъ собранъ былъ Стоглавный Соборъ, и которыя разрѣшилъ и опредѣлилъ онъ общимъ согласіемъ. 47.

VIII. Исчисленіе споровъ о *мѣстахъ* и *почетѣ*, бывшихъ между Русскими воеводами и сановниками въ царствованіе Іоанна IV-го. . 52.

Bayerische Staatsbibliothek München

Стран.

IV. Первоначальная грамата Русскихъ Государей къ Королю Французскому (Русскій подлинникъ. Годъ акта. 1519-й. — Ист. Русск. нар. т. VI). 15.

V. Первоначальныя сношенія Англіи съ Россіею:

1. Грамата Короля Эдуарда, привезенная Русскому Государю Ричардомъ Чанселоромъ (Русскій переводъ. Годъ акта 1553-й. Ист. Русск. нар. т. VI). 16.

2. Грамата Царя Іоанна IV-го къ Англійскому Королю, посланная съ Чанселоромъ (Русскій переводъ. Годъ акта 1554-й—Ист. Русск. нар. т. VI). 19.

3. Грамата Короля Филиппа и Королевы Маріи къ Королю Іоанну IV-му (Русскій переводъ. Годъ акта 1555-й — Ист. Р. н. т. VI). . . . 22.

VI. Введеніе въ уложеніе Стоглаваго Собора, содержащее въ себѣ рѣчи Царя и порядокъ засѣданій Собора. 25.

VII. Царскія предложенія, для рѣшенія коихъ собранъ былъ Стоглавый Соборъ, и которыя разрѣшилъ и опредѣлилъ онъ общимъ согласіемъ. 47.

VIII. Исчисленіе споровъ о мѣстничествѣ и почетѣ, бывшихъ между Русскими воеводами и сановниками въ царствованіе Іоанна IV-го. . 53.

Bayerische Staatsbibliothek

Bayerische StaatsBibliothek
Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Polevoj, Nikolaj Alekseevič,

Istorija russkago naroda

Bd.: 6

Moskva (1833)

Russ. 127 mrx-6
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10783262-9